ВЕСТНИК АРХИВИСТА

VESTNIK ARHIVISTA / HERALD OF AN ARCHIVIST

ISSN 2073-0101

2020
№ 3

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ
JULY–SEPTEMBER

Основан в 1991 г.
Founded in 1991

В ближайших номерах

Исторические памятники правовых предписаний о детоубийстве в Древней Руси и дореволюционной России

Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии во второй половине XVIII – XIX в.

Иностранцы в губернском городе. По документам Смоленской городской думы первой половины XIX в.

Делопроизводство Тобольской духовной консистории по прошениям вдов духовного сословия об определении их просфорнями в XIX – начале XX в.

«Кто останется после этой войны живым, тот будет навсегда счастлив и свободен…» Фронтовой дневник Героя Советского Союза В. Б. Борсоева как источник по истории Великой Отечественной войны

Coming soon

Historical Monuments of Legal Regulations on Infanticide in Ancient and Pre-Revolutionary Russia

Old Believers Sketes and Almshouses of the Novgorod Gubernia in the Second Half of 18th – 19th century

Foreigners in the Provincial City: Documents of the Smolensk City Duma of the First Half of the 19th Century

Records Management of the Tobolsk Spiritual Consistory on Petitions of Widows of the Clergy to Name Them Prosphors in the 19th – early 20th Century

“He, Who Remains Alive after This War, Will Be Forever Happy and Free…” Front-Line Diary of the Hero of the Soviet Union V. B. Borsoev as a Source in the History of the Great Patriotic War

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru
Вестник архивиста.com: www.herald-of-an-archivist.com
Вестник архивиста.TV: www.vestarchive.tv

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И. А. Анфертьев, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Н. Артизов, доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства, г. Москва, Российская Федерация

В. Ю. Афиани, кандидат исторических наук, руководитель учебно-научного центра «Археография» Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

А. Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

З. П. Иноземцева, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

М. С. Исакова, доктор исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор Школы хартий (Сорбонна), г. Париж, Франция

В. П. Козлов, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), г. Москва, Российская Федерация

В. В. Коровин, доктор исторических наук, профессор Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Российская Федерация

Г. Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, декан факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

М. В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизированных систем документационного обеспечения управления Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

С. В. Мироненко, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), г. Москва, Российская Федерация

Е. И. Пивовар, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, президент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

Ю. С. Пивоваров, академик Российской академии наук, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), г. Москва, Российская Федерация

Е. А. Тюрина, кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива экономики (РГАЭ), г. Москва, Российская Федерация

Т. И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Российская Федерация

А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация

А. О. Чубарьян, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

FOUNDER AND PUBLISHER

THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF

I. A. Anfertiev, PhD in History, professor of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

A. N. Artizov, PhD in History, director of the Russian State Archival Agency, Moscow, Russian Federation

V. Yu. Afiani, PhD in History, head of the research and training center "Archeography" of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. B. Bezborodov, PhD in History, professor, rector of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Z. P. Inozemtseva, PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

M. S. Isakova, PhD in History, associate professor at the Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Ch. Kecskeméti, PhD in Philology, professor at the École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V. P. Kozlov, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, leading researcher of the All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russian Federation

V. V. Korovin, PhD in History, professor at the South-West State University, Kursk, Russian Federation

G. N. Lanskoy, PhD in History, associate professor, professor, dean of the Faculty of Document Science and Electronic Archives of the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

M. V. Larin, PhD in History, professor, head of the department of automated systems of document support of management of the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L. N. Mazur, PhD in History, associate professor, head of the department at the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

S. V. Mironenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, scientific director of the State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation

E. l. Pivovar, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, president of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. S. Pivovarov, member of the Russian Academy of Sciences, PhD in Political Sciences, professor at the Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation

E. A. Tyurina, PhD in History, director of the Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation

T. I. Khorkhordina, PhD in History, professor, head of the department of history and structure of archives administration of the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. A. Chernobaev, PhD in History, professor at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

A. O. Chubaryan, member of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, professor, scientific director of the World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

Жабон, Ю. Ж., Дашибалова, Д. В. Типологическое описание медицинских словарей монголоязычных авторов из тибетских фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН и ИВР РАН// Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 651–663. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-651-663 651

Ткаченко, Д. С. Обзор документов военно-разведывательных экспедиций барона Ф. Ф. Торнау на Черноморское побережье Кавказа. 1830-е гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 664–675. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-664-675 664

Кондаков, Ю. Е. Документы о масонстве из архива архимандрита Фотия (Спасского) // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 676–691. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-676-691 676

Котельников, К. Д. Численность русской эмиграции в Берлине 1920-х гг. по германским источникам // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 692–704. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-692-704 692

Головнев, И. А. Этнокультурные сообщества в архивном кино: «За Полярным кругом» Владимира Ерофеева // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 705–718. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-705-718 705

Илизаров, С. С. Архив Академии наук СССР в годы великих испытаний. 1941–1942 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 719–735. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-719-735 719

Научная публикация архивных документов

Лиджиева, И. В. Приказ Главного попечителя калмыцкого народа В. А. Башкирова о порядке ведения делопроизводства по Управлению калмыцким народом. 1892 г. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 736–750. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-736-750 736

Бей, Е. В. «Наш поход к острову должен быть возможно крепче обеспечен». Вклад Г. Д. Красинского в установление суверенитета СССР над островом Врангеля в 1921–1926 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 751–762. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-751-762 751

Исторические исследования

Ефимов, А. А. Строительство великокняжеских резиденций: роль августейших особ при подготовке и проведении церемоний в правление Николая I и Александра II // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 763–773. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-763-773 763

Гагиева, А. К., Гагиев, Н. Н. Научные исследования Европейской части арктических территорий во второй половине XIX – начале XX в. как часть программы модернизации Европейского Севера России // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 774–785. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-774-785 774

Безгин, В. Б., Николашин, В. П. Основные источники по изучению институциональных и социальных аспектов коллективизации черноземной деревни. На материалах региональных архивов 1928–1932 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 786–795. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-786-795 786

Демидова, Е. И., Захаров, А. В., Ефимова, Е. А. Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1930-е гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 796–809. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-796-809 796

Сухова, О. А. Колхозы в практике государственно-политического управления в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 810–823. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-810-823 810

Болокина, Л. А. Продовольственное снабжение населения Калининской области в 1943 г. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 824–835. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-824-835 824

Рупасов, А. И. Организационная подготовка первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР в Ленинграде в октябре 1945 – феврале 1946 г. По документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 836–847. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-836-847 836

Дорохов, В. Ж., Синиченко, В. В. Военно-мобилизационная работа в органах внутренних дел Дальнего Востока. 1962–1970-е гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 848–861. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-848-861 848

Никифоров, Ю. С. Соперники Тольятти: борьба волжских городов за новый автозавод как частный случай регионального лоббизма эпохи позднего социализма // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 862–874. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-862-874 862

Обзоры архивных фондов и коллекций

Корепанов, А. С. Социально-экономическое развитие юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в документах Центрального государственного архива Кировской области // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 875–887. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-875-887 875

Трошина, Т. И. «Бескровная революция» 1920 г. в Архангельске // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 888–904. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-888-904 888

Люди. События. Факты

Гулин, А. С. К вопросу об источниках книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга» // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 905–916. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-905-916 905

Кондратьев, С. В., Кондратьева, Т. Н. Молодой ученый Б. Ф. Поршнев о рабовладельческой формации: по сохранившемуся тексту в Государственном архиве Ставропольского края // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 917–928. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-917-928 917

Музейные и архивные коллекции

Припадчев, А. А. Музей Воронежского церковного историко-археологического комитета. 1900–1917 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 929–939. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-000-000..... 929

Новокрещенных, И. А., Новокрещенных, В. В. Личные дела и личные фонды филологов-зарубежников в архивах Пермского края: преемственность и новаторство // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 940–949. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-940-949 940

Критика и библиография

Казарин, В. Н. Издана история Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. 1839–1904 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 950–959. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-950-959 950

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

ZHABON, Yu. ZH., DASHIBALOVA, D. V. *Tipologicheskoe opisanie meditsinskikh slovarei mongoloyazychnykh avtorov iz tibetskikh fondov TsVRK IMBT SO RAN i IVR RAN* [Typological Description of the Tibetan Medicine Dictionaries by Mongolian and Buryat Authors from the Tibetan Fonds of the COMX of the IMBTS SB RAS and the IOM RAS. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 651–663. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-651-663 651

TKACHENKO, D. S. *Obzor dokumentov voenno-razvedyvatel'nykh ekspeditsii barona F. F. Tornau na Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza. 1830-e gg.* [Review of the Materials of the Baron F. F. Turnau's Military Survey Expeditions on the Black Sea Coast of the Caucasus in the 1830s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 664–675. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-664-675 664

KONDAKOV, Yu. E. *Dokumenty o masonstve iz arkhiva arkhimandrita Fotiya (Spasskogo)* [Documents on Freemasonry from the Archive of Archimandrite Photius (Spassky). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 676–691. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-676-691 676

KOTELNIKOV, K. D. *Chislennost' russkoi emigratsii v Berline 1920-kh gg. po nemetskim istochnikam* [Number of the Russian Emigrants in Berlin of the 1920s according to German Sources. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 692–704. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-692-704 692

GOLOVNEV, I. A. *Etnokul'turnye soobshchestva v arkhivnom kino: "Za Polyarnym krugom" Vladimira Erofeeva* [Ethnocultural Communities in Archival Films: Vladimir Erofeev's "Beyond the Arctic Circle." In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 705–718. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-705-718 705

ILIZAROV, S. S. *Arkhiv Akademii nauk SSSR v gody velikikh ispytanii. 1941–1942 gg.* [Archive of the Academy of Sciences of the USSR in the Days of Great Trials: 1941–42. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 719–735. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-719-735 719

Scientific Publication of Archival Documents

LIDZHIEVA, I. V. *Prikaz Glavnogo popechitelya kalmytskogo naroda V. A. Bashkirova o poryadke vedeniya deloproizvodstva po Upravleniyu kalmytskim narodom. 1892 g.* [The Order of the Chief Trustee of the Kalmyk People V. A. Bashkirov on Records Management Procedure in the Department for the Kalmyk People (1892). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 736–750. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-736-750 736

BEI, E. V. *"Nash pokhod k ostrovu dolzhen byt' vozmozhno krepche obespechen". Vklad G. D. Krasinskogo v ustanovlenie suvereniteta SSSR nad ostrovom Vrangelya v 1921–1926 gg.* ["Our Trip to the Island Should Be as Secure as Possible": G. D. Krasinsky's Contribution to the Establishment of the Sovereignty of the USSR over the Wrangel Island in 1921–26. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 751–762. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-751-762 751

Historical Research

EFIMOV, A. A. *Stroitel'stvo velikoknyazheskikh rezidentsii: rol' avgusteishikh osob pri podgotovke i provedenii tseremonii v pravlenie Nikolaya I i Aleksandra II* [Construction of the Grand Ducal Residences: The Role of August Persons in Preparation and Realization of Ceremonies under Nicholas I and Alexander II. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 763–773. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-763-773 763

GAGIEVA, A. K., GAGIEV, N. N. *Nauchnye issledovaniya Evropeiskoi chasti arkticheskikh territorii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. kak chast' programmy modernizatsii Evropeiskogo Severa Rossii* [Scientific Research in the European Part of the Arctic Territories in the Second Half of the 19th – Early 20th Century as a Part of the North of European Russia Modernization Program. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 774–785. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-774–785 774

BEZGIN, V. B., NIKOLASHIN, V. P. *Osnovnye istochniki po izucheniyu institutsional'nykh i sotsial'nykh aspektov kollektivizatsii chernozemnoi derevni. Na materialakh regional'nykh arkhivov 1928–1932 gg.* [Main Sources for Studying Institutional and Social Aspects of the Black Earth Villages Collectivization: Materials from Regional Archives (1928–32). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 786–795. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-786-795 786

DEMIDOVA, E. I., ZAKHAROV, A. V., EFIMOVA, E. A. *Formirovanie "sovetskogo chelovecheskogo kapitala" v vysshei shkole v 1930-e gg.* [Formation of the "Soviet Human Capital" in the Higher Education in the 1930s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 796–809. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-796-809 796

SUKHOVA, O. A. *Kolkhozy v praktike gosudarstvenno-politicheskogo upravleniya v SSSR na nachal'nom etape Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Kolkhozes in the Practice of State Political Administration of the USSR at the Initial Stage of the Great Patriotic War of 1941–45. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 810–823. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-810-823 810

BOLOKINA, L. A. *Prodovol'stvennoe snabzhenie naseleniya Kalininskoi oblasti v 1943* g. [Food Supply of the Kalinin Region Population in 1943. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 824–835. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-824-835 824

RUPASOV, A. I. *Organizatsionnaya podgotovka pervykh poslevoennykh vyborov v Verkhovnyi sovet SSSR v Leningrade v oktyabre 1945 – fevrale 1946 g. Po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Sankt-Peterburga* [Organization of the First Post-War Elections to the Supreme Soviet of the USSR in Leningrad in October 1945 – February 1946: Documents from the Central State Archive of St. Petersburg. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 836–847. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-836-847 836

DOROKHOV, V. Zh., SINICHENKO, V. V. *Voenno-mobilizatsionnaya rabota v organakh vnutrennikh del Dal'nego Vostoka. 1962–1970-e gg.* [Military Mobilization Work in Far East Internal Affairs Agencies: 1962–70 s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 848–861. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-848-861 848

NIKIFOROV, Yu. S. *Soperniki Tol'yatti: bor'ba volzhskikh gorodov za novyi avtozavod kak chastnyi sluchai regional'nogo lobbizma epokhi pozdnego sotsializma* [Tolyatti's Rivals: The Volga Cities Competing for the New Automobile Plant as an Instance of Regional Lobbying in the Late Socialism Era. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 862–874. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-862-874 862

Archival Fonds and Collections Synopsis

KOREPANOV, A. S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie yugo-zapadnykh uezdov Vyatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. v dokumentakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kirovskoi oblasti* [Socio-Economic Development of the South-Western Uezds of the Vyatka Gubernia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in Documents from the Central State Archive of the Kirov Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 875–887. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-875-887 875

TROSHINA, T. I. *"Beskrovnaya revolyutsiya" 1920 g. v Arkhangel'ske* ["The Bloodless Revolution" of 1920 in Arkhangelsk. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista /* Herald of an Archivist, 2020, no. 3, pp. 888–904. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-888-904 888

People. Events. Facts

GULIN, A. S. *K voprosu ob istochnikakh knigi S. V. Maksimova "Sibir' i katorga"* [On the Question of Sources of the S. V. Maksimov's Book "Siberia and Katorga." In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 905–916. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-905-916. 905

KONDRATIEV, S. V., KONDRATIEVA, T. N. *Molodoi uchenyi B. F. Porshnev o rabovladel'cheskoi formatsii: po sokhranivshemusya tekstu v Gosudarstvennom arkhive Stavropol'skogo kraya* [Young Scholar B. F. Porshnev on the Slave Formation: According to the Text Preserved in the State Archive of the Stavropol Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 917–928. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-917-928 917

Museum and Archival Collections

PRIPADCHEV, A. A. *Muzei Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta. 1900–1917 gg.* [Museum of the Voronezh Church History and Archeology Committee: 1900–17. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 929–939. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-929-939 929

NOVOKRESHCHENNYKH, I. A., NOVOKRESHCHENNYKH, V. V. *Lichnye dela i lichnye fondy filologov-zarubezhnikov v arkhivakh Permskogo kraya: preemstvennost' i novatorstvo* [Personal Files and Personal Provenance Fonds of Philologists Studying Foreign Literature in the Archives of the Perm Krai: Continuity and Innovation. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 940–949. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-940-949 940

Criticizm and Bibliografy

KAZARIN, V. N. *Izdana istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya. 1839–1904 gg.* [The History of the Aginsk Steppe Duma in the Documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904) Has Been Published. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 950–959. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-950-959 950

УДК 94(5) (515) (517)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-651-663

Ю. Ж. Жабон, Д. В. Дашибалова
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Типологическое описание медицинских словарей монголоязычных авторов из тибетских фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН и ИВР РАН

Yumzhana Zh. Zhabon, Darima V. Dashibalova
Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation

Typological Description of the Tibetan Medicine Dictionaries by Mongolian and Buryat Authors from the Tibetan Fonds of the COMX of the IMBTS SB RAS and the IOM RAS

Аннотация
Работа посвящена актуальному вопросу источниковедческих исследований – типологии лексикографических сочинений, созданных монгольскими и бурятскими авторами в XVIII–XX вв., в области медицины из тибетских фондов российских книгохранилищ. В статье на основе подходов и методик традиционного источниковедческого и лексикографического анализа содержания, основной тематики этих трудов, терминов, которыми обозначены некоторые из них, выделе-

ны три типа словарей: специальные словари синонимов названий лекарственного сырья, предназначенные для их правильной идентификации; словари-справочники, служащие толковыми глоссариями к «Чжуд-ши» и его комментариям; терминологические словари с медицинской лексикой. Особое внимание уделено рассмотрению отличительных особенностей словарей. Выявлено, что словарный материал всех специальных словарей синонимов монгольских авторов и терминологического словаря «Источник мудрецов», созданных главным образом в XVIII в., расположен по тематическим группам. Слова во всех словарях-справочниках располагаются в том порядке, в каком они встречаются в самих трактатах, к которым они составлены. Все лексикографические работы бурятских авторов (словари Тугулдурова, Суматиратны и Чойдака) имеют алфавитное расположение словарного материала. В «Чжуд-ши-дуйминг» и словаре Ишдорджа все монгольские эквиваленты даны тибетскими литерами. Исследование показывает, что систематизация словарей монголоязычных авторов по трем типам (по их тематике, базовым терминам, основным принципам составления словарей определенного жанра) позволяет проследить преемственность индо-тибетской лексикографической традиции в Монголии и Бурятии, а также указывает на весомый вклад бурятских ученых в развитие общей лексикографии Тибета (алфавитный принцип составления словарей). Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях по созданию надежной системы классификации и типологии традиционных лексикографических работ по тибетской медицине.

Abstract

The paper offers an analysis and a classification of lexicographic works on Tibetan medicine compiled by Mongolian and Buryat authors in the 18–20th centuries. The analysis of main topics of these works and of their terminology allow us to distinguish three types of dictionaries: (1) specialized *mngon brjod* dictionaries of synonyms of Tibetan materia medica compiled for their correct identification; (2) bilingual and monolingual *bsdus ming* glossaries that contain explanations of words and concepts of the *rgyud bzhi* and commentaries; and (3) general and terminological *brda yig* dictionaries with medical lexicons. Particular attention is paid to distinctive features of these dictionaries. The study reveals that words in all thesauruses compiled by Mongolian authors and in the terminological dictionary *dag yig mkhas pa'i 'byung gnas* (18th century) are arranged by thematic groups. The words in all *bsdus ming* glossaries are limited to the lexis used in one particular treatise and arranged in order in which they

occur in the text. All lexicographical works compiled by Buryat authors (dictionaries of Tuguldurov, Sumatiratna, and Choidak) were organized according to Tibetan alphabetical order. In the *rgyud bzhi bsdus ming* and in the dictionary of Ishdorji, all Mongolian equivalents are given in Tibetan letters. The study shows that dividing dictionaries of Mongolian authors in three groups (in accordance with their topic, basic terms, basic principles of compiling dictionaries of a certain genre) allows us to trace the continuity of the Indo-Tibetan lexicographic tradition in Mongolia and Buryatia, and also to demonstrate significant contribution of the Buryat scientists to the development of Tibet lexicography (i.e., alphabetical principle of dictionaries compilation).

Ключевые слова
Исторические источники, медицинская лексикография, тибетско-монгольская лексикография, словари, типология словарей, тибетская медицина.

Keywords
Historical sources, medical lexicography, Tibetan-Mongolian lexicography, dictionaries, dictionary typology, Tibetan medicine.

Тибетские фонды Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ЦВРК ИМБТ СО РАН) и Института восточных рукописей (ИВР РАН) располагают одной из богатейших в мире коллекций книг на тибетском языке, которые требуют систематизированного, хронологического и тематического описания. Отсутствие соответствующих источниковедческих работ превращает обилие текстов, находящихся в тибетских фондах российских академических книгохранилищ, в «мертвый груз». Среди фондовых коллекций имеется большой корпус лексикографических работ по тибетской медицине, в которых в большинстве случаев нет ясного представления об их объеме и разновидностях, не говоря уже о содержании. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть основные произведения в этой области, дать преставление о характере и типах тибетских и монгольских медицинских лексикографических трудов. Для этого необходимо выявить существующие в традиции различные виды словарей, уста-

новить общие принципы их составления и организации материала, выявить особенности базовых терминов, отражающих специфику традиционных знаний и понятий. В связи с этим допустимо утверждать, что сочинения монголоязычных авторов следует рассматривать в контексте индийской и тибетской медицинской лексикографической традиции, к которой они восходят в силу общей буддийской письменной культуры. Известно, что наибольший подъем монгольской лексикографической деятельности в XVIII–XX вв. был связан с широким распространением у монголоязычных народов буддизма с его десятью областями знаний (одной из областей являлась медицина) и необходимостью перевода с тибетского языка соответствующей буддийской литературы с четким определением всех технических терминов и понятий, разработанных в Индии и Тибете.

Анализ лексикографических работ из медицинских коллекций тибетских фондов, их основная тематика, определенные тибетские термины, обозначающие некоторые из них, позволяют выделить три типа словарей: специальные словари по лекарственным средствам, словари-справочники или глоссарии к отдельным текстам, а также общие и терминологические словари с медицинской лексикой. По нашей классификации к специальным словарям относится первый по времени появления тип словаря – словарь синонимов названий лекарственного сырья.

Образцом для составления подобного типа словарей в тибетско-монгольской традиции служил «Вайдья-аштанга-хридая-вритти» индийского ученого Чандрананданы. Данный словарь, составленный к трактату Вагбхаты «Аштанга-хридая-самхита», входит в раздел «Медицина» тибетского буддийского канона «Тенгьюр» и состоит из трех частей. Из них в первых двух представлены перечень синонимов и список названий лекарственных средств. Один экземпляр указанного текста хранится в тибетском фонде ИВР РАН (С-14241). Специальные словари, судя по их основной тематике, были посвящены вопросам идентификации лекарственного сырья. Базовой терминологией для обозначения подобных словарей преимущественно служат такие тибетские выражения, как

нгонджо (*тиб.* mngonbrjod / *санскр.* abhidhāna / *монг.* ilerkei ögülel) – «синоним», *минги-намданг* (*тиб.* ming gi rnams grangs / *санскр.* nāma-paryāya / *монг.* ner-e-yin ǰüyiltoγ-a) – «список синонимов», *менги-минг* (*тиб.* sman gyi ming / *санскр.* bhaiṣajya-nāma / *монг.* em-ünner-e) – «название лекарств» и т. д.

Что касается медицинских словарей монгольских авторов, то, возможно, одним из самых ранних был китайско-тибетский словарь Гун Гомбожава (1690–1750) «Менминг-гьябошенджар» (*smanmingrgyabodshansbyar*), содержащий более 370 названий лекарственных средств, разделенных на восемь тематических разделов. Автор словаря Гун Гомбожав является одним из переводчиков «Тенгьюра» на монгольский язык и составителей терминологического словаря «Источник мудрецов»[1]. При жизни Гун Гомбожав дважды издавал свой словарь. Причем вторую публикацию словаря он предпринял в 1734 г., дополнив и исправив все ошибки, допущенные им в первом издании.

В фондах ЦВРК хранится «Шелкар-мелонг» (БТ 70), написанный Сумпа-кенпо Еше Пелджором (1704–1788). Трактат считается одним из первых крупных медицинских работ монгольских ученых. Первая часть, «Шелкар-мелонг», занимающая значительный объем сочинения, представляет собой словарь синонимов лекарственного сырья. Эта часть состоит из двух разделов. В первом раскрываются сокращенные или иносказательные названия лекарственных сборов, а во втором дается список синонимов для каждого растения по отдельности.

Известен подобный словарь, созданный в 1867 г. настоятелем Агинского дацана Галсан-Жимбой Тугулдуровым (1808–?). Словарь называется «Разъяснение синонимов названий лекарственных средств, упоминаемых в медицинских трактатах» (*man gzhung bshad pa'i sman rnams kyi mngon brjod rnams bkrol ba*). Два экземпляра этого словаря Агинского издания хранятся в тибетском фонде ИВР РАН (В 7654, Nova 390; В 7838, Nova 1030). В качестве гнездовых слов в словаре написаны крупным шрифтом по-тибетски санскритские или тибетские редко употребляемые названия лекарственных средств. Мелким шрифтом дается основное общепринятое

название. Имеются пояснения и ссылки на разнописи в других источниках. Словарь Тугулдурова построен по тибетскому алфавитному принципу.

В XIX – начале XX в. появились словари-справочники, в которых собраны трудные для понимания термины из тибетского канона «Чжуд-ши», называемого «коренным текстом», а также из других медицинских трактатов, служащих главным образом комментариями к нему[2]. Словари-справочники монголоязычных авторов бывают двух разновидностей: тибетско-монгольские и тибетско-тибетские. В их названиях преимущественно встречаются такие обозначения, как *дуйминг* (*тиб.* bsdusming или btusming / *монг.* tegübürineres, tügemelneres/ *букв.* «отобранные слова», «собрание терминов»), *дадро* или *дадол* (*тиб.* brda bkrol / *монг.* tayiluγsan üges/ *букв.* «раскрытые слова», «толкование терминов»), *ганедро* (*тиб.* dka' gnas bkrol / *монг.* tayiluγsanberke üges/ *букв.* «раскрытые трудные места»), *ганде* или *гандил* (*тиб.* dka' 'grel / *монг.* berke ügestayilburi / *букв.* «объяснение трудных слов») и т. д.

Ярким примером словаря *дуйминг* служит «Чжуд-ши-дуйминг» – двуязычный словарь из четырех частей, каждая из которых имеет собственный заголовок. Полное название этого словаря, хранящегося в фондах ИВР РАН (В 7802, Nova 846-949), звучит как «Экстракт нектара, радующий мудрых» – собрание некоторых терминов из «Чжуд-ши» (*rgyud bzhi'i bsdus ming 'ga' zhig phyogs gcig tu bstus pa blo gsal dga' bskyed bdud rtsi'i nying khu*). Здесь монгольские слова записаны тибетскими буквами. К разрозненным томам «Чжуд-ши» были составлены отдельные тибетско-монгольские словари *дуйминг*. Авторство этих словарей не установлено.

В монгольской медицинской лексикографической традиции встречаются и тибетско-тибетские словари *дуйминг* к «Чжуд-ши», написанные монгольскими учеными. Так, в фондах ЦВРК (БТ 49; БТ 76) наличествуют два экземпляра «Шинре-селве-мелонг» (*dpal ldan rgyud bzhi'i btus ming bzhin ras gsal ba'i me long*), написанного на тибетском языке Ёндон-*маарамбой* (XIX в.). Кроме того, в тибетских фондах ЦВРК (ТТМ-207) и ИВР (В 9046) хранится знаменитый словарь «Намгьял-аруре-тренва» (*rgyud bzhi'i brda bkrol rnam rgyal a ru*

ra'i phreng ba'i mdzes rgyan), составленный в начале XX в. Лунрик Дандаром (1835–1915). В нем даны подробные разъяснения медицинских, буддийских терминов и выражений всех 156 глав «Чжуд-ши». Причем строго в том порядке, в каком они встречаются в тексте.

Как выше отмечалось, словари *дуйминг* составлялись не только к «коренному тексту», но и к некоторым важным трактатам, комментирующим его. Одним из таких текстов был «Лхантаб», написанный Деси Сангье Гьяцо (1653–1705) в виде дополнения, комментария к третьему тому «Чжуд-ши», который пользовался чрезвычайной популярностью среди врачей Тибета, Монголии и Бурятии. Здесь следует указать на два словаря к «Лхантабу», имеющиеся в тибетском фонде ИВР РАН (B 9046; B 7817, Nova 830). Первый принадлежит перу вышеупомянутого Лунрик Дандара и называется «Лхантабкьи-ганедро» (*man ngag lhan thabs kyi dka' gnas bkrol ba rnams rgyal gser mdog gi phreng ba*). В нем дано последовательное (глава за главой) разъяснение трудных мест всех 133 глав «Лхантаба». Название второго словаря звучит как «Светильник, рассеивающий мрак невежества»: собрание терминов «Тантры наставлений» – [третьего тома] «Чжуд-ши»(*bdud rtsi'i snying po yan lag brgyad pa gsang ba man ngag yon tan rgyud kyi lhan thabs kyi bsdus ming blo mun gsal byed sgron me*). Он более известен под своим кратким названием – «Лхантабкьи-дуйминг», его автор предположительно монгольского происхождения. К трактату монгольского автора Лувсанчойнпила (XIX в.) «Чету-ньиннор», состоящего из 121 главы, был составлен небольшой словарь *дуйминг*, называемый «Чету-ньинноргьи-дуйминг» (*sman gzhung gces btus snying nor gyi bsdus ming yig chung nor bu'i 'phreng ba*), и один его экземпляр хранится в фонде ИВР РАН (B 7802, Nova 845).

Наряду с первыми двумя типами словарей медицинская терминология входила также и в состав многих терминологических, общелексических словарей. Прежде всего следует указать на известный тибето-монгольский терминологический словарь «Источник мудрецов», о котором упоминалось выше. Он составлен в 1742 г. и содержит лексику десяти классических буддийских наук. В пятом разделе «Источника муд-

рецов» под заголовком «Медицина» представлены основные термины «Чжуд-ши», которые расположены по тематическим группам: причины и симптомы основных заболеваний, названия болезней, названия лекарственных средств. В частности, один из рукописных экземпляров раздела «Медицина» хранится в медицинской коллекции ЦВРК (ТТМ-184).

Тибетско-монгольские общелексические словари монголоязычных авторов различаются как по объему содержащихся в них медицинских терминов, так и по подаче всего лексического материала, организации словарных статей. Некоторые из них уже опубликованы, но для полноты репрезентативности лексикографических работ монголоязычных авторов важно упомянуть словарь Ишдорджа[3], где все монгольские эквиваленты даны тибетскими литерами, тибетско-монгольский словарь Ринчен Номтоева или Суматиратны (1820–1907), тибетско-тибетский словарь бурятского *геше* Чойдака (1898–1972). Как правило, все эти словари обозначаются тибетскими терминами *дайиг* (*тиб*. brda yig / *монг*. dokiyan-u bičig, toli bičig / *букв*. «записи терминов») или *тейи* (*тиб*. dag yig / *монг*. jüb bičig / *букв*. «правописание», «орфография»).

Если кратко остановиться на работах бурятских лексикографов, то словарь Суматиратны называется «“Лампадка, рассеивающая тьму” – тибетско-монгольский словарь с толкованиями слов, выражений и их смысловых значений»[4]. Словарь был составлен в 1877 г. и содержит более 2500 словарных статей, организованных в тибетском алфавитном порядке. В свое время академик Ц. Дамдинсурэн выделял его как «самый лучший и полный из всех ныне существующих тибетских словарей»[5]. Действительно, труд Суматиратны, как одна из наиболее важных публикаций XIX в. в области традиционных монгольских лексикографических работ, до сих пор широко используется и остается самым полным и авторитетным словарем.

В словаре Суматиратны медицинские термины, наряду с другими статьями, представлены не только монгольскими эквивалентами тибетских медицинских терминов (к некоторым из них даны санскритские эквиваленты в тибетской графике), но и устойчивыми выражениями (иногда с поясне-

ниями). Словарный материал подан преимущественно в двух видах – в сжатой или развернутой форме. Между тем следует подчеркнуть, что, несмотря на всю свою полноту в плане охвата лексики и внушительность размера, в словаре Суматиратны отсутствуют многие ключевые термины для данной медицинской традиции.

Словарь *геше* Чойдака[6] называется «Разъяснение смысла слов и словосочетаний»[7]. Словарь был завершен им в 1946 г., но ксилография была осуществлена только в 1949 г. Впоследствии, в 1957 г., словарь был издан в европейском книжном формате уже с китайскими эквивалентами. Важно подчеркнуть, что словарь *геше* Чойдрака был первым словарем в современном Тибете, составленным по алфавитному принципу.

Анализ медицинских словарей позволяет сделать некоторые выводы и подчеркнуть их отдельные особенности. Во-первых, словарный материал всех словарей синонимов монгольских авторов и терминологического словаря «Источник мудрецов», созданных главным образом в XVIII в., расположен по тематическим группам. В целом из традиционных словарей синонимов выделяется лишь словарь Тугулдурова, имеющий алфавитный принцип построения. Отсутствие в ранних тибетских словарях алфавитного порядка некоторые исследователи объясняют сложностью графической структуры тибетского слога. Как известно, тибетский алфавит слоговый и состоит из 30 букв-слогов. Первая буква не всегда является корневой или читаемой, она может иметь различные комбинации из приписных, вторичных приписных, префиксальных, подписных и надписных графем, что, возможно, вызывало определенные трудности у лексикографов прошлого. В современных же тибетских словарях «все слова располагаются в алфавитном порядке корневых (читаемых) графем, а словарные статьи на одну корневую графему – по степени усложнения производного слога»[8]. Во-вторых, слова во всех словарях-справочниках располагаются в том порядке, в каком они встречаются в трактатах. Возможно, это связано с тем, что в системе буддийского монашеского образования основной акцент делался на запоминание «коренных текстов». На медицинских факультетах, которые назывались *менпа-дацан*,

заучивали наизусть «Чжуд-ши» (особенно первый, второй и четвертый тома), и эти словари-справочники, очевидно, служили в качестве учебного пособия. В-третьих, все лексикографические работы бурятских авторов (словари Тугулдурова, Суматиратны и Чойдака) имеют алфавитное расположение словарного материала, что несомненно свидетельствует об их большом вкладе в традиционную тибетско-монгольскую лексикографию и говорит об их знакомстве с европейской традицией составления словарей (например, с «Тибетско-русским словарем» Я. Шмидта, изданным в 1843 г. в Санкт-Петербурге). В-четвертых, в «Чжуд-ши-дуйминг» и словаре Ишдорджа все монгольские эквиваленты даны тибетскими литерами. Вполне допустимо, что авторы этих словарей недостаточно владели старописьменным монгольским языком. Такое явление часто встречалось среди представителей буддийского духовенства Монголии и Бурятии, на протяжении длительного времени получавших образование в Тибете и владевших тибетским языком значительно лучше, чем родным.

Приведенная выше классификация словарей монголоязычных авторов по трем типам (по их тематике, базовой терминологии, основным принципам составления словарей определенного жанра) свидетельствует о преемственности индо-тибетской лексикографической традиции в Монголии и Бурятии (в рамках единой буддийской культуры). Несмотря на то что в части общей лексики все эти словари в какой-то степени устарели, но для современных исследователей – монголистов и тибетологов – они до сих пор остаются ценным справочным материалом по тибетской медицине. Они служат важнейшим источником сведений о монгольской лингвистической науке XVIII–XX вв. в целом и лексикографической традиции монголоязычных народов в частности.

Примечания

[1] *Пубаев, Р. Е., Дандарон, Б. Д.* Источник мудрецов: Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. – Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 168 с. PUBAEV, R. E., DANDARON, B. D. *Istochnikmudretsov. Tibetsko-mongol'skii terminologicheskii slovar' buddizma* [Sourceforwisemen: Tibetan-Mongolian terminological dictionary of Buddhism. In Russ.]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo. publ., 1968, 168 p.

[2] Словари-справочники *дуйминг* в традиции создавались не только к тибетским медицинским трактатам, но также и к различным другим текстам буддийских наук.

[3] Ye shes rdo rje. Bod skad kyi brda gsar rnying dka' ba sog skad du ka li sum cu'i rim pas gtan la pheb pa'I brda yig mkhas pa rgya mtsho blo gsal mgul rgyan ces bya ba bzhugs so. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliĭn gazar, 1959, Corpus Scriptorum Mongolorum. Tomus IV, 935 p.

[4] Sumatiratna.Bod hor kyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel skron me / Töbed mongγol-un dokiyan-u bičig ner-e üge udqa γurban-I toduraγulun qarangγui-yi arilγaγči ǰula. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliin gazar, 1959, Corpus Scriptorum Mongolorum. Tomus VI, 1241 p. Tomus VII, 1390 p.

[5] *Дамдинсурэн, Ц.* Бурятский пересказ Рамаяны // Исследования по восточной филологии. – М.: ГРВЛ, 1974. – С. 64–88. DAMDINSUREN, Ts. *Buryatskii pereskaz Ramayany* [Buryat retelling of the Ramayana. In Russ.]. IN: *Issledovaniya po vostochnoi filologii* [Studies in Oriental Philology. In Russ.]. Moscow, GRVLpubl., 1974, pp. 64–88.

[6] *Геше* Чойдак – бурят по происхождению, еще в 1920-х гг. оставшийся жить в Тибете после обучения в монастыре Сера.

[7] Dge bshes chos grags. brda dag ming tshig gsal ba. Beijing: Nationalities Publishing House, 1957, 782 p.

[8] *Парфионович, Ю. М.* Тибетский письменный язык. – М.: Наука, 1970. – С. 40. PARFIONOVICH, Yu. M. *Tibetski pis'mennyi yazyk* [Tibetan written language.In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1970, p. 40.

Список литературы

Дамдинсурэн, Ц. Бурятский пересказ Рамаяны // Исследования по восточной филологии. – М.: ГРВЛ, 1974. – С. 64-88.

Парфионович, Ю. М. Тибетский письменный язык. – М.: Наука, 1970. – 184 p.

Пубаев, Р. Е., Дандарон Б. Д. Источник мудрецов: Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. – Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 168 с.

Dge bshes chos grags. brda dag ming tshig gsal ba. Beijing: Nationalities Publishing House, 1957, 782 p.

Sumatiratna. Bod hor kyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel skron me / Töbed mongγol-un dokiyan-u bičig ner-e üge udqa γurban-I toduraγulun qarangγui-yi arilγaγči ǰula. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliin gazar, 1959, Corpus Scriptorum Mongolorum. Tomus VI, 1241 p. Tomus VII, 1390 p.

Ye shes rdo rje. Bod skad kyi brda gsar rnying dka' ba sog skad du ka li sum cu'i rim pas gtan la pheb pa'I brda yig mkhas pa rgya mtsho blo gsal mgul rgyan ces bya ba bzhugs so. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliĩn gazar, 1959, Corpus Scriptorum Mongolorum. Tomus IV, 935 p.

References

DAMDINSUREN, Ts. *Buryatskii pereskaz Ramayany* [Buryat retelling of the Ramayana. In Russ.]. IN: *Issledovaniya po vostochnoi filologii* [Studies in Oriental Philology. In Russ.]. Moscow, Nauka, GRVL publ., 1974, pp. 64–88.

PARFIONOVICH, Yu. M. *Tibetskii pis'mennyi yazyk* [Tibetan written language.In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1970, 184 p.

PUBAEV, R. E., DANDARON, B. D. *Istochnik mudretsov. Tibetsko-mongol'skii terminologicheskii slovar' buddizma* [Source for wise men: Tibetan-Mongolian terminological dictionary of Buddhism. In Russ.]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo publ., 1968, 168 p.

Dge bshes chos grags. brda dag ming tshig gsal ba. Beijing: Nationalities Publishing House, 1957, 782 p.

Sumatiratna. Bod hor kyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel skron me / Töbed mongγol-un dokiyan-u bičig ner-e üge udqa γurban-I toduraγulun qarangγui-yi arilγaγči ǰula. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliin gazar, 1959, Corpus Scriptorum Mongolorum. Tomus VI, 1241 p. Tomus VII, 1390 p.

Ye shes rdo rje. Bod skad kyi brda gsar rnying dka' ba sog skad du ka li sum cu'i rim pas gtan la pheb pa'I brda yig mkhas pa rgya mtsho blo gsal mgul rgyan ces bya ba bzhugs so. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliĩn gazar, 1959, Corpus Scriptorum Mongolorum. Tomus IV, 935 p.

Сведения об авторах

Жабон Юмжана Жалсановна, кандидат исторических наук, Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Центр восточных рукописей и ксилографов, старший научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-950-380-17-51, yumzhan@gmail.com

Дашибалова Дарима Владимировна, кандидат филологических наук, Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Центр восточных рукописей и ксилографов, старший научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, +7-902-565-94-00, dardash3@gmail.com

About the authors

Zhabon Yumzhana Zhalsanovna, PhD in History, Institute for Mongolian, Buddhist' and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, senior researcher, Ulan-Ude, Russian Federation, +7-950-380-17-51, yumzhan@gmail.com

Dashibalova Darima Vladimirovna, PhD in Philology, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, senior researcher, Ulan-Ude, Russian Federation, +7-902-565-94-00, dardash3@gmail.com

В редакцию статья поступила 12.04.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Жабон, Ю. Ж., Дашибалова, Д. В. Типологическое описание медицинских словарей монголоязычных авторов из тибетских фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН и ИВР РАН // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 651–663. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-651-663

Submitted 12.04.2019, published (for citation):

ZHABON, Yu. ZH., DASHIBALOVA, D. V. *Tipologicheskoe opisanie meditsinskikh slovarei mongoloyazychnykh avtorov iz tibetskikh fondov TsVRK IMBT SO RAN i IVR RAN* [Typological Description of the Tibetan Medicine Dictionaries by Mongolian and Buryat Authors from the Tibetan Fonds of the COMX of the IMBTS SB RAS and the IOM RAS. InRuss.]. IN: *Vestnikarhivista / HeraldofanArchivist,* 2020, no. 3, pp. 651–663. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-651-663

УДК 947(470.6)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-664-675

Д. С. Ткаченко
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Российская Федерация

Обзор документов военно-разведывательных экспедиций барона Ф. Ф. Торнау на Черноморское побережье Кавказа. 1830-е гг.

Dmitry S. Tkachenko
North-Caucasus Federal University, Stavropol,
Russian Federation

Review of the Materials of the Baron F. F. Turnau's Military Survey Expeditions on the Black Sea Coast of the Caucasus in the 1830s

Аннотация
В статье анализируется комплекс документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива, возникших во второй половине 1830-х гг. во время экспедиций, совершенных офицером российского Генерального штаба Федором Федоровичем Торнау на Черноморское побережье Кавказа, лежавшего вне зоны имперского контроля. Несмотря на то что его деятельность среди черкесских племен является ярким примером военно-разведывательного изучения этнических культур имперскими властями, а мемуары, опубликованные автором в 1864 г., занимают видное место среди источников для описания военно-политической истории региона, непосредственные материалы самой разведки до сих пор не получили освещения в современном кавказоведении. Статья соотносит сведения, внесенные Ф. Ф. Торнау в секретные отчеты с тем, что было им опубликовано позднее, позволяет сравнить его действия со стратегическими установками имперских властей, а также выявить круг вопросов, волновавших как командование Кавказской армии, так и высшее руководство страны в период эскалации российско-горского противостояния во второй половине 1830-х гг. Материалы,

собранные Ф. Ф. Торнау, не только позволяют уточнить отдельные аспекты его деятельности, но и показывают технологию организации ведения российской военной разведки на неизведанных этнических территориях, говорят о высокой эрудиции и незаурядной подготовке кандидатур, отбиравшихся командованием для разведывательной миссии из числа офицеров имперского Генерального штаба. Переписка, возникшая между руководством Кавказской армии и центральными властями в Петербурге по вопросам пленения разведчика, показывает их разное понимание механизмов выстраивания российско-горских отношений. Автор приходит к выводу, что богатые материалы топографического, естественно-научного, этнографического и политико-культурного характера, включенные российским разведчиком в отчеты, не только знакомили российскую сторону с регионом, но и могли объективно стать основой для пересмотра руководством страны силового подхода к инкорпорации Кавказа в состав империи, однако высшее руководство страны не реализовало открывавшуюся политическую альтернативу.

Abstract

The article analyses the corpus of documents from the fonds of the Russian State Military History Archive, formed in the 1830s follwing the General Staff officer Feodor Turnau's expeditions to the Black Sea coast zone, which lay outside the Imperial control. Although his activities among the Circassian tribes can be termed one of the best Russian secret scouting missions and his memoirs published in 1864 are still considered an important source for studying the military and political history of the region, materials and reports of the survey missions have never been examined in modern Caucasus studies. The author compares the data included by Turnau in his secret reports to the Imperial authorities with what he mentioned in his memoirs. It shows which issues the Imperial authorities and the Caucasus Army command were interested in during the Russo-highlanders confrontation of the second half of the 1830s. The materials collected by F. F. Turnau can be useful not only in terms of clarifying certain aspects of his personal activities, but also in demonstrating the running of secret survey scouting in unexplored and dangerous ethnic territories off the Imperial frontier. They show high erudition and good training of the candidates selected from the ranks of the General Staff officers to run these scouting missions. The correspondence of the Caucasus Army commander with the central authorities in St. Petersburg on the issue of Turnau's captivity shows differences in their understanding of the Russo-Caucasus relations. The author comes to the conclusion that the corpus

of collected materials on topography, ethnography, political and cultural description of the Transkubanian region peoples could have formed a basis for a revision of the Imperial stand on the subjugation of tribal groups. Although this political alternative was missed, the materials collected by Turnau became a precious addition to the Caucasus studies source base.

Ключевые слова
Военно-разведывательное изучение Кавказа, военно-статистические описания, этнокультурные обозрения, исторические источники, архивные документы, Генеральный штаб, квартирмейстерство.

Keywords
Military survey of the Caucasus, military statistics, ethnocultural descriptions, historical sources, archive documents, General Staff, Quartermastership.

Офицер Генерального штаба Федор Федорович Торнау стал одним из выдающихся деятелей 1830-х гг., внесших значительный вклад в интеллектуальное освоение Россией земель Северо-Западного Кавказа. Его роль в развитии отечественного кавказоведения отмечали многие отечественные и зарубежные авторы – как современники исследователя, так и последующие историки[1]. Офицер написал серию мемуаров, которые в 1864 г. были изданы и благодаря литературному таланту автора остаются ярким источником по военно-политической истории Кавказа. Однако, как все источники личного происхождения, мемуары субъективны, что следует учитывать при обращении к ним.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) хранит коллекцию документов обзорного, отчетного и делопроизводственного характера, возникших в ходе проведения Ф. Ф. Торнау разведывательных экспедиций. Они лишены эмоциональной составляющей мемуаров, фиксируют сведения, которые автор скрыл от читательской аудитории.

Часть документов проходила по линии квартирмейстерства. Отчеты о продвижении в горах во время первых двух экспедиций офицер отправлял обер-квартирмейстеру Отдельного Кавказского корпуса Х. Х. Ховену, который передавал

сведения командиру Отдельного Кавказского корпуса, а также отсылал регулярные рапорты в Петербург – генерал-квартирмейстеру Главного штаба Ф. Ф. Шуберту[2]. В своих мемуарах Ф. Ф. Торнау не упомянул этих фактов.

Обстоятельства своего вовлечения в проект обследования Черноморского побережья Ф. Ф. Торнау объяснял желанием корпусного командира Г. В. Розена «поручить достаточно сведущему офицеру осмотреть тайным образом морской берег»[3]. При этом документы Ховена уточняют, что целью посылки Ф. Ф. Торнау являлась не рекогносцировка мест будущих десантных операций, а обозрение местности для «проложения сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря от Редут-Кале до Анапы, дабы тем совершенно отрезать непокорных горских народов от всякого на них влияния иностранных держав»[4]. Рапорт акцентирует внимание на том, что для реализации проекта было «предварительно необходимо получить топографические и статистические сведения о совершенно еще неизвестных нам странах, для приобретения каковых был избран известный уже своими способностями и предприимчивостью... Генерального штаба поручик барон Турнау, который вследствие возложенного на него поручения, по прибытию своем в Абхазию немедленно занялся изысканием способов к проезду от Гагр к Геленджику для осмотра дорог, пролегающих между сими местами»[5].

Результатом деятельности офицера стала аналитическая справка «Взгляд на настоящее положение Абхазии и русских войск, ее занимающих», датированная 1835 г.[6] Однако деятельность разведчика помогла только уточнить те сведения об Абхазии, которыми уже располагали военные. Более точную информацию о побережье «мирные абхазы» предоставить не могли. «Народ тамошний воинственный и не испытал еще силы Русского оружия, – писал Ф. Ф. Торнау. – Стараясь собрать средства к защите своей, горцы этих мест вместе с тем заботятся и об ограниченности от сношений с Русскими»[7].

В связи с этим офицер предложил план тайного проникновения на неподконтрольную российским войскам территорию, куда он хотел попасть обходным путем. Первой экспедицией Торнау должен был стать переход из Абхазии на

северную сторону Кавказского хребта, а второй – через Закубанье на Черноморское побережье.

Отчеты Торнау показывают разработку им легенды, которая должна была прикрывать его появление среди «немирных» горцев. Первоначально русский разведчик хотел предложить князьям Лоовым «пригласить его к себе в аул для сохранения тайны и перед броситься на него, обезоружить и потом вести как пленного к мысу Адлеру и дальше берегом к Анапе..., а оттуда на Линию и обратно в Абхазию»[8]. Однако позднее разведчик отказался от этого.

Первая экспедиция Ф. Ф. Торнау смогла частично реализовать поставленные командованием задачи. В рапорте генерал-квартирмейстеру Главного штаба Х. Х. Ховен пишет, что разведчик 1 июля 1835 г. «прибыл в Пятигорск после одномесячного пребывания в горах... намерение его ехать через Псу и Ачипсу на другую сторону гор, не могло выполниться, потому, что оно через проводников его сделалось известным жителям помянутых селений. Обстоятельство сие лишило его возможности обозреть дорогу, пролегающею через сии места, и он мог видеть только части оной»[9].

Проводником для второй экспедиции офицера стал «беглый князь Ногайский Карамурзин... Князь сей, дабы отклонить подозрение горцев назвал барона Турнау своим гостем из Чеченцев, коих язык вовсе неизвестен за Кубанью, а предлог поездки к берегу Черного моря объявил продажу невольницы и намерение бежать в Турцию»[10]. Идея выдавать русского офицера за чеченского абрека имела свое преимущество. Образ чеченца – достаточно экзотичный для Северо-Западного Кавказа, объяснял не только незнание местного языка, но и слабое владение татарским, а также маскировал излишний интерес разведчика ко всему, что его окружало.

Ход второй экспедиции Ф. Ф. Торнау к Черноморскому побережью прослеживается по краткому отчету барона Розена перед военным министром Чернышовым[11] и рапорту разведчика – «Подробному описанию проезда с Линии через хребет Кавказских гор и по берегу Черного моря от р. Соче до р. Бзыба в сентябре месяце 1835 года», приобщенному к собранным материалам – «Описанию части Восточного берега

Черного моря от реки Бзыба до реки Саше»[12]. Последний документ отразил многостороннюю деятельность разведчика, который подметил самые разноплановые детали – от топографии мест до особенностей «гражданского быта» горцев. Приводя сведения о дороге, Ф. Ф. Торнау показывал свои знания геологии и минералогии, описывая лесные зоны – знания ботаники, а животного мира – зоологии и орнитологии[13]. Характер используемых горцами в быту тканей навел разведчика на рассуждения о домашних промыслах жителей и особенностях контрабандной турецкой торговли, а жизненный уклад вызвал заключения о типе сельского хозяйства.

Разведчик обладал фотографической памятью: выдавая себя за чеченца, он не мог открыто вести текущие записи – даже факт обнаружения при нем писчих принадлежностей и бумаги грозил разрушить легенду прикрытия. Все вошедшее в рапорт было записано офицером уже по завершении миссии – в ноябре 1835 г. в Тифлисе.

Особое внимание Ф. Ф. Торнау уделил разведке дорог, как ведущих из Закубанья к морю, так и пролегающих вдоль побережья. Тщательное описание всех участков дороги вдоль Черноморского побережья он представил в приложенной к отчету сводной таблице. Ее графы соответствовали тем пунктам, которые командование требовало уточнить: «Места, через которые проходит» дорога, «расстояние» ее участков, «качество дороги», «лес», «вода» и «примечание». В последнем Торнау указывал общий характер местности и давал заключение о ее проходимости[14].

Успех второй экспедиции был отмечен кавказским начальством, которое весь сбор уникальных данных приписывало «благоразумной решительности Турнау, для пользы службы отважившегося на все опасности, неизбежно угрожавшие ему в случае открытия кем-либо из полудиких жителей, что он – переодетый Русский офицер»[15], – писал Г. В. Розен военному министру. Документы отражают высокую оценку собранных материалов Николаем I, который помимо назначения офицеру награды потребовал от командования Кавказской армии продолжать военную разведку и в следующем 1836 г. собрать данные об оставшейся части Черноморского побережья.

Несмотря на то что имя Ф. Ф. Торнау императором прямо не упоминалось, его кандидатура была выдвинута лично Г. В. Розеном, рассчитывавшим на приобретенную «им опытность в отношении с Горцами и познания обычаев и характера сих племен»[16].

Представляется, что организация разведки по старому сценарию являлась грубой ошибкой руководства Кавказской армии. Лицо Ф. Ф. Торнау стало слишком известным в Закубанье, а старая легенда прикрытия не годилась. Новой легенды, судя по отсутствию ее описания как в мемуарах разведчика, так и в делопроизводстве кавказских властей, так и не было придумано.

Обстоятельства своего захвата российский разведчик детально описал в мемуарах[17], где они согласуются с официальным рапортом – «Журналом плена»[18], представленным Ф. Ф. Торнау командованию по возвращении на Линию. Описание деталей пребывания в плену не расходится и с сухим пересказом тех же фактов, изложенных в «Журнале плена». В последнем Ф. Ф. Торнау сконцентрировался на описании тягот своего положения, попыток бегства из плена и анализе политико-идеологической обстановки в Закубанье.

Архивные документы отражают и реакцию на пленение разведчика как кавказской администрации, так и центральных властей. Так, в Петербурге о провале миссии узнали из рапорта генерал-квартирмейстера Ф. Ф. Шуберта[19], а в ходе проведенного расследования выяснилось, что Ф. Ф. Торнау был опознан абреками, шедшими в набег на Линию, что ставило его кабардинского проводника под подозрение в содействии русским. Как пишет Г. В. Розен, «видя, что сия неудача лишила его возможности исполнить взятую на себя обязанность, но желая по крайней мере спасти Штабс-Капитана Турнау, Аслан Гирей ответствовал со смехом, что он действительно взялся провести русского офицера на берег Черного моря, но что он сим только хотел обмануть Генерал-Майора Засса и получить за сего офицера, имеющего значительное состояние богатый выкуп. После сего Барон Турнау был окован цепями, чем Абадзехи и успокоились»[20]. Фактов, полученных командованием через лазутчиков, сам Ф. Ф. Торнау мог и не

знать. Он смотрел на ситуацию глазами пленного и возлагал в мемуарах вину за провал миссии исключительно на начальника Кубанской линии Г. К. Засса, подыскавшего ему ненадежных проводников[21].

Официальные бумаги также содержат переписку по вопросу о выкупе офицера из плена. Они показывают, что камнем преткновения стало требование абреков вернуть зависимых крестьян, которых русские власти освободили после их бегства. Для того чтобы получить крепостных, кабардинцы даже соглашались обеспечить продолжение разведывательной миссии – «доставить сему офицеру возможность исполнить данное ему поручение и обозреть берег Черного Моря»[22]. Для достижения этого предполагалось вернуться к самой первой легенде разведчика – провести его по маршруту в качестве пленного, а затем «вручить Барона Турнау Карамурзину или кому прислано будет»[23]. Эту же версию приводит и сам Ф. Ф. Торнау в его «журнале пребывания в плену»[24].

Г. В. Розен несколько раз требовал от начальства на Линии «принять все меры для скорейшего освобождения» офицера[25], однако его позиция по вопросу о возврате освобожденных крестьян их бывшим владельцам была неизменна: «...никого из крестьян Аслан Гирея и Узденей его, – писал корпусной командир военному министру, – я не буду принуждать переселяться, но если они возвратят Барона Турнау, то тогда позволю переселиться тем из свободных крестьян, которые того пожелают сами»[26].

Попытки бегства из плена, последняя из которых увенчалась успехом, описаны разведчиком в «журнале плена»[27], а факт возвращения на Линию зафиксирован генералом П. Х. Граббе в «журнале военных происшествий», выписку из которого передали квартирмейстеру Генерального штаба Ф. Ф. Шуберту[28]. Сам же Ф. Ф. Торнау был вызван в Петербург, куда он по воле Николая I должен был явиться «по отобрании от сего офицера на Линии всех нужных сведений о положении Горских народов между коими он находился столь долгое время»[29]. При этом, если пребывание офицера в Петербурге вместе с князем Карамурзиным детально описано в мемуарах разведчика[30], то характер сведений, предостав-

ленных им начальству Линии, можно проследить только по архивным документам.

Итогом плена стал «Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря от устья Кубани до устья Ингура», сохранившийся в двух списках[31]. В нем разведчик предлагал делить горские племенные группы по языковому признаку, которая представлена им очень близкой к современному пониманию этноязыковой классификации народов Северо-Западного Кавказа.

Разведчик также привел данные о внутреннем устройстве черкесских племен, выделил ключевые фигуры, опираясь на которые Россия могла бы контролировать жителей Закубанья. Ярче всего зарисовки жизни представлены на примере абадзехов – племени, среди которого Ф. Ф. Торнау провел основную часть своего плена. Он описал территорию расселения, хозяйственный уклад, политическое устройство и адаты этого племени[32].

Итоги разведывательной деятельности Ф. Ф. Торнау были двойственными. Офицер собрал информацию, которая позволяла отказаться от демонизации образа кавказских жителей и могла лечь в основу мирных методов воздействия на живущие в регионе народы. Однако завершающие дело Ф. Ф. Торнау документы показывают, что из всего материала разведки император «усмотрел» только одно: «Снисхождения, оказываемые Абрекам при изъявлении ими покорности, поощряет мирных Закубанцев бежать в горы для хищничества»[33] – и потребовал от нового корпусного командира – Е. А. Головина ужесточить действия по отношению к горцам. Реализация данной программы вызвала новый виток Кавказской войны, а имперской администрации пришлось пройти через полосу поражений первой половины 1840-х гг. для того, чтобы осознать бесперспективность силовых действий и вернуться к широкому изучению народов региона.

Примечания

[1] *Дзидзария, Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М.: Наука, 1976. – 130 с. DZIDZARIYA, G. A. *F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy*

[F. F. Turnau and his Caucasus materials. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1976, 130 p.; *Кеферов, Б., Туганов, Р.* «Правде не изменил... Рассказал как было» // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика Барона Ф. Ф. Торнау. – Нальчик: Изд-во Эль-Фа, 1999. – С. 5–6. KEFEROV, B.; TUGANOV, R. "*Pravde ne izmenil... Rasskazal kak bylo"* ["I haven't corrupted the truth... Told how it all happened." In Russ.]. IN: *Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika Barona F. F. Tornau* [The secret mission of the Russian scout, Baron F. F. Turnau in Cherkessia. In Russ.]. Nalchik, El'-Fa publ., 1999, pp. 5–6; *Wagner, M.* Travels in Persia, Georgia and Koordistan. London, Hurst and Blackett publ., 1856, vol. 1, p. 13; *Колосовская Т. А.* «Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев»: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. // Армия и общество. – 2013. – № 1 (33). – С. 175–182. KOLOSOVSKAYA T. A. *"Skrytnye obozreniya zemel' nepriyaznennykh nam gortsev": razvedyvatel'naya deyatel'nost' rossiiskikh voennykh na Kavkaze v 30-e gg. XIX v.* ["Secret survey of the hostile highlanders' lands": Intelligence activities of the Russian military in the Caucasus in the 1830s. In Russ.]. IN: *Armiya i obshchestvo,* 2013, no. 1 (33), pp. 175–182.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302. Л. 1–10. *Rossiiskii gosudarstvennyi voyenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military History Archive] (RGVIA), fond 846, series 16, file 6302, pp. 1–10.

[3] *Торнау, Ф. Ф.* Воспоминания Кавказского офицера. – М.: Изд-во АИРО-XXI, 2008. – С. 178. TORNAU, F. F. *Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of the Caucasus Officer. In Russ.]. Moscow, AIRO-XXI publ., 2008, p. 178.

[4] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302. Л. 1. RGVIA, fond 846, series 16, file 6302, p. 1.

[5] Там же. Л. 1–1 об. Ibid., pp. 1–1 verso.

[6] Там же. Д. 18509. Ibid., file 18509.

[7] Там же. Л. 7–7 об. Ibid., pp. 7–7 verso.

[8] Там же. Л. 3 об. Ibid., p. 3 verso.

[9] Там же. Л. 9. Ibid., p. 9.

[10] Там же. Л. 14 об. Ibid., p. 14 verso.

[11] Там же. Д. 6302. Л. 14–18 об. Ibid., file 6302, pp. 14–18 verso.

[12] Там же. Д. 18510. Ibid., file 18510.

[13] Там же. Л. 3. Ibid., p. 3.

[14] Там же. Л. 9. Ibid., p. 9.

[15] Там же. Л. 16 об. Ibid., p.16 verso.

[16] Там же. Л. 24–24 об. Ibid., pp. 24–24 verso.

[17] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч. – С. 335–337. TORNAU, F. F., 2008, pp. 335–337.

[18] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 15–23. RGVIA, fond 38, series 7, file 17, pp. 15–23.

[19] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302. Л. 23. Ibid., fond 846, series 16, file 6302, p. 23.

[20] Там же. Л. 32–32 об. Ibid., pp. 32–32 verso.

[21] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч. – С. 324. TORNAU, F. F., 2008, p. 324.

[22] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302. Л. 39. RGVIA, fond 846, series 16, file 6302, p. 39.

[23] Там же. Ibid.

[24] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 19. Ibid., fond 38, series 7, file 17, p.19.

[25] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302. Л. 33–35 об. Ibid., fond 846, series 16, file 6302, pp. 33–35 verso.

[26] Там же. Л. 39. Ibid., p. 39.

[27] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 20–23. Ibid., fond 38, series 7, file 17, pp. 20–23.

[28] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302. Л. 41. Ibid., fond 846, series 16, file 6302, p. 41.

[29] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 1. Ibid., fond 38, series 7, file 17, p. 1.

[30] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч. – С. 424–445. TORNAU, F. F., pp. 424–445.

[31] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 24–47 об.; Ф. 846. Оп. 16. Д. 18511. RGVIA, fond 38, series 7, file 17, pp. 24–47 verso; fond 846, series 16, file 18511.

[32] Там же. Л. 37. Ibid., p. 37.

[33] Там же. Л. 40–40 об. Ibid., pp. 40–40 verso.

Список литературы

Дзидзария, Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М.: Наука, 1976. – 130 с.

Кеферов, Б., Туганов, Р. «Правде не изменил... Рассказал как было» // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика Барона Ф. Ф. Торнау. – Нальчик: Эль-Фа, 1999.– С. 5–6.

Колосовская, Т. А. «Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев»: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. // Армия и общество. – 2013. – № 1 (33). – С. 175–182.

Торнау, Ф. Ф. Воспоминания Кавказского офицера. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 456 с.

Wagner, M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan. – London: Hurst and Blackett publ., 1856. – Vol. 1. – 320 p.

References

DZIDZARIYA, G. A. *F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy* [F. F. Turnau and his Caucasus materials. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1976, 130 p.

KEFEROV, B., TUGANOV, R. "*Pravde ne izmenil...Rasskazal kak bylo"* ["I haven't corrupted the truth... Told how it all happened." In Russ.]. IN: *Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika Barona F. F. Tornau* [The secret mission of the Russian scout, Baron F. F. Turnau in Cherkessia. In Russ.]. Nalchik, El'-Fa publ., 1999, pp. 5–6.

KOLOSOVSKAYA T. A. *"Skrytnye obozreniya zemel' nepriyaznennykh nam gortsev": razvedyvatel'naya deyatel'nost' rossiiskikh voennykh na Kavkaze v*

30-e gg. XIX v. [“Secret survey of the hostile highlanders’ lands”: Intelligence activities of the Russian military in the Caucasus in the 1830s. In Russ.]. IN: *Armiya i obshchestvo,* 2013, no 1 (33), pp. 175–182.

TORNAU, F. F. *Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of the Caucasus Officer. In Russ.]. Moscow, AIRO-XXI publ., 2008, 456 p.

WAGNER, M. *Travels in Persia, Georgia and Koordistan*. London, Hurst and Blackett publ., 1856, vol. 1, 320 p.

Сведения об авторах

Ткаченко Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, Гуманитарный институт, кафедра истории России, профессор, г. Ставрополь, Российская Федерация, 8-906-499-23-64, tkdmsg@rambler.ru

About the authors

Tkachenko Dmitry Sergeevich, PhD in History, associate professor, North-Caucasus Federal University, Humanitarian Institute, Department of Russian History, professor, Stavropol, Russian Federation, +7-906-499-23-64, tkdmsg@rambler.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие».

Grant information

The study has been funded by the Russian Foundation for Basic Research within the frameworks of the research project no. 19-09-00037 “Military specialists in Caucasian studies of the Russian Empire: Historical biographies, research practices, and scientific heritage.”

В редакцию статья поступила 14.11.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Ткаченко, Д. С. Обзор документов военно-разведывательных экспедиций барона Ф. Ф. Торнау на Черноморское побережье Кавказа. 1830-е гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 664–675.doi 10.28995/2073-0101-2020-3-664-675

Submitted 14.11.2019, published (for citation):

TKACHENKO, D. S. *Obzor dokumentov voenno-razvedyvatel’nykh ekspeditsii barona F. F. Tornau na Chernomorskoe poberezh’e Kavkaza. 1830-e gg.* [Review of the Materials of the Baron F. F. Turnau’s Military Survey Expeditions on the Black Sea Coast of the Caucasus in the 1830s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 664–675.doi 10.28995/2073-0101-2020-3-664-675

УДК 93/94
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-676-691

Ю. Е. Кондаков
Российской государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Документы о масонстве из архива архимандрита Фотия (Спасского)

Yuri E. Kondakov
A. I. Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russian Federation

Documents on Freemasonry from the Archive of Archimandrite Photius (Spassky)

Аннотация
В статье впервые вводится в научный оборот аналитическая записка о масонстве, поданная Александру I. В Европе XVIII–XIX вв. существовала обширная антимасонская литература. В России подобные произведения были редки. Крупнейшим российским борцом с масонством считается архимандрит Фотий (Спасский). Его влиянию на Александра I приписывается запрет масонских лож в 1822 г. Фотий был одним из вождей общественного движения русской православной оппозиции. Среди объектов критики движения были и масонские ложи. При этом консолидированного антимасонского выступления так и не состоялось. Сегодня появилась возможность объяснить такую сдержанность оппозиционеров по отношению к масонству. В Российском государственном историческом архиве обнаружено четыре тома документов, принадлежавших архимандриту Фотию. Это материалы 1817–1832 гг. В собрание вошли личные документы Фотия, послания и письма митрополита Серафима (Глаголевского), А. А. Аракчеева, А. С. Шишкова, митрополита Филарета (Дроздова). Многие из этих документов были переданы императору Александру I и повлияли на изменения во внутренней политике. Анонимная записка о масонстве из собрания Фотия вошла в статью в полном объеме, как редкий пример антимасонского послания императору. В записке дается ретроспектива масонского движения в России. Описывается,

какое влияние масоны XVIII в. оказали на масонство XIX в. Большая часть упоминавшихся лидеров движения принадлежала к «Розенкрейцерской» системе масонства (Орден золотого и розового креста). Автор записки уверял императора, что розенкрейцеры действуют в его ближайшем окружении. Назывались имена сенатора И. В. Лопухина, издателя и переводчика А. Ф. Лабзина, Р. А. Кошелева и друга царя – министра А. Н. Голицына. Документы Фотия показывают, что критика масонства не была основным направлением деятельности движения русской православной оппозиции. Среди оппозиционеров были люди, разделявшие идею о существовании всемирного масонского заговора, – С. И. Смирнов, М. Л. Магницкий. В документах архимандрита Фотия упоминания о масонстве очень редки. Во время выступления оппозиционеров в 1824 г. тема масонства была уже не актуальна, так как оно подверглось правительственному запрету в 1822 г.

Abstract

The article introduces into scientific use an analytical note on Freemasonry addressed to Alexander I. In Europe in the 18th – 19th centuries, there was extensive anti-Masonic literature. In Russia, such works were rare. Reputedly, the greatest Russian extirpator of Freemasonry was Archimandrite Photius (Spassky). The ban of Masonic lodges in 1822 is attributed to his influence on Alexander I. Photius was one of the leaders of the social movement of the Russian Orthodox opposition. Among other objects of its criticism were the Masonic lodges. However, a consolidated anti-Masonic action failed to materialize. Now it has been made possible to explain the opposition's restraint in its attitude to Freemasonry. Four volumes of documents belonging to archimandrite Photius have been found in the Russian State Historical Archive. These are the materials from 1817–32. The collection includes personal documents of Photius, messages and letters of Metropolitan Seraphim (Glagolevsky), A. A. Arakcheev, A.S. Shishkov, Metropolitan Filaret (Drozdov). Many of these documents were handed over to Emperor Alexander I and influenced his change of heart in the politics. An anonymous note on Freemasonry from the Photius collection is included in the article in its entirety as a rare example of an anti-Masonic message to the Emperor. The note gives a retrospective of the Masonic movement in Russia. It describes what influence the masons of the 18th century had on Freemasonry of the 19th century. Most mentioned Masonic leaders belonged to the "Rosicrucian" system of Freemasonry (Order of the Golden and Pink Cross). The author of the note assured the emperor that there were Rosicrucians in his

inner circle. He named Senator I. V. Lopukhin, publisher and translator A. F. Labzin, R. A. Koshelev, and the tsar's friend, Minister A. N. Golitsyn. Photius's documents show that criticism of Freemasonry was not the focus of the Russian Orthodox opposition activities. Among the opposition there were people who shared the idea of a worldwide Masonic conspiracy: S. I. Smirnov, M. L. Magnitsky. In Archimandrite Photius's documents references to Freemasonry are very rare. At the time of the opposition's action in 1824, the issue of Freemasonry was no longer relevant, since Freemasonry was subjected to a government ban in 1822.

Ключевые слова
Исторический источник, Российский государственный исторический архив, масонство, русская православная оппозиция, политическая борьба, книгоиздание, антимасонская литература, духовенство, Русская православная церковь.

Keywords
Historical source, Russian State Historical Archive, Freemasonry, Russian Orthodox opposition, political struggles, book publishing, anti-Masonic literature, clergy, Russian Orthodox Church.

В Европе антимасонские произведения стали появляться еще до основания первой Великой ложи в Англии в 1717 г. Современный исследователь Е. Л. Кузьмишин писал, что в 1686 г. доктор права Роберт Плот опубликовал антимасонскую статью в «Естественной истории Стаффордшира». В 1698 г. пастор Винтер впервые обвинил масонов в том, что на их собраниях для совместной молитвы собираются представители различных христианских конфессий. В 1724 г. было опубликовано первое «масонское разоблачение» отступника масона[1]. После Великой французской революции появились утверждения о наличии всемирного масонского заговора с целью уничтожения христианства и монархии.

В России у антимасонской литературы была особая история. Доносы на деятельность масонских лож начали поступать российскому правительству со времен императрицы Елизаветы Петровны. Исследователь А. В. Семека писал, что майор М. Олсуфьев доносил о кружке масонов, в состав которого входили многие лица из русской знати[2]. П. П. Пекарский

указывал, что в 1747 г. по повелению Елизаветы Петровны допрашивали графа Ф. Головина. Его подозревали в связях с прусским королем Фридрихом, в том числе и по масонской линии[3]. Доносы на масонов поступали и Екатерине II. Сама императрица сочиняла пьесы, высмеивающие масонов, которые ставились в театре.

В 1780 г. в России на французском языке вышла в свет книга «Тайна противонелепого общества». В 1784 г. в Санкт-Петербурге были изданы антимасонские произведения «Масон без маски, или Подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями, точно и беспристрастно» и «Мопс без ошейника и без цепи, или Свободное и точное откровение таинств общества, именующагося Мопсами». Это были переводы книг Вильсона Томаса и Габриеля Перо. В 1785–1786 гг. появились три сатирические пьесы Екатерины II – «Обманщик», «Обольщенный» и «Шаман сибирский». При этом произведения, обвинявшие масонов в заговоре с целью уничтожения монархии и церкви, в России стали известны только в XIX в.

Архимандрита Фотия (Спасского, 1792–1838) принято считать крупнейшим в истории России борцом с масонством. С его именем связывалось запрещение масонских лож и тайных обществ в 1822 г.[4] В действительности именем Фотия Александр I прикрыл указ, вызвавший негодование масонов. Тем самым император переложил вину за запрет масонских лож на плечи архимандрита.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) удалось выявить четыре тома документов, которые легли в основу автобиографии Фотия. Они охватывают период 1824–1832 гг. Любопытно, что содержавшийся там материал о масонском движении в России лишь частично был использован в автобиографии. Например, туда не вошла записка о розенкрейцерах. Документы, собранные Фотием (более 438 страниц), содержат материалы о борьбе движения русской православной оппозиции против духовно-религиозной политики Александра I. В первом томе были собраны материалы, относящиеся к обвинению и реабилитации епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия (Смирнова),

борьбе русской православной оппозиции против Библейского общества и сочинениям архиепископа Филарета (Дроздова). Во второй том вошли документы, связанные с борьбой против «вредных» книг и «делом Госснера». В третий том вошли материалы, направленные против сект. Четвертый том был связан непосредственно с деятельностью Фотия в 1825–1832 гг. В собрании находятся документы делопроизводства, послания и переписка Фотия, митрополита Серафима, А. С. Шишкова, А. А. Аракчеева, митрополита Филарета (Дроздова) и других лиц.

Собрание документов Фотия показывает, что среди объектов критики русской православной оппозиции масоны находились на периферии и упоминались в связи с Библейским обществом и книгоизданием. Между тем некоторые участники движения выступали с утверждением о существовании всемирного масонского заговора.

Сторонником идеи всемирного масонского заговора был писатель и переводчик С. И. Смирнов. В своих рукописных книгах те же обвинения он предъявлял российским масонам, издателям «вредных» произведений[5]. Идея всемирного масонского заговора была озвучена в посланиях А. Б. Голицына и М. Л. Магницкого Николаю I в 1831 г. Эти лица в разное время сотрудничали с архимандритом Фотием. Смирнов был связан с Фотием через графиню А. А. Орлову-Чесменскую. Он писал отзыв на проповеди Фотия и посылал ему свои опровержения «вредных книг». Фотий использовал труды Смирнова и при написании автобиографии, и в посланиях императору. Голицын и Магницкий приезжали в монастырь к Фотию в конце 1823 г. и готовили его к выступлению оппозиции весной 1824 г.[6] Несмотря на тесные контакты с конспирологами, внятного описания всемирного масонского заговора ни в посланиях Фотия к Александру I, ни в его автобиографии не содержится. Подобную сдержанность объясняет содержание четырехтомной коллекции документов Фотия, где упоминания о масонстве очень редки.

Масонство фигурирует в первом документе первого тома собрания. Это пояснения Фотия к истории осуждения и реабилитации его учителя епископа Иннокентия (Смирнова).

Фотий писал, что в ходе преобразования духовных училищ «некоторые духовные стали входить в масонские ложи»[7]. Утверждалось, что масонские ложи имели связи с Библейским обществом и масоны туда входили. Говорилось о том, что масоны, так же как карбонарии, имели цель создания всеобщей религии и всеобщего государства. Автор требовал закрыть Библейское общество, так как оно опаснее для церкви и государства больше, чем масоны и карбонарии[8]. Фотий добавлял к записке, что в 1815 г. из Англии под видом распространения Библии от масонов и методистов были присланы в Россию 1 697 агентов. Важно отметить, что в послании Николаю I, отправленном Фотием в 1826 г., масоны не упоминались. Там речь шла о 1 697 агентах методистов[9].

Второй том собрания документов Фотия был посвящен «вредным» книгам. Фотий писал, что такие книги появились со времен Екатерины II: «Новиков особенное в том показал усердие, был заключен в крепость, а другие сообщники подпали суду правительства»[10]. Предлагался список из 44 книг – «Противных Св. Православной Вере Христовой и Правительству, изданных или вторично или вновь с 1817 по 1824 год на российском языке, противу всех законов, прав и постановлений». В списке был раздел «Масонские и магические».

Масонская тема затрагивалась в третьем томе сборника в документе «Иллюминатство есть зловреднейшая и пагубнейшая секта...». Среди других вредных направлений рассматривалась масонская система И. А. Фесслера (1756–1839). Она именовалась «сцеентифической, так называемой Гамбургской системой», ведущей к иллюминатству. Отмечалось, что «пустые ложи менее вредны, но люди при раскрытом Евангелие делают всякие шутки из сих лож попадают в систему Фесслера»[11]. Подобный отзыв мог попасть в сборник документов от М. Л. Магницкого, недолго бывшего членом ложи Фесслера «Полярная звезда». Обнаружено до этого неизвестное послание Магницкого к министру народного просвещения А. С. Шишкову 1825 г. В нем предлагалось запретить более 300 книг, изданных без разрешения духовной цензуры. Книги давались по разделам, в том числе «книги лжемистиков, масонов, каббалистов» (99 наименований). Кроме масон-

ских изданий туда входили и совершенно невинные произведения: «Просвещенный пастух», «Иван слуга», «Обращение молодой крестьянки», «Разговоры матери с детьми» и т. д. Предложение Магницкого о запрете такого количества книг поддержано не было[12].

В третьем томе собрания находился самый большой документ, посвященный масонству. Ему предшествовала короткая записка Фотия «О масонах совершенных антихристах». Фотий писал о том, что около 1776 г. масоны в Европе имели всеобщий конгресс, оттуда приехал Шварц, «московского университета профессор», и открыл в Москве первую масонскую ложу, он умер в Москве около 1780 г. «Сии слова написал в записке о масонстве в 1826 году киевский митрополит Евгений», – указывал Фотий[13]. Среди документов Фотия нет записки митрополита Евгения (Болховитинова), а в других документах сборника лидер московских розенкрейцеров И. Г. Шварц (1751–1784) не упоминается. Таким образом, комментарий Фотия не связан с текстом последующего документа, более того, в документ Фотий вносит уточнения из своего комментария. Это отличает записку о масонстве от всех остальных документов из четырехтомного сборника. Там комментарии Фотия всегда основываются только на тексте комментируемого документа.

«Обозрение от кого особенно, каким образом, когда и через кого возникло общество в России богоборное (приписка Фотия – масонское, антихристианское, сатанинское стадо. –Ю. К.).

Лопухина, Тургенева и Новикова с компанией своей (приписка Фотия – Шварца последованием), первые ересархи в России, клятвенные враги церкви и государства, и под видом набожности все делали: карбонарское их общество потряслось и пало в царствование Екатерины II. Но не исчезло совсем: Лопухин между прочим ускользнул от должного наказания, сему причиной был И. Плещеев тогда игравший свою роль при дворе. Он то после Лопухина еще и на степень значительных господ воззвал, будучи и сообщник его замыслов и патрон. Лопухин попал в число значащих людей. По тогдашней терпимости был образователь Духоборцев: и сходатайствовал и указы к не истреблению их, но к умножению. Зато от всех

проклятие заслужил. Лопухин с компанией своей дабы иметь в своих замыслах сообщников из духовных под видом проповедования слова Божия в новом виде и толке 50 человек он содержал из духовной семинарии на своем иждивении и образовал по своему юношество: знакомством же и частным собеседованием с ним напитывал их ядом своего учения и с терпением ожидал поборников по себе и из самого духовенства. Вот причины отчего и духовные особы наши заражены некоторые и замешены в духе противном благосостоянию Церкви и государства или допущением: хотя духовные особы сего рода и не умны, но восхищали до селе первые степени для действия в том для чего воспитаны были.

Плещеев ведал, что без доступа ко двору кого-либо из своих сообщников, не можно успеть в замыслах своих, сделал после себя через рекомендацию, так сказать приемником, играть роль при дворе, некую особу своей партии, а лучше сказать прямо Кошелева, который с К. (Фотий – Голицыным) наделал то, что и подумать еще не могли Л. и Т.

А кто из 50 духовных воспитанников Л. содружники, ныне на степенях архиерейских и архимандритских именно то связь с Кошелевым и с его шайкой ясно укажет на лица, хотя и не на всех.

Лабзин есть дерзостный поборник карбонарский, враг клятвенный веры и церкви и государства. Сочинениями своими и ложею масонской много он наделал зла.

Карнеев старый друг Л. хитрая и злая голова. Еще жив и участвуют в оном же и другие лица живы. По именам можно видеть записках Лопухина.

Нельзя здесь пройти молчанием и митрополита Михаила. Он был в одной шайке. Правда, что он поотошел от шайки Л. но дух данный при воспитании в нем виден, когда на поток зла смотрел равнодушно; и из скверного человекоугодия допускал книги революционные. Аки стыду Архиерейства он в компании Духовных училищ подписал дело о рассылке книги Воззвание к человекам, по духовным училищам назвал ее полезной. Сказывают в оправдание ему, что он акибы и книги той не читал.

Умолчу о лицах духовных участвовавших во всех мерзостях наводнивших ныне Россию из мирских видов.

Надивиться не можно Лопухину и его последователям как они все случаи и построения в пользу своих замыслов употребляют. Некто Авель монах неизвестно как получил монашество, человек безумный, чародей, распутный бродяга, получил через Лопухина свободу от заточения, дабы свободно мог распространять свое учение: и теперь слышно что еще бредни рассевая масонские бывает в Москве. Бродя же везде пророчит то чего боюсь писать на сей хартии и неудивительно, что имеет такую дерзость. Ибо имеет вид не в монастыре жить, а всегда шататься очень много уже лет. Жаль, что такая терпимость бывает тем, которые прежде во дни благосостояния церкви изнывали в темницах за беззакония.

Лопухин со Штиллингом живя в разных государствах одну тайну составляли. Надобно немедленно обратить внимание на живые лица в печати себя показавшие. Еще Бог милостив к нам можно исправить все, если восхотим, бездна зол откроется, если власти то угодно будет. (Приписка Фотия: «Сия записка была вручена императору в руки, все книги императору Александру вручены для сведения, масоны иллюминаты все раскрыты 12 книг под названием волтерианцы»)[14].

Комментируемая записка состоит из нескольких блоков. В первом из них очень кратко говорится о деятельности Ордена золотого и розового креста при Екатерине II. Среди лидеров ордена пропущен его последний глава Н. Н. Трубецкой, также подпавший под следствие и высланный в деревню.

Упоминающийся С. И. Плещеев не входил в руководство ордена и не получил высоких степеней. Однако именно он позволяет автору записки связать розенкрейцеров с Р. А. Кошелевым и А. Н. Голицыным. В действительности Плещеева, Кошелева и Голицына связывало общее участие в «Авиньонском обществе»[15]. Руководителем группы розенкрейцеров (ложи «Теоретического градуса») был А. А. Ленивцев, входивший в круг Кошелева и Голицына. Их связь установилась также в рамках «Авиньонского общества», вступив в которое Ленивцев с розенкрейцерами порвал. Вообще Кошелев был членом «Дружеского ученого общества», организованного Н. И. Новиковым и И. Г. Шварцем[16]. Ему не нужны были посредники для связи с руководителями розен-

крейцеров, но таких связей Кошелева в XIX в. пока не выявлено.

В основу записки положено влияние масонов на представителей православного духовенства, и это выдает в авторе клирика, которому данная тема близка. Действительно, «Дружеское ученое общество» содержало на своем иждивении восемь учеников семинарии, обучавшихся и в университете. В доме И. Г. Шварца они слушали его лекции на розенкрейцерскую тематику. Некоторые из этих семинаристов были посвящены в масоны. В степень «Теоретический градус» был посвящен будущий митрополит Михаил (Десницкий), позд_ нее наставником московских розенкрейцеров стал священник С. И. Соколов. Вместе с ними на средства «Дружеского ученого общества» обучался будущий митрополит Серафим (Глаголевский).

В «Педагогической» и «Филологической» семинариях «Дружеского ученого общества» обучалось более 40 молодых людей, некоторые из них принадлежали к духовному званию. Из них были посвящены в масоны выпускник Рязанской духовной семинарии М. И. Невзоров (1763–1827) и выпускник Вятской духовной семинарии В. Я. Колокольников (1752–1792). Оба были привлечены к следствию по делу Н. И. Новикова. Семинаристами были и будущие розенкрейцеры П. А. Сохацкий (1764–1809), Д. И. Дмитревский (1758–1848)[17]. Власти обратили внимание на привлечение в масонство лиц из духовного сословия. Екатерина II, начав преследования Новикова, предписывала: «Имена осьми семинаристов нужно знать паче же тех кои постриглись дабы не попали в кандидаты Епархиальные для Епископства»[18].

Почему именно И. В. Лопухин был выставлен как основной воспитатель священников-масонов? Действительно, Лопухин был одном из руководителей Ордена золотого и розового креста, он был привлечен к следствию, но оставлен без наказания. Лопухин заведовал тайной типографией розенкрейцеров. Некоторые книги, изданные там, поступали в продажу. Лопухин был автором нескольких книг, а также записок о своей жизни, рукописно тиражируемых и рассылаемых друзьям. Масонскими можно считать сочинения Лопухина «Нраво-

учительный катехизис истинных франкмасонов», «Духовный рыцарь», «Некоторые черты о внутренней церкви». Лопухин некоторое время являлся духовным наставником митрополита Феофилакта (Русанова) и М. М. Сперанского. При этом автор записки о масонстве не имел полной информации о деятельности Лопухина. Иначе он бы упомянул его воспитанника А. И. Ковалькова (1794–1852), духовидца и алхимика, входившего в окружение А. Н. Голицына и закончившего службу в чине тайного советника[19].

В финале статьи упоминаются как активно действующие, масоны А. Ф. Лабзин и З. Я. Карнеев. Указывается на митрополита Михаила как на бывшего члена сообщества, пропустившего в этой связи «вредную» книгу. Схожее упоминание вошло в книгу Фотия «Житие епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия», написанную в конце 1819 г. Подобные утверждения могут свидетельствовать о том, что записка была составлена еще до запрета масонских лож в 1822 г. Заканчивается статья фантастическими сюжетами о вещем монахе Авеле, использованными в своих целях Лопухиным, и о его связях с писателем И. Г. Юнгом-Штиллингом.

Можно сделать вывод о том, что содержание записки крайне наивно и не содержит важных сведений о масонском движении XIX в. Похоже, ее автор не имел отношения к масонству и не получал сведений из масонской среды. Судя по неоднократному упоминанию духовных лиц, участников масонского движения, автор принадлежал к духовенству. Архаический стиль записки напоминает самого Фотия. Трудно предположить, чтобы этот текст написал ученый митрополит Киевский Евгений (Болховитинов). Очень вероятно, что основой сюжета записки о розенкрейцерах XVIII в. стала «Записка о мартинистах» Ф. В. Ростопчина[20]. При этом ее материал использован неточно и в очень малом объеме. Такое могло бы случиться, если бы содержание записки Ростопчина пересказал по памяти митрополит Евгений, а Фотий на этом основании составил свою записку о масонстве.

Как бы ни был наивен текст записки «Обозрение от кого особенно, каким образом, когда и через кого возникло общество в России богоборное», она дает связную ретроспективу

развития в России масонского движения. После разгрома общества Н. И. Новикова (розенкрейцеров) уцелевшие его члены продолжили деятельность. Через Плещеева и Лопухина было оказано влияние на высшего чиновника А. Н. Голицына. Продолжателями дела розенкрейцеров стали А. Ф. Лабзин, З. Я. Карнаев. В общество активно привлекали представителей православного духовенства. В документах Фотия упоминаются реальные лидеры российских розенкрейцеров И. Г. Шварц, Н. И. Новиков, И. В. Лопухин. Ничего подобного нет в автобиографии Фотия. Там масонство затрагивается эпизодически, как часть общего антихристианского движения.

На основании имевшихся в его распоряжении материалов, а также сюжетов о масонском движении, из своей автобиографии Фотий мог составить вполне реалистический обзор. Само по себе напрашивается соединение масонской издательской деятельности конца XVIII – начала XIX в. Преемственность: Новиков – Лопухин – Лабзин. По документам хорошо прослеживаются связи масонского движения и Библейского общества. На поверхности – сюжеты о вовлечении в масонское движение лиц из православного клира и даже о специальной обработке студенчества из духовенства. Тем более, что сам Фотий участвовал в расследовании дела о вовлечении священника Иова (Куроцкого) в ложу А. Ф. Лабзина. Но этого ни Фотием, ни другими членами движения русской православной оппозиции отмечено не было. Имя Новикова упоминалось в автобиографии всего один раз, о масонстве митрополита Михаила упоминаний не было. Очень кратко говорилось об участии в масонском движении духовных лиц. Любопытно, что в распоряжении русской православной оппозиции было несколько рукописей С. И. Смирнова, посвященных обличению масонства, но они так и не были изданы. Вообще в России в первой половине XIX в. не было издано ни одного антимасонского произведения (кроме перевода «Вольтерианцев» О. Боррюэля). В то же время в конце XVIII в. в России такие произведения издавались.

Русская православная оппозиция декларировала цели защиты церкви и монархического государства. Личности

императоров и верховных иереев для участников движения были неприкосновенны. Тот же Фотий, которого часто осуждают за гордыню и строптивость, всегда покорялся воле своего правящего иерея. В этом случае необходимо вспомнить, что митрополит Петербургский Серафим (Глаголевский) был воспитанником розенкрейцерского «Дружеского ученого общества». Ему должны были быть неприятны и казаться опасными любые упоминания о масонском движении в России XVIII в. и тем более масонство его товарища по обучению и предшественника на кафедре митрополита Михаила.

Четырехтомный сборник документов архимандрита Фотия дает важную информацию для освещения движения русской православной оппозиции. Материалы показывают, что масонство вовсе не было приоритетной целью оппозиционеров. Среди сотен документов коллекции лишь одна записка посвящена масонству, несколько раз оно упоминается в других материалах. Архимандрит Фотий был очень осторожен в своем отношении к масонству. Лишь эпизодически оно упоминалось в его автобиографии.

Отдельные участники движения русской православной оппозиции – С. И. Смирнов, М. Л. Магницкий, выступали с заявлениями о всемирном масонском заговоре, но это была их личная инициатива. Консолидированного антимасонского выступления оппозиционеров не состоялось. Это объясняется тем, что между двумя выступлениями оппозиции, в период спада борьбы, Александр I наложил запрет на деятельность масонских лож и тайных обществ. По этой причине во время выступления оппозиции 1824 г. тема масонства оказалась неактуальной.

Примечания

[1] *Кузьмишин, Е. Л.* Масонство. – М.: Ганга, 2016. – С. 412–414. KUZ'MISHIN, E. L. *Masonstvo* [Freemasonry. In Russ.]. Moscow, Ganga publ., 2016, pp. 412–414.

[2] *Семека, А. В.* Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – № 2. – С. 345. SEMEKA, A. V. *Russkie rozenkreitsery i*

sochineniya imperatritsy Ekateriny II protiv masonstva [Russian Rosicrucians and the works of Empress Catherine II against Freemasonry. In Russ.]. IN: *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya,* 1902, no. 2, p. 345.

[3] *Пекарский, П. П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. – СПб.: Изд-во АН, 1869. – С. 3. PEKARSKII, P. P. *Dopolneniya k istorii masonstva v Rossii XVIII stoletiya* [Additions to the history of Freemasonry in Russia of the 18th century. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo AN publ., 1869, p. 3.

[4] *Кондаков, Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. – СПб.: Изд-во РНБ, 2000. – С. 160–164. KONDAKOV, Yu. E. *Arkhimandrit Fotii (1792–1838) i ego vremya* [Archimandrite Photius (1792–1838) and his time. In Russ.]. Petersburg, Izd-vo RNB publ., 2000, pp. 160–164.

[5] *Кондаков, Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – С. 133–154. KONDAKOV, Yu. E. *Liberal'noe i konservativnoe napravleniya v religioznykh dvizheniyakh v Rossii pervoi chetverti XIX veka* [Liberal and Conservative Orientation in the Religious Movements in Russia in the First Quarter of the 19th Century. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena publ., 2005, pp. 133–154.

[6] *Шильдер, Н. К.* Два доноса в 1831 году // Русская старина. – 1898. – Т. 96. – С. 533. SHILDER, N. K. *Dva donosa v 1831 godu* [Two denunciations in 1831. In Russ.]. IN: *Russkaya starina,* 1898, vol. 96, p. 533.

[7] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 834. Оп. 4. Д. 1220. Л. 1. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 834, series 4, file 1220, p. 1.

[8] Там же. Л. 15–29. Ibid., pp. 15–29.

[9] *Фотий.* Автобиография архимандрита Фотия (Спасского). – СПб.: Историческая книга, 2013. – С. 327. PHOTIUS. *Avtobiografiya arkhimandrita Fotiya (Spasskogo)* [Autobiography of Archimandrite Photius (Spassky). In Russ.]. St. Petersburg, Istoricheskaya kniga publ., 2013, p. 327.

[10] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1221. Л. 2. RGIA, fond 834, series 4, file 1221, p. 2.

[11] Там же. Д. 1222. Л. 17. Ibid., file 1222, p. 17.

[12] Там же. Ф. 735. Оп. 1. Д. 76. Л. 18–33. Ibid., fond 735, series 1, file 76, pp. 18–33.

[13] Там же. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1222. Л. 41. Ibid., fond 834, series 4, file 1222, p. 41.

[14] Там же. Л. 41–42. Ibid., pp. 41–42.

[15] *Кондаков, Ю. Е.* Эзотерическое движение в России конца XVIII – первой половины XIX вв. – М.: Касталия, 2018. – С. 108–160. KONDAKOV, Yu. E. *Ezotericheskoe dvizhenie v Rossii kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX vv.* [The esoteric movement in Russia in the late 18th – first half of the 19th century. In Russ.]. Moscow, Kastaliya publ., 2018, pp. 108–160.

[16] Там же. С. 438. Ibid, p. 438

[17] Там же. С. 476–479. Ibid, pp. 476–479.

[18] *Покровский, В. И.* Николай Иванович Новиков, его жизнь и сочинения. – М.: Книжное дело, 2010. – С. 287–288. POKROVSKII, V. I. *Nikolai Ivanovich Novikov, ego zhizn' i sochineniya* [Nikolai Ivanovich Novikov, his life and writings. In Russ.]. Moscow, Knizhnoe delo publ., 2010, pp. 287–288.

[19] *Кондаков, Ю. Е.* Эзотерическое движение в России конца XVIII – первой половины XIX вв. – М. : Касталия, 2018. – С. 422–432. KONDAKOV, Yu. E., 2018, pp. 422–432.

[20] *Ростопчин, Ф. В.* Записка о мартинистах // Русский архив. – 1875. – № 9. – С. 75–81. ROSTOPCHIN, F. V. *Zapiska o martinistakh* [The Martinist note. In Russ.]. IN: *Russkii arkhiv,* 1875, no. 9, pp. 75–81.

Список литературы

Кондаков, Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. – СПб.: Изд-во РНБ, 2000. – 312 с.

Кондаков, Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). – СПб.: Нестор, 1998. – 224 с.

Кондаков, Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 344 с.

Кондаков Ю. Е. Эзотерическое движение в России конца XVIII – первой половины XIX вв. – М.: Касталия, 2018. – 670 с.

Кузьмишин, Е. Л. Масонство. – М.: Ганга, 2016. – 496 с.

Пекарский, П. П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. – СПб.: Изд-во АН, 1869. – 224 с.

Покровский, В. И. Николай Иванович Новиков, его жизнь и сочинения. – М.: Книжное дело, 2010. – 600 с.

Семека, А. В. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – № 2. – С. 343–400.

Шильдер, Н. К. Два доноса в 1831 году // Русская старина. – 1898. – Т. 96. – С. 517–538.

References

KONDAKOV, Yu. E. *Arkhimandrit Fotii (1792–1838) i ego vremya* [Archimandrite Photius (1792–1838) and his time. In Russ.]. Petersburg, Izd-vo RNB publ., 2000, 312 p.

KONDAKOV, Yu. E. *Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801–1825)* [The religious and religious policy of Alexander I and the Russian Orthodox opposition (1801–25). In Russ.]. St. Petersburg, Nestor publ., 1998, 224 p.

KONDAKOV, Yu. E. *Liberal'noe i konservativnoe napravleniya v religioznykh dvizheniyakh v Rossii pervoi chetverti XIX veka* [Liberal and Conservative Orientation in the Religious Movements in Russia in the First Quarter of the

19th Century. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena publ., 2005, 344 p.

KONDAKOV, Yu. E. *Ezotericheskoe dvizhenie v Rossii kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX vv.* [The esoteric movement in Russia in the late 18th – first half of the 19th century. In Russ.]. Moscow, Kastaliya publ., 2018, 670 p.

KUZ'MISHIN, E. L. *Masonstvo* [Freemasonry. In Russ.]. Moscow, Ganga publ., 2016, 496 p.

PEKARSKII, P. P. *Dopolneniya k istorii masonstva v Rossii XVIII stoletiya* [Additions to the history of Freemasonry in Russia of the 18th century. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo AN publ., 1869, 224 p.

POKROVSKII, V. I. *Nikolai Ivanovich Novikov, ego zhizn' i sochineniya* [Nikolai Ivanovich Novikov, his life and writings. In Russ.]. Moscow, Knizhnoe delo publ., 2010, 600 p.

SEMEKA, A. V. *Russkie rozenkreitsery i sochineniya imperatritsy Ekateriny II protiv masonstva* [Russian Rosicrucians and the works of Empress Catherine II against Freemasonry. In Russ.]. IN: *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya,* 1902, no. 2, pp. 343–400.

SHILDER N. K. *Dva donosa v 1831 godu* [Two denunciations in 1831. In Russ.]. IN: *Russkaya starina,* 1898, vol. 96, pp. 517–538.

Сведения об авторах

Кондаков Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-911-167-03-97, urakon@rambler.ru

About the authors

Kondakov Yuri Evgenievich, PhD in History, associate professor, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, professor, St. Petersburg, Russian Federation, +7-911-167-03-97, urakon@rambler.ru

В редакцию статья поступила 19.04.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Кондаков, Ю. Е. Документы о масонстве из архива архимандрита Фотия (Спасского) // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 676–691. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-676-691

Submitted 19.04.2019, published (for citation):

KONDAKOV, Yu. E. *Dokumenty o masonstve iz arkhiva arkhimandrita Fotiya (Spasskogo)* [Documents on Freemasonry from the Archive of Archimandrite Photius (Spassky). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 676–691. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-676-691

УДК 94(47)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-692-704

К. Д. Котельников
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Численность русской эмиграции в Берлине 1920-х гг. по германским источникам

Konstantin D. Kotelnikov
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

Number of the Russian Emigrants in Berlin of the 1920s according to German Sources

Аннотация
В статье рассматривается вопрос о численности русской эмиграции в Берлине 1920-х гг. Существующие в историографии данные противоречивы, неполны и основаны на использовании несовершенных источников: эмигрантской прессы и публицистики, фрагментарных сообщений международных и благотворительных организаций, не обладавших централизованными системами учета беженцев в Европе. Заинтересованность эмиграции и благотворителей, а также высокая роль Германии и, в частности Берлина как транзитных зон в путешествиях европейцев привели к преувеличениям в оценках численности эмиграции «первой волны». Относительно Германии в 1923 г. звучала цифра в 600 тыс. русских, в Берлине в том же году насчитывали до 300–360 тыс. Огромные числа попали в историографию и до сих пор фигурируют в работах исследователей эмиграции, что препятствует реалистичной оценке масштабов «исхода» из России после 1917 г. в целом и размеров отдельных эмигрантских «колоний» в Европе, изучению их судеб. В статье предпринята попытка уточнения численности эмигрантов в Германии, и в особенности в «Русском Берлине» 1920-х гг. Изучение существующих данных и материалов эмигрантской прессы (газета «Руль») и берлинских архивов (Тайный государственный архив прусского культурного наследия; Федераль-

ный архив Германии) позволяет прийти к выводу, что численность эмиграции в Германии и отдельно в Берлине значительно преувеличивалась современниками. Однако размер эмигрантской колонии в Берлине возможно уточнить благодаря оценкам берлинских полицейских чиновников, занимавшихся надзором за иностранцами. Служебная переписка и публичные интервью сотрудников полиции показывают, что они не предполагали в 1920–1924 гг., что в столице Германии может проживать более 100 тыс. русских эмигрантов (100 тыс. – самая высокая оценка – сделана в марте 1924 г.). Так как полиция занималась регистрацией иностранцев, а ее сотрудники были больше кого бы то ни было информированы о масштабах миграционных потоков, то их данные заслуживают наибольшего доверия.

Abstract

The article analyzes in detail the issue of the number of Russian emigrants in Berlin of the 1920s. The existing data of the historiography is contradictory, incomplete, and based on imperfect sources: emigrant press and journalism, fragmentary reports of international and charitable organizations that didn't have a centralized systems of tracking refugees in Europe. The interest of emigration and the role of Germany and Berlin as a transit zone in European travels led to exaggerated estimates of the number of emigrants of the "first wave." The number of the Russians in Germany in 1923 was proclaimed around 600,000; 360,000 in Berlin. These huge estimates were transferred to historiography and still appear in the works of researchers. This prevents a realistic assessment of the scale of the "Exodus" from Russia after 1917 and of the size of the emigrant "colonies" in Europe. The article attempts to revise the number of emigrants in Germany and especially in "Russian Berlin" of the 1920s. Having studied the materials of the emigrant press (the newspaper *Rul'*) and the Berlin archives (*Geheimes Staatsarchiv* Preußischer Kulturbesitz; Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde), the author comes to a conclusion that the number of emigrants in Germany and in Berlin was significantly exaggerated by the contemporaries. However, the size of the "colony" in Berlin can be revised using estimates of the Berlin police officials involved in the supervision of foreigners. Official correspondence and public interviews of the police officers show that they never assumed that there were more than 100,000 Russians living in the German capital in 1920–24 (this highest estimate was made in March 1924). As the police was engaged in registration of foreigners, its employees were best informed on the scale of migration flow, thus, their data is most credible.

Ключевые слова
Исторические источники, численность русской эмиграции, «Русский Берлин», русская эмиграция в Германии, беженцы, статистика, миграционные процессы.

Keywords
Historical sources, number of Russian emigrants, Russian Berlin, Russian emigration in Germany, refugees, statistics, migration processes.

Немногие современники удерживались от преувеличения численности русских эмигрантов в Европе в 1920-е гг. И. Бунин говорил о 3 млн русских[1], звучали и другие фантастические величины. Историография манипулирует цифрами от 1,5 до 4 млн человек, повторяя небылицы за эмигрантами, – слухами о своей высокой численности они пытались увеличить и свой политический вес. Миф о «массовом исходе» из России превращал их из группы безнадежно оторванных от родины беженцев в «Россию № 2» – альтернативу советской России[2]. Исследовав противоречивые данные эмигрантской прессы о численности русских за границей в 1920-е гг., историк В. И. Хрисанфов заключил, что в действительности «первая волна» едва ли превышала 1 млн человек[3]. Между тем вопрос численности имеет не последнее значение, так как позволяет оценить политический и экономический потенциал эмигрантских сообществ, а также результаты их деятельности. Задача этой статьи – уточнить численность «Русского Берлина», крупнейшего центра эмиграции в начале 1920-х гг., используя как уже рассмотренные историками, так и обойденные вниманием источники.

Преувеличение численности эмиграции характерно для всех эмигрантских центров. Хрисанфов показал, что это происходило и в Германии. Для уточнения числа эмигрантов в этой стране необходимо обратиться к документам наиболее информированных по вопросу миграции чиновников Берлина 1920-х гг. и ввести эти источники в оборот. Но перед этим вкратце рассмотрим существующие данные.

Важное предварительное замечание: под русскими эмигрантами вслед за современниками следует понимать бывших

подданных Российской империи, покинувших Россию после 1917 г. и являвшихся носителями русской культуры, языка и идентичности (так, к русским эмигрантам могли отнести этнических евреев, ассимилировавшихся до 1917 г.). В сообщениях о численности русских, однако, далеко не всегда национальному разнообразию России уделялось внимание. Только в одном случае дается пояснение, кого именно подсчитывали: составители «Statistik des deutschen Reichs», Vol. 401 (Berlin, 1930) указали, что из 250 тыс. бывших граждан России, проживавших в Германии в 1925 г., только 80 тыс. были русскими – все прочие обладали другими идентичностями (так, 63,5 тыс. были евреями и около 59 тыс. – немцами)[4]. В остальных случаях остается гадать, кого понимают под «русскими». Этот фактор также делает данные о численности русских в Германии в течение 1920-х гг. в лучшем случае предположительными, а ошибка может составлять десятки и сотни тысяч людей.

Современники эмигрантов одновременно давали разные оценки. В 1919 г. диапазон называемых чисел еще невелик. Немецко-русское общество содействия взаимной торговле в мае 1919 г. считало, что русских в Германии 60–80 тыс.[5], очевидно, за исключением военнопленных[6]. В конце года Русская делегация по делам военнопленных и репатриантов говорила уже о 100 тыс.[7], что выглядит правдоподобно при учете того, как ближе к завершению Гражданской войны в России рос поток беженцев. В 1920 г. счет пошел уже на сотни тысяч – стали звучать огромные числа в 560 тыс. эмигрантов в Германии, включая военнопленных и проезжающих по данным американского Красного Креста[8] и 400 тыс. по сведениям председателя берлинского Комитета по делам русских беженцев Ф. В. Шлиппе[9]. В дальнейшем разница в оценках возрастала. В 1921 г. некий «Русский центральный офис информации» сообщал о 400 тыс.[10] В то же время Министерство внутренних дел Германии зафиксировало только 50–80 тыс.[11] В начале следующего 1922 г. правительство Германии насчитало уже 250–300 тыс. русских[12], те же данные приводила Лига Наций, а несколько месяцев спустя германское правительство сообщило о 600 тыс.[13] С конца 1923 г. численность русских в Германии резко упала из-за экономического кри-

зиса, стабилизации марки и последовавшей дороговизны, и вскоре называемые числа стали меньше.

1925 г.: 150 тыс. – данные Инспекции по делам беженцев Международной биржи труда в Женеве (МБТ)[14]; 80 тыс. – гос. статистика Германии – Statistik des deutschen Reichs, Vol. 401 (Berlin, 1930). pp. 456–459)[15]; 1926 г.: 400 тыс. – МБТ[16]; 1927–1928 гг. – 150 тыс. – МБТ[17]; 1929–1932 гг.: – нет данных; 1933 г.: 50–60 тыс. – данные Лиги Наций[18]; около 100 тыс. – МБТ[19]; 8 320 человек – газета «Наш век»[20].

Приведенные сведения соответствуют тенденции постепенного оттока русских из Германии с 1924 г. Но, учитывая «разброс» данных, о достоверности их говорить не приходится. Исследователи эмиграции, столкнувшиеся с этой ситуацией, неоднократно отмечали неизбежность повторного счета, отсутствие централизованного учета и заинтересованность отдельных организаций в завышении числа эмигрантов.

К этому можно добавить, что историки эмиграции приводят данные о численности эмиграции в Германии, опираясь в основном на труд Х. Фолькмана, реже – на эмигрантскую прессу[21]. К сожалению, это походит на «свидание вслепую»: неизвестны методики подсчета и источники оценок, сделанных Лигой Наций, германским правительством и русскими общественными организациями.

Несколько лучше ситуация с численностью эмиграции в Берлине. Данные об этом в начале 1920-х гг. сообщала газета «Руль». В ноябре 1920 г. газета писала о 100 тыс. русских в Берлине[22] – по данным Общества помощи русским гражданам. Однако спустя два месяца тот же «Руль» сообщал о 50 тыс. русских в Берлине, без указания источника информации[23]. Еще через несколько недель «Руль» опубликовал уже данные об «около 80 тыс.»[24]. 24 декабря 1921 г. газета «Берлинер Тагеблатт» сообщала, что «как стало известно, общее число русских в Берлине достигло около 100 тыс. человек»[25].

Рост притока иностранцев в 1922–1923 гг. привел к преувеличениям численности русских. По сведениям германского посланника в Копенгагене, Международное общество помощи бесподданным в Берлине считало, что в городе искали убежище 360 тыс. человек[26]. Другая организация – като-

лическая «Папская помощь» (Päpstliche Hilfswerk) – говорила о 300 тыс.[27] Эта цифра запомнилась современникам, а затем перекочевала в работу Х. Фолькмана и других историков.

Ряд исследователей приводит данные о 300 тыс., не сопровождая их критическим комментарием[28], хотя достаточно скептически к ним отнесся уже «Руль», назвав информацию о 300 тыс. русских в Берлине «слухами»[29].

Величина цифр 1923 г. (более 300 тыс.) и неясность их происхождения заставляют в них усомниться. Вместе с тем стоит признать, что, возможно, был прав берлинский студент Вадим Андреев, учитывавший значение Берлина как транспортного узла: «Берлин оказался чем-то вроде узловой станции – куда бы ни стремился русский эмигрант, на некоторое время он задерживался в Германии [...]. Говорили, что русское население Берлина в начале 20-х годов достигало двухсот или даже четырехсот тысяч человек. Меня не удивила бы вторая цифра, если взять период за три года – с 1921-го по 1924-й: кто только не оказывался берлинским жителем хотя бы на короткий срок!»[30] То же отмечал называвший Берлин «караван-сараем» Марк Шагал – через столицу Германии путешествовали. Там могло проездом оказаться до 300 тыс. эмигрантов в течение нескольких лет, но трехсоттысячного «Русского Берлина» никогда не было.

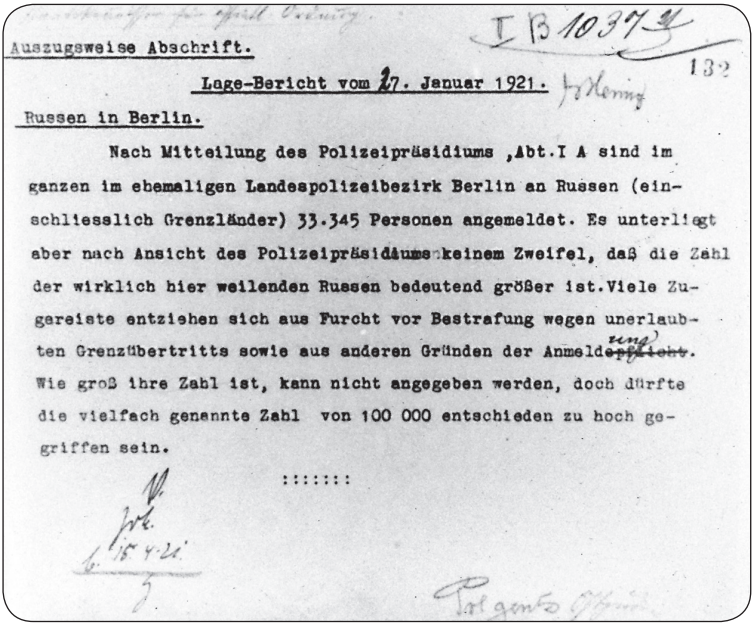
Существуют источники, позволяющие предположить, что число русских, проживавших в Берлине, а не просто побывавших там проездом, вряд ли превышало в 1920-е гг. отметку в 100 тыс. Прежде всего это документы наиболее информированных чиновников города: некоторые из них уцелели и хранятся в Берлине в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия и в Федеральном архиве. Кроме того, ценны и интервью чиновников.

Так как в соответствии с германским законом всякий иностранец обязан был регистрироваться в полиции, полицией учитывались зарегистрированные эмигранты, получившие разрешение на пребывание в городе. Поскольку эмигранты избегали регистрации, данные полиции также неполны. Однако чиновники нуждались в реалистичном представлении о количестве русских и делали соответствующие предпо-

ложения. В феврале 1920 г. прусское министерство внутренних дел, как следует из его служебной переписки, считало, что в Берлине «предположительно, находятся 80 000 русских»[31]. Не сильно изменились оценки и позднее. По материалам того же министерства, в середине ноября 1922 г. майор полиции Вестенбургер и начальник департамента иностранцев (Fremdenamt) берлинской полиции регирунгсрат (Regierungsrat) Вальтер Бартельс в ходе дискуссии «установили, что во всех европейских странах находится примерно 1,5 млн русских беженцев, из них в Германии около 600 000 и в Берлине около 80 000»[32]. Характерно, что даже непосредственно занимаясь учетом иностранцев, точными данными полиция не обладала и ее чиновники дискутировали об их числе. При этом оценки количества русских, основанные на личных наблюдениях чиновников во время службы, сдержанны.

Особенно показательно сообщение полицай-президиума Берлина министерству внутренних дел от 27 января 1921 г.: согласно этому документу[33], полицией Берлина на тот момент было «зарегистрировано 33 345 русских. Однако, на взгляд полицай-президиума, нет сомнений, что число действительно проживающих здесь русских значительно больше. Многие приезжие уклоняются от регистрации из страха перед наказанием из-за неразрешенного перехода границы или по другим причинам. Как велико их количество, невозможно сказать, но часто называемое число в 100 000 однозначно завышено» (“die vielfach genannte Zahl von 100 000 entschieden zu hoch gegriffen...”)[34].

Важно отметить, что имя В. Бартельса неоднократно фигурировало в сообщениях «Руля», – начальник Фремденамта хорошо знал русских и шел на контакт. Вероятно, информация о числе зарегистрированных исходит от занимавшегося регистрацией Бартельса. Надзор за иностранцами он осуществлял и позднее. В марте 1924 г. он дал С. И. Левину (сотруднику «Руля») интервью, в котором отметил, что «мы насчитываем [...] в Берлине 100 тыс. русских»[35]. Указанные Бартельсом 100 тыс. – самая высокая из всех известных нам оценок численности «Русского Берлина», исходящих от заслуживающих доверия источников. Сделанные позднее оценки не могли



Auszugsweise Abschrift.

I B 10374

132

Lage-Bericht vom 27. Januar 1921.

Russen in Berlin.

Nach Mitteilung des Polizeipräsidiums ,Abt.I A sind im ganzen im ehemaligen Landespolizeibezirk Berlin an Russen (einschliesslich Grenzländer) 33.345 Personen angemeldet. Es unterliegt aber nach Ansicht des Polizeipräsidiums keinem Zweifel, daß die Zahl der wirklich hier weilenden Russen bedeutend größer ist. Viele Zugereiste entziehen sich aus Furcht vor Bestrafung wegen unerlaubten Grenzübertritts sowie aus anderen Gründen der Anmeldung. Wie groß ihre Zahl ist, kann nicht angegeben werden, doch dürfte die vielfach genannte Zahl von 100 000 entschieden zu hoch gegriffen sein.

:::::::

Сообщение от 27 января 1921 г.
о 33 тыс. зарегистрированных русских
Lage-Bericht vom 27. Januar 1921 // BArch.
R 1501 Reichsministerium des Innern, Nr. 114050, S. 132

уже превысить 100 тыс. – в то время число русских заметно снижалось. В интервью Бартельс сообщил, что «иностранцы бегут из Германии» из-за роста дороговизны, и в том числе русские. То же самое он говорил в феврале 1924 г.[36]

Никто не мог знать ситуацию точнее, чем чиновники полицай-президиума, наладившие хотя бы несовершенный учет русских, – это позволяло им оценить количество иностранцев более трезво, чем самим иностранцам. Эмигранты же плодили слухи о своем числе чрезвычайно легко. 27 октября 1920 г., т. е. всего за три месяца до сообщения полицай-президиума о 33 345 зарегистрированных русских, председатель Комитета по делам русских беженцев в Германии Ф.

В. Шлиппе заявил на заседании комитета, что «по сведению Полицей-Президиума» в Берлине «насчитывается 200 000» русских[37]. С учетом документа самого полицай-президиума становится очевидно, что данные о 200 тыс. Ф. В. Шлиппе точно получил не от полиции, на которую сослался. Для благотворителей преувеличения характерны: в поиске финансирования они изыскивают все возможные аргументы и высокая численность была одним из них.

Те немногие документы, касающиеся эмиграции, что уцелели в берлинских архивах, показывают, что в отличие от газет и благотворителей городские чиновники в 1921–1924 гг. не предполагали, что русских беженцев в Берлине может быть больше 100 тыс., а цифра в 300 тыс. не упоминалась ими вовсе. И если масштаб преувеличений в оценках числа эмиграции в Германии в целом пока не выяснен, а выделить надежные источники проблематично, то относительно Берлина можно заключить, что наибольшего доверия заслуживают данные полиции 1920–1924 гг. Позднее численность «Русского Берлина» неуклонно снижалась, и сведения о «сотнях тысяч» ушли в прошлое.

Примечания

[1] *Бунин, И.* Миссия русской эмиграции // Руль. – 1924. – 3 апреля. – № 1013. – С. 5–6. BUNIN, I. *Missiya russkoi emigratsii* [Mission of the Russian Emigration. In Russ.]. IN: *Rul'*, April 3, 1924, no. 1013, pp. 5–6.

[2] *Хрисанфов, В. И.* Российский «исход»: мифы и реальность: историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917–1920 гг. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. – С. 6–9. KHRISANFOV, V. I. *Rossiiskii iskhod: mify i realnost': istoriografisheskoe issledovanie o chislennosti "pervoi volny" rossiiskoi emigratsii 1917–1920 gg.* [The Russian "Exodus": Myths and reality: Historiographic research on the number of "the first wave" of the Russian emigration 1917–20. In Russ.]. St. Petersburg, Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo publ., 2014, pp. 6–9.

[3] Там же. С. 44. Ibid., p. 44

[4] *Williams, R. C.* Culture in Exile. Russian Emigres in Germany 1881–1941. Ithaca and London, Cornell University Press, 1972, p. 112.

[5] *Volkmann, Hans-Erich.* Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg, Holzner, 1966, S. 4.

[6] Вопрос численности военнопленных уже подробно освещен в историографии и вынесен за рамки данной статьи. Эмиграцию пополнило незначительное число пленных: в Германии осталось на правах свободных иностранцев 15–20 тыс. бывших военнопленных. *Schlögel K.* Berlin: "Stiefmutter unter den russischen Städten" // Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 237.

[7] *Volkmann, Hans-Erich*. 1966, S. 4.

[8] Ibid., S. 5.

[9] Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. 6007. Оп. 1. Д. 1. Л. 110. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 6007, series 1, file 1, p. 110.

[10] *Ипполитов, С. С., Недбаевский, В. М., Руденцова, Ю. И.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. – М.: СПАС, 1999. – С. 66. IPPOLITOV, S. S., NEDBAEVSKII, V. M., RUDENTSOVA, Yu. I. *Tri stolitsy izgnaniya. Konstantinopol', Berlin, Parizh. Tsentry zarubezhnoi Rossii 1920-kh – 1930-kh gg.* [Three capitals of the Exile: Constantinople, Berlin, Paris: The centers of Russia Abroad of the 1920-30s. In Russ.]. Moscow, 1999, p. 66.

[11] *Volkmann, Hans-Erich*. 1966, S. 5.

[12] Ibid.; Руль. – 1922. – 5 января. – № 345. – С. 3. *Rul'*, January 5, 1922, no. 345, p. 3.

[13] *Volkmann, Hans-Erich*. 1966, S. 5.

[14] *Schlögel, K*. 1994, S. 237.

[15] *Williams, R. C*. 1972, P. 112.

[16] *Rimscha, Hans von*. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena: Verlag der Frommannschen Buchhandlung, 1927, S. X.

[17] *Schlögel, K*. 1994, S. 238.

[18] Ibid.

[19] Ibid.

[20] Ibid.

[21] См., напр.: *Будницкий, О., Полян, А*. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). – М.: Новое литературное обозрение, 2013. BUDNITSKII, O., POLYAN, A. *Russko-evreiskii Berlin (1920–1941)* [Russo-Jewish Berlin (1920–1941). In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2013; *Dodenhoeft B*. Laßt mich nach Rußland heim: russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt am Main, 1993; *Schlögel K.,* 1994; и др.

[22] Руль. – 1920. – 26 ноября. – № 9. – С. 5. Ibid., November 26, 1920, no. 9, p. 5.

[23] Там же. – 1921. – 23 января. – № 56. – С. 5. Ibid., January 23, 1921, no. 56, p. 5.

[24] Там же. – 1921. – 6 марта. – № 92. – С. 5. *Rul'*, March 6, 1921, no. 92, p. 5.

[25] Berliner Tageblatt, 1921, den 24, December. S. 5.

[26] *Volkmann, Hans-Erich*. 1966, S. 5.

[27] Ibid.

[28] См., напр.: *Шлёгель, К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 18. SCHLÖGEL, K. Karl Schloegel. Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, Siedler Verlag, 1998, 368 S. (Russ. ed.: SHLEGEL', K. *Berlin, Vostochnii vokzal. Russkaya emigraciya v Germanii mezhdu dvumya voinami*. Moscow, 2004, p. 18.)

[29] *Хрисанфов, В. И.* Указ соч. – С. 100. KHRISANFOV, V. I., 2014, p. 100.

[30] *Андреев, В.* История одного путешествия // Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В. В. Сорокиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 54. ANDREEV, V. *Istoriya odnogo puteshestviya* [History of one travel. In Russ.]. IN: *Russkii Berlin* [Russian Berlin. In Russ.]. Moscow, 2003, p. 54.

[31] *Geheimes Staatsarchiv* Preußischer Kulturbesitz (GStA PK), I HA Rep. 84a Reichsjustizministerium, N. 15. S. 132.

[32] GStA PK, I HA Rep. 77 Reichsministerium des Innern, Tit. 1811, Nr. 120. S. 70.

[33] Документ представляет собой сообщение, видимо составленное по запросу министерства внутренних дел. Вероятно, подобные запросы направлялись полиции регулярно, но других ответов в архивах автором обнаружено не было.

[34] Lage-Bericht vom 27. Januar 1921 // Bundesarchiv (BArch), R 1501 Reichsministerium des Innern, Nr. 114050, S. 132.

[35] Руль. – 1924. – 9 марта. – № 992. – С. 6. Rul', March 9, 1924, no. 992, p. 6.

[36] Там же. – 26 февраля. – № 981. – С. 5. Ibid., Februar 26, 1924, no. 981, p. 5.

[37] ГАРФ. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 1. Л. 110. GARF, fond 6007, series 1, file 1, p. 110.

Список литературы

Будницкий, О., Полян, А. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 496 с.

Ипполитов, С. С., Недбаевский, В. М., Руденцова, Ю. И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. – М.: СПАС, 1999. – 208 с.

Хрисанфов, В. И. Российский «исход»: мифы и реальность: историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917–1920 гг. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. – 196 с.

Шлёгель, К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 632 с.

WILLIAMS, R. C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany 1881–1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1972, 395 p.

DODENHOEFT, B. Laßt mich nach Rußland heim: russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt am Main: Lang, 1993, 338 S.

RIMSCHA, H. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena: Verlag der Frommannschen Buchhandlung, 1927, 232 S.

SCHLÖGEL, K. Berlin: "Stiefmutter unter den russischen Städten" // Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München: Beck, 1994. S. 234–259.

VOLKMANN, H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg: Holzner, 1966, 154 S.

References

BUDNITSKII, O., POLYAN, A. *Russko-evreiskii Berlin (1920–1941)* [Russo-Jewish Berlin (1920–41). In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2013, 496 p.

IPPOLITOV, S. S., NEDBAEVSKII, V. M., RUDENTSOVA, Yu. I. *Tri stolitsy izgnaniya. Konstantinopol', Berlin, Parizh. Tsentry zarubezhnoi Rossii 1920-kh–1930-kh gg.* [Three capitals of the Exile: Constantinople, Berlin, Paris: The centers of Russia Abroad of the 1920-30s. In Russ.] Moscow, 1999, 208 p.

KHRISANFOV, V. I. *Rossiiskii iskhod: mify i realnost': istoriografisheskoe issledovanie o chislennosti "pervoi volny" rossiiskoi emigratsii 1917–1920 gg.* [The Russian "Exodus": Myths and reality: Historiographic research on the number of "the first wave" of the Russian emigration 1917–20. In Russ.]. St. Petersburg, Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo publ., 2014, 196 p.

SCHLÖGEL, K. Karl Schloegel. Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, Siedler Verlag, 1998, 368 S. (Russ. ed.: SHLEGEL', K. *Berlin, Vostochnii vokzal. Russkaya emigraciya v Germanii mezhdu dvumya voinami*. Moscow, 2004, 632 p.).

WILLIAMS, R. C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany 1881–1941. Ithaca and London, Cornell University Press, 1972, 395 p.

DODENHOEFT, B. Laßt mich nach Rußland heim: russische Emigranten in Deutschland von 198 bis 1945. Frankfurt am Main, Lang, 1993, 338 S.

RIMSCHA, H. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, Verlag der Frommannschen Buchhandlung, 1927, 232 S.

SCHLÖGEL, K. Berlin: "Stiefmutter unter den russischen Städten." IN: Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, Beck, 1994, S. 234–259.

VOLKMANN, H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg, Holzner, 1966, 154 S.

Сведения об авторах

Котельников Константин Дмитриевич, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра истории нового и новейшего времени, аспирант, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-904-602-51-47, kotelnikowk@mail.ru

About the authors

Kotelnikov Konstantin Dmitrievich, St. Petersburg State University, Institute of History, department of modern and contemporary history, post-graduate student, St. Petersburg, Russian Federation, +7-904-602-51-47, kotelnikowk@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, поддержанного РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований, проект № 19-39-90061) и Центром изучения Германии и Европы (СПбГУ, Санкт-Петербург).

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-39-90061) and of the Centre for German and European Studies (St. Petersburg State University, St. Petersburg).

В редакцию статья поступила 7.11.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Котельников, К. Д. Численность русской эмиграции в Берлине 1920-х гг. по германским источникам // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 692–704. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-692-704

Submitted 7.11.2019, published (for citation):

KOTELNIKOV, K. D. *Chislennost' russkoi emigratsii v Berline 1920-kh gg. po nemetskim istochnikam* [Number of the Russian Emigrants in Berlin of the 1920s according to German Sources. In Russ.]. *IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 692–704. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-692-704

УДК 778.5.03.03.с(09)+778.5ср(092)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-705-718

И. А. Головнев
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Этнокультурные сообщества в архивном кино: «За Полярным кругом» Владимира Ерофеева

Ivan A. Golovnev
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation

Ethnocultural Communities in Archival Films: Vladimir Erofeev's "Beyond the Arctic Circle"

Аннотация
На рубеже 1920–1930-х гг. советская кинопромышленность активно выпускала на широкий экран просветительские фильмы о жизни отдаленных регионов страны, открывая зрительской аудитории возможность совершать виртуальные кинопутешествия по многоукладному и полинациональному Союзу ССР. Целью статьи является введение в научный оборот архивного этнографического фильма «За Полярным кругом» Владимира Ерофеева (1927) – монтажного киноконструкта «экзотического» Крайнего Севера. Для решения поставленной цели автор анализирует общественно-политический и культурно-идеологический контекст создания этого классического кинофильма. Автор приходит к выводу, что концепция документального кино В. А. Ерофеева в корне отличалась от принципов, утверждавшихся в творчестве его современников-документалистов, в частности Дзиги Вертова (поэтический конструктивизм), М. К. Калатозова (революционный романтизм), Н. А. Лебедева (идеологическая публицистика). Метод, последовательно использовавшийся В. А. Ерофеевым при создании документальных фильмов, представлял собой последовательное

изучение исходных материалов и их максимально документальную ретрансляцию в кино и в этой связи может быть назван «антропологической кинохроникой». В силу специфики немого кино фильм «За Полярным кругом» представляет собой своеобразный кинотекст, состоящий из примерно равнозначного количества перемежающихся в повествовании кинокадров и текстовых титров. Киноповествование выстроено как последовательность эпизодов, повествующих о географии и этнографии на самобытной северо-восточной окраине страны. В ходе исследования становится очевидно, что данный фильм представляет собой пример максимально документального / хроникального произведения, что выделяет его из общего числа агитационных кинофильмов советского периода. В качестве источниковой базы исследования привлекаются малоизвестные архивные кино- и фотоисточники, а также данные советской периодической печати и выдержки из теоретического наследия режиссера Владимира Ерофеева. Метод, открытый Владимиром Ерофеевым в процессе работы над фильмом «За Полярным кругом», заключается в соединении исследовательского и творческого подходов, благодаря чему в фильме удалось передать не только информацию о событиях, но и их образно-эмоциональный контекст, столь важное «ощущение» Севера. На примере фильма «За полярным кругом» проводится историко-антропологический анализ образов Крайнего Севера в советском документальном кино. Не случайно кинокартина «За Полярным кругом», преодолев рамки сугубо просветительского повествования, стала выдающимся явлением в киноискусстве и значительным опытом визуальной антропологии в советский период, а также многослойным историческим источником, не потерявшим свою актуальность для современного научного изучения.

Abstract

At the turn of the 1930s, the Soviet film industry produced for the wide screen many educational films about the life of remote regions of the country, allowing the audience to make a virtual journey through the multi-structured multinational Union of the SSR. The article is to introduce Vladimir Erofeev's archival ethnographic film "Beyond the Arctic Circle" (1927), an assembled film about the "exotic" frontier region of the Far North. The socio-political and cultural-ideological context of the film creation is being analyzed. The author concludes that Vladimir Erofeev's concept of documental film was radically different from that of Dziga Vertov (poetical Constructionism) or of Mikhail Kalatozov (revolutionary Romanticism) or of Nikolai Lebedev (ideology journalism).

The method consistently used by Vladimir Erofeev when creating his documentary films involved systematic study of source material and its retranslation to cinema; it thus may be called "anthropological newsreel." Due to specifics of silent cinema, the film "Beyond the Arctic Circle" is a kind of visual text consisting of approximately the same number of film images and captions alternating in a narration. The film is built as a sequence of episodes describing the geography and ethnography of distinctive North-Eastern outskirts of the country. In the course of the study it becomes obvious that this film is to the utmost a documental film / chronicle, which distinguishes it from many propaganda films of the Soviet period. The source base of the research is little-known archival film and photo sources, as well as data from the Soviet periodicals and excerpts from the theoretical heritage of the film director Vladimir Erofeev. The method discovered by Vladimir Erofeev, while working on the "Beyond the Arctic Circle" film, amounts to combining research and creative approach, and thus his film conveys not just information about the events, but also provides their visual and emotional context, the vital "feeling" of the North. This is a case-study providing historical and anthropological analysis of the Far North image in the Soviet documentary. No wonder that the film "Beyond the Arctic Circle" has broken the framework of purely enlightening narrative and become an outstanding phenomenon in the cinema art and a significant experience of visual anthropology of the Soviet period, as well as a multi-layered historical source that has not lost its relevance for contemporary scientific research.

Ключевые слова
Исторический источник, архивное этнографическое кино, визуальная антропология, Владимир Ерофеев, Крайний Север СССР.

Keywords
Historical source, archival ethnographic films, visual anthropology, Vladimir Erofeev, Far North of the USSR.

Освоение Арктики имеет свою историю, полную драматических и героических эпизодов, в частности, за открытие Северного морского пути из Европы в Азию в разное время конкурировали Англия и Голландия, Швеция и Россия. После смены политического режима в 1917 г. новая советская власть активизировала деятельность в направлении всесторонней колонизации Арктики: создание регулярного транспортного сообщения между регионами Дальнего Востока

и европейской части России, комплексные научные исследования, налаживание взаимодействий с коренным населением региона. «Владение» Арктикой необходимо было регулярно подтверждать и в информационном поле – не случайно в фондах Российского государственного архива кинофотодокументов сохранилась целая серия советских кинофильмов о Севере середины 1920-х – начала 1930-х гг.: «Наш великий Север» (1925), «Самоеды» (1927), «За тюленями в полярные льды» (1927), «По Северу» (1928), «К берегам и островам Баренцева моря» (1929), «Камчатка» (1929), «По Камчатке и Сахалину» (1929), «Малоземельная тундра» (1930), «Таймырская экспедиция» (1930), «Быт народов Севера» (1930), «К белому пятну Арктики» (1930), «Путь на Север» (1932), «Далеко на Севере» (1932), «Восточная Лапландия» (1933), «Два океана» (1933). Большинство из этих фильмов носили просветительский характер, включали сюжеты географического и этнографического содержания и потому представляют существенный интерес для современной науки. Однако, за редкими исключениями (работы Е. В. Александрова, Д. В. Арзютова, А. В. Головнева, И. А. Головнева), архивные кинодокументы советской эпохи не становились объектом полноценного изучения в отечественной антропологии[1]. В статье, призванной отчасти восполнить данный пробел, на примере фильма «За Полярным кругом» (1927) проводится историко-антропологический анализ образов Крайнего Севера в советском документальном кино.

Предыстория создания фильма уходит в дореволюционный период. В 1910 г. на кинофабрике акционерного общества «Ханжонков и К°» был организован отдел научного кино, по планам которого производились съемки географических и этнографических материалов. Сотрудники отдела, как правило, согласовывали свою деятельность с графиком экспедиций научных и производственных организаций. Так, в 1914 г. в арктический рейс парохода «Колыма» был отправлен один из руководителей отдела Ф. К. Бремер.

Федор Карлович Бремер (1877–1923) был одним из ближайших сподвижников А. А. Ханжонкова, а с образованием в структуре кинопредприятия научного отдела – стал руко-

водителем его производственной лаборатории. В 1914 г. Ф. К. Бремер был командирован в масштабную киноэкспедицию для съемок на Дальнем Востоке и Крайнем Севере страны. На начальном этапе экспедиции он работал в Приморье, где производил съемки природно-географических объектов края при консультационном участии известного исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева[2]. А в конце июня 1914 г. отправился на Северо-Восток на пароходе «Колыма» под командованием капитана П. Г. Миловзорова. Рейс был организован с исследовательскими и экономическими целями, на борту находилось 40 человек команды и 5 пассажиров. На обратном пути, 25 августа 1914 г., пароход получил пробоину от столкновения со льдами и был вынужден зимовать у мыса Северного в Ледовитом океане и вернулся во Владивосток лишь летом 1915 г. Подводя итоги того года, А. А. Ханжонков написал: «Крупным событием в нашем акционерном обществе было возвращение директора научной лаборатории фабрики Ф. К. Бремера, посланного еще перед войной в дальнюю экспедицию на пароходе “Колыма” в Северный Ледовитый океан. Бремер привез с собой около 10 000 метров заснятого негатива. У Бремера было, помимо массы снимков самого путешествия среди льдов на пароходе, много ценных для нашего научного отдела снимков из жизни чукчей»[3]. Из-за экстремальных условий экспедиции далеко не все материалы, привезенные Ф. К. Бремером, были пригодны для использования – множество негативов оказались бракованными. Из уцелевших пленок было смонтировано несколько короткометражных зарисовок, в том числе десятиминутный очерк «Жизнь Севера». В условиях начавшейся войны кинопроизводителям было уже не до научного кино – его производство и прокат оказались нерентабельными, и в 1916 г. А. А. Ханжонков вынужден был закрыть отдел производства научных фильмов на кинофабрике.

Новое обращение к материалам, снятым Ф. К. Бремером, произошло в 1927 г. Усилиями В. А. Ерофеева при участии В. Д. Поповой-Ханжонковой был смонтирован полнометражный фильм «За Полярным кругом»[4], подробно рассказывающий о походе парохода «Колыма» и содержащий многочис-

Кадр из фильма «За Полярным кругом»
Российский Государственный архив кинофотодокументов
Учетный № 13126
"Beyond the Arctic Circle" film frame. Russian State Archive
of Film and Photo Documents, no. 13126

ленные этнографические материалы – о чукчах-оленеводах и морзверобоях Северо-Востока России.

Методология создания фильма. Как известно, сам В. А. Ерофеев начинал свою профессиональную карьеру как журналист и кинокритик: был корреспондентом Российского телеграфного агентства, редактором «Киногазеты», заведующим фотокиноотделом Советского торгпредства в Берлине, где целенаправленно занимался изучением киноиндустрии Германии[5]. Тогда его внимание особенно привлекло набирающее популярность направление научно-популярных, этнографических и географических фильмов, создаваемых в экспедициях. В своей книге «Киноиндустрия Германии» В. А. Ерофеев по этому поводу написал: «Экспедиции непрерывно отправляются в разные мало знакомые в Германии (преимущественно экзотические) страны. Пионером производства этих фильм в Германии был Гагенбек (владелец знаменитого Зоологического сада в Гамбурге). Он не преследовал вначале коммерческих целей, взяв киноаппарат в очередную экспеди-

цию за дикими зверями. Совершенно неожиданно для него прокат выпущенной им фильмы окупил не только расходы по съемке, но и всю стоимость экспедиции. После этого началась экспедиционная "эпидемия", которая не окончилась до самого последнего времени»[6]. Известным деятелем направления экспедиционного фильма в Германии в этот период был журналист и кинематографист Колин Росс. В. А. Ерофеев был лично знаком с К. Россом, неоднократно слушал его доклады, заинтересованно анализировал фильмы. В одном из номеров «Киногазеты» того периода вышла тематическая статья В. А. Ерофеева, в которой, в частности, сообщалось: «Пример Колина Росса, изъездившего и исходившего весь земной шар с киноаппаратом в руках, достоин подражания. Совершенно непонятно, почему у нас до сих пор никто не сделал первого шага, не начал такого рода киностранствий? Наш "киноглаз" упорно не решается взглянуть за окошко Тверской, в широкие, неисследованные просторы СССР...»[7]. Творческий опыт К. Росса стал поворотным импульсом в дальнейшей кинематографической деятельности В. А. Ерофеева – основанием для решения стать режиссером и создавать экспедиционные фильмы.

Опытный киновед и критик, В. А. Ерофеев осознавал, что для работы в режиссерской профессии ему необходимо пройти квалифицированную производственную школу. Потому для создания монтажного фильма «За Полярным кругом» он привлек опытную монтажницу – В. Д. Ханжонкову (Попову). Примечательно, что именно В. Д. Ханжонкова – жена кинопромышленника А. А. Ханжонкова, стоявшего у истоков организации киноработы Ф. К. Бремера на Севере, – стала наставницей В. А. Ерофеева в разработке технического монтажного плана. В то же время художественная концепция фильма очевидно принадлежит В. А. Ерофееву – в этой дебютной киноработе он апробировал свои теоретические принципы на практике.

Свидетельства отстаивания позиций чистого «документализма» находятся в высказываниях и публикациях В. А. Ерофеева изучаемого периода. В контексте экспериментальных поисков нового киноязыка и развернувшейся тематической

дискуссии по этому поводу в советской киносреде В. А. Ерофеев делал акцент на задачах документального кино как средства по созданию кинолетописи истории страны. В частности, при разборе очередной «Киноправды» Дзиги Вертова он делал следующие замечания: «Гораздо интереснее киноправды сделанный без всяких экивоков “Госкинокалендарь”. Это зачаток чрезвычайно нужной Советским Республикам экранной газеты»[8]. Анализируя результаты различных монтажных опытов, он пришел к выводу, что любое кинопроизведение, в том числе и документальное, является авторской конструкцией: «Каждый титр, фиксирующий отдельный факт... является тенденциозным, т. к. уже в самом выборе этого факта (а не другого) для съемки, и в точке зрения объектива проявляется отношение оператора (и руководителя режиссера) к этому факту»[9]. В этой связи В. А. Ерофеев призывал коллег-документалистов «добиваться не снижения документа до инсценировки, а поднятия техники съемки этого документа и поисков новых форм монтажа документальной фильмы»[10]. Именно в съемке и ретрансляции комплексных явлений реальности, обладающих специфической силой воздействия на зрителей, В. А. Ерофеев видел сильную сторону документального кино: «Я полагаю, что хроника должна заниматься фиксацией явлений подлинной действительности, не только фактов, но и явлений»[11]. Не случайно выполненная Ф. К. Бремером хроникальная съемка жизни чукчей, никогда не видевших киноаппарат, созданная в максимально естественных условиях Крайнего Севера методом наблюдения, заинтересовала В. А. Ерофеева своей документальной непосредственностью и вдохновила на создание монтажного фильма.

Первый этнографический сюжет фильма «За Полярным кругом» посвящен морским зверобоям – чукчам, жившим на Мысе Дежнева – в его кадрах: устройство стойбища на побережье, сцены морской охоты на кита, портретные планы дежневских чукчей. Во второй части фильма, рассказывавшей о продвижении парохода «Колыма» вдоль берега Ледовитого океана, вновь существенное место было отведено сюжетам этнографического характера: на этот раз чукчи посещают пароход и внимание кинематографистов

обращется на поведенческие манеры и антропологические типы визитеров. Следующий блок материалов демонстрировал картины из жизни чукчей-оленеводов, готовившихся к сезонной перекочевке со своими стадами вглубь Чукотского полуострова. В третьей части фильма, параллельно повествованию о вынужденной зимовке парохода «Колыма» во льдах, показывались блоки кинонаблюдений о быте жителей района – рыбалке, охоте, средствах передвижения. В четвертой части представлен подробный кинорассказ об установке новых яранг на стойбище, сезонном обновлении охотничьего инвентаря и охоте на нерпу. В пятой части фильма внимание кинематографистов переключалось на быт чукчей-оленеводов, вновь вышедших на побережье: выпас оленей, забой животных, обработка мяса и шкур. Своеобразной кульминацией эпизода является праздник молодого оленя, символизирующий встречу весны. А финал фильма, повествующий о возвращении парохода «Колыма» из ледового плена, символично завершается кадрами, показывающими семью чукчей на борту парохода, – сценой прощания сдружившихся действующих лиц фильма – чукчей и участников экспедиции.

Из разрозненных съемок Ф. К. Бремера В. А. Ерофеев построил вполне целостную кинокартину, позволяющую зрителю совершить увлекательное кинопутешествие, познать быт народностей края и почувствовать особую «атмосферу» Севера. При этом В. А. Ерофеев полностью отказался от идеологической нагрузки в подаче материала – этнографические сюжеты в его повествовании носят сугубо информационный характер. Эта черта выделяет данную работу из потока советских этнофильмов изучаемого периода, выполненных по единой сценарной матрице, когда показ традиционного существования различных народностей выполнял роль конструкции образов «темного прошлого», а финалом непременно являлась демонстрация прогрессивных изменений в их жизни при социализме[12]. Дистанцируясь от имевших популярность в кинематографе того периода экспериментов с *формой*, В. А. Ерофеев переносил внимание на *содержание* самих хроникальных кинокадров, на их внутреннюю документальную драматургию. Ерофеевская концепция документального кино в

Кадр из фильма «За Полярным кругом»
Российский Государственный архив кинофотодокументов
Учетный № 13126
“Beyond the Arctic Circle” film frame
Russian State Archive of Film and Photo Documents, no. 13126

корне отличалась от принципов, утверждавшихся в творчестве его современников-документалистов – в частности, Дзиги Вертова (поэтический конструктивизм), М. К. Калатозова (революционный романтизм), Н. А. Лебедева (идеологическая публицистика). Метод, последовательно использовавшийся В. А. Ерофеевым при создании документальных фильмов, представлял собой последовательное изучение исходных материалов и их максимально документальную ретрансляцию в кино и в этой связи может быть назван «антропологической кинохроникой».

Так работа над фильмом «За Полярным кругом» стала определяющим стартом для начинающего кинорежиссера. В 1927 г. В. А. Ерофеев отправился в первую самостоятельную киноэкспедицию – на труднодоступный Памир, и в дальнейшей режиссерской деятельности В. А. Ерофеева также последовали масштабные кинопоходы – в Афганистан и Среднюю

Азию. И в данных кинoработах отразилась характерная «хроникальность» творческого почерка В. А. Ерофеева, сформировавшаяся в период создания фильма «За Полярным кругом». Как показало время, с одной стороны, этот фильм явился вкладом в науку, став одним из первых кинодокументов по этнографии чукчей. С другой стороны, он сыграл значительную роль в развитии советской документалистики, заслуженно заняв свое место в ряду титульных образцов мировой киноклассики. А творческая методология В. А. Ерофеева – «антропологическая кинохроника» – является вполне актуальной и для применения в текущей визуально-антропологической практике: как для анализа архивных исторических кинолент, так и для создания современных антропологических фильмов.

Примечания

[1] *Александров, Е. В.* Центростремительный вектор в безграничьи визуальной антропологии // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 11–28. ALEKSANDROV, E. V. *Tsentrostremitel'nyi vektor v bezgranich'i vizual'noi antropologii* [Centripetal vector in the limitless visual anthropology. In Russ.]. IN: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 3, pp. 11–28; *Арзютов, Д. В.* Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. – 2016. – № 29. – С. 187–219. ARZYUTOV, D. V. *Etnograf s kinokameroi v rukakh: Prokof'evy i nachalo vizual'noi antropologii samodiitsev* [Ethnographer with a camera in their hands: The Prokofievs and the beginning of the visual anthropology of the Samoyedians. In Russ.]. IN: *Antropologicheskii forum*, 2016, no. 3, pp. 187–219; *Головнев, А. В.* Антропология плюс кино // Культура и искусство. – 2011. – № 1. – С. 83–91. GOLOVNEV, A. V. *Antropologiya plyus kino* [Anthropology plus cinema. In Russ.]. IN: *Kultura i iskusstvo*, 2011, no. 1, pp. 83–91; *Головнев, И. А.* Архивное этнографическое кино как исторический источник // Вестник архивиста. – 2018. - № 3. – С. 692–703. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-692-703. GOLOVNEV, I. A. *Arkhivnoe etnograficheskoe kino kak istoricheskii istochnik* [Archival Ethnographic Films as a Historical Source. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2018, no. 3, pp. 692–703. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-692-703

[2] *Тарасова, А. И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. – М.: Наука, 1985. – С. 235. TARASOVA, A. I. *Vladimir Klavdievich Arsen'ev* [Vladimir Klavdievich Arseniev. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1985, p. 235.

[3] *Ханжонков, А. А.* Первые годы русской кинематографии. – М.: Искусство, 1937. – С. 94–95. KHANZHONKOV, A. A. *Pervye gody russkoi kinematografii* [The first years of Russian cinematography. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1937, pp. 94–95.

[4] Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Учетный № 13126. *Rossiiskii Gosudarstvennyi arkhiv kinofotodokumentov* [Russian State Archive of Film and Photo Documents] (RGAKFD), no. 13126.

[5] Летописцы нашего времени. Режиссеры документального кино. – М.: Искусство, 1987. – С. 64. *Letopistsy nashego vremeni. Rezhissery dokumental'nogo kino* [Chroniclers of our time: Documentary film directors. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1987, p. 64.

[6] *Ерофеев, В. А.* Киноиндустрия Германии. – М.: Кинопечать, 1926. – С. 75. EROFEEV, V. A. *Kinoindustriya Germanii* [German Film Industry. In Russ.]. Moscow, Kinopechat publ., 1926, p. 75.

[7] Жизнь в кино: ветераны о себе и о своих товарищах. – М.: Искусство, 1986. – С. 139. *Zhizn' v kino: veterany o sebe i o svoikh tovarishchakh* [Life in the cinematography: Veterans about themselves and their comrades. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1986, p. 139.

[8] Жизнь в кино: ветераны о себе и о своих товарищах. – М.: Искусство, 1986. – С. 136. *Zhizn' v kino: veterany o sebe i o svoikh tovarishchakh* [Life in the cinematography: Veterans about themselves and their comrades. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1986, p. 136.

[9] Летописцы нашего времени. Режиссеры документального кино. – М.: Искусство, 1987. – С. 75. *Letopistsy nashego vremeni. Rezhissery dokumental'nogo kino* [Chroniclers of our time: Documentary film directors. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1987, p. 75.

[10] Там же. Ibid.

[11] Владимир Алексеевич Ерофеев (1898–1940): Материалы к 100-летию со дня рождения. – М.: Музей кино, 1998. – С. 30. *Vladimir Alekseyevich Erofeev (1898–1940): Materialy k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vladimir Alekseevich Erofeev (1898–1940). Materials for his 100th anniversary. In Russ.]. Moscow, Muzei kino publ., 1998, p. 30.

[12] *Головнев, И. А.* Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). – М.: ИЭА РАН, 2018. – 226 с. GOLOVNEV, I. A. *Fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino (tvorchestvo A. A. Litvinova)* [The phenomenon of Soviet ethnographic films (The creativity of A. A. Litvinov). In Russ.]. Moscow, IEA RAN publ., 2018, 226 p.

Список литературы

Александров, Е. В. Центростремительный вектор в безграничьи визуальной антропологии // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 11–28.

Арзютов, Д. В. Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. – 2016. – № 29. – С. 187–219.

Владимир Алексеевич Ерофеев (1898–1940): Материалы к 100-летию со дня рождения. – М.: Музей кино, 1998. – 40 с.

Головнев, А. В. Антропология плюс кино // Культура и искусство. – 2011. – № 1. – С. 83–91.

Головнев, И. А. Архивное этнографическое кино как исторический источник // Вестник архивиста. – 2018. – № 3. С. 693–703. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-692-703

Головнев, И. А. Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). – М.: ИЭА РАН, 2018. – 226 с.

Ерофеев, В. А. Киноиндустрия Германии. – М.: Кинопечать, 1926. – 132 с.

Жизнь в кино: ветераны о себе и о своих товарищах. – М.: Искусство, 1986. – 333 с.

Летописцы нашего времени. Режиссеры документального кино. – М.: Искусство, 1987. – 352 с.

Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. – М.: Наука, 1985. – 344 с.

Ханжонков, А. А. Первые годы русской кинематографии. – М.: Искусство, 1937. – 176 с.

References

ALEKSANDROV, E. V. *Tsentrostremitel'nyi vektor v bezgranich'i vizual'noi antropologii* [Centripetal vector in the limitless visual anthropology. In Russ.]. IN: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 3, pp. 11–28.

ARZUTOV, D. V. *Etnograf s kinokameroi v rukakh: Prokof'evy i nachalo vizual'noi antropologii samodiytsev* [Ethnographer with a camera in their hands: The Prokofievs and the beginning of the visual anthropology of the Samoyedians. In Russ.]. IN: *Antropologicheskii forum*, 2016, no. 3, pp. 187–219.

Vladimir Alekseyevich Erofeev (1898–1940). Materialy k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Vladimir Alekseevich Erofeev (1898–1940): Materials to his 100th anniversary. In Russ.]. Moscow, Muzei kino publ., 1998, 40 p.

GOLOVNEV, A. V. *Antropologiya plyus kino* [Anthropology plus cinema. In Russ.]. IN: *Kultura i iskusstvo*, 2011, no. 1, pp. 83–91.

GOLOVNEV, I. A. *Arkhivnoe etnograficheskoe kino kak istoricheskii istochnik* [Archival Ethnographic Films as a Historical Source. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an archivist*, 2018, no. 3, pp. 693–703. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-692-703

GOLOVNEV, I. A. *Fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino (tvorchestvo A. A. Litvinova)* [The phenomenon of Soviet ethnographic cinema (The A. A. Litvinov's creativity). In Russ.]. Moscow, IEA RAN publ., 2018, 226 p.

EROFEEV, V. A. *Kinoindustriya Germanii* [Film Industry in Germany. In Russ.]. Moscow, Kinopechat publ., 1926, 132 p.

Zhizn' v kino: veterany o sebe i o svoikh tovarishchakh [Life in the cinematography: Veterans about themselves and their comrades. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1986, 333 p.

Letopistsy nashego vremeni. Rezhissery dokumental'nogo kino [Chroniclers of our time: Documentary film directors. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1987, 352 p.

TARASOVA, A. I. *Vladimir Klavdievich Arsen'ev* [Vladimir Klavdievich Arseniev. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1985, 344 p.

KHANZHONKOV, A. A. *Pervye gody russkoi kinematografii* [The first years of Russian cinema. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo publ., 1937, 176 p.

Сведения об авторах

Головнев Иван Андреевич, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, старший научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-922-600-46-41, golovnev.ivan@gmail.com

About the authors

Golovnev Ivan Andreevich, PhD in History, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, researcher, St. Petersburg, Russia, +7-922-600-46-41, golovnev.ivan@gmail.com

Сведения о грантах

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино».

Grant information

The work has been supported by the Russian Foundation for Basic Research project no. № 19-18-00116 “Ethics Visualized: Russian representations projections of science, museum cinema”.

В редакцию статья поступила 10.07.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Головнев, И. А. Этнокультурные сообщества в архивном кино: «За Полярным кругом» Владимира Ерофеева // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 705–718. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-705-718

Submitted 10.07.2019, published (for citation):

GOLOVNEV, I. A. *Etnokul'turnye soobshchestva v arkhivnom kino: “Za Polyarnym krugom” Vladimira Erofeeva* [Ethnocultural Communities in Archival Films: Vladimir Erofeev's “Beyond the Arctic Circle.” In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 705–718. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-705-718

УДК
DOI:

С. С. Илизаров
Институт истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Архив Академии наук СССР в годы великих испытаний. 1941–1942 гг.

Simon S. Ilizarov
S. I. Vavilov Institute for History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Archive of the Academy of Sciences of the USSR in the Days of Great Trials: 1941–1942

Аннотация
В работе рассматривается деятельность Архива Академии наук СССР в условиях блокады Ленинграда в 1941–1942 гг. В основе статьи лежит архивное дело, содержащее отчет Президиуму АН СССР о работе за семь месяцев 1942 г. 22 ленинградских академических учреждений, включая 11 научно-исследовательских институтов, трех музеев, а также отчеты архива, библиотеки, Географического общества и др. Представлены количественные данные о погибших и эвакуированных сотрудниках научных учреждений в этот период. Показано, что и в тяжелейших для жизни блокадных условиях в Архиве Академии наук не прекращалась работа, в которой значительное место занимала деятельность Комиссии по истории АН СССР (КИАН). Рассмотрена история создания в Ленинграде при академическом Архиве КИАН в 1938 г. сразу же после насильственного уничтожения Института истории науки и техники и гибели его первого директора академика Н. И. Бухарина. В работе КИАН под руководством академика С. И. Вавилова и его заместителя – директора архива Г. А. Князева принимали участие выдающиеся историки-архивисты

и историки науки А. И. Андреев, И. И. Любименко, Л. Б. Модзалевский и др. Исследовательская и археографическая работа сотрудников архива заключалась в подготовке публикаций для серии «Научное наследство», созданной в 1940 г. по инициативе президента АН СССР В. Л. Комарова и при деятельном участии историка науки Т. И. Райнова. Также в архиве в тот период была закончена редакционная работа по второму тому «Обозрений архивных материалов», а В. Ф. Гнучева завершила единственный в своем роде историко-научный труд «Географический департамент Академии наук XVIII в.». Обе книги будут изданы в 1946 г. Главный результат деятельности немногочисленных сотрудников Архива Академии наук состоял в сохранении ранее накопленного бесценного исторического материала и в целенаправленной работе по поиску, концентрации и обеспечению сохранности массива, отложившейся образующегося от эвакуированных учреждений и ученых, а также ученых, умерших от голода, холода и болезней. На основании официальных отчетов приводятся количественные данные о принятых на хранение документах отдельно в 1941 и 1942 гг., обработанных и описанных делах, названы учреждения и имена ученых, чьи материалы оказались в Архиве АН СССР. Всего по состоянию на 31 июля 1942 г. количество фондов архива дошло до 740. Отчеты ряда ленинградских учреждений Академии наук, прежде всего таких, как Институт востоковедения, Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, Институт литературы, Всесоюзное географическое общество и другие, позволяют проследить их работу по сохранению книжно-архивных фондов и коллекций. Статья основана на документальных источниках, впервые вводимых в научный оборот.

Abstract

This paper reviews the work of the Archive of the Soviet Academy of Sciences during the blockade of Leningrad in 1941–42. It is based on the archive series that contains a report detailing the work of the 22 Academy's institutions in Leningrad (11 scientific research institutes, 3 museums, the Archive, the Library, the Geographical Society, etc.) over 7 months of 1942 which was prepared for the Presidium of the USSR Academy of Sciences. It lists Archive's staff members who died or were evacuated during this period. It shows that, even in the hardest days under the blockade, the work in the Archive never stopped. An important part of its work was associated with the activities of the Commission for the History of the USSR Academy of Sciences (KIAN). The paper reviews the history of the KIAN creation under the auspices of the Archive of

the Academy of Sciences of the USSR in Leningrad in 1938, soon after forcible liquidation of the Institute for History of Science and Technology and tragic death of its first director, Academician N. I. Bukharin. A number of outstanding historians-archivists and historians of science – A. I. Andreyev, I. I. Lyubimenko, L. B. Modzalevskiy, and others – participated in the work of the KIAN headed by Academician S. I. Vavilov and his deputy, Director of the Archive, G. A. Knyazev. The research and archaeographic work of the Archive's staff was associated with preparation of publications for the "Scientific Heritage" series (it was established in 1940 upon initiative of the President of the Soviet Academy of Sciences V. L. Komarov with active participation of the eminent historian of science T. I. Rainov). During that period, the editorial work on the second volume of the "Reviews of Archive Materials" (*Obozreniya arkhivnykh materialov*) was completed and V. F. Gnucheva completed her unique history-of-science book "The Geographical Department of the 18th century Academy of Sciences." Both books were published after the war, in 1946. The main result of the work of the few Archive's staff members was safeguarding the precious historical materials and searching for, concentrating, and preserving documentation of evacuated institutions and individual scientists, some of whom were killed by the cold, famine, and diseases. The paper contains data from official reports: quantitative data concerning documents taken into the Archive's custody in 1941 and in 1942 and processed and described series; it names institutions and scholars, whose documents ended up in the Archive of the Academy of Sciences. By July 31, 1942, the number of fonds in the Archive reached 740. Reports of such Academy institutions as the Institute of Oriental Studies, the N. Ya. Marr Institute for the History of Material Culture, the Institute of Literature, the All-Union Geographical Society, and others allow the scholars to analyze their work associated with the preservation of books and archival fonds and collections. The paper is based on documentary sources that are being introduced into scientific use for the first time.

Ключевые слова
Архив, источники, история, наука, Академия наук СССР, Комиссия по истории АН СССР (КИАН), блокадный Ленинград, Г. А. Князев, С. И. Вавилов.

Keywords
Archive, sources, history, science, Academy of Sciences of the USSR, Commission for the History (KIAN), blocade in Leningrad, G. A. Knyazev, S. I. Vavilov.

В Архиве Российской академии наук, в фонде секретариата Президиума, хранится одно чрезвычайно интересное дело, которое достойно большего внимания исследователей[1]. Это дело содержит отчет Президиуму АН СССР о работе за семь месяцев 1942 г. 22 ленинградских академических учреждений, включая 11 научно-исследовательских институтов[2], трех музеев, а также отчеты архива, Академкниги, библиотеки, издательства, Дома ученых, Географического общества и Административно-хозяйственного управления (АХУ). Дело открывается небольшой справкой «Условия работы», из которой следует, что за отчетный период в условиях «полной невозможности для научной работы» ленинградские учреждения потеряли 33,48% сотрудников от всего штатного состава. Особенно пострадали институты гуманитарного направления и АХУ, из которых выбыло до 50–60% сотрудников. В абсолютных цифрах это выразилось: умерли 447 человек, в том числе 3 академика, 5 членов-корреспондентов, 16 докторов наук, 6 профессоров, 54 кандидата и старших научных сотрудника, 29 младших научных сотрудников, 8 аспирантов, 14 научно-технических работников, 41 библиотечных работник, 19 бухгалтеров, 26 лаборантов, 36 служащих, 4 инженера, 86 квалифицированных рабочих, 100 рабочих МОП[3].

Обращает на себя внимание непривычный хронологический период – почему отчет был представлен за семь месяцев? Ответ на этот вопрос скрывается в истории блокадного Ленинграда. В начале сентября 1941 г. завершилось вражеское окружение города и большая часть учреждений Академии наук СССР и их сотрудников эвакуироваться не успели. В городе остались 2 тыс. научных сотрудников, включая 27 членов АН СССР[4]. О блокадной зиме 1941–1942 гг., о жизни и выживании в условиях невиданного стресса, в условиях непреодолимого голода, в отсутствие света, воды, топлива, транспорта, канализации, в условиях жесточайшей зимы написано немало. О том, в каких нечеловеческих условиях жили и работали сотрудники Архива Академии наук СССР, сейчас можно узнать в прямом смысле из первоисточника – блокадного дневника Г. А. Князева[5]. Начиная с марта 1942 г. проходила активная эвакуация академических учреждений.

Самолетами и по железной дороге город покинули, согласно данным рассматриваемого отчета, 1 550 человек[6] (в том числе 3 академика, 3 члена-корреспондента, 64 доктора наук, 6 профессоров, 2 доцента, 58 кандидатов наук, 2 инженера)[7]. В этой связи оставлявшие Ленинград учреждения Академии наук и представили отчеты о своей деятельности за семь прошедших месяцев 1942 г. Директор академического архива Г. А. Князев в ожидании эвакуации в воскресенье 12 июля с чувством скорби записал в своем дневнике: «Итак, в анналах истории Академии наук еще одна страница дописана – нет больше Академии наук как таковой в Ленинграде... Не стучи, сердце!.. Академия наук в Ленинграде перестала быть. Переживем и ее конец!»[8]

Отчет Архива Академии наук, имеющийся в рассматриваемом деле, сравнительно невелик – в 5 машинописных страниц (чуть более 6 тыс. знаков). Этот документ, как и все остальные отчеты ленинградских академических учреждений, не датирован. Последняя дата, которая фигурирует в тексте – 31 июля. В первом абзаце отчета сообщается о том, что «в крайне тяжелых условиях архивом производилась научно-исследовательская работа по редактированию уже написанных глав “Истории АН СССР” и по подбору материалов для еще ненаписанных XI–XIV глав по истории русско-американских (А. И. Андреев) и русско-английских (И. И. Любименко) культурных сношений за 2 века»[9]. Относительно содержания приведенного здесь фрагмента текста необходимы некоторые разъяснения.

Архив Академии наук, хранящий важнейшие и ценнейшие документы по истории отечественной и мировой науки и культуры, за три столетия своей деятельностью, по определению, выполняет функции накопления и развития историко-научного знания. С 1920-х гг., с тех пор как по инициативе и под руководством В. И. Вернадского в Академии наук возник первый устойчивый профессиональный центр изучения истории науки – Комиссия по истории знаний (КИЗ), к ее работам сразу же был привлечен академический архив. С развитием КИЗ и ее превращением в 1932 г. в Институт истории науки и техники (ИИНТ) АН СССР под руководством академика Н. И. Бухарина взаимодействие с архивом еще

более упрочилось. Г. А. Князев и другие сотрудники архива состояли членами КИЗ-ИИНТ, а в работе последнего изучение истории Академии наук и освоение соответствующей документации стало одним из доминирующих и весьма успешных направлений деятельности. Однако в 1936 г. наступил кризис в судьбе ИИНТ в связи политическими репрессиями и раскручиванием процесса над Н. И. Бухариным. ИИНТ сначала был кратковременно закрыт, а затем перемещен из Ленинграда в Москву, и весь процесс был завершен насильственным уничтожением в 1938 г. единственного на то время института по истории науки. В складывавшейся ситуации В. И. Вернадским, президентом АН СССР В. Л. Комаровым, А. М. Дебориным и другими предпринимались усилия по сохранению в той или иной форме центров изучения истории науки. Так, 15 декабря 1937 г. сотрудник ИИНТ Б. Г. Кузнецов, который во второй половине XX в. как один из самых авторитетных специалистов в мировом сообществе будет олицетворять лицо советской истории науки, направил в Президиум АН СССР записку с предложением подготовить в течение двух лет историю академии за первое столетие ее существования. Записка рассматривалась членами Президиума АН, о чем свидетельствует резолюция от 21 декабря вице-президента Г. М. Кржижановского с одобрением и рекомендацией академику-секретарю Отделения истории и философии А. М. Деборину рассмотреть данный проект[10]. В феврале 1938 г. был окончательно закрыт ИИНТ, а уже 17 марта Президиум, рассматривая вопрос о состоянии хранения и учета архивных материалов в учреждениях АН, принял решение «поручить акад. А. М. Деборину наметить состав Комиссии по организации работы к изданию Академии наук СССР»[11]. Но только лишь 15 ноября было принято постановление о создании при архиве Комиссии по истории АН СССР (КИАН), главной задачей которой определялась разработка истории академии и ее учреждений, истории научных дисциплин и деятельности крупнейших русских ученых[12]. КИАН возглавил академик С. И. Вавилов, заместителем председателя был назначен директор архива Г. А. Князев. Позднее, уже в феврале 1941 г., научными сотрудниками КИАН станут такие

крупные специалисты по истории науки, как А. И. Андреев, И. И. Любименко и, в качестве ученого секретаря, А. А. Елисеев[13]. С. И. Вавилов и Г. А. Князев чрезвычайно серьезно относились к работе КИАН, о чем свидетельствуют делопроизводственные архивные материалы, письма Князева из осажденного Ленинграда и др. Например, в письме к Вавилову от 5 ноября 1941 г. Князев писал: «Но, конечно, самое главное – История Академии наук. Как бы хорошо дождаться того времени, когда можно было бы напечатать ее. Сколько мысли, труда положено на эту нашу любимую работу. За эти два с половиной года, с 19 февраля 1939 г., мы отдали ей все наши силы и успели создать объемистый труд под Вашим руководством»[14]. Очень много внимания в дневниках Князева уделено работе комиссии и решению актуальной задачи по написанию истории академии, причем невероятные усилия он лично направлял на сохранение информации о каждодневно разворачивавшихся на его глазах трагических событиях академической истории. В отчете о проводимой работе в 1942 г. указывалось, что непосредственное участие в создании «Истории Академии наук СССР» кроме Г. А. Князева принимали Л. Б. Модзалевский и П. М. Стулов, написавшие отдельные главы. В подготовке материалов для этой работы, а также в их обсуждении и редактировании участвовали сотрудники архива: М. В. Крутикова, А. М. Черников, П. Н. Корявов, И. С. Лосева и др. О результатах работы по истории Академии наук Андреев, Любименко и Князев неоднократно делали научные сообщения на заседании как КИАН, так и объединенного Ученого совета ленинградских исследовательских институтов АН СССР. Покидая 11 августа 1942 г. Ленинград, Князев взял с собой рукопись «Истории Академии наук СССР» и материалы к ней весом более 10 кг[15].

Научно-исследовательская деятельность сотрудников архива не ограничивалась разработкой и написанием истории Академии наук. Как известно, в 1930-х гг. проводилась активная плановая работа по описанию архивных фондов и их публикации. До войны в серии «Труды Архива Академии наук СССР» вышли такие классические для архивоведения, археографии и истории науки издания, как первый том «Обозрения

архивных материалов» (1933, составители Л. Б. Модзалевский, П. М. Стулов, М. В. Крутикова, Н. П. Драмов), «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века (1766–1782)» (1937, составитель И. И. Любименко), «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР» (1937, составитель Л. Б. Модзалевский), «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов» (1940, составитель В. Ф. Гнучева). Начавшаяся война замедлила, но не прервала это направление деятельности архива. В отчете отмечалось, что закончена читка корректуры второго тома «Обозрений архивных материалов», а также отредактирован и подготовлен к печати том «Трудов» по истории Географического департамента. Издать эти работы в те годы оказалось невозможно. Как сообщал Князев Вавилову в письме от 5 ноября 1941 г., тираж второго тома «Обозрения» издательство бралось подготовить при условии, если удастся достать 3–4 тысячи рублей[16]. Эта работа вышла в 1946 г., также, как непревзойденный историко-научный труд В. Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии наук XVIII в.».

В части отчета архива, касающейся археографической и исследовательской деятельности, сообщалось также о подготовке к печати «материалов по отдельным моментам истории русской науки» – «автографов великого русского физиолога И. П. Павлова, И. Н. Мечникова, В. О. Ключевского и С. М. Соловьева, переданных для опубликования в “Научное наследство”; материалов по истории экспедиции Г. Седова, В. Русанова, И. Бичурина, переданных в издательство Главсевморпути»[17].

Серия «Научное наследство» – старейший и крупнейший археографический проект, направленный на научную публикацию материалов по истории науки, – возникла в 1940 г. по инициативе академика В. Л. Комарова как паллиативный вариант уничтоженному ИИНТ. Главным исполнителем проекта стал разносторонний ученый, выдающийся историк науки Т. И. Райнов[18]. Постановление РИСО АН СССР об открытии серии и составе редколлегии во главе с В. Л. Комаровым было принято 10 июля 1940 г.[19] Т. И. Райнов успел

провести большую работу по подбору архивного материала, в том числе названному в отчете, поиску публикаторов, для чего вел оживленную переписку, выезжал в Ленинград и т. д. Инициатор издания Комаров придавал этому проекту исключительно большое значение, и, собственно, завершение работ по первому тому стало одним из оснований его обращения к И. В. Сталину 13 ноября 1944 г. с просьбой разрешить открыть в Академии наук Институт истории естествознания. Однако по ряду причин первый том вышел только в 1948 г.[20] Что касается работ по подготовке публикаций о выдающихся экспедициях и путешественниках на основе материалов Архива АН СССР, то в издательстве Главсевморпути, существовавшем с 1932 г., в послевоенные годы выходило много работ по истории путешествий, по истории географии и т. п. Кроме этого архив выявлял и копировал материалы Ч. Валиханова для Общества изучения Казахстана при СНК Казахской ССР и для Казахстанского филиала АН СССР, а также по якутскому фольклору для Якутского научно-исследовательского института. В условиях военного времени архив оказывал консультативную помощь по организации архивного дела и по историческому источниковедению учреждениям, организациям и лицам, в том числе не входящим в систему Академии наук СССР.

Великий подвиг немногочисленных сотрудников Архива Академии наук состоял прежде всего в сохранении ранее накопленного бесценного исторического материала и в целенаправленной работе по поиску, концентрации и обеспечению сохранности массива документации, образующейся от эвакуированных учреждений и ученых, и ученых умерших от голода, холода и болезней. Вот как это описано в отчете: «Вторая половина 1941 года, благодаря специфическим условиям войны с фашистскими захватчиками, резко изменила характер работы Архива АН СССР, поставив как первоочередные задачи: охранение материалов от случайностей военного времени, как на местах их постоянного хранения, так и путем эвакуации, приемку материалов от эвакуированных учреждений АН, академиков и других ученых, срочную инвентаризацию этих материалов и переме-

щения материалов внутри хранилищ и т. п. работы по мероприятиям МПВО.

При этом надо учесть, что эти срочные и требующие большого напряжения всех сил работы проводились не полным составом, так как часть работников выбыла в ряды РККА и Народного ополчения, часть отсутствовала на выполнении оборонных работ по трудповинности. За этот период Архивом... проведено обследование всех архивохранилищ институтов с точки зрения обеспеченности хранения материалов, дан ряд консультаций по вопросам хранения и эвакуации материалов институтов»[21]. В отчете не оговорено, что еще в сентябре, согласно общему указанию правительства, производилось 25-процентное сокращение штатов, и руководству архива пришлось уволить 6 сотрудников[22]. И несмотря на все это, за 1941 г. архивом принято 16 054 единицы хранения, в том числе материалы членов академии наук О. А. Баклунда, А. А. Белопольского, А. А. Борисяка, Ф. И. Бредихина, А. М. Бутлерова, А. Н. Веселовского, В. П. Вологдина, С. П. Глазенапа, Н. С. Державина, В. М. Жирмунского, А. А. Куника, В. С. Курнакова, П. Н. Лебедева, Н. Я. Марра, С. П. Обнорского, И. П. Павлова, Е. Н. Павловского, Д. С. Рождественского, А. М. Рыкачева, Н. И. Степанова, А. А. Спицына, Ф. Н. Чернышева, А. А. Шахматова, Л. Я. Штернберга и многих других ученых. Усилиями сотрудников архива, прежде всего Л. Б. Модзалевского и не пережившего блокаду П. М. Стулова, были спасены все архивные материалы, накопленные за 100 лет Главной астрономической обсерваторией в Пулково. В итоге на конец 1941 г. количество архивных фондов возросло до 724. Систематизировано и описано в этот период, по отчетным данным, свыше 10 тыс. единиц хранения. При этом архив выдал по запросам свыше 300 научных и иных справок.

Начиная с 1 июля 1941 г. сотрудники архива несли ежедневные круглосуточные дежурства. За семь месяцев 1942 г. архив принял 3 243 единицы хранения, в том числе материалы ученых: Д. В. Айналова, А. И. Андреева, К. Е. Воробьевой, Е. В. Вульфа, И. М. Гревса, В. К. Ернштедта, С. А. Жебелева, Н. М. Книповича, В. М. Истрина, М. А. Лавровой, И. И. Любименко, В. В. Майкова, А. И. Менделеевой, Л. Б. Модзалев-

ского, С. Ф. Ольденбурга, И. В. Палибина, Н. Н. Петрова, Н. П. Полетика, А. А. Романова, А. Н. Рябинина, П. Г. Светлова, П. М. Стулова, Н. С. Чаева, Ф. И. Щербатского, Н. Н. Яковлева и др. Перед эвакуацией передал на хранение в архив свои материалы и его директор Г. А. Князев. 31 июля, в пятницу, он записал: «Перевозили мой архив в Архив Академии наук – 217 папок. На тележке увезли Цветникова и Модзалевская все мои сокровища в ветреный, не по-июльски холодный и неприветливый день. Стоял у колонн нашего старого дома, покуда они носили и укладывали [мои бумаги], и глядел на пустынный город!»[23] Таким образом, доставка в архив из разных мест города материалов производилась на его работников и главным образом на работниц; только в июле 1942 г. удавалось частично пользоваться автотранспортом.

С 1 мая 1942 г. основные усилия в работе сотрудников архива были сосредоточены на описании и технической обработке принятых в течение осени и зимы архивных материалов учреждений Академии наук и отдельных ученых, на доставке в архив из квартир документов умерших и эвакуированных ученых, на выделении в макулатуру не подлежащего хранению в архиве и, как отмечалось в отчете, «с соответствующим оформлением в УГА НКВД СССР». Всего за отчетный период было систематизировано, описано и технически обработано свыше 5 тыс. единиц хранения; выделено материалов неподлежащих хранению, 2 982 единиц. По состоянию на 31 июля 1942 г. количество фондов архива достигло 740. Естественно, что людям было тогда не до архивных справок, и архив их выдал в отчетный период всего 20.

В отчете также говорилось о проводившихся обследованиях «всех архивохранилищ институтов АН в Ленинграде с точки зрения условий хранения материалов и предотвращения возможности их порчи, с дачей консультаций на месте и составлением актов»[24]. С этим сообщением диссонирует запись от 19 июля в дневнике Князева: «Сегодня воскресенье, но мы работали. <...> Начальник ЛАХУ [М. Е. Федосеев] очень волновался: во всех институтах оказалось все брошенным. Никто ни в чем не может разобраться. Особенно неблагополучно в ЛО Института истории. <...> Сейчас там полный

хаос, и оставленная “уполномоченным” Стеблин-Каменская находится в самом беспомощном состоянии, т. к. не получила никаких указаний, инструкций. Никто ничего ей не передавал, а кругом развал, все перемешано – и научные, и деловые, и архивные, и оперативные материалы, и частное имущество, и просто бумажный мусор, пыль и объедки... Так и в других институтах!»[25] Г. А. Князев как летописец в своих описаниях, в отличие от личностных оценок, точен. Но, с другой стороны, а какая еще картина могла быть после спешной и плохо организованной эвакуации? Если кто-нибудь хоть раз участвовал в переезде своего учреждения или предприятия, не мог не запомнить удручающей картины хаоса и общей неопрятности, и это в спокойное мирное время.

Кстати, в отчетах за семь месяцев работы 1942 г. других академических учреждений Ленинграда содержится информация о состоянии их архивных и библиотечных собраний. Например, в отчете Института востоковедения, где под руководством академика И. Ю. Крачковского ни на день не прерывалась работа, говорилось о том, что все помещения, насколько возможно, после разрушений приведены в порядок, а ксилографы Тибетского фонда из-под завалившейся кирпичной стены были вытащены, очищены и помещены в шкафы[26]. Там же говорится о получении архивов погибших востоковедов – семитолога И. И. Гинцбурга и иранист Г. Г. Гульбина, причем последний в октябре 1941 г. был репрессирован. В июле 1942 г. при помощи Библиотеки АН СССР из квартиры в помещение института были доставлены библиотека и архив академика П. К. Коковцова. В отчете Института востоковедения сообщалось о проведении 22 апреля общеинститутского организационного собрания при участии директора архива Г. А. Князева, посвященное вопросам охраны рукописных и книжных фондов института, а на заседании 25 мая были подведены итоги того, что было сделано в указанном отношении.

В деле с отчетами содержится немало примеров героических усилий ленинградских учреждений по спасению и сохранению своих архивно-книжных собраний. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра сообщал о

привезенном архиве, оставшемся после погибшего на фронте археолога А. П. Круглова. Институт литературы – о принятии в свой архив рукописного собрания О. Н. Черносвитовой, В. В. Гиппиуса, О. К. Матюшиной, В. Д. Комаровой-Стасовой и др. Большой и содержательный раздел по архивной работе имеется в отчете Всесоюзного географического общества. Таким образом, при монографической разработке истории сбережения архивных ценностей в блокадном Ленинграде недостаточно опираться лишь на отчеты Архива АН СССР. И все же именно сотрудники этого учреждения Академии наук совершили служебный и человеческий подвиг. Как писал С. И. Вавилову Г. А. Князев: «Сотрудники Архива ведут себя геройски, как скромные, но настоящие бойцы за культурные ценности, вверенные нашему охранению. Во время тревог всегда на своем посту. Во время ночных дежурств – тоже. Говорю это с гордостью за наш небольшой коллектив»[27].

Примечания

[1] Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35[б]. *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences] (ARAN), fond 2, series 1-1942, file 35[b]. Если ориентироваться на лист использования, то начиная с февраля 1992 г. по 13 марта 2020 г. его смотрели всего четверо. Однако на данное дело имеются ссылки в ряде публикаций, авторы которых не отмечены в листе использования: *Левшин, Б. В.* Советская наука в годы Великой отечественной войны. – М.: Наука, 1983. – 382 с. LEVSHIN, B.V. *Sovetskaya nauka v gody Velikoi otechestvennoi voiny* [Soviet science in the days of the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1983, 382 p.; *Осипова, Н. М.* «Покуда Архив Академии наук будет цел, и ваши рукописи будут в полной сохранности». Архив АН СССР в первые годы Великой Отечественной войны // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, Архив РАН, 8 июня 2018 г. – М.: Архив РАН, 2018. – С. 136–144; OSIPOVA, N. M. "*Pokuda Arkhiv Akademii nauk budet tsel, i vashi rukopisi budut v polnoi sokhrannosti". Arkhiv AN SSSR v pervye gody Velikoi Otechestvennoi voiny* ["While the Archive of the Academy of Sciences remains intact, your manuscripts will be safe too": The Archive of the Soviet Academy of Sciences in the first years of the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Dokumental'noe nasledie Rossii: problemy teorii i praktiki. K 100-letiyu gosudarstvennoi arkhivnoi slu-*

zhby Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russia's Documentary Legacy: Issues of Theory and Practice: Towards the Centenary of Russia's State Archival Service: Materials of the All-Russian Research-to-Practice Conference, Moscow, Archive of the Russian Academy of Sciences, June 8, 2018]. Moscow, RAN publ., 2018, pp. 136–144.

[2] Отчет Физико-технического института, имевший гриф «совершенно секретно», в дело не попал и прилагался отдельно.

[3] АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35[б] Л. 1–2. ARAN, fond 2, series 1-1942, file 35[b], pp. 1–2.

[4] *Левшин, Б. В.* Указ. соч. – С. 33. LEVSHIN, B. V., 1983, p. 33.

[5] *Князев, Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. – С. 204–825. KNYAZEV, G. A. *Dni velikikh ispytanii. Dnevniki 1941–1945* [The days of great trials: Diaries (1941–1945). In Russ.]. St. Petersburg, Nauka publ., 2009, pp. 204–825.

[6] В книге Б. В. Левшина на с. 36 указано, что эвакуировано было 450 человек. Скорее всего, столь значительная разница в количестве объясняется различной системой учета кадров.

[7] АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35[б]. Л. 118. ARAN, fond 2, series 1-1942, file 35[b], p. 118.

[8] *Князев, Г. А.* Указ. соч. – С. 782. KNYAZEV, G. A., 2009, p. 782.

[9] АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35[б]. Л. 78. ARAN, fond 2, series 1-1942, file 35[b], p. 78.

[10] Там же. Оп. 1-1937. Д. 339. Л. 1. Ibid., series 1-1937, file 339, p. 1.

[11] Там же. Оп. 1-1938. Д. 182. Л. 2. Ibid., series 1-1938, file 182, p. 2.

[12] Там же. Л. 8, 9. Ibid., pp. 8, 9; *Илизаров, С. С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011 гг. – М.: Янус-К, 2012. – С. 79. ILIZAROV, S. S. *Otechestvennaya istoriografiya istorii nauki i tekhniki: Khronika: 1901–2011 gg.* [National historiography of history of science and technology: Chronicles: 1901–2011. In Russ.]. Moscow, Yanus-K publ., 2012, p. 79.

[13] АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 1. ARAN, fond 2, series 1-1941, file 19, p. 1.

[14] АРАН. Ф. 596. Оп. 3. Д. 212. Л. 8 об. ARAN, fond 596, series 3, file 212, p. 8 verso.

[15] *Князев, Г. А.* Указ. соч. – С. 830. KNYAZEV, G. A. 2009, p. 830. Подробнее о КИАН на материале СПБФ АРАН см.: *Чумакова, Т. В.* Комиссия по истории Академии наук (1938–1953 гг.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 512–529. CHUMAKOVA, T. V. *Komissiya po istorii Akademii nauk (1938–1953 gg.)* [Commission on the History of the Academy of Sciences (1938–1953). In Russ.]. IN: *Komissii Akademii nauk v XVIII–XX vekakh. Istoricheskie ocherki* [The Academy of Sciences' Commissions in the 18th–20th Centuries. Historical essays]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2013, pp. 512–529.

[16] АРАН. Ф. 596. Оп. 3. Д. 212. Л. 8 об.–9. ARAN, fond 596, series 3, file 212, pp. 8 verso–9.

[17] Там же. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35б. Л. 80. Ibid., fond 2, series 1-1942, file 35b, p. 80.

[18] Подробнее см.: *Илизаров, С. С.* Райнов Тимофей Иванович: Материалы к биобиблиографии. – М.: Янус-К, 2017. – 192 с. (Серия «Российские историки науки и техники». Вып. IX). ILIZAROV, S. S. *Rainov Timofei Ivanovich: Materialy k biobibliografii* [Rainov, Timofei Ivanovich: Materials for Biobibliography. In Russ.]. Moscow, Yanus-K publ., 2017, 192 p. ("Russian historians of science and technology" Series. Issue IX).

[19] АРАН. Ф. 457. Оп. 1-40. Д. 54. Л. 35. ARAN, fond 457, series 1-40, file 54, p. 35.

[20] Подробнее см.: *Илизаров, С. С., Гринина, И. Р.* «Научное наследство» – старейшее серийное издание по истории науки // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 31–39. ILIZAROV, S. S., GRININA, I. R. "*Nauchnoe nasledstvo*" – *stareishee seriinoe izdanie po istorii nauki* ["Scientific Heritage", the oldest serial publication on the history of science. In Russ.]. IN: *Otechestvennye arkhivy,* 2016, no. 1, pp. 31–39.

[21] АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35б. Л. 80–81. ARAN, fond 2, series 1-1942, file 35b, pp. 80–81.

[22] *Князев, Г. А.* Указ. соч. – С. 189. KNYAZEV, G. A., 2009, p. 189.

[23] Г. А. Князев, будучи инвалидом, не мог заниматься перемещением архивных материалов. Анна Викентьевна Цветникова – архивариус, комендант, истопник Архива АН СССР. Наталья Николаевна Модзалевская, жена Л. Б. Модзалевского, работала в архиве с 10 января 1942 г. *Князев, Г. А.* Указ. соч. – С. 800. KNYAZEV, G. A., 2009, p. 800.

[24] АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35б. Л. 79. ARAN, fond 2, series 1-1942, file 35b, p. 79.

[25] *Князев, Г. А.* Указ. соч. – С. 785. KNYAZEV, G. A., 2009, p. 785.

[26] АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 35б. Л. 38. ARAN, fond 2, series 1-1942, file 35b, p. 38.

[27] Там же. Ф. 596. Оп. 3. Д. 212. Л. 3. Ibid., fond 596, series 3, file 212, p. 3.

Список литературы

Илизаров, С. С., Гринина, И. Р. «Научное наследство» – старейшее серийное издание по истории науки // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 31–39.

Илизаров, С. С. Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011 гг. – М.: Янус-К, 2012. – 488 с.

Илизаров, С. С. Райнов Тимофей Иванович: Материалы к биобиблиографии. – М.: Янус-К, 2017. – 192 с. (Российские историки науки и техники. Вып. IX).

Князев, Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. – СПб.: Наука, 2009. – 1218 с.

Левшин, Б. В. Советская наука в годы Великой отечественной войны. – М.: Наука, 1983. – 382 с.

Осипова, Н. М. «Покуда Архив Академии наук будет цел, и ваши рукописи будут в полной сохранности». Архив АН СССР в первые годы Великой Отечественной войны // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, Архив РАН, 8 июня 2018 г. – М.: Архив РАН, 2018. – С. 136–144.

Чумакова, Т. В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953 гг.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. Исторические очерки. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 512–529.

References

ILIZAROV, S. S., GRININA, I. R. "*Nauchnoe nasledstvo*" – *stareishee serinoe izdanie po istorii nauki* ["Scientific Heritage", the oldest serial publication on the history of science. In Russ.]. IN: *Otechestvennye arkhivy,* 2016, no. 1, pp. 31–39.

ILIZAROV, S. S. *Otechestvennaya istoriografiya istorii nauki i tekhniki: Khronika: 1901–2011 gg.* [National historiography of history of science and technology: Chronicles: 1901–2011. In Russ.]. Moscow, Yanus-K publ., 2012, 488 p.

ILIZAROV, S. S. *Rainov Timofei Ivanovich: Materialy k biobibliografii* [Rainov, Timofei Ivanovich: Materials for Biobibliography. In Russ.]. Moscow, Yanus-K publ., 2017, 192 p. ("Russian historians of science and technology" Series. Issue IX).

KNYAZEV, G. A. *Dni velikikh ispytanii. Dnevniki 1941–1945* [The days of great trials: Diaries (1941–45). In Russ.]. St. Petersburg, Nauka publ., 2009, pp. 204–825.

LEVSHIN, B. V. *Sovetskaya nauka v gody Velikoi otechestvennoi voiny* [Soviet science in the days of the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1983, 382 p.

OSIPOVA, N. M. "*Pokuda Arkhiv Akademii nauk budet tsel, i vashi rukopisi budut v polnoi sokhrannosti". Arkhiv AN SSSR v pervye gody Velikoi Otechestvennoi voiny* ["While the Archive of the Academy of Sciences remains intact, your manuscripts will be safe too": The Archive of the Soviet Academy of Sciences in the first years of the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Dokumental'noe nasledie Rossii: problemy teorii i praktiki. K 100-letiyu gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhby Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia's Documentary Legacy: Issues of Theory and Practice: Towards the Centenary of Russia's State Archival Service: Materials of the All-Russian Research-to-Practice Conference, Moscow, Archive of the Russian Academy of Sciences, June 8, 2018]. Moscow, RAN publ., 2018, pp. 136–144.

CHUMAKOVA, T. V. *Komissiya po istorii Akademii nauk (1938–1953 gg.)* [Commission on the History of the Academy of Sciences (1938–1953). In Russ.]. IN: *Komissii Akademii nauk v XVIII–XX vekakh: Istoricheskie ocherki* [The Academy of Sciences' Commissions in the 18th–20th Centuries. Historical essays]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2013, pp. 512–529.

Сведения об авторах

Илизаров Симон Семенович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, отдел историографии и источниковедения истории науки и техники, заведующий отделом, 8-916-553-87-43, sinsja@mail.ru

About the authors

Ilizarov Simon Semyonovich, PhD in History, professor, S. I. Vavilov Institute for History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, department of historiography and source studies of history of science and technology, head of the department, +7(916)553-87-43, sinsja@mail.ru

Сведения о грантах

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-00366).

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-011-00366).

В редакцию статья поступила 21.12.2019 г., опубликована (для цитирования):

Илизаров, С. С. Архив Академии наук СССР в годы великих испытаний. 1941-1942 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 719–735. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-719-735

Submitted 21.12.2019, published (for citation):

ILIZAROV, S. S. *Arkhiv Akademii nauk SSSR v gody velikikh ispytanii. 1941–1942 gg.* [Archive of the Academy of Sciences of the USSR in the Days of Great Trials: 1941–42. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 719–735. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-719-735

УДК 94 (930.2)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-736-750

И. В. Лиджиева
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Приказ Главного попечителя калмыцкого народа В. А. Башкирова о порядке ведения делопроизводства по Управлению калмыцким народом. 1892 г.

Irina V. Lidzhieva
Federal Research Centre Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

The Order of the Chief Trustee of the Kalmyk People V. A. Bashkirov on Records Management Procedure in the Department for the Kalmyk People (1892)

Аннотация
В статье осуществлено проведение источниковедческого анализа приказа Главного попечителя калмыцкого народа Астраханской губернии В. А. Башкирова, датированного 24 июня 1892 г. и хранящегося в фонде И-24 «Багацохуровское улусное Управление» Национального архива Республики Калмыкия. Политика имперских властей, направленная на интеграцию Калмыцкой степи в первой половине XIX в., привела к появлению ряда законодательных актов, регулирующих данный процесс, основным акцентом в которых являлось стремление интегрировать региональную окраину в общеимперскую

систему управления. Соответственно задачей главных приставов и главных попечителей калмыцкого народа являлось обеспечение эффективного процесса управления Калмыцкой степью, которого невозможно было добиться без налаженной делопроизводственной части во всех звеньях управленческого аппарата. Использование как общенаучных методов исследования, так и специальных позволило рассмотреть указанный документ как источник по истории делопроизводства в учреждении по управлению калмыцким народом Астраханской губернии в XIX в. На основе метода исторической реконструкции и анализа имперского законодательства, регулировавшего указанную сферу системы управления инородцами Астраханской губернии, определено состояние делопроизводства, стремление руководителя регионального управленческого аппарата наладить делопроизводственный оборот в учреждении, где на протяжении всего XIX в. наблюдался недостаток специалистов. Использование биографического метода позволило установить, что именно личность и деятельность В. А. Башкирова на посту Главного попечителя калмыцкого народа способствовали проведению преобразований, повышающих качество управленческого процесса. Отдаленность от центра и специфичность территории обусловили дефицит кадрового состава, способного адаптироваться в новых условиях и управлять народами, не приветствовавшими изменения веками устоявшегося уклада. Интеграция Калмыцкой степи как национальной окраины Российской империи зависела также от налаженного управленческого процесса.

Abstract

The aim of this work is to conduct a source study of the order of the Chief Trustee of the Kalmyk people of the Astrakhan gubernia V. A. Bashkirov, dated June 24, 1892 and stored in the I-24 fond “Directorate for the Bagatsokhur ulus” of the National Archive of the Republic of Kalmykia. In the first half of the 19th century, the policy of imperial authorities aimed at integration of the Kalmyk steppe led to the emergence of a number of laws regulating the process, the main emphasis of which was on the desire to integrate the regional periphery into the imperial system of governance. Accordingly, the task of the Chief Bailiffs and Chief Trustees of the Kalmyk people was to sustain effective management process in the Kalmyk steppe, which could not have been achieved without well-organized records management at all levels of the administrative apparatus. The use of general scientific research methods and of special ones has allowed the author to consider this document as a source on the history of records management in the agencies for managing the Kalmyk people of the Astrakhan guber-

nia in the 19th century. Historical reconstruction and analysis of imperial legislation in the specified sphere of the system of governing the *inorodtsy* (allogeneous people) of the Astrakhan gubernia has assessed the state of office work, underscored the desire of the head of the regional administration to establish office work in the institution where throughout the 19th century there was a lack of specialists. The biographical method has made it possible to establish that it was the personality and activities of V. A. Bashkirov as the Chief Trustee of the Kalmyk people that contributed to the reforms that improved the quality of the managerial process. The remoteness and specificity of the territory led to a shortage of personnel capable of adapting to the new conditions and of managing peoples who did not welcome changes to their centuries-old ways of life. The integration of the Kalmyk steppe as national periphery of the Russian Empire also depended on well-established management process.

Ключевые слова
Национальный архив Республики Калмыкия, Багацохуровское улусное Управление, Управление калмыцким народом, Главный попечитель, В. А. Башкиров, чиновничество, делопроизводство, инородцы.

Keywords
National Archive of the Republic of Kalmykia, Bagatsokhur ulus administration, management of the Kalmyk people, Chief Trustee, V. A. Bashkirov, bureaucracy, paperwork, inorodtsy.

Российская империя к началу XIX в. включала в свой состав ряд территорий и народов, в плане управления требовавших значительного внимания и особого подхода, тем более что «имперские власти не слишком хорошо представляли, как именно ими управлять»[1]; исключением не стал калмыцкий народ, добровольно принявший подданство России в начале XVII в. Система управления Калмыцкой степью XIX в. не раз являлась предметом изучения как дореволюционных, так и советских и современных исследователей. К сожалению, система делопроизводства в управленческой среде инородцев, за исключением отдельных ее аспектов, осталась за пределами их внимания.

Политика имперских властей, направленная на интеграцию Калмыцкой степи в первой половине XIX в., привела к появлению ряда законодательных актов[2], регулирующих

данный процесс, основным акцентом в которых являлось стремление подчинить региональную окраину общеимперской системе управления. В соответствии со сложившейся нормативной базой Комиссия калмыцких дел, Совет Калмыцкого управления, Отделение ордынских народов Астраханской палаты государственных имуществ, Управление калмыцким народом стали органами исполнительной власти Калмыцкой степи коллегиального характера, последовательно сменявшими друг друга. Соответственно задачей главных приставов и главных попечителей калмыцкого народа являлось обеспечение эффективного процесса управления Калмыцкой степью, которого невозможно было добиться без налаженной делопроизводственной части во всех звеньях управленческого аппарата.

Публикуемый приказ хранится в фонде И-24 «Багацохуровское улусное Управление» Национального архива Республики Калмыкия. Авторство документа, судя по имеющейся подписи, принадлежит Главному попечителю калмыцкого народа В. А. Башкирову, назначенному на указанную должность 17 февраля 1892 г. приказом Министерства государственных имуществ. Отдельные аспекты деятельности В. А. Башкирова в Калмыцкой степи уже рассматривались ранее в статье «Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В. А. Башкировым (1892–1895 годы)»[3].

30 апреля 1838 г. император Николай I утвердил «Проект учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях»[4], в соответствии с которым управляющий астраханской палаты одновременно являлся и Главным попечителем калмыцкого народа. Согласно ст. 132 данного «Проекта...», в обязанности учреждения входило наблюдение за подведомственными чиновниками, чтобы «исполняли обязанности свои неупустительно, по точному смыслу правил постановленных в учреждении». Следующая статья рассматриваемого законодательного акта гласит: «Общая ревизия делается в исходе каждого года в течение ноября и декабря месяцев Управляющим и командируемым от Палаты Ассесором и чиновниками особых поручений. Частная ревизия производится во

всякое время разъездов Управляющего по губернии, или, по доходящим до сведения Палаты беспорядкам»[5] (в тексте сохранена орфография и пунктуация источника, как и в последующих цитатах из архивных документов). Спустя месяц, 4 августа 1892 г., после составления публикуемого документа, В. А. Башкиров в своем докладе астраханскому губернатору сообщает: «По закону приведение в надлежавшее устройство управления калмыками возлагается непосредственно на Главного попечителя, вступив в эту должность, я объехал все улусные ставки и ознакомился с их делопроизводством вообще...»[6]. Результаты проведенной В. А. Башкировым ревизии показали полярное состояние дел в разных улусах: в одних – порядок и точное соблюдение всех требований вышестоящих лиц и инстанций, а в других – «масса серьезных упущений»[7]. Следует отметить, что именно в годы попечительства Башкирова с целью регламентации деятельности аймачных старшин и хотонных старост была разработана «Инструкция аймачным старшинам и хотонным старостам»[8], утвержденная 15 сентября 1894 г. Кроме того, 25 мая 1894 г. «Государь император по Всеподданнейшему докладу Г. Министра Земледелия и Государственных Имуществ Высочайше соизволил утвердить новую форму обмундирования для чинов Управления калмыцким народом ведомства Министерства Земледелия и Государственных Имуществ»[9], инициатива создания и авторство проекта принадлежали В. А. Башкирову. По его мнению, «форменное платье не только должно оказать серьезное содействие по необходимому дисциплинированию самих улусных чиновников, но и показать их как перед калмыцким народом, так и перед избираемыми аймачными старшинами, действительными и внушительными представителями Государственной власти...»[10].

Деятельность Вениамина Александровича Башкирова как Главного попечителя калмыцкого народа была отмечена директором Департамента общих дел Министерства государственных имуществ в письме от 27 марта 1893 г.: «Не могу не выразить моей искренней благодарности Его Высокородию Статскому Советнику Башкирову за все сделанные им распоряжения и принятые с полным тактом и благоразумием

меры к водворению порядка в Управлении Калмыцким Народом»[11].

Публикуемый документ «родился» в стенах Управления калмыцким народом, которое являлось местным исполнительно-распорядительным учреждением коллегиального типа, в структурном отношении состоящим из самостоятельных частей – столов. Структура и порядок их делопроизводства обуславливались общегосударственной постановкой и практикой управления[12]. Следует отметить, что подобные регламенты не раз разрабатывались и принимались ранее. На наш взгляд, неоднократное издание инструкций по организации делопроизводства в Управлении калмыцким народом свидетельствует о неспособности власти наладить работу учреждения, удовлетворяющую всех участников процесса; между тем попытки со стороны главных попечителей имели место.

На основе анализа журналов Отделения ордынских народов Астраханской палаты государственных имуществ Л. С. Бурчинова реконструировала деятельность структурных подразделений данного учреждения: 1-го, 2-го и бухгалтерского столов[13]. Приведенный Л. С. Бурчиновой перечень направлений деятельности, входящих в компетенцию столов, позволяет сравнить их с кругом обязанностей по регламенту, подготовленному Главным попечителем калмыцкого народа Башкировым. Текст публикуемого «Регламента» показывает, что разграничение сферы деятельности между структурными подразделениями, сложившееся в Отделении ордынских народов, с незначительными корректировками было перенесено в Управление калмыцким народом. Дальнейший контроль над исполнением своих должностных обязанностей, в соответствии с действующей инструкцией, чиновниками во многом зависел от личности того или иного регионального начальника, его характера и амбиций.

При разработке рассматриваемого инструктивного документа В. А. Башкировым был учтен и человеческий фактор. Так, из текста следует: «...возлагая на них по способностям те или другие обязанности...», т. е. с целью достижения наибольшей эффективности в управленческом процессе, назначать

на должности и возлагать обязанности на чиновников в зависимости от их способностей. Калмыцкая степь, находившаяся в непосредственном управлении Главного попечителя, являлась региональной окраиной Российской империи, куда особо не стремились чиновники, имевшие соответствующие образование и опыт работы в подобных учреждениях. В своем большинстве это были отставные военные, лица, рассматривавшие службу в инородческом управлении как трамплин для продвижения по карьерной лестнице, а также те, в отношении которых возбуждалось судебное преследование за должностные нарушения.

Текст публикуемого документа показывает стремление руководителя регионального управленческого аппарата наладить делопроизводственный оборот в учреждении, где на протяжении всего XIX в. наблюдался недостаток специалистов. Отдаленность от центра и специфичность территории обусловили дефицит кадрового состава, способного адаптироваться в новых условиях и управлять народами, не приветствовавшими изменения веками устоявшегося уклада. Интеграция Калмыцкой степи как национальной окраины Российской империи зависела также от налаженного управленческого процесса.

№ 1

Приказ

В отмену приказа моего от 24 апреля 1892 г. за № 275 для достижения наибольшей успешности и целесообразности в делопроизводстве по калмыцкому Управлению, предлагаю к исполнению и руководству нижеследующее.

Занятие канцелярии Управления распределить в следующем порядке:

У Делопроизводителя

1) Определение и перемещение чиновников; увольнение их от службы в отпуска
2) Представление к чинам, наградам, пенсиям и пособиям
3) Командировка чиновников по делам службы
4) Учебная и врачебно-ветеринарная часть
5) О преобразованиях по Управлению калмыцким народом.

6) Меры к улучшению хозяйства в степи (распашки калмыков, скотопрогонные тракты, кочевка на черных землях, выставки и пр.)
7) Отчетность Губернатору и Министерству и сообщение статистических данных
8) О десятиверстной полосе и земельном пользовании калмыков
9) Дела экстренные по назначению Главного Попечителя и переписка, не подлежащая ведению Столоначальников и Бухгалтера.

В 1-м Столе

1) Оброчные статьи
2) Пособия народу
3) Строительная часть
4) Подводные выставки
5) Общественные повинности (денежная, натуральная, истребление саранчи)
6) Землемерная часть (не относящаяся до других Столов)
7) Об улусной полиции (определение, командировки, обмундировка)
8) Срочные сведения (по требованиям посторонних присутственных мест)
9) Разрешение административным порядком спорных улусных дел (в отношении повинностей)
10) Понуждение Улусных Управлений к исполнению требований присутственных мест (за исключением судебных)
11) Разрешение Улусным Управлениям различных вопросов, касающихся по содержанию своему 1-го Стола.

Во 2-й Стол

1) Дела следственные, опекунские и судебные (уголовные и гражданские)
2) Рассмотрение прав зайсангов и защита прав казны на выморочное имущество
3) О крещенных калмыках
4) Ссылка калмыков по приговорам
5) Полицейский надзор и розыск беглых и преступников

6) Меры против хищничества и обезоружение калмыков
7) Побуждение Улусных Управлений к исполнению требований судебных мест
8) Посемейные списки и о службе по выборам
9) О ламайском духовенстве

В Бухгалтерском Столе
1) Ведение денежных книг
2) Денежные выдачи и рассылка жалованья
3) Рассылка контрамарок, бланков, книг и гербовых марок
4) Составление сметы доходов, расходов и сличительных ведомостей
5) Переписка с Контрольной Палатой по денежным отчетностям
6) Ревизия всех денежных отчетностей
7) Настояние о своевременном пополнении недоимок и поступлении денег.

Все дела, как за настоящий, так и за прошлые года, при таком распределении делопроизводства сдать для руководства и хранения в подлежащие столы.

Пакеты из Министерств и пакеты с секретными бумагами, а также телеграммы подаются мне в присутствие или отсылаются на дом не распечатанными дежурными чиновником. Все другие пакеты вскрываются Помощником Главного Попечителя, и входящие бумаги по отметке на них времени получения и надлежащих столов, в тот же день он сдает Регистратору, которые по записке бумаг в книгу, сдает в подлежащие Столы. Делопроизводитель, Столоначальники и Бухгалтер, по получении входящих бумаг докладывают мне экстренные из них в тот же день и никак не далее следующего дня, а все другие бумаги, с надлежащими на них справками должны докладываться мне для резолюции не далее как на 4 день по получении, не считая праздников. Справки по входящим бумагам следует делать на подлинной бумаге, ниже подписи должностных лиц, причем на бумагах по вопросам, не требующих обсуждения, изготовляются под справками прямо и резолюции для моего утверждения. Регистратор, по предъявлении ему входящих бумаг записывает их в реестр, экстренные

тот час же, и все остальные входящие бумаги, если они будут даны ему утром, до 12 час. возвращает по Столам к концу присутствия; бумаги же сданные после 12 час. дня Регистратор сдает на следующий день утром, не позднее 10 час.

Подписанные мною резолюции по входящим бумагам исполняются в подлежащих Столах не более как в 3-дневный срок, не считая праздников. Отпуска исходящих бумаг пишутся в соответствующем Столе от моего имени и скрепляются лицом, которое заведует Столом. Те из отпусков, которые по содержанию своему заключают в себе какие-либо распоряжения, предварительно подаются на просмотр мне, а отпуска с характером справок и подтверждений просматриваются моим помощником, со скрепою того отпуска своею подписью. Отпуска с такими исправлениями, при которых чтение содержания затруднительно, должны переписываться вновь и скрепляться лицом заведывающим Столом. Из деловых исходящих бумаг, предварительно скрепленных лицом заведывающим Столом, подаются к моему подпису только те которые следуют в Министерства, Губернаторам и вообще бумаги, направленные лицом и учреждениями, стоящие по своему положению выше Калмыцкого Управления; мною также подписываются ассигновки по выдаче денег и именные служебные письма. Все остальные бумаги подписывает «за Главного Попечителя» мой помощник. Регистратор, при записке в реестр исходящих бумаг отмечает на отпуска № дела, к которому относится отпуск, а на самом отпуске отмечает, кем подписана деловая бумага, заботясь, чтобы бумаги с приложением не были отправляемы без тех приложений. Экстренные исходящие бумаги Регистратор отправляет в день подписания их, а все остальные: городские не позже следующего дня и улусные с ближайшей калмыцкой почтой.

Журнальные постановления отменить. Денежные выдачи из сметного назначения производить по моим особым предварительным приказам, записываемым бухгалтерским Столом в особую книгу, с отметкой в ней § и ст., из которой производится расход, с указанием суммы, числившейся в наличности по тому § и ст. к дню выдачи, и размера производимой выдачи.

Доклады вносятся мне самими Делопроизводителями, Столоначальниками и Бухгалтером, каждым по делам своего Стола.

При рассмотрении докладов и обсуждении возникающих вопросов присутствует помощник Главного Попечителя.

Делопроизводитель, Столоначальники и Бухгалтер, чтобы бумаги требующие исполнения, не оставались без резолюций, а резолюции без исполнения, просматривают делопроизводство своего Стола и делают, если нужно подтверждения. Для большей успешности распределяют делопроизводство своего стола между своими подчиненными, возлагая на них по способностям те или другие обязанности, за аккуратным исполнением которых следят лица, заведывающие Столами. За упущения при исполнении таких обязанностей виновные отвечают перед Главным Попечителем.

Кроме всего вышеизложенного поручаю Помощнику Главного попечителя иметь постоянное наблюдение за правильностью производства в Бухгалтерском Столе и за счетоводством, а также хранение в денежном сундуке денежных сумм, пакетов, документов, ассигновок и разных ценностей, переходящих чрез Управление Калмыцкого народа, по какому предмету вести в Бухгалтерском Столе кладовую книгу, по установленной мною форме, мною подписанную. Книга эта должна быть пронумерована и прошнурована.

О содержании настоящего приказа довести до сведения Департамента Общих Дел Министерства Государственных Имуществ. Копии с приказа должны иметься во всех Столах и у Регистратора. Июля 24 дня 1892 года.

Главный Попечитель (подпись) Башкиров

Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 125. Л. 39–41. Подлинник. Natsional`nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia] (NARK), fond I-24, series 1, file 125, p. 39-41. Original.

Примечания

[1] *Почекаев, Р. Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 8. POCHEKAEV, R. Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and khans: The personal factor in the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: The 18th – early 20th century. In Russ.]. Moscow, 2017, p. 8.

[2] Правила для управления калмыцким народом 1825 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. первое. Т. XL. № 30290. Отд. второе. – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – С. 155–161. *Pravila dlya upravleniya kalmytskim narodom* [Rules for governing the Kalmyk people. In Russ.]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In Russ.]. Collection 1. Vol. 40. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ., 1830, pp. 155–161; Положение об управлении калмыцким народом 1834 г. // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. X. № 7560 а. Отд. первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. – С. 18–39. *Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom* [Regulations on the administration of the Kalmyk people. In Russ.]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In Russ.]. Collection 2. Vol. 10. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ., 1836, pp. 18–39; Положение об управлении калмыцким народом 1847 г. // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXII. № 21144. Отд. первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1847. – С. 349–372. *Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom* [Regulations on the administration of the Kalmyk people. In Russ.]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In Russ.]. Collection 2. Vol. 22. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ., 1847, pp. 349–372.

[3] *Лиджиева, И. В.* Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В. А. Башкировым // Новый исторический вестник. – 2016. – № 3 (49). – С. 24–31. LIDZHIEVA, I. V. *Zashchita granits kochevii kalmykov Glavnym popechitelem kalmyckogo naroda V. A. Bashkirovym* [Protection of the borders of the Kalmyk nomads by the Chief Trustee of the Kalmyk people V. A. Bashkirov. In Russ.]. IN: *Novyi istoricheskii vestnik*, 2016, no. 3 (49), pp. 24–31.

[4] Высочайше утвержденный проект учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XIII. № 11189. Отд. первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1839. – С. 405–654. *Vysochaishe utverzhdennyi proekt uchrezhdeniya o upravlenii gosudarstvennymi imushchestvami v guberniyakh* [Imperially approved

statute of the directorate for management of state property in the gubernias. In Russ.]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In Russ.]. Collection 2. Vol. 13. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ., 1839, pp. 405–654.

[5] Там же. С. 424. Ibid, p. 424.

[6] Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-9. Оп. 5. Д. 443. Л. 7. *Natsional`nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National archive of the Republic of Kalmykia] (NARK), fond H-9, series 5, file 443, p. 7.

[7] Там же. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 125. Л. 54. Ibid., fond H-24, series 5, file 125, p. 54.

[8] Там же. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 135. Л. 252–257. Ibid., fond H-9, series 5, file 135, pp. 252-257.

[9] Там же. Д. 443. Л. 77. Ibid., file 443, p. 77.

[10] Там же. Л. 7 об. Ibid., p. 7 verso.

[11] Там же. Оп. 11. Д. 119. Л. 6. Ibid., series 11, file 119, p. 6.

[12] *Бурчинова, Л. С.* Фонд управления калмыцким народом как источник по социально-экономической истории Калмыкии второй половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: [б. и.], 1972. – С. 7. BURCHINOVA, L. S. *Fond upravleniya kalmytskim narodom kak istochnik po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Kalmykii vtoroi poloviny XIX v.* [Fond of the Directorate for Management of the Kalmyk People as a Source on the Socio-Economic History of Kalmykia in the Second Half of the 19th Century: Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Moscow, 1972, p. 77.

[13] *Бурчинова, Л. С.* Журналы местных органов управления Калмыкией XIX – нач. XX в. // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. – Элиста: КНИИИФЭ, 1987. – С. 77. BURCHINOVA, L. S. *Zhurnaly mestnykh organov upravleniya Kalmykiei XIX – nach. XX v.* [Registers of the local government agencies in Kalmykia of the 19th – early 20th century. In Russ.]. IN: *Maloissledovannye istochniki po istorii dorevolyutsionnoi Kalmykii i zadachi ikh izucheniya na sovremennom etape* [Little-studied sources on the history of pre-revolutionary Kalmykia and problems of their study at the present stage. In Russ.]. Elista, 1987. pp. 72–91.

Список литературы

Бурчинова, Л. С. Фонд управления калмыцким народом как источник по социально-экономической истории Калмыкии второй половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1972. – 40 с.

Бурчинова, Л. С. Журналы местных органов управления Калмыкией XIX – нач. XX в. // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. – Элиста: КНИИИФЭ, 1987. – С. 72–91.

Лиджиева, И. В. Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В. А. Башкировым // Новый исторический вестник. – 2016. – № 3 (49). – С. 24–31.

Почекаев, Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 384 с.

References

BURCHINOVA, L. S. *Fond upravleniya kalmytskim narodom kak istochnik po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Kalmykii vtoroi poloviny XIX v.* [Fond of the Directorate for Management of the Kalmyk People as a Source on the Socio-Economic History of Kalmykia in the Second Half of the 19th Century: Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Moscow, 1972, 40 s.

BURCHINOVA, L. S. *Zhurnaly mestnykh organov upravleniya Kalmykiei XIX – nach. XX v.* [Registers of the local government agencies in Kalmykia of the 19th – early 20th century. In Russ.]. IN: *Maloissledovannye istochniki po istorii dorevolyutsionnoi Kalmykii i zadachi ikh izucheniya na sovremennom etape* [Little-studied sources on the history of pre-revolutionary Kalmykia and problems of their study at the present stage. In Russ.]. Elista, 1987, pp. 72–91.

LIDZHIEVA, I. V. *Zashchita granits kochevii kalmykov Glavnym popechitelem kalmyckogo naroda V. A. Bashkirovym* [Protection of the borders of the Kalmyk nomads by the Chief Trustee of the Kalmyk people V. A. Bashkirov. In Russ.]. IN: *Novyi istoricheskii vestnik*, 2016, no. 3 (49), pp. 24–31.

POCHEKAEV, R. Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and khans: The personal factor in the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: The 18th – early 20th century. In Russ.]. Moscow, 2017, 384 p.

Сведения об авторах

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, лаборатория истории и этнографии, ведущий научный сотрудник, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 8-961-546-97-77, irina-lg@yandex.ru

About the authors

Lidzhieva Irina Vladimirovna, PhD in History, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of History and Ethnography, leading researcher, Rostov-on-Don, Russian Federation, +7-961-546-97-77, irina-lg@yandex.ru

Сведения о грантах

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Grant information

The publication has been prepared within the frameworks of implementation of the state task of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, project no. АААА-А19-119011190182-8.

В редакцию статья поступила 1.09.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Лиджиева, И. В. Приказ Главного попечителя калмыцкого народа В. А. Башкирова о порядке ведения делопроизводства по Управлению калмыцким народом. 1892 г. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 736–750. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-736-750

Submitted 1.09.2019, published (for citation):

LIDZHIEVA, I. V. *Prikaz Glavnogo popechitelya kalmytskogo naroda V. A. Bashkirova o poryadke vedeniya deloproizvodstva po Upravleniyu kalmytskim narodom. 1892 g.* [The Order of the Chief Trustee of the Kalmyk People V. A. Bashkirov on Records Management Procedure in the Department for the Kalmyk People (1892). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 736–750. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-736-750

УДК 94(47)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-751-762

Е. В. Бей
Военная академия Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

«Наш поход к острову должен быть возможно крепче обеспечен». Вклад Г. Д. Красинского в установление суверенитета СССР над островом Врангеля в 1921–1926 гг.

Evgeniy V. Bey
Military Academy of the General Staff
of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

"Our Trip to the Island Should Be as Secure as Possible": G. D. Krasinsky's Contribution to the Establishment of the Sovereignty of the USSR over the Wrangel Island in 1921–26

Аннотация
В статье на основе архивных документов анализируются события, связанные с политикой ряда иностранных государств по оспариванию суверенитета принадлежавшего СССР арктического о. Врангеля в 1921–1926 гг., и роль полярного исследователя Георгия Давидовича Красинского в предотвращении агрессивных действий. Использование метода контент-анализа позволило получить новую информацию о рассматриваемом историческом эпизоде. Документы из личного фонда Г. Д. Красинского, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики, со всей очевидностью показывают активную позицию и деятельную роль полярного исследователя в деле освоения Арктики и закрепления государственных границ СССР в период, когда он был назначен помощником начальника Особой гидрографической экспедиции на о. Врангеля в 1924 г. Наиболее интересный документ – официальное обращение Г. Д. Красинского народному

комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину, связанное с организацией второй экспедиции на остров, – приводится в статье с незначительными сокращениями. Документ дает представление о замыслах Красинского по осуществлению финального этапа пресечения активных действий иностранных «агрессоров». Автор письма справедливо полагал, что только фактическая колонизация о. Врангеля будет являться действенным ответом на посягательства англичан и американцев, не без основания оценивавших его как важную базу для трансполярных воздушных сообщений. Наряду с принципом историзма в работе использовался метод биографического анализа, позволившего детально исследовать жизненный путь рассматриваемой персоналии, дать объективные оценочные показатели его профессиональному умению предвидеть будущее – просчитывать действия в своей работе на много шагов вперед. Так, идеи Г. Д. Красинского впоследствии нашли свое подтверждение в годы холодной войны, когда на острове были размещены военные объекты Советского Союза, и он превратился в один из важных форпостов в системе контроля целостности государственной границы СССР в Арктике. Эти же тенденции мы наблюдаем и сегодня, в свете наращивания российского военного присутствия в Арктической зоне Российской Федерации.

Abstract

The article draws on archival documents to analyze the events connected with policies of a number of foreign states contesting the sovereignty of the Wrangel Island in the Arctic that belonged to the young Soviet state in 1921–26 and the role of the polar researcher Georgy Davidovich Krasinsky in prevention of these aggressive actions. Content analysis provides new information on this historical episode. The documents from the personal provenance fond of G. D. Krasinsky in the Russian State Archive of Economics demonstrate Krasinsky's active position and role in the development of the Arctic and in the establishment of Soviet frontiers, when he was appointed assistant to the head of Special hydrographic expedition to the Wrangel Island in 1924. The most interesting document in our opinion – the official address of G. D. Krasinsky to the People's Commissar for Foreign Affairs of G. V. Chicherin concerning organization of the second expedition on the island – is published in the article with some abbreviation. This document provides insight into Krasinsky's plans on implementation of the final stage of suppression of active actions of foreign "aggressors." He believed that only actual colonization of the Wrangel Island can provide effective response to the encroachments of the British and the Americans, who naturally saw it as an important

base for transpolar air traffics. Along with principle of historicism, the article uses method of biographic analysis, which allows to investigate in details Krasinsky's course of life and to give objective assessment of his professional ability to anticipate the future, that is, to work out his actions proactively. Thus, G. D. Krasinsky ideas were confirmed in the days of the Cold War, when military facilities of the Soviet Union were placed on the island, and it became an important outpost in monitoring the integrity of the Soviet frontiers in the Arctic. We still observe these same tendencies today, in the light of the strengthening of Russian military presence in the Arctic zone of the Russian Federation.

Ключевые слова
Исторические источники, экспедиция на о.Врангеля, советский сектор Арктики, правовой режим Арктики, Г. Д. Красинский, канонерская лодка «Красный Октябрь», колонизация о.Врангеля.

Keywords
Historical sources, expedition to the Wrangel Island, Soviet sector of the Arctic, legal regime of the Arctic, G. D. Krasinsky, cannon boat "Red October," colonization of the Wrangel Island.

При изучении истории открытия и освоения о. Врангеля, этого небольшого «затерянного» в арктических просторах между Восточно-Сибирским и Чукотским морями клочка суши, мы часто встречаем как иностранные имена, так и наших соотечественников: собственно русского моряка-исследователя лейтенанта Ф. П. Врангеля – впервые нанесшего эту землю на морскую карту; капитанов американских таможенных судов «Корвин» и «Роджерс» – Гупера и Берри, впервые высадившихся на острове; британского подданного В. Стефенсона – поселившего на острове колонистов; наконец, известного гидрографа, полковника флота Российской империи Б. В. Давыдова, благодаря которому нашей стране удалось сохранить за собой о. Врангеля. Однако из данного перечня совершенно несправедливо выпала фамилия полярного исследователя Георгия Давидовича Красинского (1890–1955). А ведь его деятельное участие и весомый вклад в дело «закрепления» о. Врангеля за молодым советским государством неоспоримы.

Усиленное внимание к острову было приковано со стороны американских и английских мореплавателей в течение длительного времени. Наконец, в октябре 1916 г. Министерство иностранных дел Российской империи известило мировые правительства о том, что «территории и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане и открытые Вилькицким в 1913–14 гг., включены в состав Российской Империи»[1]. Ни одна страна не возразила тогда против этой нотификации, и вопрос о принадлежности острова не поднимался вплоть до революционных событий 1917 г. и последовавшей за ими Гражданской войны в России.

В сентябре 1921 г. из иностранной прессы стало известно, что необитаемый о. Врангеля «является новым владением короля Георга V». В частности, заявлялось, что данное «присоединение» было осуществлено партией колонистов, снаряженных британским подданным В. Стефенсоном, которые во главе с неким А. Кроуфордом высадились 15 сентября на острове с целью «научных изысканий»[2]. О реальных же целях английских поданных сам за себя говорил тот факт, что по высадке был осуществлен подъем британского флага и началась подготовка к дальнейшей колонизации острова, то есть фактическому закреплению его за Канадой – доминионом Великобритании. В 1922 г. предполагалось заменить людей Кроуфорда, но английский пароход не смог пройти сквозь льды, и первые колонисты погибли от болезней и нехватки продовольствия. Однако это трагическое обстоятельство нисколько не помешало премьер-министру Канады У. Л. Маккензи Кингу официально заявить о претензиях метрополии на остров[3].

После установления советской власти на Дальнем Востоке у Москвы появилась возможность влиять на выходящую из-под контроля ситуацию не только дипломатическим, но и военным путем. 25 июля 1923 г. нарком по иностранным делам СССР Г. В. Чичерин писал председателю главного концессионного комитета Г. Л. Пятакову: «Канадская доктрина, гласящая, что для выявления суверенитета государство должно иметь на полярном острове или земле хоть одного постоянного жителя, никогда не была признана Россией. Между тем

в настоящий момент началась полемика между Америкой и Англией по поводу острова Врангеля: и та, и другая на него претендуют»[4].

Действительно, в России правовым основанием включения открытых арктических островов и земель в свой территориальный состав считался уже сам факт их открытия, что было общепризнанным явлением в эпоху Великих географических открытий XV–XVI вв. Но уже в XIX в. считалось, что государство, претендующее на новое территориальное приобретение, должно было своими действиями демонстрировать распространение своего суверенитета, в первую очередь установкой флага или герба на эту землю[5].

В связи с этим 3 июня 1924 г. советским правительством к о. Врангеля была направлена канонерская лодка «Красный Октябрь». Руководил походом опытный гидрограф Б. В. Давыдов, его помощником был назначен Г. Д. Красинский, также имевший опыт дальних морских походов.

Канлодка вышла из Владивостока 20 июля 1924 г., а двумя днями ранее со стороны Аляски вышла шхуна капитана Л. Лейна, с целью опередить русских, поднять на о. Врангеля американский флаг и выдвинуть свои претензии на территорию. В снаряжении моряков активно учавствовал богатый аляскинский предприниматель К. Ломен[6].

Американцы проиграли «гонку», пробравшись до острова сквозь льды только 4 октября, в то время как «Красный Октябрь» уже 19 августа прибыл в бухту Роджерса. В тот же день, вспоминал Г. Д. Красинский, команда приступила к сооружению мачты для подъема государственного флага.

На острове были обнаружены и задержаны 14 колонистов, которые впоследствии показали, что были наняты американской фирмой В. Стефенсона, сменившего к тому времени подданство[7].

Ликвидация незаконной колонии являлась лишь частью мер по пресечению попыток Лондона и Вашингтона по захвату о. Врангеля. Красинский справедливо отмечал, что «один факт подъема флага СССР на острове не исключал еще возможностей повторения попыток захвата», и принялся лоббиро-

вать вопрос о снаряжении новой экспедиции для «действительного закрепления» на острове путем его заселения[8].

В 1926 г. Г. Д. Красинский возглавил Дальневосточную экспедицию на пароходе «Ставрополь». На о. Врангеля была высажена группа колонистов во главе с исследователем Арктики Г. А. Ушаковым. В течение нескольких лет ими был создан советский поселок «с населением 70 человек – эскимосов, построена полярная станция, играющая огромную роль в восточной части Арктики, организованы промыслы по добыче белого медведя, моржей и песцов»[9].

Фактом колонизации острова СССР ответил на посягательства англичан и американцев, не без основания оценивавших его территоририю как важную базу для трансполярных воздушных сообщений. Эти же идеи развивал и Г. Д. Красинский, отмечая стремительное развитие авиационной техники. Исследователь понимал, что для будущего поколения о. Врангеля будет ценен не только как промысловый удел, а как важный пограничный пункт, выполняющий оборонные задачи. Со всей очевидностью это подтвердилось в годы холодной войны, когда на острове были размещены военные радиолокационные части, части ПВО и запасной аэродром. Сегодня, в рамках увеличения российского военного потенциала в Арктике, личный состав новой военной базы «Полярная звезда», построенной на острове осенью 2014 г., приступил к выполнению задач по обеспечению противовоздушной обороны.

№ 1
Обращение Г. Д. Красинского к народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину

Наркоминделу принадлежит инициатива посылки экспедиции на остров Врангеля в прошлом году. Наркоминделу же принадлежит инициатива постановки вопроса по заселению острова Врангеля в нынешнем году. Я полагаю, что мне будет по этому поводу позволено сообщить Вам о том, как протекает разрешение последнего вопроса.

На совещании, проходившем в отделе дальнего Востока НКИД 2-го декабря пр[ошедшего] г[ода], было решено реализацию дела заселения острова передать Наркомвнешторгу, под общим руководством Комитета Севера при ВЦИКе.

К настоящему времени мы имеем только лишь смету предполагаемых расходов, которая должна еще быть выправлена. Таким образом, ПОТРЕБОВАЛОСЬ СВЫШЕ 4-Х МЕСЯЦЕВ, ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ РАЗРАБОТАТЬ ТОЛЬКО СМЕТУ. А ведь практическое осуществление всего плана представляется делом значительно более сложным, нежели предварительный подсчёт возможных расходов [...]

Основным моментом всей операции является вопрос транспорта. По заявлению Сов[етского] торг[ового] флота, не представляется возможным использовать для похода на о. Врангеля пароход «Ставрополь», зимующий в том районе, из-за полученных им повреждений. Они также возражают против посылки к острову другого своего судна, которое все равно должно подойти к Берингову проливу, иных подходящих судов во Владивостоке нет. Поэтому совершенно естественно, что намечался лишь один выход: приобрести небольшое, тонн 500, моторное судно, приспособленное для плавания во льдах. Сосредоточенны они преимущественно в Сиетле. В такой именно плоскости вопрос рассматривался в заседании комитета Севера 4 апреля.

Должен сказать, что мне лично пришлось довольно энергично защищать подобное решение вопроса о приобретении судна. Но сейчас, после ознакомления с сообщениями американской прессы, я считаю, что положение резко меняется.

В своей статье «Asia» Л. Бурде сообщает, что братья Ломаны объявили о своем решении послать в нынешнем году другое судно на о. Врангеля. В прошлом году ими направлялась китобойная шхуна «Герман» у которой вскоре после выхода из Нома произошла поломка в машине, вследствие чего она должна была вернуться для починки. К Врангелю она подходила поздно, в конце сентября. Пробиться к острову уже не смогла и ограничилась подъемом американского флага на о. Геральд.

Отец Ломан – судья в Номе. Сыновья его известные на Аляске промышленники. То, что они объявили, они несомненно попытаются выполнить. ПОЭТОМУ НАШ ПОХОД К ОСТРОВУ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВОЗМОЖНО КРЕПЧЕ ОБЕСПЕЧЕН. Необходимо в нынешнем году заселением острова положить конец всяким дальнейшим попыткам его захвата.

Между тем, покупка шхуны в Сиетле может быть связана с рядом случайностей. При том влиянии, которым пользуются Ломаны на американском побережье, может оказаться, что нам судно не продадут. Ибо точно также, как не была для Американцев секретом прошлогодняя наша экспедиция, так не будет секретом для них и то, для чего мы теперь приобретаем шхуну. Но если и удастся приобрести судно, то нет уверенности в том, что оно по своим качествам обеспечит наш подход к острову [...]

Покупка должна быть срочной, потому что в начале навигации все промысловые суда из Сиетля уходят. Будут ли представители Наркомвнешторга достаточно авторитетными специалистами – неизвестно. Может случиться, что на приобретенной шхуне в дальнейшем откроется ряд дефектов.

Нужно также учесть, что шхуна эта должна быть доставлена к нашим берегам американским экипажем. Заместивший его советский экипаж вынужден будет выйти в Ледовитый океан на судне, на котором он еще ни разу не плавал /у нас моторных шхун на дальнем Востоке нет/, которого он не изучил, – разве может быть уверенность в том, что к острову можно будет подойти. А идти на авось, имея на борту 50 переселяющихся чукчей, – нельзя.

Когда вопрос о шхуне ставился раньше, я исходил из того, что это наиболее естественный тип судна для плавания в Ледовитом океане, что для обслуживания побережья они все равно нам нужны. Но поход к Врангелю не мыслится императивным. Казалось, что, если заселение не удастся в этом году, его можно будет осуществить в другое лето. Что в этом беды особой не будет. Но теперь, ведь очевидно, что, если Стефансону–Ломанам удастся подойти к острогу, а мы не сможем – пропадут в значительной мере те усилия, которые были нами затрачены прошлым летом.

Стало быть, вопрос должен быть поставлен также, как он ставился при первом нашем плавании: остров Врангеля надо обязательно и в нынешнем году закрепить.

А если это так, то мы вынуждены прийти к неизбежному выводу – необходимо использовать для предстоящей экспедиции один из Архангельских пароходов, ледокольного типа.

В Архангельске таких пароходов достаточно. Приобретались они во время войны [...] Лучше других сохранились «Седов» и «Малыгин» (бывший «Соловей Будимирович»), который в 1920 г., не имя угля, был затерт в Карском море. Историю с ним Вы, вероятно, помните. Первый обладает большей грузоподъемностью, но второй – мощнее. «Малыгин», правда, не так силен, как «Кр[асный] Октябрь», на котором мы ходили к Врангелю, но он на 15 лет новее последнего. К тому же он получил два года тому назад основательный ремонт в Англии.

С «Малыгиным» пойдет экипаж, хорошо его знающий и опытный в работе во льдах. У меня на виду имеются и особо квалифицированные моряки, которые, несомненно, согласятся принять участие в экспедиции. Тем самым, мы создадим необходимые предпосылки для возможно более уверенного выполнения предстоящей задачи.

Перегон «Малыгина» из Архангельска во Владивосток должен обойтись в 40–50 тыс. руб. Но большая часть этой суммы будет оправдана уже тем, что было бы переплачено лишнего при покупке шхуны в Сиетле. Ибо, сейчас, в связи с ожидающейся ранней навигацией на севере, спрос на суда в Сиетле большой, и цены стоят высокие.

Я считал нужным остановиться на этих деталях, потому что представляется чрезвычайно необходимым иметь Ваше определенно указание о том, является ли экспедиция в нынешнем году на о. Врангеля условной, или же она должна быть осуществлена безусловно. В последнем случае чрезвычайно необходимо Ваше содействие в рациональной постановке всего дела заселения острова.

Было бы также очень существенно, чтобы представитель НКИД принял участие в дальнейшем обсуждении вопросов.

6 апреля 1925 г.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 237. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–5. Машинопись. Подлинник. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economy] (RGAE), fond 237, series 1, file 18, pp. 1–5. Typescript. Original.

№ 2

Выписка из протокола совещания при Народном комиссариате по иностранным делам РСФСР по вопросам организации экспедиции на о. Врангеля. 1 марта 1926 г.

Слушали: О судне для экспедиции на о. Врангеля.

Постановили: а) Поручить т. Красинскому в трехдневный срок окончательно установить путем переговоров с Совторгфлотом возможность использования ледокольного парохода «Седов» для экспедиции на о. Врангеля;

б) Поручить ему же одновременно выяснить в переговорах с На[аркоматом] торг[овли] и др[угими] ведомствами возможность другого, соответствующего целям экспедиции, судна, а также целесообразность выделения для этой цели необходимой валюты.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 237. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–7. Машинопись. Подлинник. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE), fond 237, series 1, file 18, pp. 6–7. Typescript. Original.

Примечания

[1] *Давыдов, Б.* В тисках льда. Плавание канлодки «Красный Октябрь» на остров Врангеля / Со вступ. статьей Е. Шведе: «История острова Врангеля». – Л.: Редакционно-издательский отдел Морского ведомства, 1925. – С. 7. DAVYDOV, B. *V tiskakh l'da. Plavanie kanlodki "Krasnyi Oktyabr'" na ostrov Vrangelya* [In the grip of ice: Navigation of the connon boat "Red October" to the Wrangel Island. In Russ.]. Leningrad, Redaktsionno-izdatel'skii otdel Morskogo vedomstva publ., 1925, p. 7.

[2] *Красинский, Г. Д.* Пути Севера (Северные воздушные экспедиции 1927 и 1928 гг. Остров Врангеля и первый Ленский рейс). – М.: ОСОАВИАХИМ, 1929. – С. 11. KRASINSKY, G. D. *Puti Severa (Severnye vozdushnye eks-*

peditsii 1927 i 1928 gg. Ostrov Vrangelya i pervyi Lenskii reis) [Ways of the North (Northern air expeditions of 1927 and 1928: The Wrangel Island and the first Lensky flight). In Russ.]. Moscow, OSOAVIAKHIM publ., 1929, p. 11.

[3] Врангеля остров // Большая Советская энциклопедия. Т. 13. – М.: Советская энциклопедия, 1929. – С. 399. *Vrangelya ostrov* [Wrangel island. In Russ.]. IN: *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia. In Russ.]. Vol. 13. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya publ., 1929, p. 399.

[4] *Слабука, В. В.* В исключительных обстоятельствах: сборник документальных рассказов. – М.: Граница, 2015. – С. 61. SLABUKA, V. V. *V isklyuchitel'nykh obstoyatel'stvakh: sbornik dokumental'nykh rasskazov* [In exceptional circumstances: Collection of documentary stories. In Russ.]. Moscow, Granitsa publ., 2015, p. 61.

[5] *Саваськов, П. В.* Правовой режим Арктики // Арктика: зона мира и сотрудничества. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 29. SAVAS'KOV, P. V. *Pravovoi rezhim Arktiki* [Legal regime of the Arctic. In Russ.]. IN: *Arktika: zona mira i sotrudnichestva* [The Arctic: Zone of peace and cooperation. In Russ.]. Moscow, IMEMO RAN publ., 2011, p. 29.

[6] *Бочаров, А. А., Михайлов, А. А.* Россия и Арктика. Международно-правовые и военные аспекты оформления границ российского арктического сектора в 1920-х – начале 1930-х годов // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 9. – С. 7. BOCHAROV, A. A., MIKHAILOV, A. A. *Rossiya i Arktika. Mezhdunarodno-pravovye i voennye aspekty oformleniya granits rossiiskogo arkticheskogo sektora v 1920-kh – nachale 1930-kh godov* [Russia and the Arctic: International law and military aspects of the establishment of borders of the Russian Arctic sector in the 1920s – early 1930s. In Russ.]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2018. no. 9, p. 7.

[7] *Слабука, В. В.* Указ. соч. – С. 69. SLABUKA, V. V., 2015, p. 69.

[8] *Красинский, Г. Д.* Указ. соч. – С. 13. KRASINSKY, G. D., 1929, p. 13.

[9] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9570. Оп. 2. Д. 89. Л. 109. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE), fond 9570, series 2, file 89, p. 109.

Список литературы

Бочаров, А. А., Михайлов, А. А. Россия и Арктика. Международно-правовые и военные аспекты оформления границ российского арктического сектора в 1920-х – начале 1930-х годов // Военно-исторический журнал. – 2018. –№ 9. – С. 4–12.

Саваськов, П. В. Правовой режим Арктики // Арктика: зона мира и сотрудничества. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 27–39.

Слабука, В. В. В исключительных обстоятельствах: сборник документальных рассказов. – М.: Граница, 2015. – 229 с.

References

BOCHAROV, A. A., MIKHAILOV, A. A. *Rossiya i Arktika. Mezhdunarodno-pravovye i voennye aspekty oformleniya granits rossiiskogo arkticheskogo sektora v 1920-kh – nachale 1930-kh godov* [Russia and the Arctic: International law and military aspects of the establishment of borders of the Russian Arctic sector in the 1920s – early 1930s. In Russ.]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal,* 2018. no. 9, pp. 4–12.

SAVAS'KOV, P. V. *Pravovoi rezhim Arktiki* [Legal regime of the Arctic. In Russ.]. IN: *Arktika: zona mira i sotrudnichestva* [The Arctic: Zone of peace and cooperation. In Russ.]. Moscow, IMEMO RAN publ., 2011, pp. 27–39.

SLABUKA, V. V. *V isklyuchitel'nykh obstoyatel'stvakh: sbornik dokumental'nykh rasskazov* [In exceptional circumstances: Collection of documentary stories. In Russ.]. Moscow, Granitsa publ., 2015, 229 p.

Сведения об авторах

Бей Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Научно-исследовательский институт (военной истории), 1-е научно-исследовательское управление, 12-е научно-исследовательский отдел, докторант, г. Москва, Российская Федерация, 8-926-468-49-97, evgeniibey@yandex.ru

About the authors

Bey Evgeny Vasilievich, PhD in History, Military Academy of the General Staff of Armed Forces of the Russian Federation, Research Institute (of Military History), 1 research management department, 12 research department, doctoral candidate, Moscow, Russian Federation, +7-926-468-49-97, evgeniibey@yandex.ru

В редакцию статья поступила 4.02.2020 г.,
опубликована (для цитирования):

Бей, Е. В. «Наш поход к острову должен быть возможно крепче обеспечен». Вклад Г. Д. Красинского в установление суверенитета СССР над островом Врангеля в 1921–1926 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 751–762. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-751-762

Submitted 4.02.2020, published (for citation):

BEI, E. V. *"Nash pokhod k ostrovu dolzhen byt' vozmozhno krepche obespechen". Vklad G. D. Krasinskogo v ustanovlenie suvereniteta SSSR nad ostrovom Vrangelya v 1921–1926 gg.* ["Our Trip to the Island Should Be as Secure as Possible": G. D. Krasinsky's Contribution to the Establishment of the Sovereignty of the USSR over the Wrangel Island in 1921–26. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 751–762. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-751-7620

УДК 94(47).073+081
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-763-773

А. А. Ефимов
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Строительство великокняжеских резиденций: роль августейших особ при подготовке и проведении церемоний в правление Николая I и Александра II

Andrey A. Yefimov
St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation

Construction of the Grand Ducal Residences: The Role of August Persons in Preparation and Realization of Ceremonies under Nicholas I and Alexander II

Аннотация
В статье рассматривается один из аспектов взаимодействия августейших особ с чиновниками Министерства императорского двора при строительстве великокняжеских резиденций. Несмотря на существование многочисленных публикаций по истории строительства отдельных резиденций, о творческом пути архитекторов, о системе церемониалов в Российской империи и об императорском дворе Российской империи как явлении, многие вопросы представляют собой историографические лакуны. Автор обращается к изучению роли членов Дома Романовых в организации и проведении церемо-

ний закладки и освящения дворцов, рассматривая эти события как точки символических старта и финиша возведения этих зданий. При этом особо оговариваются причины введения ограничений в хронологическом охвате представляемого исследования, затрагивающего период правления Николая I и Александра II. Автором установлено, что в годы правления Николая I при строительстве резиденций для великой княгини Марии Николаевны, оказавшихся единственными построенными в полном объеме при этом государе, именно император принимал решения по вопросам назначения даты церемоний, а непосредственно организационную работу выполняла Строительная комиссия при Кабинете Его Императорского Величества (ЕИВ). При этом будущая владелица, участвуя в торжественных мероприятиях, от своего имени символически одаривала рабочих-строителей дополнительно к официальным наградам и выплатам, устанавливавшимся чиновниками придворного ведомства. При следующем государе, Александре II, как утверждается в статье, на первые роли выдвигаются будущие владельцы резиденций – великие князья. Именно они принимают решения как по вопросам даты и времени проведения церемоний, так и по организационным проблемам, передавая свои распоряжения чиновникам Строительной конторы Министерства императорского двора. Автор отмечает, что с получением функций организаторов августейшие заказчики также обрели и финансовую ответственность за выплаты участникам церемоний и выдачу символических презентов.

Abstract

The article considers one of the aspects of interaction of the august personages with the employees of the Ministry of the Imperial Court during the construction of grand ducal residences. Although there are numerous architects' biographies, publications on the history of palaces construction, ceremonies in the Russian Empire, Imperial court of the Russian Empire as a phenomenon, many issues are lacking in the historiography. The author examines the role of the Romanov family members in preparation and realization of ceremonies, such as laying of the foundation stones and consecration of palaces, considering these events as a symbolic start and finish of the construction. Reasons behind the chronological framework of the article, which is limited to the epochs of Nicholas I and Alexander II, are specifically stipulated. The author argues that under Nicholas I, when the residences for the Grand Duchess Maria Nikolaevna were being constructed (they proved to be the only ones finished in that period), it was the Emperor who set the date of the ceremonies, while all organizational activities were carried out by the Construction Commission under the

Cabinet of His Imperial Majesty. However, the future owner, when participating in the celebrations, symbolically gifted construction workers on her behalf in addition to the official awards and payments distributed by the employees of the Court Department. The article states that under the next sovereign, Alexander II, the future owners of the residences, the grand dukes, were promoted to the first roles. They made decisions both on the date and time of the ceremonies and on organizational issues, passing their orders to the employees of the Construction Bureau of the Ministry of the Imperial Court. The author notes that with acquisition of their functions of organizers, the august customers also gained financial responsibility that manifested in payment to ceremonies participants and distribution of symbolic gifts.

Ключевые слова
Исторические источники, Министерство императорского двора, император Николай I, император Александр II, великий князь, церемония, дворец, строительство августейших резиденций.

Keywords
Historical sources, Ministry of the Imperial Court, Emperor Nicholas I, Emperor Alexander II, Grand Duke, ceremony, palace, construction of the august residences.

Исследование строительной деятельности Министерства императорского двора (МИДв) подразумевает обращение к целому ряду разноплановых проблем и вопросов. Одним из важнейших среди них является взаимодействие и взаимоотношения членов императорской фамилии с чиновниками придворного ведомства, архитекторами, подрядчиками и поставщиками на этапе подготовки к строительству и непосредственного возведения комплексов великокняжеских дворцов. Стоит сразу отметить, что эта проблема освещена в историографии очень неравномерно. Так, тема взаимоотношений представителей Дома Романовых и архитекторов неоднократно обращала на себя внимание исследователей. Специально он рассматривается работах А. С. Лосевой, В. А. Резвина и Е. А. Борисовой[1]. Отдельные сведения по рассматриваемой проблеме представлены в работах специалистов искусствоведов и историков архитектуры, изучающих историю жизни и творчества выдающихся зодчих – А. И. Штакеншнейдера,

Г. Э. Боссе и др., а также историю создания отдельных памятников или комплексов зданий и сооружений[2]. Однако формируемое большинством авторов представление о роли августейших особ в строительстве оказывается неполным. Главным образом это можно объяснить сфокусированностью на линии «член императорской фамилии – архитектор», когда основное внимание уделяется проявлению художественного вкуса заказчиков в экстерьере и интерьере возводимых дворцов, а также ограничение в использовании источниковой базы, когда некоторые авторы не выходят за пределы опубликованных источников.

Соответственно такие проблемы, как отношение августейших заказчиков к определению места для будущей резиденции, их предпочтения по использованию тех или иных инженерных и технических решений, степень влияния на отбор подрядчиков и поставщиков, вмешательство (через пожелания и указания) в составление проектно-сметной документации, приготовление к строительству и непосредственное проведение строительных работ, оказываются недостаточно исследованы.

В свою очередь исследователи, обращающиеся к истории императорского двора как социокультурного явления и системе церемониалов Российской империи[3], в первую очередь фокусируются на событиях государственного значения, связанных как непосредственно с императором и его семьей в ее узком понимании, так и с главными императорскими резиденциями, оставляя мероприятия, проводившиеся младшими членами Дома Романовых, за отдельными исключениями, вне рассмотрения.

В представляемой статье ставится цель на основе архивных материалов исследовать взаимодействие великих князей как заказчиков с чиновниками Министерства императорского двора и архитекторами при подготовке и проведении церемоний закладки и освящения резиденций. При этом данные события рассматриваются как сакральные «точки» начала и завершения создания дворцов. Ограничения в хронологическом охвате обусловлены в первую очередь отсутствием на данном этапе исследования в нашем распоряжении

источников, позволяющих применительно к резиденциям, возводившимся при Александре III и Николае II, исследовать подобные церемонии. Однако стоит предположить, что в условиях сформированной базовой схемы их подготовки и проведения представленные в статье данные могут быть экстраполированы и на последующие царствования.

Предварительно необходимо особо отметить, что закладка нового великокняжеского дворца в рассматриваемый период отнюдь не являлась реальным рубежом старта строительных работ. К моменту ее проведения, как можно судить по документам, могли быть завершены, в частности, работы нулевого цикла. Так, А. И. Штакеншнейдер, непосредственно руководивший возведением Мариинского дворца, поднял перед администрировавшей реализацию проекта Строительной комиссией Кабинета Его Императорского Величества (ЕИВ) вопрос о церемонии закладки резиденции 23 сентября 1839 г. «по случаю устройства фундамента, приближающегося до подвального этажа»[4].

В годы правления Николая I решения о дате и времени проведения закладки принимались самим императором. Так, по докладу министра императорского двора П. М. Волконского государь постановил провести закладку дворца в Сергиевке 28 июля 1839 г.[5], а будущего Мариинского дворца – 1 октября 1839 г.[6] Однако при Александре II дату церемонии назначали уже сами будущие владельцы дворцов – великие князья. День закладки дворца на Михайловской даче был определен волей великого князя Михаила Николаевича, который вначале, 3 июля 1858 г., через архитектора Г. Э. Боссе сообщил Строительной конторе МИДв[7] о своем желании провести церемонию 11 июля 1858 г., «в день тезоименитства великой княгини Ольги Федоровны», а уже 6-го числа переназначил ее на день раньше, о чем уведомил чиновников придворного ведомства через управляющего своей конторой Ф. Ф. Зальцмана. Равным образом в ответ на запрос Строительной конторы МИДв о дате закладки будущего Ново-Михайловского дворца гофмейстер Его Высочества граф Н. Д. Зубов 18 июля 1858 г. передал волю августейшего заказчика, назначившего ее на воскресенье, 20 июля 1858 г.[8]

По завершении церемонии организовывалась выдача вещевых и денежных подарков священнослужителям и присутствовавшим мастерам и рабочим. При этом в первой половине XIX в., когда строительные работы по МИДв велись под контролем Кабинета ЕИВ, могли иметь место двойные выплаты, как от придворного ведомства, так и от высочайших особ. Например, при закладке загородного дворца для великой княгини Марии Николаевны в Сергиевке по решению Кабинета ЕИВ на основании представленных данных священнику с причтом выплатили 100 руб., а присутствовавшим при закладке строителям и чинам охраны выдали: 10 каменщикам – по 50 коп. каждому, 32 плотникам – по 50 коп., 132 землекопам – по 25 коп., 16 каменотесам – по 25 коп., 7 артельным десятникам – по 5 руб. каждому, казенному десятнику – 10 руб., унтер-офицеру – 10 руб. и рядовому – 2 руб. 50 коп. Дополнительно уже от великой княгини Марии Николаевны, посетившей церемонию наряду с императором, цесаревичем Александром Николаевичем и герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, было пожаловано рабочим десятникам по рублю серебром, а рабочим – по рублю ассигнациями[9]. В свою очередь при возведении дворцов второй половины XIX столетия расходы на сопровождение церемонии закладки погашались из личных сумм великих князей. Так, по случаю закладки Владимирского дворца по представлению графа Б. А. Перовского из собственной суммы великого князя Владимира Александровича на расходы по молебну ушло 52 руб., на покупку для 173 рабочих ситцевых рубах – 190 руб. 30 коп., на денежные награды десятникам, дворникам и прочим лицам – 34 руб., на завтрак, обед, угощение рабочих и прочее – 219 руб.[10]

Традицией было и вручение одновременно и символичного, и дорогостоящего подарка главному архитектору. При этом возможный предмет для передачи в дар от лица августейшего заказчика мог быть выбран старшим чиновником его двора, с представлением соответствующего предложения на утверждение. Так, автору проекта Владимирского дворца в Санкт-Петербурге А. И. Резанову граф Б. А. Перовский предложил вручить «серебряный портсигар в 80 рублей», украшенный гравировкой «Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго

Князя Владимира Александровича. 21го сентября 1867 г.», что и было исполнено в начале октября того же года[11].

В свою очередь церемония освящения дворца была куда более представительной и действительно торжественной. Помимо непосредственно праздничного молебна, который проводили церковнослужители придворного духовенства с участием придворных певчих[12], программа включала завтрак, «фрыштык», на котором присутствовали многочисленные гости, включая членов императорской фамилии, высших чинов придворного ведомства и членов свиты.

Для обслуживания гостей и участников церемонии во время торжественного завтрака от Высочайшего двора в великокняжеские резиденции специально командировались придворные служители. На церемонии освящения Ново-Михайловского дворца, назначенной на 9 декабря 1861 г., по приказанию великого князя Михаила Николаевича его гофмейстер Н. Д. Зубов 6 декабря обратился к обер-гофмаршалу, президенту придворной конторы графу А. П. Шувалову с просьбой «о назначении в распоряжение придворной его высочества конторы для прислуживания при столах 15 официантов, 20 лакеев и 6 истопников», которым надлежало прибыть одетыми в праздничную форму[13].

После церемонии освящения, как и после церемонии закладки, лицам, осуществлявшим ее подготовку и проведение, от имени августейшего владельца новой резиденции выделялись денежные или вещевые подарки. В большинстве случаев сумма определялась решением самого великого князя сразу после завершения мероприятия и разнилась в зависимости от статуса одариваемых, когда наибольшую награду получали церковнослужители, затем шли придворные певчие, еще меньше получали музыканты. При освящении Ново-Михайловского дворца от великого князя Михаила Николаевича священнослужителям пожаловали 150 руб., придворным певчим – 75 руб., а хору музыкантов лейб-гвардии Пешей артиллерии, игравшему во время завтрака, выделили 40 руб.[14]

Подводя итог, необходимо отметить, что уровень вовлеченности августейших заказчиков в организацию церемоний

закладки и освящения великокняжеских резиденций при Николае I и Александре II имел вполне заметные отличия. В первом случае основополагающей была роль императора, активно влиявшего на решение всех вопросов, при некой отстраненности Марии Николаевны и ее супруга, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, тогда как при следующем монархе уже непосредственные заказчики и будущие владельцы дворцов принимали основные решения и даже несли бремя финансового обеспечения церемоний.

Примечания

[1] *Борисова, Е. А.* К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. – М.: Наука, 1994. – С. 234–298. BORISOVA, E. A. *K voprosu o vzaimootnosheniyakh arkhitektora i zakazchika v Rossii vo vtoroi polovine XIX v.* [On the Issue of Relations between the Architect and the Customer in Russia in the Second Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Khudozhestvennye problemy russkoi kul'tury vtoroi poloviny XIX veka* [Artistic Issues of the Russian Culture of the Second Half of the 19th Century. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1994, pp. 234–298; *Лосева, А. С.* «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 138 с. LOSEVA, A. S. *"Sebya kak v zerkale ya vizhu...": tsarskie rezidentsii glazami zakazchikov* ["I See Myself as if in Mirror...": Tsars' Residences in the Eyes of the Customers. In Russ.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2006, 138 p.; *Резвин, В. А.* Архитекторы и власть. – М.: Искусство-XXI век, 2013. – 311 с. REZVIN, V. A. *Arkhitektory i vlast'* [The Architects and the Power. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek publ., 2013, 311 p.

[2] *Андреева, В. И.* Гаральд Боссе. Архитектурное и графическое наследие. – СПб.: Палаццо, 2012. – 224 с. ANDREEVA, V. I. *Garal'd Bosse. Arkhitekturnoe i graficheskoe nasledie* [Harald Bosse: Architectural and Graphical Heritage. In Russ.]. St. Petersburg, Palatstso publ., 2012. 224 p.; *Петрова, Т. А.* Архитектор А. И. Штакеншнейдер. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. – 575 с. PETROVA, T. A. *Arkhitektor A.I. Shtakenshneider* [Architect A. I. Stakenschneider. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha publ., 2012, 575 p.

[3] *Выскочков, Л. В.* Будни и праздники императорского двора. – СПб.: Питер, 2012. – 496 с. VYSKOCHKOV, L. V. *Budni i prazdniki imperatorskogo dvora* [Routine and Holidays of the Imperial Court. In Russ.]. St. Petersburg, Piter publ., 2012, 496 p.; *Захарова, О. Ю.* Государственный церемониал как

программа власти. – М.: Центрполиграф, 2014. – 382 с. ZAKHAROVA, O. Yu. *Gosudarstvennyi tseremonial kak programma vlasti* [State Ceremonial as Programme of the Power. In Russ.]. Moscow, Tsentrpoligraf publ., 2014, 382 p.; *Зимин, И. В.* Повседневная жизнь российского императорского двора, вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. – М.: Центрполиграф, 2010. – 556 с. ZIMIN, I. V. *Povsednevnaya zhizn' rossiiskogo imperatorskogo dvora. Vtoraya chetvert' XIX – nachalo XX v. Vzroslyi mir imperatorskikh rezidentsii* [Everyday Life of the Russian Imperial Court: Second Quarter of the 19th – Early 20th Century: The Adult World of the Imperial Residences. In Russ.]. Moscow, Tsentrpoligraf publ., 2010, 556 p.; *Несмеянова, И. И.* Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен. – Челябинск: Рекпол, 2007. – 362 с. NESMEYANOVA, I. I. *Rossiiskii imperatorskii dvor pervoi poloviny XIX veka kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Russian Imperial Court of the First Half of the 19th Century as a Sociocultural Phenomenon]. Chelyabinsk, Rekpol publ., 2007, 362 p.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 35. Д. 361. Л. 1. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 468, series 35, file 361, p. 1.

[5] Там же. Д. 383. Л. 14. Ibid., file 383, p. 14.

[6] Там же. Д. 361. Л. 6. Ibid., file 361, p. 6.

[7] Строительная контора МИДв, созданная в 1856 г., стала правопреемником Строительной комиссии при Кабинете ЕИВ.

[8] РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 313. Л. 16–17; Д. 314. Л. 48–49. RGIA, fond 547, series 1, file 313, pp. 16–17; file 314, pp. 48–49.

[9] Там же. Ф. 468. Оп. 35. Д. 383. Л. 15, 22–24, 44. Ibid., fond 468, series 35, file 383, pp. 15, 22–24, 44.

[10] Там же. Ф. 528. Оп. 1. Д. 778. Л. 24. Ibid. fond 528, series 1, file 778, p. 24.

[11] Там же. Л. 24–25 об.; Д. 779. Л. 7. Ibid., pp. 24–25 verso; file 779, p. 7.

[12] Там же. Ф. 516. Оп. 28/1618. Д.178. Л. 374–375; Ф. 547. Оп. 1. Д. 506. Л. 5. Ibid., fond 516, series 28/1618, file 178, pp. 374–375; fond 547, series 1, file 506, p. 5.

[13] Там же. Ф. 547. Оп. 1. Д. 506. Л. 6, 7. 12, 12 об. Ibid., fond 547, series 1, file 506, pp. 6, 7, 12, 12 verso.

[14] Там же. Л. 17, 19, 24. Ibid., pp. 17, 19, 24.

Список литературы

Андреева, В. И. Гаральд Боссе. Архитектурное и графическое наследие. – СПб.: Палаццо, 2012. – 224 с.

Борисова, Е. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. – М.: Наука, 1994. – С. 234–298.

Выскочков, Л. В. Будни и праздники императорского двора. – СПб.: Питер, 2012. – 496 с.

Захарова, О. Ю. Государственный церемониал как программа власти. – М.: Центрполиграф, 2014. – 382 с.

Зимин, И. В. Повседневная жизнь российского императорского двора, вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. – М.: Центрполиграф, 2010. – 556 с.

Лосева, А. С. «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 138 с.

Несмеянова, И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен. – Челябинск: Рекпол, 2007. – 362 с.

Петрова, Т. А. Архитектор А. И. Штакеншнейдер. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. – 575 с.

Резвин, В. А. Архитекторы и власть. – М.: Искусство-XXI век, 2013. – 311 с.

References

ANDREEVA, V. I. *Garal'd Bosse. Arkhitekturnoe i graficheskoe nasledie* [Harald Bosse: Architectural and Graphical Heritage. In Russ.]. St. Petersburg, Palatstso publ., 2012, 224 p.

BORISOVA, E. A. *K voprosu o vzaimootnosheniyakh arkhitektora i zakazchika v Rossii vo vtoroi polovine XIX v.* [On the Issue of Relations between the Architect and the Customer in Russia in the Second Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Khudozhestvennye problemy russkoi kul'tury vtoroi poloviny XIX veka* [Artistic Issues of the Russian Culture of the Second Half of the 19th Century. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1994, pp. 234–298.

VYSKOCHKOV, L. V. *Budni i prazdniki imperatorskogo dvora* [Routine and Holidays of the Imperial Court. In Russ.]. St. Petersburg, Piter publ., 2012, 496 p.

ZAKHAROVA, O. Yu. *Gosudarstvennyi tseremonial kak programma vlasti* [State Ceremonial as Programme of the Power. In Russ.]. Moscow, Tsentrpoligraf publ., 2014, 382 p.

ZIMIN, I. V. *Povsednevnaya zhizn' rossiiskogo imperatorskogo dvora. Vtoraya chetvert' XIX – nachalo XX v. Vzroslyi mir imperatorskikh rezidentsii* [Everyday Life of the Russian Imperial Court: Second Quarter of the 19th – Early 20th Century: The Adult World of the Imperial Residences. In Russ.]. Moscow, Tsentrpoligraf publ., 2010, 556 p.

LOSEVA, A. S. *"Sebya kak v zerkale ya vizhu...": tsarskie rezidentsii glazami zakazchikov* ["I See Myself as if in Mirror...": Tsars' Residences in the Eyes of the Customers. In Russ.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2006, 138 p.

NESMEYANOVA, I. I. *Rossiiskii imperatorskii dvor pervoi poloviny XIX veka kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Russian Imperial Court of the First Half of the 19th Century as a Sociocultural Phenomenon]. Chelyabinsk, Rekpol publ., 2007, 362 p.

PETROVA, T. A. *Arkhitektor A.I. Shtakenshneider* [Architect A. I. Stakenschneider. In Russ.]. St. Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha publ., 2012, 575 p.

REZVIN, V. A. *Arkhitektory i vlast'* [The Architects and the Power. In Russ.]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek publ., 2013, 311 p.

Сведения об авторах

Ефимов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-911-971-59-49, aaefimov5@gmail.com

About the authors

Yefimov Andrey Aleksandrovich, PhD in History, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, researcher, St. Petersburg, Russian Federation, +7-911-971-59-49, aaefimov5@gmail.com

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-175.2019.6.

Grant information

This article has been prepared with financial support via grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences no. МК-175.2019.6.

В редакцию статья поступила 1.12.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Ефимов, А. А. Строительство великокняжеских резиденций: роль августейших особ при подготовке и проведении церемоний в правление Николая I и Александра II // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 763–773. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-763-773

Submitted 1.12.2019, published (for citation):

EFIMOV, A. A. *Stroitel'stvo velikoknyazheskikh rezidentsii: rol' avgusteishikh osob pri podgotovke i provedenii tseremonii v pravlenie Nikolaya I i Aleksandra II* [Construction of the Grand Ducal Residences: The Role of August Persons in Preparation and Realization of Ceremonies under Nicholas I and Alexander II. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 763-773. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-763-773

УДК 930.253 + 332.1
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-774-785

А. К. Гагиева
Коми республиканская академия государственной службы
и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Н. Н. Гагиев
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Российская Федерация

Научные исследования европейской части арктических территорий во второй половине XIX – начале XX в. как часть программы модернизации Европейского Севера России

Anna K. Gagieva
Komi Republican Academy of State Service
and Administration, Syktyvkar, Russian Federation

Nikolay N. Gagiev
G. V. Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation

Scientific Research in the European Part of the Arctic Territories in the Second Half of the 19th – Early 20th Century as a Part of the North of European Russia Modernization Program

Аннотация
В статье рассматриваются основные этапы проведения научных исследований арктических территорий Европейского Севера во второй половине XIX – начале XX в. На основе исторических источников и вышедшей литературы делается вывод об изменении характера исследований, что было связано с требованиями времени. Вторая половина XIX – начало XX в. – время, когда перед обществом была поставлена задача расширения воспроизводственной базы, что стимулировало освоение новых пространств, внедрение современных

в тот период средств передвижения, активное включение населения и областей в производственные отношения. На первый план выходили скорость и эффективность развивающихся рыночных взаимодействий между территориями. Преодоление институциональной и технической отсталости страны и территорий предполагало последовательное расширение «эффективной национальной территории» за счет развития рынка, пространственной мобильности основных факторов производства, капиталов, труда и улучшения транспортной инфраструктуры. При этом пространственной экспансии территорий отводилось особое место. Арктическая зона Европейского Севера России представляла интерес не только из-за наличия уникальных природных богатств, но и в связи с возможностью решения геополитических задач. Это должно было способствовать новому качественному росту производства и перехода его на новую ступень развития. Научные исследования европейской части арктических территорий, проводившиеся в это время, являлись частью программы модернизации Европейского Севера России, которая разворачивалась в общеевропейском масштабе. В пользу этого решения говорят рационализация административно-территориального устройства, базирующаяся на традиционных структурах низового управления, а также рост интереса к окраинам как к источникам различных ресурсов для растущей экономики и последовавшая за ней активизация научных исследований арктических территорий, носивших практический характер. Благодаря научным исследованиям освоение арктических территорий приобрело динамичный характер, что повышало интеграцию региона, в нашем случае Коми края, в общестрановое пространство.

Abstract

The article discusses main stages of scientific research of the arctic territories of the European North in the second half of the 19th – early 20th century. Drawing on historical sources and published literature, it concludes that the nature of research changed due to requirements of the time. It is known that the second half of the 19th – early 20th century was a time when society faced the task of expanding its reproduction base, which stimulated development of new spaces, introduction of new means of transport, and active inclusion of population and regions in production relations. The speed and efficiency of the developing commercial interactions between the territories came to the fore. Overcoming institutional and technical backwardness of the country and its territories involved a consistent expansion of the “effective national territory” by

means of market development, spatial mobility of the main factors of production, capital, labor, and transport infrastructure improvement. The spatial expansion played a special part. The arctic zone of the North of European Russia presented great opportunities due its unique natural resources, and also prospects of solving geopolitical problems. This was to contribute to a new qualitative growth of production and transition to a new stage of development. Scientific research of the European part of the arctic territories, which was carried out at the time, was a part of the program of modernization of the North of European Russia, which unfolded on the pan-European scale. It was supported by the reorganization of administrative-territorial structure based on traditional structures of grass-roots management and instead much interest in the periphery as a source of resources for the growing economy; scientific research of the arctic territories intensified, as it became practical. Thanks to scientific research, the development of the Arctic territories became dynamic, which speeded up the integration of the region (in our case, the Komi krai) into the national space.

Ключевые слова
Европейский Север России, научные исследования, модернизация, арктические территории, Коми край, купеческий элемент, пространственная экспансия.

Keywords
North of European Russia, scientific research, modernization, arctic territories, Komi krai, merchant element, spatial expansion.

Изучение научных исследований арктических территорий Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX в. имеет обширную историографию. Она представлена как монографическими исследованиями, так и специальными работами[1]. Много было сделано в этом направлении и краеведами[2]. Не уменьшая вклада исследователей в заявленную проблему, следует отметить, что в настоящее время появился ряд интересных концепций, позволяющих несколько иначе взглянуть на проблему освоения арктических территорий.

В настоящее время исследование научного опыта изучения арктических территорий является одной из актуальных задач. Это связано не только с повышением роли Арктики в мире,

но и с новыми подходами к изучению исторических процессов. Речь идет о «концепции модернизации», которая занимает достойное место в российской историографии и в системе гуманитарного знания. В работах ученых уральской школы под модернизацией понимается протяженный, охватывающий несколько десятилетий всеобъемлющий исторический процесс, включающий инновационные мероприятия, в ходе которых был совершен переход к индустриальному обществу, который состоялся благодаря использованию опыта предшествующего периода[3]. Если на уровне становом и региональном история модернизации достаточно хорошо изучена, то для ряда национальных регионов изучение процесса модернизации и ее влияния на историческое развитие только начинается. Цель настоящей статьи – провести анализ научных исследований арктических территорий Европейского Севера России в контексте развития модернизационных процессов во второй половине позапрошлого и в начале прошлого века.

Вторая половина XIX – начало XX в. – это время, когда перед обществом была поставлена задача расширения воспроизводственной базы, что стимулировало освоение новых пространств, внедрение новых средств передвижения, активное включение населения и областей в производственные отношения. На первый план выходили скорость и эффективность развивающихся рыночных взаимодействий между территориями. Существовавшая в первые десятилетия XIX в. структура товарообмена между районами, например между районами Коми края, позволяла осуществлять экономическое развитие при сохранении их определенной разобщенности. Монополия низких цен за счет эксплуатации природных ресурсов, которая предполагала их экстенсивный «отбор» на огромных территориях, и использование архаичных социальных институтов приводили к развитию замкнутых хозяйственных и социальных «миров».

В изучаемое время ситуация меняется. Преодоление институциональной и технической отсталости страны и территорий предполагало последовательное расширение «эффективной национальной территории» за счет развития рынка, пространственной мобильности основных факторов

производства, капиталов, труда и улучшения транспортной инфраструктуры. При этом пространственной экспансии территорий отводилось особое место. Сюда входила и арктическая зона Европейского Севера России. Она представляла интерес не только наличием здесь уникальных природных богатств, но и возможностью решения геополитических задач. Это должно было способствовать новому качественному росту производства и переходу его на новую ступень развития. Для этого необходимо было провести исследование территорий арктической зоны Европейского Севера.

«Арктические территории» – термин относительно новый. Он обозначает часть Арктики, находящейся под суверенитетом той или иной страны. Мы рассматриваем арктические территории, находящиеся под суверенитетом России, которые включают кроме Мурманской области, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов и др. территории находящиеся в Республике Коми. В настоящее время кроме г. Воркуты и ее районов в будущем сюда могут войти г. Инта и Усть-Цилемский район республики.

В изучаемое время Большеземельская тундра, северная часть бассейнов рек Печора, Цильма, Уса и их притоков относились к Печорскому уезду, или «Печорскому краю», входившему в регион под условным наименованием – Коми край. Сегодня этот регион мы определяем как арктическую территорию. История его заселения представлена в общих работах[4]. Авторы показывают миграционные процессы, проходившие на этой территории, анализируют основные занятия населения, роль русского элемента при продвижении на Север и т. д. На основе опубликованных и неопубликованных источников авторы приходят к справедливому выводу, что к началу второй половины XIX в. наблюдается значительный рост населения вблизи рек Печора, Пижма, Ижма и Цильма.

Территории Арктики достаточно давно привлекали к себе внимание исследователей, и в начале второй половины XIX в. на первый план вышли научные исследования, в которых участвовали не только ученые, но и представители власти. Известна экспедиция 1843 г. под руководством географа П. И. Крузенштерна, за что он был награжден Демидовской

премией в 1846 г.[5] Им были проведены как астрономические, географические, так и топографические исследования, составлены карты, схемы, дневники экспедиций. До него подобных исследований этих территорий не было. В 1849–1876 гг. им было организован еще ряд экспедиций. При этом главной целью являлся поиск морского пути через арктические территории. К сожалению, этого не удалось достигнуть. Несмотря на это, вклад П. И. Крузенштерна в изучение арктических территорий состоял не только в пополнении имеющихся географических знаний, но и в активной исследовательской деятельности по определению путей сообщения, которые связали бы Сибирь и Европейский Север. В 1874 г. было проведено исследование тундровой зоны арктических территорий экспедицией А. А. Штукенберга и М. С. Тарасова[6]. Нельзя не сказать и об экспедиции И. П. Братнева, чья цель – изучение природных богатств Большеземельской тундры (исследование залежей меди, нефти и их промышленное использование)[7].

Задачи промышленного освоения арктических территорий ставили также техник Б. Л. фон Врангель, инженеры А. Г. Гансберг, А. Ф. Волков, В. Л. Бацевич, капитан Ю. А. Воронов и др.[8] Они не только проводили разведку недр, ставили опытные буровые на реках Ухта, Цильма и их притоках, но и составляли карты нефтеносных территорий и расширяли, тем самым, ареал дальнейших научных исследований.

Кроме ученых вклад в изучение и развитие арктических территорий внес и купеческий элемент. Примером может служить деятельность М. К. Сидорова, В. Н. Латкина и др. по изучению фарватера р. Печоры, Печорской губы и прилегающих территорий[9]. Формируя новые экспедиции, купечество пыталось прежде всего обнаружить новые пути сообщения, открыть залежи полезных ископаемых. Купцами был организован вывоз печорской лиственницы через Печору морем, освоение региона предпринимателями расширялось. Особенностью этого этапа стало создание здесь промышленных предприятий лесозаготовительной отрасли, которые появились на Печоре в 1892–1895 гг. Активное участие в их деятельности принимали как российские купеческие дома, так и иностранные[10].

Представители купечества, в освоении арктических территорий являлись своеобразным опорным элементом конструкции региона, определив в дальнейшем структуру его исторического развития. Строительство дорог, часовен, православных храмов, участие торговцев в общественных мероприятиях местного населения, научные обследования территории приводили к развитию континентального арктического района Российской империи. Это в свою очередь активизировало геополитический фактор на стадии российской модернизации второй половины XIX – начала XX в., что усиливало взаимоотношения общества и природной среды и тем самым вводило «ценностный компонент».

Кроме ученых, географов и купеческого элемента в исследуемое время изучаемая территория привлекает внимание российского правительства. Это было связано в первую очередь с возможностью заселения территорий, создания здесь экономического и торгового анклава. Для решения этой задачи было решено создать Печорский уезд с центром в с. Ижма. Для этого сюда были отправлены правительственные экспедиции академика Ф. Н. Чернышова (1889–1891 гг.), а для окончательного принятия решения территорию посетили: в 1871 и 1880–1881 гг. – архангельские губернаторы Н. П. Игнатьев, М. М. Кониар, в 1907 г. – вологодский губернатор А.Н. Хвостов[11].

В результате исследования арктических территорий была произведена оценка полезных ископаемых (нефти, каменного угля, золота), было предложено несколько вариантов освоения территорий, а также определены задачи по их дальнейшему изучению. Участие официальных лиц в научных экспедициях приводило к активизации научных исследований не только по вопросам освоения территорий, но и при изучении климата, почв, флоры и фауны, этнографии и т. д. Благодаря этому, а также энтузиазму ученых здесь появляются первые научные институты. Примером безграничного служения науке на Европейском Севере может служить деятельность А. В. Журавского, который организовал в 1902–1914 гг. более 30 экспедиций и создал в 1906 г. Печорскую опытную сельскохозяйственную станцию Российской академии наук, дол-

гое время являвшейся единственной научной организацией на Европейском Севере России[12].

Научные исследования арктических территорий в исследуемое время невозможно представить без участия в них представителей коренного населения. Они были подсобными рабочими, являлись переводчиками. Без их участия трудно было рассчитывать на успех. Например, П. И. Крузенштерн с теплотой отзывался о «грамотном, расторопном и любознательном зырянине» Ф. Потапове, а Н. Н. Мамадышенский говорил о «блестящем переводчике-зырянине» из с. Мохча И. И. Хозяинове и т. д.[13]. Активно проявила себя и коми интеллигенция. Известно, что в подобных мероприятиях принимали активное участие известные общественные деятели И. Ф Попов и К. Ф. Жаков[14].

Научные исследования европейской части арктических территорий в изучаемое время являлись частью программы модернизации Европейского Севера России, которая разворачивалась в общеевропейском масштабе. В пользу этого говорят рационализация административно-территориального устройства, базирующаяся на традиционных структурах низового управления, а также на росте интереса к окраинам как к источникам различных ресурсов для растущих потребностей экономики, последовавшая за ней активизация географических исследований арктических территорий, носивших практический характер. Положительную роль сыграло и русское влияние на жизнь коренного населения. Вместо традиционных в их жизнь и повседневность внедрялись новые современные технологии. Благодаря научным исследованиям процессы освоения арктических территорий приобрели динамичный характер, что усиливало интеграцию региона, в нашем случае Коми края, в общестрановое пространство.

Примечания

[1] История Коми с древнейших времен до конца XX века: В 2 т. Т. 1. – Сыктывкар, 2004. – 560 с. *Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka* [History of Komi from ancient times to the late 20th century. In Russ.]. In 2 vols. Vol. 1. Syktyvkar, 2004, 560 p.; *Рощевская, Л. П.* Особенности науч-

ного изучения Коми края в XIX – начале XX в. // Научные экспедиции и исследования Коми края: Тез. докл. V науч. краеведческой конф. Республики Коми. Ч. 1. – Сыктывкар, 1993. – С. 3–6; ROSHCHEVSKAYA, L. P. *Osobennosti nauchnogo izucheniya Komi kraya v XIX – nachale XX vv.* [Features of the scientific study of the Komi region in the 19th – early 20th century. In Russ.]. IN: *Nauchnye ekspeditsii i issledovaniya Komi kraya: Tez. dokl. V nauch. kraevedcheskoi konf. Respubliki Komi* [Scientific expeditions and research in the Komi region: Proceedings of the local history conference in the Republic of Komi. In Russ.]. Syktyvkar, 1993, pp. 3–6; *Малкова, Т. А.* Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века. – Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО Российской АН, 2008. – 179 с. MALKOVA, T. A. *Nauchnye issledovaniya territorii Respubliki Komi v pervoi polovine XX veka* [Scientific research of the territory of the Komi Republic in the first half of the 20th century. In Russ.]. Syktyvkar, In-t yaz., lit. i istorii Komi NTs UrO Rossiiskoi AN publ., 2008, 179 p.; *Бровина, А. А.* Научные исследования Европейского Севера России: организация, развитие, результаты (конец XIX – первая половина XX вв): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2018. – 48 с. BROVINA, A. A. *Nauchnye issledovaniya Evropeiskogo Severa Rossii: organizatsiya, razvitie, rezul'taty (konets XIX – pervaya polovina XX vv.): Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Scientific research in the North of European Russia: Organization, development, results (late 19th – first half of the 20th century): Dr. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Moscow, 2018, 48 p.; *Силин, В. И.* Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Ч. 1. – Сыктывкар, 1996. – 123 с.; SILIN, V. I. *Ocherki po istorii geograficheskikh issledovanii na territorii Komi kraya* [Essays on the history of geographical research in the Komi krai. In Russ.]. Syktyvkar, 1996, 123 p.

[2] *Рощевская, Л. П.* Наука в деятельности Общества изучения Коми края // Известия Общества изучения Коми края. Вып. 12. – Сыктывкар, 2012. – С. 5–12. ROSHCHEVSKAYA, L. P. *Nauka v deyatel'nosti Obshchestva izucheniya Komi kraya* [Science in the activities of the Society for the study of the Komi krai. In Russ.]. IN: *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya* [Bulletin of the Society for the study of the Komi krai. In Russ.]. Vol. 12. Syktyvkar, 2012, pp. 5–12.

[3] Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Под ред. В. В. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 246 с. *Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX veka* [ALEKSEEV, V. V. (ed.). Experience of the Russian modernizations of the 18th – 20th centuries. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 2000, 246 p.

[4] Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. – Сыктывкар, 1955. – 352 с. *Ocherki po istorii Komi ASSR* [Essays on the history of the Komi ASSR. In Russ.]. Vol. 1. Syktyvkar, 1955, 352 p.; История Коми с древнейших времен до конца XX века: В 2 т. Т. 1. – Сыктывкар, 2004. – 560 с. *Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka*. [History of Komi from ancient times to the late 20th century. In Russ.]. In 2 vols. Vol. 1. Syktyvkar, 2004, 560 p.

[5] *Силин, В. И.* Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Ч. 1. – Сыктывкар, 1996. – С. 48. SILIN, V. I., 1996, p. 48.

[6] Там же. – С. 39–44. SILIN, V. I., 1996, pp. 39–44.

[7] *Силин, В. И.* Зарисовки по истории географических и краеведческих исследований Коми края. – Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. – С. 87–88. SILIN, V. I. *Zarisovki po istorii geograficheskikh i kraevedcheskikh issledovanii Komi kraya* [Sketches on the history of geographical and local history studies of the Komi krai. In Russ.]. Syktyvkar Izd-vo Komi ped. in-ta publ., 2007, pp. 87–88.

[8] Там же. – С. 110–123. SILIN, V. I., 2007, pp. 110–123.

[9] *Королев, В. Н.* России беспокойный гражданин. Сыктывкар, 1987. 110 с. KOROLEV, V. N. *Rossii bespokoinyi grazhdanin* [Russia's troubled citizen. In Russ.]. Syktyvkar, 1987, 110 p.

[10] История Коми с древнейших времен до конца XX века: В 2 т. Т. 1. – Сыктывкар, 2004. – С. 434–456 с. *Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka*. [History of Komi from ancient times to the late 20th century. In Russ.]. In 2 vols. Vol. 1. Syktyvkar, 2004, pp. 434–456.

[11] *Силин, В. И.* Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Ч. 1. – Сыктывкар, 1996. – С. 47–60. SILIN, V. I., 1996, pp. 47–60.

[12] *Бровина, А. А.* Научные исследования Европейского Севера России: организация, развитие, результаты (конец XIX – первая половина XX вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2018. – С. 22–23. BROVINA, A. A., 2018, pp. 22–23;

[13] *Силин, В. И.* Зарисовки по истории географических и краеведческих исследований Коми края. – Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. – С. 152. SILIN, V.I., 2007, p. 152.

[14] *Гагиева, А. К.* «Местное общество» г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX в. // Вестник архивиста. – 2018. – № 3. – С. 783-792. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-783-792. GAGIEVA, A. K. "*Mestnoe obshchestvo" g. Ust'-Sysol'ska Vologodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v.* [The 'Local Society' of Ust-Sysolsk, Vologda Gubernia in the Second Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2017, no. 3, pp. 783–792. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-783-792

Список литературы

Гагиева, А. К. «Местное общество» г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX в. // Вестник архивиста. – 2018. – № 3. – С. 783–792. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-783-792

Бровина, А. А. Научные исследования Европейского Севера России: организация, развитие, результаты (конец XIX – первая половина XX вв.): Автореф. дис. докт. ист. наук. – М., 2018. – С. 48 с.

История Коми с древнейших времен до конца XX века: В 2 т. Т. 1. – Сыктывкар, 2004. – 560 с.

Королев, В. Н. России беспокойный гражданин. – Сыктывкар, 1987. – 110 с.

Малкова, Т. А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века. – Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО Российской АН, 2008. – 179 с.

Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Под ред. Алексеева В. В. – М.: Наука, 2000. – 246 с.

Рощевская, Л. П. Наука в деятельности Общества изучения Коми края // Известия Общества изучения Коми края. Вып. 12. – Сыктывкар, 2012. – С. 5–12.

Силин, В. И. Зарисовки по истории географических и краеведческих исследований Коми края. – Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. – 246 с.

Силин, В. И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Ч. 1. – Сыктывкар, 1996 – 123 с.

References

GAGIEVA, A. K. "*Mestnoe obshchestvo" g. Ust'-Sysol'ska Vologodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v.* [The 'Local Society' of Ust-Sysolsk, Vologda Gubernia in the Second Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2017, no. 3, pp. 783–792. doi 10.28995/2073-0101-2018-3-783-792

BROVINA, A. A. *Nauchnye issledovaniya Evropeiskogo Severa Rossii: organizatsiya, razvitie, rezul'taty (konets XIX – pervaya polovina XX vv). Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Scientific research in the North of European Russia: Organization, development, results (late 19th – first half of the 20th century): Dr. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Moscow, 2018, 48 p.

Istoriya Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka [History of Komi from ancient times to the late 20th century. In Russ]. In 2 vols. Vol. 1. Syktyvkar, 2004, 560 p.

KOROLEV, V. N. *Rossii bespokoinyi grazhdanin* [Russia's troubled citizen. In Russ.]. Syktyvkar, 1987, 110 p.

MALKOVA, T. A. *Nauchnye issledovaniya territorii Respubliki Komi v pervoi polovine XX veka* [Scientific research of the territory of the Komi Republic in the first half of the 20th century. In Russ.]. Syktyvkar, In-t yaz., lit. i istorii Komi NTs UrO Rossiiskoi AN publ., 2008, 179 p.

Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII—XX veka [ALEKSEEV, V. V. (ed.). Experience of the Russian modernizations of the 18th – 20th centuries. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 2000, 246 p.

ROSHCHEVSKAYA, L. P. *Nauka v deyatel'nosti Obshchestva izucheniya Komi kraya* [Science in the activities of the Society for the study of the Komi krai. In Russ.]. IN: *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya* [Bulletin of the Society for the study of the Komi krai. In Russ.]. Vol. 12. Syktyvkar, 2012, pp. 5–12.

SILIN, V. I. *Zarisovki po istorii geograficheskikh i kraevedcheskikh issledovanii Komi kraya* [Sketches on the history of geographical and local history studies of the Komi krai In Russ.]. Syktyvkar Izd-vo Komi ped. in-ta publ., 2007, 246 p.

SILIN, V. I. *Ocherki po istorii geograficheskikh issledovanii na territorii Komi kraya* [Essays on the history of geographical research in the Komi krai. In Russ.]. Syktyvkar, 1996, 123 p.

Сведения об авторах

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, доцент, Коми республиканская академия государственной службы и управления, кафедра государственного и муниципального управления, профессор, г. Сыктывкар, Российская Федерация, 8-8212-30-27-80, gngkol2@mail.ru

Гагиев Николай Николаевич, кандидат экономических наук, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, кафедра национальной и региональной экономики, доцент, г. Москва, Российская Федерация, 8-499-237-87-81, gagiev.nn@rea.ru

About the authors

Gagieva Anna Kapitonovna, PhD in History, associate professor, Komi Republican Academy of State Service and Administration, department of state and municipal management, professor, Syktyvkar, Russian Federation, +7-8212-30-27-80, gngkol2@mail.ru

Gagiev Nikolay Nikolaevich, PhD in Economics, G. V. Plekhanov Russian University of Economics, department of national and regional economics, assistant professor, Moscow, Russian Federation, +7-499-237-87-81, gagiev.nn@rea.ru

В редакцию статья поступила 24.12.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Гагиева, А. К., Гагиев, Н. Н. Научные исследования европейской части арктических территорий во второй половине XIX – начале XX в. как часть программы модернизации Европейского Севера России // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 774–785. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-774-785

Submitted 24.12.2019, published (for citation):

GAGIEVA, A. K., GAGIEV, N. N. *Nauchnye issledovaniya evropeiskoi chasti arkticheskikh territorii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. kak chast' programmy modernizatsii Evropeiskogo Severa Rossii* [Scientific Research in the European Part of the Arctic Territories in the Second Half of the 19th – Early 20th Century as a Part of the North of European Russia Modernization Program. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 774–785. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-774-785

УДК 94(47).084.6
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-786-795

В. Б. Безгин
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация

В. П. Николашин
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация

Основные источники по изучению институциональных и социальных аспектов коллективизации черноземной деревни. На материалах региональных архивов 1928–1932 гг.

Vladimir B. Bezgin
Tambov State Technical University, Tambov,
Russian Federation

Vadim P. Nikolashin
G. R. Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russian Federation

Main Sources for Studying Institutional and Social Aspects of the Black Earth Villages Collectivization: Materials from Regional Archives (1928–32)

Аннотация
Статья посвящена общественно значимой и дискуссионной проблеме российской истории – коллективизации в черноземной деревне. Данной проблематике посвящена обширная историография, поэтому авторы обратили внимание на исследование наименее изученных аспектов аграрных преобразований, проводимых советской властью в 1928–1930 гг. По их мнению, именно анализ, изучение

социальных и институциональных факторов позволит определить причины, выявить механизм и установить последствия коллективизации. Целью публикации является выявление ключевых архивных источников по изучаемой научной проблеме в архивах черноземных областей. Географические рамки очерчены губерниями Центрально-Черноземного региона, в состав которого входят современные Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская и Тамбовская области. При проведении исследования были также учтены административно-территориальные изменения в Центральном Черноземье, а также сопровождающее их комплектование и переформирование архивных фондов. В историографии советского периода при изучении коллективизации главное внимание уделялось проблеме колхозного строительства, а также вопросу о борьбе с кулачеством. Напротив, историография проблемы деятельности прокуратуры, судов, ОГПУ в черноземной деревне в изучаемый период в настоящее время только формируется, что обусловлено, в том числе, грифом секретности на архивных документах в советский период и сохраняющиеся по сей день полными или частичными ограничениями на доступ к ряду фондов. При подготовке статьи были выявлены прежде не публиковавшиеся и не введенные в научный оборот документы региональных архивов Тамбовской, Курской, Орловской, Белгородской, Воронежской и Липецкой областей. В них исследованы источники, раскрывающие различные аспекты деятельности ключевых государственных институтов в деревне, а также социальных групп. В них уделяется внимание деятельности прокуратуры, политотделов МТС, окружных контрольных комиссий, борьбе с кулачеством и ряду других сюжетов. Исследование источников по теме исследования дает основание утверждать, что в фондах данных архивов содержатся интересующие нас документы и материалы. Это открывает возможность ввода в научный оборот широкого круга источников, позволяющих осуществить критический анализ общественно-политических реалий 1928–1930 гг., сконструировать динамическую модель развития черноземной деревни.

Abstract

The article is devoted to the socially significant and debatable theme in the Russian history – collectivization in the Black Earth village. Extensive historiography is devoted to this problem; therefore, the authors draw attention to the study of the least studied aspects of the agrarian transformations carried out by the Soviet government in 1928–30. In their opinion, analysis and study of social and institutional factors will determine the causes, identify the mechanism, and establish the consequences of the

collectivization. The publication strives to identify key archival sources on the issue in the Black Earth region archives. The geographical framework is the gubernias of the Central Black Earth region, that is, modern Lipetsk, Belgorod, Tambov, Kursk, Oryol, and Voronezh regions. The study takes into account administrative and territorial reforms in the Central Black Earth region, as well as subsequent acquisition and reforming of archival fonds. Traditionally, Soviet historiography on collectivization focused on the creation of collective farms and struggle against kulaks. Contrariwise, modern historiography of the prosecutor's office activities, the courts, the OGPU in the Black Earth village is still emergent, as many fonds were classified during the Soviet period and some remain so at least partially to this day. In preparing the article, documents have been identified in the regional archives of the Tambov, Kursk, Oryol, Belgorod, Voronezh, and Lipetsk regions, which have been previously unpublished and never introduced into scientific use. They reveal various aspects of the activities of main state institutions and social groups in the village. They detail the activities of the prosecutor's office, MTS political departments, district control commissions, the struggle against the kulaks, and some other subjects. The study of the sources on topic permits to assert that the fonds of these archives contain documents and materials of some interest. Introduction into scientific use of this wide range of sources enables to conduct critical analysis of the socio-political realities of 1928–30 and to construct a dynamic model of the Black Earth village development.

Ключевые слова
Коллективизация, черноземная деревня, общественно-политические изменения, источники, архивы, фонд.

Keywords
Collectivization, Black Earth village, socio-political changes, sources, archives, fond.

Тема трансформации институтов и социальных систем в ходе коллективизации в черноземной деревне имеет большой исследовательский потенциал. Изучаемой проблематике посвящена обширная зарубежная и отечественная историография, введен в научный оборот значительный массив архивных документов. Нормативные акты, материалы периодической печати, а также сборники документов позволяют составить целостное представление о социально-экономичес-

ких и общественно-политических процессах, происходивших в деревне в данный период.

Но несмотря на глубокую проработку данной тематики, сохраняются лакуны, требующие конкретизации и более тщательного анализа событий в черноземной деревне в период коллективизации. Новейшая отечественная и зарубежная историография, а также группы архивных документов позволяют подготовить обобщающие научные труды по проблемам аграрных преобразований 1928–1930-х гг. в контексте социальных и институциональных изменений.

Большинство российских аграрных преобразований осуществлялись «сверху». Коллективизация выделяется на их фоне радикализмом применяемых инструментов, высокой степенью мобилизации аппарата власти, уровнем насилия в отношении крестьянства, а также интенсивным формированием новых экономических институтов в деревне.

Деревни Центрального Черноземья были выбраны в качестве объекта исследования по причине того, что в течение революционных и экономических потрясений первой трети XX в. российское крестьянство играло значимую роль в обеспечении политического центра государства сельскохозяйственной продукцией. Столь высокая включенность черноземной деревни в хозяйственные процессы страны стала причиной негативных тенденций в социальном и институциональном измерениях, возникших в ходе коллективизации.

1928–1932 годы стали для черноземной деревни периодом широкой кампании по коллективизации и раскулачиванию. К 1935 г. новая система аграрного производства и общественно-политических отношений сформировалась окончательно. Радикальная советская модернизация имела конкретные цели по выкачиванию ресурсов из крестьянства для индустриализации, а также была направлена на трансформацию крестьянской ментальности, формирование нового жизненного уклада деревни, сочетающегося с хозяйственной деятельностью новых агропроизводственных институтов в селе – колхозов и совхозов. Впоследствии коллективизация существенно изменила существовавшие до 1930-х гг. экономический, общественно-политический ландшафт и уклад черноземной деревни.

Социальная напряженность в черноземной деревне в ходе коллективизации сформировала богатый материал для исследователей темы советских аграрных преобразований 1930-х гг. В фондах региональных архивов Курской, Воронежской, Тамбовской, Белгородской и Орловской областей отложились материалы различного происхождения. В целом источниковая база представлена несколькими крупными комплексами: нормативными актами, периодикой, статистическими материалами, архивными документами.

Особое место для исследователя данного периода занимают опубликованные источники[1]. При проведении системного анализа коллективизации в Центрально-Черноземном регионе привлечение периодических изданий данного периода не является основополагающим, так как они не отражали всей палитры социально-экономических реалий, полной картины событий. И, напротив, ретушировали ее. Жесткий политический контроль позволял размещать на страницах газет только материалы, отражавшие единственную, проправительственную точку зрения. К таким источниками относятся периодические издания областного и окружного уровня. Например, такие газеты, как воронежская «Коммуна», «Орловская правда» и др.

Особо необходимо выделить, что на формирование массива документов, хранящихся сегодня в различных архивных учреждениях Центрального Черноземья, повлияла как Великая Отечественная война, так и масштабные административно-территориальные преобразования, происходившие как в 1920–1930-е гг., так и в послевоенный период. Отдельно следует отметить процесс формирования фондов государственных архивов Белгородской и Липецкой областей. Данные регионы возникли в 1954 г. В их состав вошли районы и города соседних областей Центрального Черноземья. По этому же принципу были сформированы фонды местных архивов. Например, Государственный архив Белгородской области получил основную массу документов из Государственных архивов Воронежской и Липецкой областей в 1966–1967 гг.

Наиболее полно картину социально-экономических и общественно-политических изменений начального периода

коллективизации, раскулачивания дают материалы, сконцентрированные в окружных органах управления (упразднены в 1930 г. с изменением административно-территориального деления). В Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО) это фонды Тамбовского (Ф. П-855) и Козловского (Ф. П-835) окружкомов ВКП(б), Козловская окружная контрольная комиссия (Ф. П-881) и др. Общественно-политическое и социально-экономическое положение в Тамбовском и Козловском округах позволяют дополнить материалы из Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) – Тамбовский и Козловский окрисполкомы Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-2 и Ф. Р-4). Аналогичные материалы содержатся в фондах Государственного архива общественно-политической истории Курской области: в фондах П-79 – Окружной комитет (окружком) ВКП(б) и П-11 – Льговский окружной комитет (окружком) ВКП(б) (1928–1930).

Государственный архив Липецкой области также содержит ряд фондов, которые концентрируют материалы уровня окружных политических органов партии: Ф. Р-381 – Усманского окружного суда Центрально-Черноземной области, Ф. 30 – Елецкого окружного комитета ВКП(б) и др. В Государственном архиве Белгородской области представлены фонды: Ф. Р-607 – Белгородского окружного земельного управления (окрзем управления, окрзу), Ф. Р-577 – Старооскольского окружного земельного управления (окрзем управления, окрзу).

В Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) отложилось значительное количество материалов по изучаемой проблематике. Они сконцентрированы в фондах земельных отделов и управлений исполкомов ЦЧО (ОКРЗУ, ОКРЗО): Ф. Р-2016 – Борисоглебский, Ф. Р-788 – Воронежский, Ф. Р-876 – Острогожский, Ф. Р-817 – Россошанский земельные отделы. Здесь представлены постановления, указания органов советской власти различного уровня о механизации сельского хозяйства, порядке управления государственным земельным фондом, о колхозном строительстве, выявлении и исключении из колхозов кулаков, проведении социалистического соревнования, организации тракторных

колонн, о ходе коллективизации и др. Содержатся данные о районах сплошной коллективизации, списки колхозов и кооперативных товариществ и другие данные. Дополняют эти материалы документы следующих фондов: Ф. 600 – Земельная комиссия Центрально-Черноземного областного земельного управления, Ф. 1166 – Земельное управление исполкома ЦЧО (Облземуправление, ОблЗУ ЦЧО) и др.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО) аккумулирует в своих фондах обширную документальную базу. В частности, в Ф. 2 – Областной комитет ВКП(б) Центрально-Черноземной области содержатся обобщающие материалы по всем округам по изучаемой проблематике.

Важными источниками по проблеме институциональных и социальных аспектов коллективизации черноземной деревни являются материалы фондов, содержащие документы о деятельности различных органов власти, социальных групп. Особое место здесь занимает деятельность прокуратуры, которая осуществляла контроль за работой судебно-следственных органов, милиции и мест заключения. В ГАТО это фонд Ф. Р-663 – Тамбовская городская и районная прокуратура (1930–1936 гг.). В Государственном архиве Орловской области аналогичные материалы хранятся в фонде Ф. Р-232 – Орловская окружная прокуратура. Здесь представлены данные окружной прокуратуры о контроле за организацией весенней посевной кампании, о ходе коллективизации, о ликвидации кулачества. Также в Государственном архиве Орловской области в Ф. Р-457 – Орловское окружное земельное управление (Орловское окрзу) содержится большой объем документов по исследуемой проблематике.

Актуальной проблематикой в контексте исследуемой научной проблемы является изучение роли одного из экономических институтов – машинотракторных станций (МТС). Документы Государственного архива общественно-политической истории Курской области содержатся в Ф. П-96 – Политсектор МТС Курской области (1933–1934). Здесь представлены разнообразные материалы: докладные записки, информационные материалы политсектора и политотделов МТС,

характеризующие партийно-массовую и комсомольскую деятельность в МТС, совхозах, колхозах, а также работу с беспартийным активом, классовую борьбу в черноземной деревне, ход хлебопоставок, коллективизации и другие данные.

Материалы фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) – Ф. 7446 (Колхозцентр СССР и РСФСР), ГАОПИВО – Ф. 2 (Областной комитет ВКП(б) Центрально-Черноземной области обобщающие материалы), ГАСПИТО – Ф. П-855 (Тамбовский окружной комитет партии) содержат комплекс документов о мобилизации и работе двадцатипятитысячников, в них находятся письма в Колхозцентр, Облколхозсоюз, Облкоопхлебсоюз, а также в направлявшие их органы с описанием положения в деревне, быта и противоречий, складывавшихся на местах.

Важные материалы содержат фонды земельных отделов исполнительных комитетов районных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В них также представлены документы о проведении коллективизации, раскулачивании, лишении граждан избирательных прав. Фонды, содержащие материалы о деятельности сельских советов народных депутатов и их исполнительных комитетов (сельсоветов), аккумулируют в себе, в том числе, документы о проведении коллективизации.

Дополняют документы архивов ЦЧО материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) – Ф. 1235 (ВЦИК и его подведомственные учреждения), РГАЭ – Ф. 7446 (Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов), Ф. 478 (Наркомзем РСФСР), Ф. 7486 (Минсельхоз СССР), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) – Ф. 631 (Фракция ВКП(б) в центрах кооперации системы Наркомзема).

Таким образом, выявленные архивные материалы позволяют решить поставленные цели, сформировать документальную базу по теме институциональных и социальных трансформаций в ходе коллективизации черноземной деревни. Поиск материалов потребовал изучения административно-территориальных реформ, которые оказали влияние на накопление документов в фондах архивов черноземных

областей. Комплекс выявленных фондов позволяет детализировать социально-экономические и общественно-политические процессы на местном уровне, провести исследование на микроуровне.

Примечания

[1] *Данилов, В. П., Ивницкий, Н. А.* О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с. DANILOV, V. P., IVNITSKII, N. A. *O derevne nakanune i v khode sploshnoi kollektivizatsii* [On the village on the eve and during the complete collectivization. In Russ.]. IN: *Dokumenty svidetel'stvuyut. Iz istorii derevni nakanune i vkhode kollektivizatsii 1927–1932 gg.* [DANILOV, V. P., IVNITSKII, N. A. (eds.). Documents bear testimony: From the history of the village on the eve of and during collectivization 1927–32. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1989, 526 p.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 864 с. *Sovetskaya derevnya glazami VCHK—OGPU—NKVD. 1918, 1939. Dokumenty i materialy* [BERELOVICH, A., DANILOV, V. (eds.). The Soviet village through the eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–39. Documents and materials. In Russ.]. In 4 vols. Vol. 1: 1918–22. Moscow, ROSSPEN publ., 2000, 864 p.

Список литературы

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 864 с.

References

DANILOV, V. P., IVNITSKII, N. A. *O derevne nakanune i v khode sploshnoi kollektivizatsii* [On the village on the eve and during the complete collectivization. In Russ.]. IN: *Dokumenty svidetel'stvuyut. Iz istorii derevni nakanune i vkhode kollektivizatsii 1927–1932 gg.* [DANILOV, V. P. IVNITSKII, N. A. (eds.). Documents bear testimony: From the history of the village on the eve of and during collectivization 1927–32. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1989, 526 p.

Sovetskaya derevnya glazami VCHK—OGPU—NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [BERELOVICH, A., DANILOV, V. (eds.). The Soviet village through the eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–39: Documents and materials. In Russ.]. In 4 vols. Vol. 1: 1918–1922. Moscow, ROSSPEN publ., 2000, 864 p.

Сведения об авторах

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор, Тамбовский государственный технический университет, кафедра истории и философии, профессор, г. Тамбов, Российская Федерация, 8-910-758-43-83, vladyka62@mail.ru

Николашин Вадим Павлович, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, технопарк «Державинский», заместитель директора по инновационной работе, г. Тамбов, Российская Федерация, 8-900-496-73-61, nikolashin.vadim@yandex.ru

About the authors

Bezgin Vladimir Borisovich, PhD in History, professor, Tambov State Technical University, department of history and philosophy, professor, Tambov, Russian Federation, +7-910-758-43-83, vladyka62@ mail.ru

Nikolashin Vadim Pavlovich, PhD in History, G. R. Derzhavin Tambov State University, Technopark "Derzhavinsky," deputy director for innovation, Tambov, Russian Federation, +7-900-496-73-61, nikolashin.vadim@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-49-680002/19) и администрации Тамбовской области в рамках совместного регионального конкурса научных проектов «Коллективизация в черноземной деревне: институциональный и социальный аспекты».

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-49-680002 / 19) and of the administration of the Tambov region within the frameworks of the joint regional competition of research projects "Collectivization in the Black Earth Village: Institutional and social aspects."

В редакцию статья поступила 4.01.2020 г.,
опубликована (для цитирования):

Безгин, В. Б., Николашин, В. П. Основные источники по изучению институциональных и социальных аспектов коллективизации черноземной деревни. На материалах региональных архивов 1928–1932 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 786–795. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-786-795

Submitted 4.01.2020, published (for citation):

BEZGIN, V. B., NIKOLASHIN, V. P. *Osnovnye istochniki po izucheniyu institutsional'nykh i sotsial'nykh aspektov kollektivizatsii chernozemnoi derevni. Na materialakh regional'nykh arkhivov 1928 – 1932 gg.* [Main Sources for Studying Institutional and Social Aspects of the Black-Earth Villages Collectivization: Materials from Regional Archives (1928–32). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 786–795 doi 10.28995/2073-0101-2020-3-786-795

УДК 37.015
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-796-809

Е. И. Демидова, А. В. Захаров, Е. А. Ефимова
Саратовский социально-экономический институт –
филиал Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова, г. Саратов, Российская Федерация

Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1930-е гг.

Elena I. Demidova, Aleksandr V. Zakharov, Elena A. Efimova
Saratov Socio-Economic Institute –
Branch of the G. V. Plekhanov Russian University
of Economics, Saratov, Russian Federation

Formation of the "Soviet Human Capital" in the Higher Education in the 1930s

Аннотация
В статье рассматриваются различные аспекты политики большевиков по формированию нового советского студенчества в 1930-е гг. Новый человек, послушный и энергичный строитель социалистического общества, в понимании советской власти не должен быть отягощен прошлым, его образами, традициями и обычаями как на лично-бытовом уровне, так и на уровне общественном. Как следствие, серьезные изменения в семейной политике были направлены на уравнение в правах мужчин и женщин, на борьбу с патриархальностью. Рассматриваются последствия данной политики в студенческой среде, изменения политики советского государства по отношению к студенческой молодежи в 1930-е гг. «Высшая школа рассматривается государством в 1920-е гг. как институт по "производству" не просто "кадров специалистов", а именно человеческого капитала». ВКП(б) в своих социально-политических практиках 1930-х гг. продолжала реализовывать на практике концепт советской системы высшего образования и формирования «советского человеческого капитала». Но в рассматриваемые годы наблюдаются определенные изменения

и корректировки: если в 1920-е гг. акцент был сделан на сущностные радикальные меры, то в последующее десятилетие правящая партия в своей деятельности в сфере высшего образования частично возвращается к традиционным, классическим моделям образовательного и воспитательного процесса, но с учетом грандиозных планов по социалистическому строительству. Авторы выявляют наличие зависимости между негативными последствиями преобразований 1920-х гг. и последующей реакцией на них руководителей государства с дальнейшим разрешением проблемных ситуаций.

Abstract
The article addresses various aspects of the Bolsheviks' policies in formation of the new Soviet student community in the 1930s. In the view of the Soviet government, new man, obedient and energetic builder of the socialist society, should not be burdened by the past, its images, traditions, and customs, be it at the mundane or social level. As a result, there were major changes in family policy aimed at equalization of men and women and at fighting patriarchy. The article discusses the implications of this policy for the student environment and changes in the Soviet policy toward students in the 1930s. As has been mentioned in the preceding article, *In the 1920s the state regarded higher education as an institute for "production" of "human capital," as well as that of specialists*. In its social and political practices of the 1930s, the AUCP (B) continued to realize the concept of Soviet higher education system and formation of the "Soviet human capital." But these years saw certain changes and adjustments: while in the 1920s the emphasis was placed on essential radical measures, in the following decade the ruling party returned to traditional, classical models of educational process in its activities in the field of higher education, with due regard to grandiose plans for socialist construction. The authors reveal a correlation between the negative consequences of the 1920s transformations and the subsequent reaction of the state aiming at resolution of problematic situations.

Ключевые слова
Архивные документы, человеческий капитал, студенчество, советская высшая школа, семья, молодежь, социокультурные ценности.

Keywords
Archival documents, human capital, students, Soviet higher education, family, youth, socio-cultural values.

Первая мировая война, революционные потрясения 1917 г., Гражданская война, сложный процесс становления советской власти и ее институтов, радикальное реформирование всех сфер жизни общества в 1920-е гг. изменили судьбы миллионов наших соотечественников[1]. События более чем 100-летней давности противоречивы как по своему содержанию, так и по последствиям. Студенческая молодежь играла в этих процессах исключительно важную роль. Ее «руками» осуществляли преобразования, ее использовали для достижения поставленных целей, она была субъектом революционных процессов. Но молодежь становится и важнейшим объектом внутренней политики советского государства, ей уделяется большое внимание с точки зрения ее перспективной роли в дальнейших преобразованиях, ее формируют и воспитывают в определенном идеологическом контексте.

В данной статье ставится цель: продолжить начатый анализ политики правящей большевистской партии по формированию нового советского студенчества. Опираясь на архивные источники, периодическую печать 1920–1930-х гг., важно определить, как осуществлялся воспитательный процесс в высших учебных заведениях страны в условиях становления советской системы высшего образования. Понять, как менялись образ «советского студенчества», его содержательные характеристики, практики его формирования.

Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач за основу был взят принцип объективности, позволивший изучить и понять события в соответствии с объективной реальностью эпохи. В работе применены как общенаучные, так и специальные исторические методы. Анализ и синтез применялись при изучении исторических источников. Историко-хронологический метод позволил выстроить события в соответствии с исторической действительностью. Хронологические рамки исследования охватывают период 1920–1930-х гг. Территориально – Поволжский регион и Россия в целом. Документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО), перио-

дическая печать 1920–1930-х гг. стали источниковой основой исследования.

Важным направлением воспитания нового человека стала борьба за новый быт и советскую семью в студенческой среде. Большевистское руководство страны считало, что именно в семье у личности формируются потребительские, социально-культурные и нравственные потребности, ценности, установки и предпочтения. Законодательные нововведения объективно носили прогрессивный характер: учреждалась единая по всей стране процедура регистрации брака в специальных органах записи актов гражданского состояния, провозглашалось равенство мужчин и женщин. Но традиционное, исторически сложившееся в России семейное воспитание вступало в противоречие с планами революционных преобразований, развития и укрепления коллективистских начал в обществе. Отсюда и проекты по разрушению буржуазных форм семьи и быта, и борьба за «либерализацию» семейных отношений, которая происходила на протяжении всех 1920-х гг. Лидеры большевиков, и прежде всего представительницы пролетарского женского движения А. М. Коллонтай, Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, К. Н. Самойлова, рассчитывали совершить в стране еще одну революцию: изменить семейный быт нового человека, окончательно ликвидировать сферу «частной» жизни с ее особым традиционным укладом. В этой связи особое внимание уделялось молодежи, в сознание которой всеми возможными способами активно внедрялась мысль о приоритете общественных, государственных интересов. В основе преобразований лежала идея о том, что традиционная форма семьи основана на частной собственности, что семья – средство угнетения женщин, а брак – торговый договор. А «социалистическая семья» – это прежде всего свободный союз мужчины и женщины, основанный на любви, под которым в начале 1920-х гг. понималось сожительство супругов. Практическая реализация этих проектов строилась на раскрепощении женщины и активизации ее общественно-производственной роли, а также на достижении гендерного равноправия, свободы любовных союзов, экономической независимости супругов.

В первые годы советской власти с целью ликвидации патриархальных отношений в семье был принят декрет о гражданском браке, который заменил церковную регистрацию гражданской, предоставил женщине равные права в браке и семье. Были введены в действие законы о свободе развода, об уравнивании в правах детей, рожденных в зарегистрированном браке и вне его, признана общность имущества, нажитого в период брака, легализированы аборты. Прогрессивные изменения в семейно-брачных отношениях в сложных социально-экономических условиях привели к негативным явлениям в повседневной жизни студенческой молодежи 1920-х гг. Так, в 1927 г. в браке состояла треть всех студентов, нарастала тенденция падения престижа брака. Уже в конце 1920-х гг. отрицательное отношение к институту брака выражали более 9% молодых людей и 16% девушек. Активная пропаганда новой семьи и быта на страницах печати и в художественных произведениях подрывала нравственные устои молодежи, что вело к увеличению числа внебрачных связей: в 1922 г. кратковременные связи имели 88% студентов-мужчин и более 50% женщин[2].

Половая раскрепощенность не способствовала созданию крепких союзов. Во второй половине 1920-х гг. в Саратове на 7 тыс. браков приходилось 47% разводов, причем из 100 расторгнутых браков 32% были продолжительностью менее одного года, 9% – менее одного месяца, 18% – менее двух месяцев, 27% – менее 3–6 месяцев и лишь 26% – свыше 6 месяцев[3]. Это статистика только зарегистрированных браков. В студенческой среде стало очень популярным простое сожительство.

Разрушение традиционного семейного уклада, отрицание прежних морально-нравственных норм привели к изменению сексуального поведения молодежи. Причем этот процесс дошел до крайних форм проявления, которые историк Р. В. Рыбаков назвал «сексуальным анархизмом». Он приводит факты того, что в крупных вузах страны существовали кружки «Долой невинность!», «Долой стыд!»[4]. Кратковременность союзов, основанных только на любви, а также нежелание разделять ответственность за воспитание детей порождали рост абортов и отказ матерей от рожденных детей. Так,

по данным официальной статистики за 1925 г., в Саратове на 600 человек приходилось 50 случаев искусственного прерывания беременности[5], и это без учета подпольных абортов. Создавались даже специальные абортные комиссии, которые регулировали очередность данной процедуры. Многие молодые женщины погибали.

Рост разводов среди студенческой молодежи был прямым следствием разрушения традиционных семейных отношений. Несомненную роль в этом процессе сыграли тяжелое материальное положение студентов и бытовая неустроенность, которые не позволяли студентам заводить и обеспечивать свои семьи. Студенты скудно питались, часто болели, были плохо одеты. Документальные источники, материалы периодической печати тех лет содержат негативные оценки влияния семьи на студенческую жизнь: семья отрывает студента от учебы и общественной работы, заставляет искать источники заработка, формирует мелкобуржуазный образ жизни.

В 1926 г. в сфере семейного законодательства произошел кардинальный поворот: государство перешло к принуждению граждан к выполнению своих семейных обязанностей. На наш взгляд, это было связано с негативными последствиями тех социальных экспериментов, которые имели место в 1920-е гг., а именно с ростом разводов и абортов, увеличением внебрачных детей, «социального сиротства», т. е. когда дети становились сиротами при живых родителях, что в конечном итоге стало причиной демографического спада. Все это вступило в противоречие с реализацией проекта по формированию «советского человеческого капитала». Именно поэтому руководство страны отказалось от либерализации семейных отношений и взяло курс на укрепление института семьи, причем весьма жесткими методами. В итоге полная сексуальная свобода в отношениях постепенно уходит в прошлое и заменяется традиционной формой семьи. Уже на рубеже 1920–1930-х гг. с целью укрепления материальной основы студенческой семьи делается попытка улучшить благосостояние студенчества путем кооперирования студентов на льготных условиях, развития центральной кассы взаимопомощи, направления

через профсекции наиболее нуждающихся студентов на работу, а также оказания непосредственной помощи студенткам-матерям[6]. Руководство страны пыталось исправить просчеты политики в отношении семьи, допущенные в первое десятилетие советской власти. Содержательной сущностью новой «советской семьи» теперь стало своеобразное сочетание традиций и новаций. В студенческой же среде эти процессы протекали сложно. Большое значение имели социальное и семейное происхождение молодых людей, их ценностные ориентиры.

Революционные реформы в сфере высшего образования имели неоднозначные последствия, молодой «красный специалист» не всегда был специалистом в профессии. Исправить ситуацию с качеством подготовки специалистов в системе высшего образования должны были меры, предпринятые в 1928–1929 гг. Так, для повышения успеваемости студентов июльский Пленум ЦК ВКП(б) в 1928 г. постановил освободить студентов первого и последнего курсов от всякой общественной нагрузки, кроме посещения общих партийных и профессиональных собраний. Однако отказаться от практики привлекать студентов к различным общественным и хозяйственным делам оказалось не так просто. В 1931 г. массовый отрыв партийными организациями студентов от учебных занятий для выполнения различного рода работ, не связанных с учебным планом, наблюдался почти повсеместно. Об этом свидетельствует множество фактов. В Саратовском пединституте с 1 сентября 1931 г. по 1 июля 1932 г. 218 студентов были отправлены в длительные командировки от трех до десяти месяцев для агитации и пропаганды, для борьбы с неграмотностью и т. п. Помимо этого в Саратове все студенты, по национальности калмыки, и 210 студентов «не калмыков» были сняты с 1 мая по октябрь 1931 г. на проведение «культурного штурма» в Калмыцкой области. В башкирском педагогическом институте учебный год был прерван на месяц, все студенты направлены на хозяйственное укрепление колхозов. В ярославском пединституте из 10-месячного учебного года более трех месяцев студенты выполняли хозяйственные работы, не связанные с учебным планом[7].

В ноябре 1929 г. в соответствии с июльским (1928 г.) пленумом ЦК ВКП(б) была перестроена работа во всех вузах и втузах по принципу сочетания теоретического обучения и практики в соотношении 1:1. В начале 1930-х гг. была утверждена новая система оценки успеваемости студентов с учетом текущих и итоговых (зачетные сессии и переводные испытания). Кроме того, для повышения материального благосостояния студенчества была упразднена плата за общежитие и установлен минимум стипендии в размере 35 рублей в вузах, 25 – в техникумах, а максимум – 190 рублей в вузе и 120 – в техникуме. При этом повышенный размер стипендии предполагался только для студентов последнего курса[8].

Наблюдалась определенная содержательная корректировка процесса воспитания молодежи, в том числе и студенческой. Отказ от прежних семейных устоев, агрессивная антирелигиозная пропаганда, разрушение традиционных морально-нравственных устоев крайне негативно отразились на социальном самочувствии всего общества. Но в большей степени удар был нанесен по молодежи, в среде которой стали проявляться опасные разрушительные силы: безответственность, хулиганство, пьянство, рост изнасилований и сексуальных домогательств, нежелательной беременности, абортов, самоубийств. Понимая опасность этих явлений для дальнейшей реализации социалистических планов, советская власть переходит к разработке и активному формированию и внедрению новой матрицы социокультурного облика советского человека.

Для повышения культурного уровня студенчества, а также в целях распространения духа коллективизма стали применяться массовое оздоровление, укрепление организма, культурная организация досуга и отдыха. Социализация молодежи посредством вовлечения ее во всевозможные студенческие клубы, кружки, в издание стенгазет, походы в зрительные заведения стали основными трендами этого периода. Организация экскурсий-прогулок за город, коллективного посещения летних садов-театров, группового катания на лодках, шахматных турниров, фотогрупп и массовых игр на свежем воздухе проводилась как отдельно вузами, так и совместно

с рабочими предприятий и со студентами других учебных учреждений. В 1928 г. некоторые московские вузы практиковали даже наем на коллективных началах загородных дач[9]. Приобщение к новым коммунистическим идеалам, а также внедрение здорового образа жизни активно осуществлялись посредством посещения студентами кино и театров, где у них были скидки на билеты до 75%.

Стране необходимы были не только идеологически подкованные, но и физически крепкие молодые люди, специалисты. Медицинское освидетельствование, проведенное в 1927–1928 уч. г., показало неудовлетворительное состояние здоровья, которое было выявлено у 50% студентов. Оздоровление, конечно, зависело от мер правительства по улучшению материального и бытового положения студенчества. Формирование «здорового поколения молодых строителей социализма» могло произойти только в случае организованной борьбы с вредными привычками и проведения массовой физкультурной работы среди студенчества. С этой целью коллегия Главпрофобра постановила организовать в вузах при кафедрах военных наук отделения по физкультуре, считая необходимым в дальнейшем выделение их в самостоятельные кафедры. Однако отсутствие финансовых средств не позволило организовать эту работу на должном уровне. В 1928–1929 гг. была внедрена «зарядковая» гимнастика (как ее тогда называли) во всех студенческих общежитиях, введены обязательные занятия по физкультуре по 2 часа на 1–3-м курсах и по 1 часу на 4-м курсе. В медицинских, педагогических, естественно-научных и общественно-экономических вузах на 3-м курсе увеличены часы на физическую культуру: до 3 часов в неделю. На медицинских факультетах дополнительно введен курс лечебной физкультуры[10].

Особое внимание стало уделяться распространению идей здорового образа жизни среди сельской молодежи. Перед массовым выездом студентов на летние работы или практику в сельскую местность из них, кроме всего прочего, готовили физкультурников-общественников. Для студентов организовывали консультации по физической культуре, подбирали соответствующую литературу и плакаты, составляли про-

грамму зарядки самого простого типа, чтобы обучить сельскую молодежь. По приезде обратно каждый студент должен был предоставить сводки о проделанной работе. Полученные данные затем тщательно обрабатывались с целью выявления требований и методов работы с «деревенским молодняком»[11]. В 1930-е гг. в большинстве вузов страны была организована сдача норм ГТО, существовали спортивные секции горнолыжного спорта и гимнастики, конькобежные школы, развивались волейбол, баскетбол, хоккей[12].

К середине 1930-х гг. руководству страны и местными властям и руководителям вузов удалось не только повысить уровень подготовки специалистов в плане предметных знаний, но и немного улучшить бытовые условия студенчества. Динамика улучшения материального снабжения вузов была характерна для всей системы высшего образования. Согласно отчету Саратовского государственного университета (СГУ) за 1935 г., все студенты общежития были полностью обеспечены кроватями и тумбочками. Постельное белье менялось каждые 6 дней. Цены в прачечной, которая находилась в общежитии, были снижены на 50%. Кроме того, в СГУ работали баня, медицинский пункт, парикмахерская, столовая и буфеты. Внимание стало уделяться повышению общего культурного уровня студенчества. Помимо основных досуговых мероприятий со студентами часто проводились встречи с советскими писателями, которые приезжали в глубинку, например с М. Горьким. В аудиториях университета демонстрировались кинофильмы[13], устраивались общественные чтения книг, статей в советских журналах и их обсуждение.

Таким образом, два первых послереволюционных десятилетия характеризовались бурной реформаторской деятельностью в сфере образования. В преобразованиях активно участвовали и сами студенты, многое осуществлялось их «руками». Сущность проводимых мероприятий заключалась в построении новой высшей школы с монопольным господством коммунистической идеологии на основе разрушения содержательного «здания» прежней, дореволюционной. В сложных экономических условиях под воздействием новых факторов и обстоятельств, и прежде всего становле-

ния советской системы, происходило радикальное изменение ключевых ценностей, на воплощение и защиту которых была направлена политика партийных руководителей страны. Менялось отношение к семье, семейным ценностям, ее члены уже не всегда были связаны совместным трудом, проживанием, досугом и хозяйством. В конце 1920-х гг. по инициативе власти и под полным ее контролем произошли серьезные изменения в обществе, в том числе в системе высшего образования: изменилась вузовская сеть, организация учебного и воспитательного процессов. Главной целью стало воспитание политически и идеологически выдержанной, дисциплинированной молодежи, обладавшей специальными знаниями для участия в социалистическом строительстве.

Примечания

[1] Статья является продолжением публикации, см.: *Демидова, Е. И., Захаров, А. В., Ефимова, Е. А.* Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088. DEMIDOVA, E. I., ZAKHAROV, A. V., EFIMOVA, E. A. *Formirovanie "sovetskogo chelovecheskogo kapitala" v vysshei shkole v 1920-e gg.* [The Formation of the "Soviet Human Capital" in Higher Education in the 1920s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088

[2] *Орлов, И. Б.* Студенческая семья 1920-х гг.: попытка многофакторного анализа // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века). – М.: МГОУ, 2004. – С. 110–119. ORLOV, I. B. *Studencheskaya sem'ya 1920-kh gg.: popytka mnogofaktornogo analiza* [The 1920s Student Family: An Attempt of Multi-Factor Analysis. In Russ]. IN: *Rossiiskoe studenchestvo: usloviya zhizni i byta (XVIII–XXI veka)* [Russian students: Their living conditions (18th – 21st century). In Russ.]. Moscow, MMGOU publ., 2004, pp. 110–119.

[3] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 412. Л. 4. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Saratovskoi oblasti* [State Archive of the Contemporary History of the Saratov Region] (GANISO), fond 1, series 27, file 412, p. 4.

[4] *Рыбаков, Р. В.* Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал: из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. –

2016. – № 11 (73). – Ч. 1. – С. 125. RYBAKOV, R. V. *Sotsialisticheskoi kul'ture nedostayet kakikh-to dobrodetel'nykh nachal: iz opyta vospitaniya sovetskoi molodezhi v 1920-ye gg.* [Socialist culture lacks some virtuous principle: Experience of educating Soviet youth in the 1920s. In Russ.]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki,* 2016, no. 11 (73), p. 125.

[5] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 470. Л. 7. GANISO, fond 1, series 27, file 412, p. 7.

[6] Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–4. Ibid., fond 28, series 1, file 308, pp. 1–4.

[7] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 70. Д 3401. Л. 39. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 2306, series 70, file 3495, p. 39.

[8] Там же. Д. 3495. Л. 40. Ibid., file 3495, p. 40.

[9] *Овсянников, К.* Давайте культурно-отдохнем // Красное студенчество. – 1928–1929. – № 18. – С. 11. OVSYANNIKOV, K. *Davaite kul'turno-otdokhnyem* [Let's have a cultural break. In Russ]. IN*: Krasnoe studenchestvo,* 1928–1929, no. 18, p. 11.

[10] Готов ли Главпрофобр? // Красное студенчество. – 1928–1929. – № 12. – С. 36. *Gotov li Glavprofobr?* [Is Glavprofobr ready? In Russ]. IN: *Krasnoe studenchestvo*, 1928–1929, no. 12, p. 36.

[11] *Бугельский, Ю.* Физкультура в деревне // Красное студенчество. – 1929–1930. – № 27. – С. 22. BUGELSKY, Yu. *Fizkul'tura v derevne* [Physical culture in the village. In Russ]. IN: *Krasnoe studenchestvo*, 1929–1930, no. 27, p. 22.

[12] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 3517. Л. 99–100. GARF, fond 2306, series 70, file 3517, pp. 99–100.

[13] Там же. Л. 34–35. Ibid., pp. 34–35.

Список литературы

Демидова, Е. И., Захаров, А. В., Ефимова, Е. А. Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088

Орлов, И. Б. Студенческая семья 1920-х гг.: попытка многофакторного анализа // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века). – М.: МГОУ, 2004. – С. 110–119.

Рыбаков, Р. В. Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал: из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (73). – Ч. 1. – С. 122–126.

References

DEMIDOVA, E. I., ZAKHAROV, A. V., EFIMOVA, E. A. *Formirovanie "sovetskogo chelovecheskogo kapitala" v vysshei shkole v 1920-e gg.* [The Formation of the "Soviet Human Capital" in Higher Education in the 1920s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2019, no. 4, pp. 1074–1088. doi 10.28995/2073-0101-2019-4-1074-1088.

ORLOV, I. B. *Studencheskaya sem'ya 1920-kh gg.: popytka mnogofaktornogo analiza* [The 1920s Student Family: An Attempt of Multi-Factor Analysis. In Russ]. IN: *Rossiiskoe studenchestvo: usloviya zhizni i byta (XVIII–XXI veka)* [Russian students: Their living conditions (18th – 21st century). In Russ.]. Moscow, MMGOU publ., 2004, pp. 110–119.

RYBAKOV, R. V. *Sotsialisticheskoi kul'ture nedostayet kakikh-to dobrodetel'nykh nachal: iz opyta vospitaniya sovetskoi molodezhi v 1920-ye gg.* [Socialist culture lacks some virtuous principle: Experience of educating Soviet youth in the 1920s. In Russ.]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki,* 2016, no. 11 (73), pp. 122–126.

Сведения об авторах

Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор, Саратовский социально-экономический институт – филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кафедра истории, философии, политологии и социологии, заведующая кафедрой, г. Саратов, Российская Федерация, 8-905-383-56-70, demidova-elena@yandex.ru

Захаров Александр Викторович, доктор исторических наук, доцент, Саратовский социально-экономический институт – филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кафедра истории, философии, политологии и социологии, профессор, г. Саратов, Российская Федерация, 8-927-911-00-73, zaharovav2007@ yandex.ru

Ефимова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский социально-экономический институт – филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кафедра истории, философии, политологии и социологии, доцент, г. Саратов, Российская Федерация, 8-909-340-92-29, helenn79@ mail.ru

About the authors

Demidova Elena Igorevna, PhD in History, professor, Saratov Socio-Economic Institute – Branch of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics, department of history, philosophy, political science, and sociology, head of the department, Saratov, Russian Federation, +7-905-383-56-70, demidova-elena@yandex.ru

Zakharov Aleksandr Victorovich, PhD in History, associate professor, Saratov Socio-Economic Institute – Branch of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics, department of history, philosophy, political science, and sociology, professor, Saratov, Russian Federation, +7-927-911-00-73, zaharovav2007@ yandex.ru

Efimova Elena Alexandrovna, PhD in History, associate professor, Saratov Socio-Economic Institute – Branch of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics, department of history, philosophy, political science, and sociology, assistant professor, Saratov, Russian Federation, +7-909-340-92-29, helenn79@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Grant information

The article has been prepared with the financial support of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics.

В редакцию статья поступила 24.01.2020 г.,
опубликована (для цитирования):

Демидова, Е. И., Захаров, А. В., Ефимова, Е. А. Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1930-е гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 796–809. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-796-809

Submitted 24.01.2020, published (for citation):

DEMIDOVA, E. I., ZAKHAROV, A. V., EFIMOVA, E. A. Formirovanie “sovetskogo chelovecheskogo kapitala” v vysshei shkole v 1930-e gg. [Formation of the “Soviet Human Capital” in the Higher Education in the 1930s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 796–809. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-796-809

УДК 93/99 (093.32)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-810-823

О. А. Сухова
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

Колхозы в практике государственно-политического управления в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Olga A. Sukhova
Penza State University, Penza, Russian Federation

Kolkhozes in the Practice of State Political Administration of the USSR at the Initial Stage of the Great Patriotic War of 1941–45

Аннотация
В статье анализируются проблемы интерпретации комплексов документов, представленных материалами Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) Российского государственного архива социально-политической истории и раскрывающих специфику практик государственно-политического управления в СССР в отношении колхозов на начальном этапе Великой Отечественной войны. По своей видовой принадлежности источники относятся к материалам информационной, текущей делопроизводственной и отчетной документации. В них нашли свое отражение оценки состояния аграрного производства в регионах СССР, характеризуется практика принятия и реализации управленческих решений, анализируются причины провала административно-мобилизационных кампаний. Целью написания статьи выступает источниковедческий анализ проблемы изучения пределов и возможностей военно-мобилизационной модели управления сельским хозяйством СССР в 1941–1943 гг., содержания соответствующих практик и результатов предпринятых усилий. Особую познавательную ценность имеет тезис о необходимости корреляции между аутентичным воспроизведением суждений политических акторов (в формате требований борьбы «с антигосударственной линией»,

«разбазариванием» и «очковтирательством») и реальной подоплекой антикризисного управления как компенсационного механизма при реализации военно-мобилизационной модели. В ходе исследования автор приходит к выводу, что кризисное состояние колхозного производства усугубилось появлением дополнительных угроз для жизнеспособности крестьянского хозяйства на начальном этапе Великой Отечественной войны. Сложившаяся ситуация была столь критичной, что потребовала внедрения чрезвычайных мер в практику государственно-политического управления, включая восстановление политотделов МТС, методов прямого антикризисного менеджмента, всеобщей мобилизации трудовых ресурсов в период проведения важнейших сельскохозяйственных кампаний, усиления и масштабирования практик массового политического воспитания колхозников с привлечением огромного корпуса политработников.

Abstract

The article addresses problems of document complexes interpretation, specifically, materials of the Agricultural Department of the Central Committee of the ARCP (B) from the Russian State Archive of Socio-Political History, which reveal the specifics of state political management practices in the USSR in relation to kolkhozes during the initial stage of the Great Patriotic War. By their type, these sources are materials of informational, current records, and reporting documentation. They contain assessment of the state of agricultural production in the regions of the USSR; characterize practices of making and implementing management decisions; review reasons for the failure of administrative mobilization campaigns. The article attempts a source analysis of studying capabilities and limitations of the mobilization model of agricultural management in the USSR in 1941–43 and content and results of relevant practices. The thesis of necessary correlation between authentic reproduction of political actors' judgments (in form of demands to fight the "anti-state line," "squandering," and "fraud") and underlying reasons of anti-crisis management as a compensatory mechanism in implementation of the mobilization model has its special educational value. The research has allowed the author to conclude that the crisis of collective farm production was aggravated by the appearance of additional threats to viability of peasant economy at the initial stage of the Great Patriotic War. The situation was so critical that it required implementation of emergency measures in practices of state political management, including restoration of political departments of the MTS, methods of direct anti-crisis management, general mobilization of labor resources during the

most important agricultural campaigns, strengthening of mass political education of farmers, which involved a huge corps of political workers.

Ключевые слова
Архивный документ, колхозная система, СССР, Великая Отечественная война, политотделы МТС, практики государственно-политического управления, корпус источников, источниковедческий анализ.

Keywords
Archival document, collective farm system, USSR, Great Patriotic War, political department of the MTS, practices of state political management, corpus of sources, source study.

Появление глобального тренда на нестабильность экономического развития диктует необходимость обращения к изучению национального опыта противодействия вызовам внешнего и внутреннего порядка. В этом отношении весь XX в. можно представить как непрерывную череду кризисов разной протяженности и масштаба. В 1920–1930-е гг. задачи завершения индустриализации в СССР вызвали к жизни трансформацию военно-мобилизационной модели управления народным хозяйством в инвестиционно-мобилизационную, предопределив безудержную инвестиционную экспансию государственного предпринимательства[1]. В аграрном секторе это обернулось огосударствлением сельского хозяйства, созданием системы принудительного изъятия значительной части сельскохозяйственного дохода и снижением оплаты труда[2]. При этом тактические задачи коллективизации в годы первых пятилеток определялись необходимостью формирования механизмов и способов изъятия демографических и хозяйственных ресурсов из советской деревни.

Но реализация курса на централизацию управления блокировалась на исполнительском уровне, наталкиваясь на различные формы сопротивления проводимой политике, а также на низкий уровень профессионализма, компетентности низовых управленцев, проблемы логистики и коммуникаций[3]. Поэтому закономерным итогом внедрения мобилизационной стратегии стало закрепление кризисной модели развития и,

следовательно, распространение антикризисных управленческих практик.

Со всей очевидностью кризисный характер колхозного производства проявился в годы Великой Отечественной войны, усилившей бремя хозяйственных тягот советской деревни. В одночасье село лишилось значительной части трудоспособного населения, снизился уровень механизации производства, но при этом произошло увеличение налоговой нагрузки и ужесточение административного диктата, мер регламентации и контроля трудовой активности колхозников.

Документальные свидетельства, раскрывающие специфику политических практик антикризисного управления сельским хозяйством в условиях Великой Отечественной войны, диверсифицированы в материалах Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б), отложившихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Здесь представлены текущая делопроизводственная и отчетная документация партийного руководства, а также информационные сводки региональных УНКВД. Весьма показательно, что функционал антикризисного менеджмента входил в общую структуру полномочий органов партийного управления и был синкретично представлен в формате борьбы «с антигосударственной линией», «разбазариванием» и «очковтирательством» в задачах планирования, управления и контроля[4].

Наиболее драматичная ситуация в аграрном производстве сложилась в СССР в 1941 г., так как момент вторжения захватчиков, кровопролитнейшие сражения начального этапа, оккупация важнейших хлебопроизводящих территорий совпали с началом уборки урожая и заготовки хлеба в тыловых регионах страны. В итоге многие колхозы не смогли без потерь завершить уборочную страду. Так, по Мордовской АССР на 20 ноября 1941 г. годовой план хлебозаготовок был выполнен всего на 42,4%[5].

Одной из причин срыва уборки урожая была названа «запущенность организационного руководства колхозами со стороны партийных, советских и земельных органов Мордовии», то есть местным властям пеняли на недоведение до руководства

колхозов и саботаж решений директивных органов. Речь шла, в частности: об организации работы по звеньям; о дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства[6]; о повышенной оплате труда колхозников, занятых на уборке зерновых культур[7]. Как ни парадоксально, но логика мобилизационной стратегии допускала использование рыночных механизмов регулирования аграрным сектором как мер компенсационного антикризисного порядка.

В арсенале антикризисных мер встречаем как ужесточение административного контроля, так и применение карательных санкций. Так, после получения телеграммы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1941 г. обком и райкомы ВКП(б) Мордовской АССР мобилизовали все усилия на выполнение плана по хлебозаготовкам, была обеспечена круглосуточная сушка зерна как в колхозных сушилках, так и в печах домов колхозников. Проведена проверка правильности расходования хлеба на внутриколхозные нужды. Кроме того, за попустительство и разбазаривание хлеба, провал хлебозаготовок был исключен из партии председатель Кочкуровского райисполкома, снят с работы со строгим партийным взысканием секретарь Рузаевского РК ВКП(б)[8].

В этих условиях персонифицированные обращения центра выступают методом прямого управления. Максимально оперативным способом деловой коммуникации для того времени оставался телеграф. В частности, телеграмма СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1942 г. о неудовлетворительном выполнении плана мясопоставок стала предметом специального обсуждения на заседании Тамбовского облисполкома и обкома ВКП(б) 17 февраля 1942 г.[9] Персональная ответственность за выполнение мясопоставок и ликвидацию недоимок прошлых лет была возложена на председателей райисполкомов и первых секретарей райкомов партии. Последние с регулярностью раз в пять дней должны были телеграфировать в обком и облисполком партии о ходе заготовок[10].

Тиражирование подобных решений свидетельствовало о пределе возможностей действовавшей управленческой модели. И с ноября 1941 г. была реанимирована практика «органи-

зационно-хозяйственного укрепления колхозно-совхозного строя» образца 1933–1934 гг.: были восстановлены политотделы МТС. В свое время «политотдельцы», выполнив миссию «сталинских опричников», в течение двух лет ликвидировали проблему «саботажников» и «вредителей» в советской деревне и, тем, самым, обеспечили выход сельского хозяйства из глубокого кризиса[11]. Вот и теперь основной задачей по сути чрезвычайных органов управления в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) называлось повышение уровня политической работы, внедрение дисциплины и порядка во всей работе для обеспечения своевременного выполнения хозяйственных планов[12]. Полномочия политотделов распространялись не только на работников машинно-тракторных станций, но охватывали весь спектр занятых в сельском хозяйстве, включая колхозников и рабочих совхозов. Согласно постановлению, политотделы МТС в районе действия машинно-тракторных станций были призваны оказывать повседневную помощь колхозным партийным и комсомольским организациям, инструктировать их, проверять их работу[13]. Экстраординарный характер деятельности политотделов добавлял не только масштаб полномочий, включавший и массово-политическую работу, и хозяйственные, и управленческие, и надзорные функции, но и отнесение должности начальника к номенклатуре ЦК ВКП(б)[14].

Немаловажным фактором повторного появления политотделов исследователи называют необходимость сохранения политического контроля над колхозным крестьянством и предупреждение массовых оппозиционных выступлений[15]. Но обращение к документальным свидетельствам, раскрывающим специфику повседневных практик политического управления, не позволяет согласиться с подобными суждениями. Нельзя не признать, что к концу 1941 г. в аграрном секторе экономики сложилась критическая ситуация. Тем не менее действовавший политический режим, основанный на идеях патернализма и персонификации, не противоречил традиционному восприятию власти и не вызывал тотального отчуждения. В документах партийного руководства не встречается и толики сомнения в готовности народа к выполнению долга

по защите Отечества. В описаниях провала хлебозаготовок читается скорее проявление панических настроений массового сознания, чем социальной агрессии.

По сути, при реализации курса на коллективизацию как элемента мобилизационной стратегии ее архитекторы понимали, что придется постоянно балансировать на острой грани предельно возможного ограничения внутреннего потребления, за которой – разрушение хозяйственного потенциала, массовые голодовки и гибель значительной части населения. Есть все основания предполагать, что в условиях кризиса власти обратятся к апробированным ранее практикам решения проблем, а недавний опыт деятельности политотделов позволит в кратчайшие сроки восстановить систему. Следует также учесть и скудость арсенала методов мобилизационной стратегии, в числе которых – ужесточение надзорных функций вплоть до практик прямого управления и реабилитация рыночных стимулов хозяйственной деятельности. Кроме того, политотделы выполняли еще одну важную миссию: их присутствие в деревне способствовало легитимации режима, выступало очевидным свидетельством жизнеспособности действовавшей власти.

Первым испытанием для политотделов становятся подготовка и проведение весеннего сева в 1942 г. Мобилизационный ресурс патриотических настроений населения СССР партийное руководство намеревалось поддержать специальными рекомендациями по решению наиболее острых проблем организации сельскохозяйственного производства.

Оценить масштабы кризиса и эффективность мер по его преодолению позволит анализ проекта постановления ЦК ВКП(б) «О работе политотделов МТС в период подготовки и проведения весеннего сева в 1942 г.»[16]. Политическим структурам предстояло, в том числе, противодействовать «антигосударственной практике» в среде руководства колхозами, направленной на сокрытие либо искажение информации о готовности семенного фонда, фактам порчи семян вследствие плохого их хранения. В обязанности политотделов были вменены непосредственные действия по выявлению и засыпке семян за счет внутренних ресурсов колхозов. От действий

политотделов ожидали и улучшения ухода за рабочим скотом, «увеличение резервов тягла за счет приучения коров и молодых бычков к работам»[17].

Решающими факторомами в успешной подготовке колхозов к весеннему севу были названы укрепление трудовой и государственной дисциплины в колхозах, организованность в работе, строгое соблюдение устава сельхозартели, противодействие нарушениям при начислении трудодней и их учете, «разбазариванию» колхозных продуктов[18].

В качестве инструментов административного воздействия рассматривались: расстановка и подбор руководящих кадров, «способных осуществлять директивы партии и правительства в области сельского хозяйства»; укрепление колхозных партийных и комсомольских организаций; организация социалистического соревнования; личное и регулярное участие работников политотделов в работе колхозов («контролировать их работу путем личного общения») и оказание им практической помощи, вплоть до того, что они должны были обеспечить устройство в каждом колхозе простейших детских яслей и детплощадок и подбор руководителей для них; «неустанно разъяснять и внедрять в сознание всех работников МТС и членов колхозов, что успешное проведение весеннего сева равно крупной победе на фронте и что для достижения этой победы все работники сельского хозяйства должны работать, не жалея своих сил, не покладая рук, по-военному, по-фронтовому...»; организация ежедневных читок «сообщений Советского Информбюро, статей из газет об отечественной войне, о героизме на трудовом фронте»[19].

Очевидно, что с позиций эффективности антикризисной модели можно предположить, что политотделам не удалось стабилизировать ситуацию в аграрном секторе экономики. Весной 1943 г. ЦК ВКП(б) вынужденно констатировал провал массово-политической работы политотделов, равно как и всех партийных органов управления, в отношении выполнения планов сельскохозяйственных работ. Итоги хозяйственного 1942 г. оказались неутешительными: «во многих колхозах и совхозах осталась неубранной часть урожая, допущены большие потери зерна, сорван план зяблевой пахоты и до сих

пор не выполнен план хлебозаготовок»; не удалось обеспечить наведение «большевистского порядка и дисциплины в МТС, совхозах, колхозах, тракторных и полеводческих бригадах»; необходимо принять меры к созданию благоприятных культурно-бытовых условий для работающих в поле; организовать охрану социалистической собственности, повысить революционную бдительность; добиться, чтобы политическим влиянием был охвачен каждый колхозник, каждый рабочий совхоза и МТС[20].

31 мая 1943 г. в целях «повышения ответственности директоров МТС и совхозов, а также для решительного улучшения массовой работы в колхозах, МТС и совхозах» ЦК ВКП(б) принимает решение о ликвидации политотделов[21]. С этого момента антикризисные полномочия политотделов передавались райкомам, обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик. Работники расформированных политотделов переходили в распоряжение Наркомата обороны и в дальнейшем были направлены в РККА, а также на должности директоров МТС, совхозов, редакторов районных и областных газет и т. д.[22]

Резкое и масштабное сокращение трудовых ресурсов деревни, вызванное проведением мобилизационных кампаний в РККА, а в последующем оргнаборами рабочих на предприятия промышленности, наборами молодежи в систему фабрично-заводского обучения (ФЗО), было компенсировано возвращением к практикам всеобщей трудовой повинности. Так, начиная с апреля 1942 г. все трудоспособное население городов и сельских местностей (в возрасте от 14 лет и старше) стало привлекаться на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС. В 1942 г. на полях страны дополнительно работали до 4 млн человек[23].

В 1943 г. в условиях нарастания тревожных тенденций будет зафиксирован значительный рост числа политработников, правительственных агентов, направляемых в деревню для прямого управления и мобилизации населения на решение производственных задач. В частности, по отчету Тамбовского обкома ВКП(б), в марте–апреле 1943 г. на период весеннего сева в колхозы области в районы, не обеспеченные семенами, были направлены бригады обкома ВКП(б)

«по оказанию помощи районным организациям и взыскании семян на месте путем позаимствования их у колхозов и колхозников»; в отстающие районы – «кроме ранее посланных, дополнительно товарищи из областного партийного актива»; «из городов (кроме ранее посланных) 550 человек агитаторов и 950 человек политработников из частей Красной Армии»; в «группу отстающих районов послано 12 бригад работников областного управления НКВД и областной прокуратуры»; по договоренности с командованием воинских частей в МТС и совхозы – «бригадиры, механики и трактористы из воинских частей и госпиталей в количестве 756 человек»[24].

Тем самым, кризисный формат производственной повседневности советского крестьянства стал серьезным препятствием для мобилизации ресурсов на борьбу с врагом. К началу войны колхозы не смогли существенно укрепить свой хозяйственный потенциал. В свою очередь военное лихолетье породило новые смертельные вызовы, для преодоления которых потребовались как беспримерный трудовой героизм и самопожертвование населения, так и экстраординарные практики антикризисного управления со стороны партийно-политических структур.

Примечания

1 *Черемисинов, Г. А.* Столетие мобилизационного развития российской экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 374–375. CHEREMISINOV, G. A. *Stoletie mobilizatsionnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki.* [A Century of Mobilization Development of the Russian Economy. In Russ.]. IN: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo,* 2017, vol. 17, no. 4, pp. 374–375.

2 *Мау, В., Дробышевская, Т.* Модернизация и российская экономика: три столетия догоняющего развития // Экономика России. Оксфордский сборник / Под. ред. М. Алексеева и Ш. Вебера. Кн. I. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 84. MAU, V., DROBYSHEVSKAYA, T. *Modernizatsiya i rossiiskaya ekonomika: tri stoletiya dogonyayushchego razvitiya* [Modernization and the Russian economy: Three centuries of catch-up development. In Russ.]. IN: *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik* [ALEXEEV, M., WEBER. Sh. (eds.). The Oxford Handbook of the Russian Economy. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara publ., 2015, p. 84.

[3] *Эриксон, Р.* Командная экономика и ее наследие // Экономика России. Оксфордский сборник / Под. ред. М. Алексеева и Ш. Вебера. Кн. I. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 104–105. ERIKSON, R. *Komandnaya ekonomika i ee nasledie* [Team economy and its heritage. In Russ.]. IN: *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik* [ALEXEEV, M., WEBER. Sh. (eds.). The Oxford Handbook of the Russian Economy. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara publ., 2015, p. 104–105.

[4] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), fond 17, series 123.

[5] Там же. Д. 114. Л. 28, 32. Ibid., file 114, pp. 28, 32.

[6] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 71 а. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ehkonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE), fond 7486, series 7, file 71 a.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 114. Л. 29. RGASPI, fond 17, series 123, file 114, p. 29.

[8] Там же. Л. 33. Ibid, p. 33.

[9] Там же. Д. 117. Л. 6. Ibid, file 117, p. 6.

[10] Там же. Л. 7–8. Ibid, p. 7–8.

[11] *Кондрашин, В. В., Мозохин, О. Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. – М.: Русская книга, 2017. – С. 10. KONDRASHIN, V. V., MOZOKHIN, O. B. *Politotdely MTS v 1933—1934 gg.* [Political departments of the MTS in 1933–34. In Russ.]. Moscow, Russkaya kniga publ., 2017, p. 10.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 149. Л. 71. RGASPI, fond 17, series 123, file 149, p. 71; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / 9-е изд. Т. 7. 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. – С. 260. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898–86). In Russ.]. 9th ed. Vol. 7: 1938–45. Moscow, Politizdat publ., 1985, p. 260.

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 149. Л. 71. RGASPI, fond 17, series 123, file 149, p. 71.

[14] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / 9-е изд. Т. 7. 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. – С. 261. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–86). In Russ.]. 9th ed. Vol. 7: 1938–45. Moscow, Politizdat publ., 1985, 574 p., p. 261.

[15] *Шевляков, А. С.* Ликвидация политотделов МТС и совхозов (май 1943 г.) // Библиотека журнала Русин (Кишинев). – 2015. – № 2 (2). – С. 80.

Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25293099_94505135.pdf (дата обращения: 05.04.2020). SHEVLYAKOV, A. S. *Likvidatsiya politotdelov MTS i sovkhozov (mai 1943 g.)* [Liquidation of the political departments of the MTS and state farms (May 1943). In Russ.]. IN: *Biblioteka zhurnala Rusin (Kishinev)*. 2015, no. 2 (2), p. 80 [on-line]. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25293099_94505135.pdf (accessed 05.04.2020).

[16] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 175. Л. 131. RGASPI, fond 17, series 123, file 175, p. 131.

[17] Там же. Л. 133. Ibid, p. 133.

[18] Там же. Л. 134. Ibid, p. 134.

[19] Там же. Л. 134–142. Ibid, pp. 134–142.

[20] Там же. Л. 8-10. Ibid, pp. 8–10.

[21] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / 9-е изд. Т. 7. 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. – С. 412. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–86). In Russ.]. 9th ed. Vol. 7: 1938–45. Moscow, Politizdat publ., 1985, p. 412.

[22] Там же. С. 413. Ibid, p. 413.

[23] Там же. С. 283–285. Ibid, pp. 283–285.

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 175. Л. 206. RGASPI, fond 17, series 123, file 175, p. 206.

Список литературы

Кондрашин, В. В., Мозохин, О. Б. Политотделы МТС в 1933–1934 гг. – М.: Русская книга, 2017. – 304 с.

Мау, В., Дробышевская, Т. Модернизация и российская экономика: три столетия догоняющего развития // Экономика России. Оксфордский сборник / Под. ред. М. Алексеева и Ш. Вебера. Кн. I. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 69–100.

Черемисинов, Г. А. Столетие мобилизационного развития российской экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 368–389.

Шевляков, А. С. Ликвидация политотделов МТС и совхозов (май 1943 г.) // Библиотека журнала Русин (Кишинев). – 2015. – № 2 (2). – С. 73–82.

Эриксон, Р. Командная экономика и ее наследие // Экономика России. Оксфордский сборник / Под. ред. М. Алексеева и Ш. Вебера. Кн. I. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 101–165.

References

KONDRASHIN, V. V., MOZOKHIN, O. B. *Politotdely MTS v 1933–1934 gg.* [Political departments of the MTS in 1933–34. In Russ.]. Moscow, Russkaya kniga publ., 2017, 304 p.

MAU, V., DROBYSHEVSKAYA, T. *Modernizatsiya i rossiiskaya ekonomika: tri stoletiya dogonyayushchego razvitiya* [Modernization and the Russian economy: Three centuries of catch-up development. In Russ.]. IN: *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik* [ALEXEEV, M., WEBER. Sh. (eds.). The Oxford Handbook of the Russian Economy. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara publ., 2015, pp. 69–100.

CHEREMISINOV, G. A. *Stoletie mobilizatsionnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki.* [A Century of Mobilization Development of the Russian Economy. In Russ.]. IN: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo,* 2017, vol. 17, no. 4, pp. 368–389.

SHEVLYAKOV, A. S. *Likvidatsiya politotdelov MTS i sovkhozov (mai 1943 g.)* [Liquidation of the political departments of the MTS and state farms (May 1943). In Russ.]. IN: *Biblioteka zhurnala Rusin (Kishinev).* 2015, no. 2 (2), pp. 73–82, [on-line]. Available at: *https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25293099_94505135.pdf (accessed 05.04.2020).*

ERIKSON, R. *Komandnaya ekonomika i ee nasledie* [Team economy and its heritage. In Russ.]. IN: *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik* [ALEXEEV, M., WEBER. Sh. (eds.). The Oxford Handbook of the Russian Economy. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara publ., 2015, pp. 101–165.

Сведения об авторах

Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, Педагогический институт им. В. Г. Белинского, историко-филологический факультет, декан факультета, г. Пенза, Российская Федерация, 8-927-289-20-41, savtemp@yandex.ru

About the authors

Sukhova Olga Alexandrovna, PhD in History, professor, Penza State University, V. G. Belinsky Pedagogical University, faculty of history and philology, dean, Penza, Russian Federation, +7-927-289-20-41, savtemp@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00125) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.».

Grant information

The article has been prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research (project no. 18-09-00125) "Economics and practices of social interaction in the Soviet village in the context of the mobilization economy of the USSR in the 1930s – early 1950s."

В редакцию статья поступила 15.03.2020 г.,
опубликована (для цитирования):

Сухова, О. А. Колхозы в практике государственно-политического управления в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 810-823. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-810-823

Submitted 15.03.2020, published (for citation):

SUKHOVA, O. A. *Kolkhozy v praktike gosudarstvenno-politicheskogo upravleniya v SSSR na nachal'nom etape Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg.* [Kolkhozes in the Practice of State Political Administration of the USSR at the Initial Stage of the Great Patriotic War of 1941–45. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2020, no. 3, pp. 810-823. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-810-823

УДК 94(470.331)<<1943>>[314:338.439]
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-824-835

Л. А. Болокина
Тверской государственный технический университет,
г. Тверь, Российская Федерация

Продовольственное снабжение населения Калининской области в 1943 г.

Lyubov A. Bolokina
Tver State Technical University, Tver, Russian Federation

Food Supply of the Kalinin Region Population in 1943

Аннотация
Статья посвящена изучению ситуации в сфере продовольственного обеспечения населения Калининской области, сложившейся в 1943 г. Задачами исследования являются выяснение причин значительного ухудшения положения с поступлением и распределением продуктов питания на местах, характеристика действий властных структур по решению проблемы нехватки продовольствия. Новизна исследования состоит в обращении к теме, долгое время не привлекавшей внимания отечественных историков и недостаточно освещенной в региональной историографии. Работа основана на анализе архивных источников и применении микроисторического подхода. Сведения, содержащиеся в разноообразных по характеру документах, показывают снижение объемов потребления продуктов жителями области в рассматриваемый период. Проблемы с продовольствием наблюдались как в восточных, так и в прифронтовых районах Калининской области, но наиболее сложное положение складывалось на территориях, освобожденных от оккупации. В ряде районов была зафиксирована смертность от истощения. Помимо объективной необходимости отправлять часть продовольственных ресурсов на нужды фронта, можно выделить факторы субъективного характера, повлиявшие на ухудшение продовольственной ситуации в области. Среди них неудовлетворительная работа областных заготовительных и торговых организаций, не сумевших обеспечить грамотное планирование, своевременное поступление фондовых товаров на места и эффективный контроль их расходования. Дефицит продовольствия усугуб-

лялся из-за многочисленных фактов расхищений и разбазаривания продуктов питания, самоснабжения со стороны руководителей различных организаций и предприятий, представителей власти. Особую остроту приобрел кадровый вопрос. Руководящие должности в колхозах, сельских советах, районных партийных и советских органах часто занимали граждане, не обладавшие необходимыми организаторскими качествами и компетенциями, склонные к использованию служебного положения в личных целях, проявлявшие бездушие к людям. Таким образом, неумение руководить и недостойное поведение части управленцев приводили к тому, что возможности системы централизованного снабжения продовольствием, нацеленной на оказание помощи самым беззащитным группам населения, а фактически на обеспечение их выживания в условиях войны, не были полностью реализованы.

Abstract
The article studies the situation with food supply in the Kalinin region in 1943. It aims to reveal the reasons for a considerable decline in delivery and distribution of food products at the local level and to analyze the actions of the local authorities in their efforts to solve the problems of food shortage. The research rationale consists in touching upon a subject that hasn't yet drawn the local historians' attention and hasn't been highlighted in regional historiography. The study is based on the analysis of archival sources and on the implementation of microhistorical approach. The data from various documents reveal a decline in local residents' food consumption in the studied period. There were problems with food supply in Eastern and front line areas, but the situation was most severe in the areas freed from occupation. The mortality rate due to starvation was registered in a number of areas. Apart from objective necessity to send some part of food supplies to the front line, there were also subjective factors affecting the situation with food supply in the region. Among them were malfunctioning of regional procurement, inability of trade units to achieve proper planning, timely delivery of goods, and effective control over their distribution. Food shortage was aggravated by looting and self-supply practiced by heads of organizations and authorities. Personnel issues were an acute problem. The senior posts in the kolkhozes, village Soviets, and party bodies were held by citizens who lacked managerial skills, were prone to influence peddling and often callous to the people. Therefore, mismanagement and malconduct of some administrators resulted in a situation when the potential of centralized food supply system aimed at giving help to the most vulnerable and ensuring their survival under the conditions of war was not fulfilled.

Ключевые слова
Исторические источники, архив, хлебные карточки, продовольствие, расхищение продовольствия, смертность от истощения, сельские советы, колхозы.

Keywords
Historical sources, archive, bread tickets, foodstuffs, plundering of foodstuffs, death from starvation, village Soviets, kolkhozes.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью проблем социальной сферы региона, возникших в чрезвычайных военных условиях. В начале Великой Отечественной войны Калининская область включала в себя территорию нынешней Тверской и ряд районов Псковской области. К ноябрю 1941 г. значительная часть региона была оккупирована. Целью статьи является изучение ситуации с продовольственным снабжением рядовых жителей области в 1943 г., когда в результате наступления советских войск были очищены от противника Зубцовский, Оленинский, Ржевский и другие районы, жители которых крайне нуждались в помощи. Рассматривается существовавший механизм распределения продуктов питания, выявлены обстоятельства, которые привели к осложнению положения с продовольствием в области, показана реакция представителей власти, сделана попытка оценить степень результативности их действий.

Основой исследования стали архивные материалы: протоколы заседаний и решения партийных и советских органов, спецсообщения руководителей Управления Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) по Калининской области, докладные записки и отчеты, справки, объяснения должностных лиц, заявления граждан, письма военнослужащих в местные органы власти. Использовались методы анализа и синтеза, с помощью которых при знакомстве с источниками выделялась, сравнивалась и обобщалась информация, необходимая для реконструкции социальных процессов, а также микроисторический метод, позволивший на примере Ржевского района показать общее положение с продовольствием в освобожденных от оккупантов районах.

Одним из первых авторов, предпринявших попытку объективного анализа функционирования системы продовольственного снабжения советских рабочих в военный период, стал В. С. Кожурин[1]. Позднее историки развивали данную тематику на материалах различных регионов. В трудах А. Ш. Кабировой рассмотрены особенности продовольственного обеспечения разных категорий граждан, предпринятые властями Татарстана меры по борьбе с нарушениями в сфере распределения нормированных товаров[2]. Констатируя резкое сокращение рациона сельских жителей Южного Урала в годы войны, Р. Р. Хисамутдинова приводит количественные данные, описывает последствия наступившего голода[3]. Е. Е. Красноженова и С. В. Кулик перечисляют причины ухудшения положения с продовольствием в прифронтовом регионе, признают важную роль дополнительных источников продовольствия, показывают недостатки в работе государственных и партийных органов[4]. Исследователи единодушны в выводе о том, что введение централизованного нормированного обеспечения продуктами питания в период войны было необходимой мерой, однако лишь частично удовлетворяло потребности советских граждан. В Тверской области отсутствуют работы, посвященные обозначенной проблеме, и данная публикация призвана в определенной мере восполнить этот пробел.

В 1943 г. на территории Калининской области сложилась напряженная ситуация со снабжением населения хлебом и другими продуктами. Трудности стали нарастать с ноября 1942 г., когда из ресурсов области 10 тыс. т ржи было отпущено частям Калининского фронта, а план завоза муки и продовольственного зерна из других регионов в последующие месяцы оказался сорван. Так, в декабре 1942 г. из запланированных 5 900 т поступило 2 355 т, в феврале 1943 г. из 17 700 т – лишь 4 829 т[5]. Для ускорения отгрузки хлеба в Горьковскую, Чкаловскую и другие области были командированы специальные лица, но это не привело к успеху, так как основная причина срыва поставок заключалась в том, что железная дорога не могла выделить достаточного количества вагонов.

Руководство области вынуждено было снижать объемы муки и зерна, отпускаемого населению, и в ряде районов

наблюдалось тяжелое, местами критическое положение с продовольствием. Уменьшение норм имело особое значение для граждан, мобилизованнных на оборонные, восстановительные, лесозаготовительные работы, а также эвакуированных, зачастую полностью зависевших от государственного обеспечения продуктами и выражавших резкое недовольство. Руководители УНКВД предупреждали первого секретаря Калининского областного комитета ВКП(б) И. П. Бойцова о возможности «серьезных осложнений» и «нежелательных последствий» в случае снятия со снабжения части жителей по решениям районных властей, имея в виду тыловые районы[6].

Хуже всего дела с продовольствием обстояли на освобождаемых от оккупации территориях. Так, население Оленинского района находилось под властью противника полтора года, и большинство людей «до конца ограблено и больше полугода питалось мхом и опилками», о чем напоминал секретарь районного комитета ВКП(б) в июне 1943 г. Обращаясь к областному руководству с настойчивой просьбой обеспечить регулярное поступление установленных фондов, он сообщал о случаях смертности от истощения в отдельных деревнях, где «значительное количество населения от недоедания опухли и лежат, не могут выходить на работу»[7]. Смерти от голода фиксировались в Сережинском, Старицком, Торопецком и иных районах[8].

Усугублению ситуации в начале 1943 г. способствовала неэффективная работа областной конторы «Заготзерно», нарушавшей сроки отправки нарядов на места. В Торопецком районе это привело к тому, что семьи военнослужащих из сельской местности два месяца не получали хлеб, а рабочим Пожимского льнозавода и членам их семей хлеб не выдавался с 5 по 12 февраля, в результате чего 12 февраля рабочие смены самовольно прекратили работу на 4 часа. Одна из женщин объяснила, что не стала работать, так как «совершенно выбилась из сил. Я и мои четверо детей в течение 6 дней не получили ни куска хлеба. Своих продуктов у меня нет никаких, детей в столовую не прикрепляют, обед, который я получаю из столовой, состоит из тарелки щей или супа, а вечером 2 стаканов чаю, я делю на 5 человек»[9]. В марте руководители упомянутой конторы не приняли своевременных решений

о перевозке хлебопродуктов из 16 районов, имевших солидные запасы, в районы с дефицитом или полным отсутствием зерна и муки. К тому же наряды на завоз хлеба в районы стали передаваться лишь с 12 марта, после вмешательства областного УНКВД.

В освобожденных районах выявился серьезный недостаток существовавшей системы планирования и доведения до потребителей продовольственных товаров. Областной потребительский союз рассчитывал и выдавал общий объем товаров на квартал, за исключением хлеба, по количеству населения в районе на начало квартала. Таким образом, контингент потребителей на второй квартал определялся по состоянию на 1 апреля, но в освобожденных районах основной рост числа жителей, прибывавших из эвакуации, госпиталей и постепенно освобождаемых западных районов, произошел в апреле и мае, контингент увеличился в два раза, но учтены эти люди оказались только в планах третьего квартала. В ряде случаев областные торговые организации опаздывали с доставкой продовольствия на места, не обеспечивая вовремя поступление нарядов и отгрузку товаров[10].

Анализ документов показывает, что расхищения и разбазаривание продовольственных фондов также приносили немалый урон. Подобные явления фиксировались в различных регионах страны, и в январе 1943 г. ГКО принял специальное постановление в целях борьбы с подобными правонарушениями, а вслед за ним 3 февраля последовало соответствующее решение бюро Калининского областного комитета ВКП(б) «Об усилении борьбы с расхищениями и разбазариваниями продовольственных и промышленных товаров».

Согласно сведениям УНКВД Калининской области, в начале 1943 г. эти явления имели «еще массовый характер». Должностные лица использовали разнообразные способы: завышали заявки на контингенты, подлежавшие снабжению, скрывали переходящие остатки от прошлых месяцев, списывали продовольствие на несуществующие буфеты по бестоварным накладным, не оприходовали поступавшие грузы с целью дальнейшего расхищения. Нарушения были выявлены в ряде организаций и предприятий, таких как Росглавхлеб,

Горкалининторг, Новоторжский хлебозавод и других, а также в системе потребительской кооперации Медновского, Завидовского, Спировского и многих других районов[11].

Сохранившиеся в архивных фондах документы позволяют получить более подробное представление о ситуации с продовольствием в Ржевском районе, после многомесячных исключительно кровопролитных боев полностью очищенном от противника в марте 1943 г. Сразу после освобождения государственная поддержка потребовалась не только горожанам, но и сельским жителям, ведь во многих колхозах отсутствовали как посевы, так и запасы зерна. Справиться с нехваткой продовольствия не удалось, и самым печальным последствием стали смерти от истощения.

Следует отметить неудовлетворительную работу районной потребительской кооперации. Как и в других районах, жители райцентра имели больше возможностей получить товары, в том числе продукты, а вот до селян доходило гораздо меньшее их количество. Неспособность наладить работу торговли показали и случаи порчи продуктов: весной на складе сгнило 9 216 кг картофеля, 20 кг рыбы и т. д.[12] Низкий уровень дисциплины среди сотрудников выражался в опозданиях, пьянстве, безнаказанности.

Важнейшей причиной продовольственного дефицита в районе стали многочисленные факты злоупотреблений со стороны рядовых и руководящих работников торговых организаций. По состоянию на 15 июня 1943 г. было зафиксировано расхищение промышленных и продовольственных товаров на общую сумму 58 898 руб. Так, в апреле председатель правления районного потребительского союза «не довез» товаров на сумму 4 265 руб., а заведующий складом райпотребсоюза расхитил товаров на сумму 15 841 руб., в том числе продуктов питания – на 8 174 руб.[13] Данные факты обнаружились в ходе ревизии, проведенной областным потребительским союзом, и 20 июня по решению бюро районного комитета ВКП(б) глава райпотребсоюза был снят с должности. Показательно, что его преемник был уволен уже в сентябре, но и новый назначенец также не преуспел. Этот пример иллюстрирует сложность решения кадрового вопроса в освобожденных районах, и осо-

бенно тяжелое положение было именно в сфере торговли. Секретарь Ржевского райкома партии признавал, что «в потребкооперации часто подбирают на работу случайных, непроверенных, жуликов, проходимцев. В результате имеют место растраты...»[14].

Однако ни ревизия, ни партийные органы словно не замечали существования особого ларька райпотребсоюза в Ржеве. В период с апреля по июль 1943 г. через него было продано 154 кг муки, 324 кг пряников, 121 кг сахара и другие продукты по запискам чиновников, которые обычно сразу уничтожались, но ряд экземпляров сохранился в архивных делах. Основными покупателями являлись заведующие районными отделами торговли, финансов, здравоохранения, прокурор, заместитель председателя райисполкома, секретари и заведующие отделов райкома ВКП(б) и т. д.[15] Неудивительно, что на заседании бюро райкома речь о ларьке так и не зашла.

Проверяющие из области также выявили большой перерасход продуктов в столовой районного партийного актива из-за незаконного увеличения контингента столующихся. За три с половиной месяца на одного человека было израсходовано мяса и рыбы 13,13 кг, крупы – 8,7 кг, сахара – 6 кг, при нормах соответствующих продуктов в 7,1 кг, 5,2 кг, 1,7 кг. Утвержденный контингент в 50 человек употребил в пищу 12 242 яйца, то есть 244 штуки на человека. Для сравнения можно отметить, что в детский сад за это же время отпустили 120 яиц на 60 детей, то есть по 2 штуки на ребенка. Тогда как столовая получила 146 кг сливочного масла, 53 кг конфет и 81 кг сметаны, детям было выделено 2,5 кг масла, а в конфетах и сметане вовсе отказано[16].

Подчеркнем, что ежемесячный хлебный фонд, выделяемый для снабжения населения района, не доходил своевременно и полностью до потребителей. За июль 1943 г. из поступившего фонда в 142 т было израсходовано 135,8 т, в августе из 167 т – 135 т, в сентябре из 177 т – 137 т. Таким образом, за 3 месяца остались неизрасходованными 78,2 т хлеба. В октябре при заявке в 125 т было выделено 126 т, но даже 5 ноября хлеб еще не выдавался населению, хотя на складах Панинского сельпо, например, находилось 50 т муки[17].

Между тем именно в этот период в деревнях Распопинского сельского совета на почве истощения умерло более десяти человек. В августе 1943 г. члены колхоза «Красная гора» данного сельсовета написали заявление в райком партии с просьбой о помощи. Напоминая о том, что в 1941–1942 гг. «была самая передовая на территории нашего колхоза и озимого сева в колхозе не имеется», заявители сообщали, что пайком обеспечиваются всего 25–30 человек из 135, из-за чего «вымирают от голода целыми семьями», на что сельский совет не обращает никакого внимания. Авторы документа просили секретаря райкома как можно быстрее разобрать их заявление и лично выехать для проверки и оказания помощи голодающим людям[18]. В ответ глава райкома направил указание разобраться в ситуации по существу и сообщить о принятых мерах... председателю Распопинского сельсовета и председателю колхоза «Красная гора», то есть тем самым руководителям, на которых жаловались колхозники.

В конце августа о голоде на территории указанного сельсовета сообщали комсомолка, командированная для проведения агитационно-массовой работы, и инструктор райкома, констатировавший случаи заболеваний и смертей от недоедания, факты присвоения колхозного хлеба председателем сельского совета. Для проверки поступивших сигналов на место выезжала инструктор отдела кадров райкома, вновь подтвердившая информацию и уточнившая, что лично для себя глава сельсовета взяла в разных колхозах 223 кг хлеба, в том числе в колхозе «Красная гора» 48 кг[19]. Как видим, руководители района были осведомлены о гибели людей от голода, но никаких реальных мер по их спасению не приняли, а ведь с учетом приведенных выше данных о районном хлебном фонде возможности для этого имелись.

Ответ на вопрос, почему часть селян оставалась совершенно без продовольствия, дает понимание действия механизма распределения продуктов на местах. Ежемесячно председатели сельсоветов составляли списки нуждавшихся в снабжении хлебом, списки утверждались исполкомом сельсовета и районным торговым отделом, с сентября же главы сельсоветов просто получали в районе карточки и раздавали их председа-

телям колхозов. Зарегистрированы многочисленные случаи, когда хлебные карточки получали родственники и приближенные к руководителям люди, и без того обеспеченные, в то же время крайне нуждавшиеся односельчане голодали.

В условиях войны по объективным причинам ухудшалось качество пищевого рациона жителей тыла, ведь продовольственные ресурсы прежде всего поставлялись на фронт. Однако даже весьма ограниченные объемы продуктов питания необходимо было справедливо распределить между гражданами, обеспечить их выживание. В Калининской области реализовать в полной мере эту задачу помешали недостатки планирования и контроля, присущие управленческим структурам областного, районного и местного уровней, злоупотребления и правонарушения, совершенные конкретными руководителями, а также проявленные ими некомпетентность и бездушие. Попытки борьбы с названными явлениями в 1943 г. оставались малоуспешными.

Примечания

[1] *Кожурин, В. С.* Неизвестная война. Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1990. – 289 с. KOZHURIN, V. S. *Neizvestnaya voina. Deyatelnost' Sovetskogo gosudarstva po obespecheniyu uslovii zhizni i truda rabochikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Unknown war: Activities of the Soviet state to ensure the living and working conditions of workers during the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, Akademiya obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS publ., 1990, 289 p.

[2] *Кабирова, А. Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2015. – 508 с. KABIROVA, A. Sh. *Tatarstan v gody voennykh ispytanii (1941–1945 gg.)* [Tatarstan in the days of war trials (1941–45). In Russ.]. Kazan, Izd-vo "YaZ" publ., 2015, 508 p.

[3] *Хисамутдинова, Р. Р.* Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы. – 2014. – № 1–2. – С. 63–67. KHISAMUTDINOVA, R. R. *Golod v ural'skoi derevne v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Famine in the Ural village in the days of the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Gasyrlar avazy*, 2014, no. 1–2, pp. 63–67.

[4] *Красноженова, Е. Е., Кулик, С. В.* Продовольственные проблемы юга России в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического уни-

верситета. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 22–32. KRASNOZHENOVA, E. E., KULIK, S. V. *Prodovol'stvennye problemy yuga Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Food problems of the South of Russia during the Great Patriotic War (1941–45). In Russ.]. IN: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Research and technology bulletin of the St. Petersburg Polytechnic University], 2018, vol. 9, no.1, pp. 22–32.

[5] Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 1152. Л. 259. *Tverskoi tsentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver Center for Documentation on the Contemporary History] (TTsDNI), fond 147, series 3, file 1152, p. 259.

[6] Там же. Л. 52, 60, 63, 210 об. Ibid., pp. 52, 60, 63, 210 verso.

[7] Там же. Ф. 495. Оп. 2. Д. 81. Л. 3. Ibid., fond 495, series 2, file 81, p. 3.

[8] Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1152. Л. 282. Ibid., fond 147, series 3, file 1152, p. 282.

[9] Там же. Л. 146, 263. Ibid., pp. 146, 263.

[10] Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1119. Л. 44 об.; Ф. 495. Оп. 2. Д. 81. Л. 2, 3. Ibid., fond 147, series 3, file 1119, p. 44 verso; fond 495, series 2, file 81, pp. 2, 3.

[11] Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1152. Л. 175, 176. Ibid., fond 147, series 3, file 1152, pp. 175, 176.

[12] Там же. Ф. 148. Оп. 3. Д. 40. Л. 6. Ibid., fond 148, series 3, file 40, p. 6.

[13] Там же. Ibid.

[14] Там же. Д. 66. Л. 83. Ibid., file 66, p. 83.

[15] Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1119. Л. 44, 45. Ibid., fond 147, series 3, file 1119, pp. 44, 45.

[16] Там же. Д. 1704. Л. 120 об. Ibid., file 1704, p. 120 verso.

[17] Там же. Л. 120. Ibid., p. 120.

[18] Там же. Л. 11. Ibid., p. 11.

[19] Там же. Л. 35, 41, 42. Ibid., pp. 35, 41, 42.

Список литературы

Кабирова, А. Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2015. – 508 с.

Кожурин, В. С. Неизвестная война. Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1990. – 289 с.

Красноженова, Е. Е., Кулик, С. В. Продовольственные проблемы юга России в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 22–32.

Хисамутдинова, Р. Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы. – 2014. – № 1–2. – С. 63–67.

References

KABIROVA, A. Sh. *Tatarstan v gody voennykh ispytanii (1941–1945 gg.)* [Tatarstan in the days of war trials (1941–45). In Russ.]. Kazan, Izd-vo "YaZ" publ., 2015, 508 p.

KOZHURIN, V. S. *Neizvestnaya voina. Deyatelnost' Sovetskogo gosudarstva po obespecheniyu uslovii zhizni i truda rabochikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Unknown war: Activities of the Soviet state to ensure the living and working conditions of workers during the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, Akademiya obshchestvennykh nauk pri TsK KPSS publ., 1990, 289 p.

KRASNOZHENOVA, E. E., KULIK, S. V. *Prodovol'stvennye problemy yuga Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Food problems of the South of Russia during the Great Patriotic War (1941–45). In Russ.]. IN: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Research and technology bulletin of the St. Petersburg Polytechnic University], 2018, vol. 9, no.1, pp. 22–32.

KHISAMUTDINOVA, R. R. *Golod v ural'skoi derevne v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Famine in the Ural village in the days of the Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Gasyrlar avazy*, 2014, no. 1–2, pp. 63–67.

Сведения об авторах

Болокина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Тверской государственный технический университет, кафедра медиатехнологий и связей с общественностью, доцент, г. Тверь, Российская Федерация, 8-915-705-14-55, bolokinal@mail.ru.

About the authors

Bolokina Lyubov Aleksandrovna, PhD in History, associate professor, Tver State Technical University, department of media technologies and public relations, assistant professor, Tver, Russian Federation, +7-915-705-14-55, bolokinal@mail.ru

В редакцию статья поступила 23.06.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Болокина, Л. А. Продовольственное снабжение населения Калининской области в 1943 году // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 824–835. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-824-835

Submitted 23.06.2019, published (for citation):

BOLOKINA, L. A. *Prodovol'stvennoe snabzhenie naseleniya Kalininskoi oblasti v 1943 godu* [Food Supply of the Kalinin Region Population in 1943. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 824-835. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-824-835

УДК 94(47).084.8
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-836-847

А. И. Рупасов
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Организационная подготовка первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР в Ленинграде в октябре 1945 – феврале 1946 г. По документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Alexander I. Rupasov
St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Organization of the First Post-War Elections to the Supreme Soviet of the USSR in Leningrad in October 1945 – February 1946: Documents from the Central State Archive of St. Petersburg

Аннотация
В статье анализируются документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга об организации подготовки первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР в Ленинграде в октябре 1945 – феврале 1946 г. Старт этой работе был дан изданием указа президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1945 г., которым первые послевоенные выборы в высший орган государственной власти СССР назначались на 10 февраля 1946 г. Автором выявлено, что развернутой в стране избирательной кампании придавалось исключительное политическое значение. Избирательная кампания и ее итоги могли стать своего рода индикатором настроений в советском обществе, позволяющим выяснить, насколько победа в войне способна нивелировать накопившуюся в населении усталость от тягот войны и предотвратить нарастание негатива в отношении власти. Этими обстоятельствами объясняется стремление властей с особым вниманием отнестись к организации выборов в Верховный Совет в пережившем блокаду Ленинграде. Политико-идеологическое

обеспечение выборной кампании осени 1945 – зимы 1946 г. не было единственной задачей, выполнением которой были озабочены советские и партийные работники Ленинграда. Сугубо организационно-технические аспекты проведения выборов требовали согласования вопросов с большим количеством ведомств и организаций. Одной из серьезных организационных проблем являлся дефицит подготовленных кадров для работы в избирательных комиссиях. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга сохранилось ограниченное количество документов, позволяющих исследовать организационно-техническую сторону проведения выборов в Ленинграде в 1945–1946 гг.

Abstract
By decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of October 5, 1945, the first post-war elections to this supreme body of state power were scheduled for February 10, 1946. The political leadership attached exceptional importance to the election campaign launched in autumn 1945. The election campaign and its results could have been an indicator of the mood of Soviet society, permitting to estimate whether the victory in the war had been able to neutralize the accumulated fatigue from the hardships of the war and to prevent the growth of negative feelings among the population towards the communist party and Soviet leadership. Thus, the authorities paid special attention to the organization of the elections to the Supreme Soviet in Leningrad, the city which survived the siege. Political and ideological support for the election campaign of autumn 1945 – winter 1946 was not the only task that the Soviet and party structures in Leningrad were concerned about. Purely organizational and technical aspects of the elections required coordination between a large number of departments and organizations. One of the most serious organizational problems was the lack of trained personnel to work in election commissions. The Central State Archive of St. Petersburg has some limited number of documents that allow us to study the organizational and technical side of the elections in Leningrad in 1945–46.

Ключевые слова
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, источники, архивные документы, Ленинград, выборы, техническая подготовка, Верховный Совет СССР.

Keywords
Central State Archive of St. Petersburg, sources, archival documents, Leningrad, elections, organizational events, Supreme Soviet of the USSR.

В связи с началом Великой Отечественной войны Президиумом Верховного Совета СССР 5 декабря 1941 г. было принято решение об отсрочке выборов на год, в дальнейшем полномочия Верховного Совета СССР продлевались указами от 9 декабря 1942 г., от 16 декабря 1943 г., от 14 декабря 1944 г. Первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР были назначены указом Президиума Верховного Совета от 5 октября 1945 г. и должны были пройти 10 февраля 1946 г. Избирательная кампания по выборам 1946 г. неоднократно становилась предметом исследования[1]. Основное внимание уделялось политико-идеологическим аспектам, сугубо техническая сторона кампании, как правило, оставалась при этом в тени. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) сохранилось весьма ограниченное количество документов, позволяющих коснуться этого вопроса, хотя число задействованных организаций и ведомств в обеспечении именно организационно-технических аспектов избирательной кампании было велико. Фактически именно эта сторона проведения избирательных кампаний в СССР не привлекала ранее внимание исследователей.

Последние предвоенные выборы в Ленинградский городской совет состоялись 24 декабря 1939 г.[2] Предусмотренные указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 ноября 1940 г. выборы по двум городским избирательным округам – Смольнинскому и Красногвардейскому, к подготовке по проведению которых городские власти приступили в мае–июне 1941 г., не были проведены. Проведение избирательной кампании 1945–1946 гг. требовало от городских властей серьезных организационных усилий, поскольку даже формирование кадрового состава избирательных комиссий встречало ряд препятствий. Однако и урегулирование чисто технических моментов диктовало необходимость согласований с большим числом инстанций.

В конце октября 1945 г. секретарь исполкома Ленинградского городского совета А. А. Бубнов направил начальнику Управления снабжения исполкома Ленгорсовета Е. А. Манизер распоряжение: «Отпустить Ленинградскому монетному

двору 1,5 тонны жидкого стекла, необходимого для производства печатей участковых избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет СССР»[3]. Помимо этого, в оперативный отдел Управления милиции Ленинграда Бубнов направил просьбу о выдаче разрешения «на изготовление каучуковых печатей для окружных избирательных комиссий по выборам в Совет Союза в количестве 11 штук и избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей – 1 штуку, а также штампиков “Выборное” в количестве 13 штук согласно прилагаемых образцов»[4]. Для изготовления печатей участковых избирательных комиссий Ленинградскому монетному двору отпускалось 1,5 т мела[5]. Городская власть должна была также озаботиться и такой мелочью, как изготовление деревянных ручек для печатей.

Бюллетени для голосования должны были печататься на особой бумаге двух цветов. Ее получила Ленинградская контора Главного управления по сбыту продукции целлюлозно-бумажной промышленности Наркомата целлюлозной и бумажной промышленности СССР. «Голубая бумага избирательных бюллетеней в количестве ста шести кип, восемь тонн» была получена в Ленинграде 27 октября и вывезена на специальный склад, а «белая бумага избирательных бюллетеней в количестве ста пятидесяти восьми стоп» была доставлена неделю спустя – 3 ноября[6].

Помимо заготовки бумаги для бюллетеней городские власти были озабочены также изготовлением металлических печатей для участковых избирательных комиссий и «избирательных ящиков для голосования». 3 ноября тот же Бубнов сообщил секретарю Президиума Верховного Совета РСФСР П. В. Бахмурову, что имеется тысяча штук металлических печатей[7]. Что же касается упомянутых «избирательных ящиков», то городские власти проявили своего рода рачительность: дирекция 3-й мебельной фабрики (бывшая столярно-ремонтно-ящичная фабрика товарищества «Напарники Беляева П.»), получившая «установленный образец» ящика для изготовления 1 200 подобных, не только была поставлена в известность о необходимости произвести до 12 ноября расчет потребных материалов, но и должна была учесть, что на

фабрику будет доставлено «350 ящиков для реставрации, то есть внешней шлифовки»[8].

От заведующего отделом торговли Ленгорисполкома И. А. Андреенко секретарь исполкома Бубнов потребовал забронировать для избирательной кампании 66 тыс. листов копировальной бумаги, 1 тыс. лент для пишущих машинок, 50 кг сургуча, 100 коробок перьев для ручек, 15 000 карандашей, 50 л чернил[9]. Поскольку город не располагал возможностями для украшения избирательных участков красной тканью, то Бубнов был вынужден обратиться к секретарю Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкину с просьбой выделить 75 тыс. м этой ткани[10]. Кроме того, Управлению издательств и полиграфии исполкома Ленгорсовета было предписано отпечатать формы списков взрослого населения тиражом 300 тыс. экземпляров и бланки заявлений тиражом 200 тыс. экземпляров[11]. Поскольку в период избирательной кампании для ряда лиц из органов городского управления могла потребоваться экстренная связь с центральными органами управления, возникала необходимость урегулировать этот вопрос с Наркоматом связи СССР, поскольку существовавшая практика показывала, что обычно для этого требовалось порой до двух суток. Именно по этой причине, например, А. А. Бубнов обращался к начальнику управления магистральных связей НКС СССР Смирягину, чтобы последний обязал директора Ленинградской междугородной телефонной станции предоставлять во внеочередном порядке связь с Москвой по паролю «Предвыборный» начальнику управления издательств и полиграфии исполкома Ленгорсовета Л. С. Грушко[12].

От исполкома Ленгорсовета потребовалось принятие совместно с бюро Ленинградского обкома ВКП(б) специального решения об отпуске обедов для участников окружных предвыборных совещаний, которым начальник Главного управления Ленинградскими столовыми[13] А. И. Фельдман[14] обязывался организовать отпуск обедов из трех блюд без карточек как для участников окружных предвыборных совещаний, а отдел торговли Ленгорисполкома в лице И. А. Андреенко[15] – произвести отпуск продовольственных товаров за счет фондов по совещаниям и конференциям: мяса 6 т,

жиров животных 770 кг, сахара 770 кг, чая 11 кг, крупы или макарон 880 кг, муки 220 кг, хлеба белого 3,3 т и ржаного 3,3 т, яблок 4,4 т.[16]

Процесс формирования избирательных участков, насколько позволяют судить отложившиеся в фондах архива документы, наталкивался на значительные затруднения, обусловленные как дефицитом подходящих помещений, так и динамикой послевоенного расселения. К ноябрю 1945 г. были образованы следующие избирательные участки и агитационные пункты.

Таблица

Количество (ориентировочно) избирательных участков и агитпунктов по районам Ленинграда, ноябрь 1945 г.[17]

Районы	**Избирательные участки**	**Агитпункты**
1	2	3
Василеостровский	46	46
Свердловский	44	41
Смольнинский	88	88
Володарский	36	36
Московский	43	45
Выборгский	36	57
Красногвардейский	39	45
Дзержинский	75	56
Куйбышевский	57	57
Кировский	24	24
Ленинский	47	47
Октябрьский	83	60
Фрунзенский	81	81
Петроградский	55	55
Приморский	46	46

Окончание табл.

1	2	3
Пушкин	8	8
Петродворец	10	22
Кронштадт	10	10
Колпино	8	8
Итого	**836**	**832**

Данные в таблице на первый взгляд вызывают недоумение явным несоответствием между количеством созданных избирательных участков и «размерами» городских районов. Например, небольшие центральные районы Дзержинский и Куйбышевский не идут ни в какое сравнение с Кировским и Выборгским. Во многом это объясняется дефицитом подходящих для работы комиссий помещений, «подвижностью» количественного состава населения и проблемами с регистрацией его по месту жительства, а также тем, что в «промышленных районах» (например, Выборгский, Кировский и др.) избирательные участки и агитационные пункты создавались на предприятиях. К 18 декабря 1945 г. в Ленинграде, включая советскую военно-морскую базу в Порккала-Удд, было образовано 1 142 избирательных участка[18].

29 ноября 1945 г. состоялось заседание постоянного объединенного пленума Ленинградского областного и Ленинградского городского комитетов ВКП(б), в повестке дня стоял вопрос о задачах партийной организации в проведении выборов в Верховный Совет СССР. Доклад был сделан секретарем обкома и горкома А. А. Кузнецовым. Пленум обкома и горкома ВКП(б) отметил, что организационная и агитационно-пропагандистская работа в связи с выборами развертывается партийными организациями города и области медленно, агитация среди населения еще не получила должного размаха, агитпункты на избирательных участках открываются с опозданием, не закончен подбор агитаторов и руководителей агитколлективов. Пленум обязал райкомы, горком ВКП(б) и

первичные партийные организации закончить в установленные сроки организацию избирательных участков и создание участковых избирательных комиссий, при проведении собраний по выдвижению кандидатов решительно пресекать возможные попытки враждебных элементов опорочить кандидатов блока коммунистов и беспартийных, но при этом поддержать и возглавить здоровую критику деятельности советских и хозяйственных организаций, принимая меры к устранению вскрытых недостатков, особо широко развернуть агитацию среди репатриированных граждан. Весь материал, касающийся лишения избирательных прав, подлежал документальной проверке избирательными комиссиями. О том, как проходил этот процесс в 1945–1946 гг., выяснить не удалось, так как документы в архивах не сохранились.

В подготовленной осенью 1945 г. памятке инструктору по подготовке к выборам предписывалось немедленно приступить к подготовке по составлению списков избирателей, привлекая для этого наиболее грамотных людей и обязав управляющих домохозяйствами, комендантов общежитий и ведомственных домов осуществить сверку домовых книг с фактически проживающими в домах гражданами, а исполняющему обязанности заведующего отделом культурно-просветительной работы[19] Заку, начальнику управления по делам искусств Б. И. Загурскому[20], начальнику управления кинофикации Петрову вменялись обеспечение широкого проведения лекций, бесед на предприятиях, в домохозяйствах и общежитиях, организация выставок, пересмотр дислокации уличных газетных щитов, обеспечение расклейки достаточного количества газет и плакатов. Помимо этого, возглавлявшему Ленэнерго Б. П. Страупе[21] надлежало обеспечить дополнительное снабжение электроэнергией помещений участковых и окружных избирательных комиссий, агитпунктов и помещений для выборов, главе Топливно-энергетического управления С. Н. Анисимову – выделить для помещений избирательных комиссий и агитпунктов дрова из расчета по 2 кубических метра на каждое помещение. Кроме стандартных требований (своевременно рассматривать все письма, жалобы и заявления, обеспечить контроль за выпол-

нением решений и распоряжений, принятых по обращениям, письмам и заявлениям трудящихся) обращалось особое внимание на обеспечение бесперебойной работы всей бытовой сети города (бани, прачечные, парикмахерские, починочные мастерские, столовые, магазины и т. д.), улучшение санитарного состояния домохозяйств и усиление освещения лестниц, дворов и улиц. До 15 октября 1945 г. следовало подобрать на территории каждого избирательного участка помещения для агитпунктов, до 20 октября – подыскать, отремонтировать и оборудовать помещения для участковых и окружных избирательных комиссий[22].

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга не удалось выявить документов, свидетельствующих о критической оценке организационной стороны проведения выборной кампании со стороны центральных партийных органов и Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Примечания

[1] См., например: *Заславский, С.* Первые послевоенные выборы 10 февраля 1946 года // Журнал о выборах. – 2011. – № 2. – С. 51–57. ZASLAVSKII, S. *Pervye poslevoennye vybory 10 fevralya 1946 goda* [The first post-war elections on February 10, 1946. In Russ.]. IN: *Zhurnal o vyborax,* 2011, no. 2, pp. 51–57; *Кимерлинг, А. С.* Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. – Вып. 4 (35). – С. 104–114. KIMERLING, A. S. *Vybory v Verkhovnyi Sovet SSSR 1946 goda v Molotovskoi oblasti kak primer mobilizatsionnoi politicheskoi kampanii* [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in the Molotov region in 1946 as an example of a mobilization political campaign. In Russ.]. IN: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya istoriya* [Bulletin of the Perm University. Series: History], 2016, issue 4 (35), pp. 104–114; *Колязимова, М. М.* Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946: (По материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета: Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2013. – Т. 2. – №. 4 (56). – С. 33–36. KOLYAZIMOVA, M. M. *Ideologo-propagandistskaya kampaniya, svyazannaya s podgotovkoi k vyboram v Verkhovnyi Sovet SSSR 1946: (Po materialam Kemerovskoi oblasti)* [Ideological propaganda campaign associated with preparation to the elections to the Supreme Soviet of the USSR

in 1946: Materials of the Kemerovo region. In Russ.]. IN: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovanii* [Bulletin of the Kemerovo University. Journal of theoretical and applied research], 2013, vol. 2, no. 4 (56), pp. 33–36; *Мотревич, В. П.* Выборы в Верховный совет СССР 1946 г. // Документ. Архив. История. Современность. – 2009. – Вып. 10. – С. 372–381. MOTREVICH, V. P. *Vybory v verkhovnyi sovet SSSR 1946 g.* [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946. In Russ.]. IN: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost',* 2009, issue 10, pp. 372–381.

[2] Подробнее см.: *Ежов, М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. – М.: Изд-во СПбГУЭИФ, 1993. – С. 28. EZHOV, M. V. *Mestnoe samoupravlenie Leningrada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: opyt, problemy, uroki* [Local self-government in Leningrad during the Great Patriotic War: Experience, problems, lessons. In Russ.]. Moscow, SPbGUEIF publ., 1993, p. 28; *Ежов, М. В.* Выборы в местные советы Ленинграда накануне Великой Отечественной войны и их роль в судьбе города в военный период // Управленческое консультирование. – 2013. – № 11. – С. 124. EZHOV, M. V. *Vybory v mestnye sovety Leningrada nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny i ikh rol' v sud'be goroda v voennyi period* [Elections to local Soviets in Leningrad on the eve of the Great Patriotic War and their role in the fate of the city in the war period. In Russ.]. IN: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie,* 2013, no. 11, p. 124.

[3] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1266. Л. 1. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (TsGA SPb), fond R-7384, series 17, file 1266, p. 1.

[4] Там же. Л. 14. Ibid., p. 14.

[5] Там же. Л. 2. Ibid., p. 2.

[6] Там же. Л. 3, 4. Ibid., pp. 3, 4.

[7] Там же. Л. 6. Ibid., p. 6.

[8] Там же. Л. 11. Ibid., p. 11.

[9] Там же. Л. 5. Ibid., p. 5.

[10] Там же. Л. 9. Ibid., p. 9.

[11] Там же. Л. 13. Ibid., p. 13.

[12] Там же. Л. 19. Ibid., p. 19.

[13] Главное управление ленинградских столовых, ресторанов и кафе Наркомторга СССР.

[14] Фельдман Арон Израилевич (1902–?) – начальник Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе (Ленгавресторан) (1939–1946).

[15] Андреенко Иван Андреевич (1904–1987) – заместитель председателя Ленсовета (1939–1944), заведующий отделом торговли (1939–1946).

[16] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1266. Л. 79. TsGA SPb, fond R-7384, series 17, file 1266, p. 79.

[17] Там же. Л. 84. Ibid., p. 84.

[18] Там же. Л. 67. Ibid., p. 67.

[19] Отдел был образован 15 марта 1945 г.

[20] Загурский Борис Иванович (1901–1968) – в 1938–1941, 1944–1951 гг. начальник Управления по делам искусств при Ленгорсовете, в 1951–1961 гг. – директор Ленинградского Малого оперного театра.

[21] Страупе Борис Петрович (1909–1960) – управляющий Ленэнерго (1943–1950).

[22] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 26. Д. 139. Л. 11–13. TsGA SPb, fond R-7384, series 26, file 139, pp. 11–13.

Список литературы

Ежов, М. В. Выборы в местные советы Ленинграда накануне Великой Отечественной войны и их роль в судьбе города в военный период // Управленческое консультирование. – 2013. – № 11. – С. 123–127.

Ежов, М. В. Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. – М.: Изд-во СПбГУЭИФ, 1993. – 158 с.

Заславский, С. Первые послевоенные выборы 10 февраля 1946 года // Журнал о выборах. – 2011. – № 2. – С. 51–57.

Кимерлинг, А. С. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. – Вып. 4 (35). – С. 104–114.

Колязимова, М. М. Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946: (По материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета: Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2013. – Т. 2. – №. 4 (56). – С. 33–36.

Мотревич, В. П. Выборы в Верховный совет СССР 1946 г. // Документ. Архив. История. Современность. – 2009. – Вып. 10. – С. 372–381.

References

EZHOV, M. V. *Vybory v mestnye sovety Leningrada nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny i ikh rol' v sud'be goroda v voennyi period* [Elections to local Soviets in Leningrad on the eve of the Great Patriotic War and their role in the fate of the city in the war period. In Russ.]. IN: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie,* 2013, no. 11, pp. 123–127.

EZHOV, M. V. *Mestnoe samoupravlenie Leningrada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: opyt, problemy, uroki* [Local self-government in Leningrad during the Great Patriotic War: Experience, problems, lessons. In Russ.]. Moscow, SPb-GUEIF publ., 1993, 158 p.

ZASLAVSKII, S. *Pervye poslevoennye vybory 10 fevralya 1946 goda* [The first post-war elections on February 10, 1946. In Russ.]. IN: *Zhurnal o vyborax,* 2011, no. 2, pp. 51–57.

KIMERLING, A. S. *Vybory v Verkhovnyi Sovet SSSR 1946 goda v Molotovskoi oblasti kak primer mobilizatsionnoi politicheskoi kampanii* [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in the Molotov region in 1946 as an example of a mobilization political campaign. In Russ.]. IN: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya istoriya* [Bulletin of the Perm University. Series: History], 2016, issue 4 (35), pp. 104–114.

KOLYAZIMOVA, M. M. *Ideologo-propagandistskaya kampaniya, svyazannaya s podgotovkoi k vyboram v Verkhovnyi Sovet SSSR 1946: (Po materialam Kemerovskoi oblasti)* [Ideological propaganda campaign associated with preparation to the elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946: Materials of the Kemerovo region. In Russ.]. IN: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovanii* [Bulletin of the Kemerovo University. Journal of theoretical and applied research], 2013, vol. 2, no. 4 (56), pp. 33–36.

MOTREVICH, V. P. *Vybory v verkhovnyi sovet SSSR 1946 g.* [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946. In Russ.]. IN: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost',* 2009, issue 10, pp. 372–381.

Сведения об авторе

Рупасов Александр Иванович, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, отдел современной истории России, ведущий научный сотрудник, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-952-370-83-01, rupasov_ai@mail.ru

About the authors

Rupasov Alexander Ivanovich, PhD in History, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, department of contemporary Russian history, leading researcher, St. Petersburg, Russian Federation, +7-952-370-83-01, rupasov_ai@mail.ru

В редакцию статья поступила 11.02.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Рупасов, А. И. Организационная подготовка первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР в Ленинграде в октябре 1945 – феврале 1946 г. По документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 836–847. doi 10.28995/2073-0101-2020-3- 836-847

Submitted 11.02.2019, published (for citation):

RUPASOV, A. I. *Organizatsionnaya podgotovka pervykh poslevoennykh vyborov v Verkhovnyi Sovet SSSR v Leningrade v oktyabre 1945 – fevrale 1946 g. Po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Sankt-Peterburga* [Organization of the First Post-War Elections to the Supreme Soviet of the USSR in Leningrad in October 1945 – February 1946: Documents from the Central State Archive of St. Petersburg. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 000-000. doi 10.28995/2073-0101-2020-3- 836-847

УДК 94(47) 351/354
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-848-861

В. Ж. Дорохов
Дальневосточный юридический институт МВД России,
г. Хабаровск, Российская Федерация

В. В. Синиченко
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация

Военно-мобилизационная работа в органах внутренних дел Дальнего Востока. 1962–1970-е гг.

Vyacheslav Zh. Dorohov
Far Eastern Legal Institute of Internal Affairs Ministry
of Russia, Khabarovsk, Russian Federation

Vladimir V. Sinichenko
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs

Military Mobilization Work in Far East Internal Affairs Agencies: 1962–1970s

Аннотация
Статья посвящена военно-мобилизационной составляющей органов внутренних дел Дальнего Востока в 1962–1970 гг. Актуальность темы обусловлена важностью задач, возлагаемых на органы правопорядка на случай чрезвычайных ситуаций или на предвоенный период, которые, как показали недавние события в мире, оказались важным инструментом многих государств по локализации коронавирусной пандемии. Применение многообразных методологических подходов, принципов и методов исследования обеспечило не только объективную реконструкцию происходивших событий, но и максимально полную их верификацию. Авторы использовали историко-генети-

ческий, сравнительно-исторический, структурно-функциональный методы, позволившие провести анализ событий советской истории, как общегосударственного, так и регионального плана, внутренней и внешней политики. Применение принципов научной объективности, историзма, системно-исторического анализа способствовало проведению выверенной аналитической работы по сведению воедино информации из множества документальных источников, директив, указаний, распоряжений, приказов, инструкций, выявленных в центральных и региональных ведомственных и государственных архивах. Обращение к событиям 1960–1970-х гг. позволило выявить сильные и слабые стороны силовых органов как в ходе подготовки к введению «особого периода», так и при его практической реализации в рамках советско-китайского конфликта на Дальнем Востоке. Как показало исследование, резкое ухудшение отношений между СССР и КНР послужило мощным стимулом к развитию военно-мобилизационного направления в органах внутренних дел. Если в начале 1960-х гг. в регионе отмечалась нехватка оперативной связи, автотранспорта, вооружения, средств защиты и бомбоубежищ, то уже к началу 1970-х гг. ситуация кардинально поменялась. Органы внутренних дел Дальнего Востока получили максимальный приоритет в развитии. Были укреплены штаты, материально-техническая часть, имидж, что значительно повысило уровень их боеготовности. В целом в результате исследования удалось не только ввести в научный оборот новые архивные источники, но и с прежде незнакомой стороны оценить события, происходившие на советско-китайской границе в 1960-1970-х гг.

Abstract

The article is devoted to an unexplored topic – the military mobilization component of the internal affairs bodies. The relevance of the topic stems from the importance of tasks assigned to law enforcement agencies in emergencies or in pre-war period, which, as the recent world events have shown, have proved to be an important tool in localization of the COVID-19 pandemic in many states. Application of various methodological approaches, principles and methods of research has ensured not only an objective reconstruction of the events, but also their maximum verification. Among these methods are historical-genetic, comparative-historical, structural-functional. They have made it possible to conduct a deep analysis of the events of Soviet history, both national and regional, both in national and foreign policy. Application of the principles of scientific objectivity, historicism, system-historical analysis have contributed to careful analytical work on synthesis of data from many documentary

sources, directives, orders, instructions found in central and regional departmental and in state archives. Retrospective study of the topic in the 1960–1970s has made it possible to identify strengths and weaknesses of the law enforcement agencies, both in preparing the introduction of the "special period" and in its practical implementation within the framework of the Soviet-Chinese conflict in the Far East. As the study has shown, a sharp deterioration in relations between the USSR and China provided a powerful incentive for the development of military mobilization direction in the internal affairs bodies. While in the early 1960s there was a shortage of operational communications, vehicles, weapons, protective equipment, and bomb shelters in the region, by the early 1970s "thanks to" China the situation changed dramatically. The internal affairs bodies of the Far East received the maximum priority in their development. Their personnel, logistics support, and image strengthened, which significantly increased the level of combat readiness. In general, the study has not just introduced new archival sources into scientific use, but also assessed the events that took place on the Soviet-Chinese border in the 1960–1970s from the yet unknown side.

Ключевые слова
Источник, архив, СССР, Китайская Народная Республика (КНР), Министерство внутренних дел (МВД), Министерство охраны общественного порядка (МООП), местная противовоздушная оборона (МПВО), Дальний Восток, органы внутренних дел, особый период, военно-мобилизационная готовность, гражданская оборона, командно-штабные учения.

Keywords
Source, archive, USSR, China, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Public Order, Local Air Defense, Far East, internal affairs bodies, special period, military mobilization readiness, civil defense, command and staff exercises.

Военно-мобилизационная работа, гражданская оборона являются важными направлениями деятельности всех органов власти, в которой особая роль отводится органам внутренних дел, призванных в условиях чрезвычайных ситуаций, предвоенного или военного времени не только обеспечить правопорядок и проведение специальных мероприятий, но и быть готовыми к непосредственному участию в боевых действиях. При всей важности этой работы для страны,

к сожалению, до сих пор серьезных научных исследований в данной сфере не осуществлялось, что объясняется спецификой предмета исследования, его закрытостью и ограниченностью круга пользователей. Имеющиеся единичные исторические труды посвящены изучению историко-правовых аспектов данной работы[1]. При этом опыт военно-мобилизационной деятельности органов внутренних дел вообще не ставился в качестве объекта изучения. Более того, исследователи в основном сосредоточились на событиях начального этапа истории данного направления, а вот что происходило после 1961 г., оказалось совершенно вне поля зрения, хотя именно на 1960–1970-е гг. приходятся весьма сложные перипетии истории, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где развернулась череда пограничных конфликтов: между Индией и Пакистаном, Китаем и Индией, СССР и КНР и т. д. Международные неурядицы, происходившие вблизи советских границ, всякий раз отражались на содержании военно-мобилизационных мероприятий на Дальнем Востоке, и в первую очередь в органах внутренних дел, ответственных за их обеспечение в предвоенный период.

Наиболее масштабные мероприятия «особого периода» вызвали конфликтные отношения между СССР и КНР, тем более что длительное время на границе с «братским» Китаем военно-мобилизационную работу практически не проводили. Так, на 1960 г. из 18 городов, располагавшихся вдоль советско-китайской границы, подразделения местной противовоздушной обороны (МПВО) имелись только в пяти городах – Благовещенске, Белогорске, Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске[2]. Защитных сооружений для личного состава не было вообще, режим секретности не отрабатывался, милицейского автотранспорта не хватало даже в городах, оперативная связь между подразделениями органов внутренних дел практически отсутствовала. В Приморском крае, имевшем важное оборонное значение, органы правопорядка располагали лишь 36 радиостанциями «Марс», ограниченными радиусом действия связи 15–20 км[3]. Личный состав к действиям в условиях «особого периода» не готовился. Так, в 1962 г. в ходе проверки боеготовности Сахалинского управления внутренних дел

(УВД) выяснилось, что своих задач не знали даже руководители Гражданской обороны (ГО)[4].

Первым звонком, возвестившим необходимость активизации военно-мобилизационной работы в регионе, стал Карибский кризис, вынудивший территориальные подразделения скорректировать свою работу. В частности, к августу 1962 г. были спешно разработаны планы действий личного состава при введении «угрожаемого положения», «воздушной тревоги», объявления сигналов «химическое нападение» и «бактериологическое нападение»[5]. В октябре приказ Министерства охраны общественного порядка (МООП) РСФСР «О повышении мобилизационной и боевой готовности частей и учреждений Министерства охраны общественного порядка РСФСР» закрепил все это нормативно, а также ввел запрет на отпуска личному составу[6]. В местных Управлениях охраны общественного порядка (УООП) в дополнение к этому определили лиц, ответственных за организацию оповещения сотрудников милиции, подлежащих призыву в Советскую армию при мобилизации[7].

Несмотря на достаточно быстрое завершение Карибского кризиса, на Дальнем Востоке все только начиналось. В ноябре 1963 г. прозвучал «второй звонок» – Китай официально заявил о наличии территориальных и пограничных проблем с СССР. Неожиданное появление на дальневосточных рубежах новой территориальной проблемы сразу отразилось на плановой документации. В декабре 1963 г. начальник ГО СССР распорядился включить в календарные планы органов правопорядка на 1964 г. проведение многочисленных командно-штабных учений (КШУ). Даже на Сахалине, далеко отстоящем от границ КНР, запланировали проведение девяти КШУ, пяти штабных тренировок и четырех учебных сбора[8]. В феврале-апреле 1964 г. МООП РСФСР установило обязательную экипировку личного состава при явке по тревоге[9], потребовало организовать на местах при штабах подразделения охраны порядка и безопасности (ОПБ) ГО специальную оперативно-разведывательную часть, проверить вооружение и транспорт[10]. Одновременно с этим министр потребовал проводить на местах систематические тренировки по работе

в противогазах. Так, в Приморском крае такие тренировки проходили ежемесячно, с 10 часов утра, по 30 минут[11].

Однако большая часть инициированных МООП мероприятий практически не затрагивала материально-техническую составляющую, которая, как отмечалось, находилась в весьма плачевном состоянии. Лишь после того как в регионе наметился новый виток напряженности, вызванный испытанием ядерного оружия Китаем, агрессией США во Вьетнаме, военным конфликтом между Индией и Пакистаном, начались первые улучшения в этом направлении.

20 ноября 1965 г. в ходе коллегии МООП РСФСР при обсуждении вопроса «О серьезных недостатках в использовании технических средств в органах милиции МООП РСФСР и мерах по их устранению» было отмечено, что в подразделениях Дальнего Востока «слабо развита абонентская телеграфная связь... Совсем нет коротковолновой радиосвязи между УООП и подчиненными органами»[12]. В итоге каждому из районов Дальнего Востока поставили задачу по разработке перспективных планов развития средств связи на 1966–1970 гг. Например, УООП Хабаровского края запланировал поставку 152 радиостанций[13].

В 1966 г. отношения с КНР стали все больше усугубляться. На этом фоне 1 марта МООП РСФСР направило указание организовать в дальневосточных подразделениях в 1966 г. «в системе текущей служебной подготовки изучение офицерским и начальствующим составом войск и органов охраны общественного порядка способов и методов борьбы с диверсионно-разведывательными группами и другими формированиями противника...»[14], а 18 мая – приказ «Об организации на военное время на территории РСФСР сети постов наблюдения за радиоактивностью...»[15], согласно которому в Приморском крае было создано 58, в Хабаровском крае – 22, на Сахалине – 15 постов.

Активная фаза мобилизационных мероприятий завершалась республиканскими учениями по ГО, МООП РСФСР, одним из этапов которых стали командно-штабные учения ГО Дальневосточной зоны, где 8–11 августа 1966 г. были отработаны первый и второй этапы «особого периода» и ликвидация последствий ядерного нападения[16].

Существенно подстегнула расширение мобилизационной деятельности на Дальнем Востоке китайская «культурная революция». Фактически она дала старт активному развертыванию широких оборонных мероприятий в регионе. Все население начали обучать военному делу, используя шефство воинских частей над школами, создание военизированных лагерей для детей, активизируя работу ДОСААФ с молодежью. Из невоеннообязанных мужчин стали формировать отряды по охране особо важных объектов[17], все это сопровождалось усилением антикитайской пропаганды. С 1967 г. к работе подключились другие силовые министерства и ведомства. 21 января в ряды Советской армии призвали офицеров-политработников запаса. В феврале, согласно постановлению «Об усилении охраны государственной границы СССР с Китайской Народной Республикой», началась передислокация армейских подразделений из центральных округов на Дальний Восток и в Забайкалье[18]. В марте вышел приказ МООП СССР «Об укреплении органов милиции в пограничных районах Казахской, Киргизской и Таджикской ССР, Приморского, Хабаровского и Алтайского краев, Читинской и Амурской областей»[19], предписавший «принять меры к повышению бдительности, боеготовности личного состава». Этот приказ активизировал и решение давно назревших вопросов с материально-техническим обеспечением. Уже в первом полугодии 1967 г. в приграничные органы поступило 1,5 тыс. автоматов Калашникова, 33 новых автомобиля, 250 радиостанций УКВ, приборы ночного видения.

Из-за возможных китайских провокаций в этот год мобилизационная готовность поднялась на небывалую высоту. Тем не менее Н. А. Щелоков в распоряжении от 4 января 1968 г. призвал не снижать темпов: «Главной задачей оперативной и боевой подготовки в 1968 учебном году считать дальнейшее повышение боевой готовности системы гражданской обороны Министерства охраны общественного порядка СССР»[20]. В 1968 г. только УВД Приморского края помимо плановых учений приняло участие в трех командно-штабных учениях (КШУ) управления ГО Дальневосточной оперативной зоны, в шести КШУ и семи штабных тренировках

краевого ГО, ряде тренировок районного и городского уровней, а также во всесоюзной военно-спортивной игре «Зарница» с участием частей Советской армии и флота, пограничных войск[21].

Однако события марта–августа 1969 г. показали, что этого было недостаточно. Первым в долго отлаживаемой мобилизационной схеме не сработало руководящее звено – МО, МВД, ГО СССР, которые в первые часы и дни пограничного конфликта не предприняли никаких решений и действий. Растерянность распространилась на партийные и советские органы. Предоставленные самим себе местные УВД без соответствующих распоряжений мероприятий «особого периода» развернуть не смогли. В ряде подразделений руководители даже не озаботились вопросом нехватки вооружения и боеприпасов[22]. Только благодаря тому, что пограничный конфликт оказался локализован в пространстве и во времени, бездействие и ошибки руководителей всех уровней не привели к трагичным последствиям.

Первым заявило о себе Министерство обороны (МО) СССР, объявив 26 марта 1969 г. призыв офицеров запаса. МВД СССР ограничилось приказом о повышении политической бдительности и упростило процедуру принятия решения на выдачу автоматического оружия, передав это право руководству УВД[23], призвав офицеров запаса во внутренние войска только 7 мая[24]. С 3 по 25 апреля 1969 г. на Дальнем Востоке состоялись межведомственные войсковые учения с отработкой вопросов мобилизации гражданского автотранспорта и специальной техники[25], после которых 29 апреля начальник ГО СССР призвал местных руководителей «разработать конкретные мероприятия, связанные с приемом, размещением, всесторонним обеспечением и укрытием от оружия массового поражения рассредоточиваемого и эвакуируемого населения»[26].

30 мая 1969 г. ЦК КПСС и Совет Министров (СМ) СССР издал постановление «О формировании резервных полков особого назначения»[27] (РПОН) вдоль советско-китайской границы. В соответствии с документом в июле–августе из числа невоеннообязанных мужчин 50–60 лет и женщин до

40 лет в Приморском крае было сформировано 6[28], в Хабаровском крае – 5[29], в Амурской области – 4 РПОН[30].

Укрепляя регион, Н. А. Щелоков своим приказом от 21 октября 1969 г. разрешил дальневосточным органам внутренних дел при необходимости использовать бронетехнику в борьбе с десантами и диверсионно-разведывательными группами противника[31]. В целом в течение 1969–1970 гг. удалось разрешить многие из давно назревших вопросов. В Приморском крае ввели в строй станцию коротковолновой связи, наладили радиосвязь с 20 городскими и районными органами, а с восемью установили телеграфную связь[32]. В Амурской и Сахалинской областях установили радиостанции мощностью 1 тыс. кВт[33] и резервную станцию правительственной связи «ВЧ»[34].

На совещании руководителей ГО союзных республик, министерств и ведомств СССР и РСФСР, состоявшемся в июне 1970 г. в Москве, проведенную работу признали удовлетворительной. На ближайшую перспективу перед МВД СССР были поставлены задачи по возведению противорадиационных укрытий[35], налаживанию учета эвакуируемого населения в «особый период», отработке вопросов перестройки предприятий МВД на случай войны[36], по обеспечению контроля за организацией светомаскировки населенных пунктов и объектов народного хозяйства[37]. Однако к середине 1970-х гг. по мере снижения остроты межгосударственных противоречий на Дальнем Востоке вопросы мобилизационной готовности стали отходить на второй план, возвращаясь в рутинное русло для решения насущных задач в сфере охраны правопорядка.

Примечания

[1] *Багдасарян, А. О.* Перспективные направления исторических исследований по Гражданской обороне // Вестник МГУ. Общественные науки. – 2018. – Вып. 1 (794). – С. 120–130. BAGDASARYAN, A. O. *Perspektivnye napravleniya istoricheskikh issledovanii po Grazhdanskoi oborone* [Promising areas of historical research in civil defense. In Russ.]. IN: *Vestnik MGU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of th Moscow State University. Social sciences],

issue 1 (794), 2018, pp. 120–130; *Владимиров, В. А.* Гражданская защита как дальнейший этап развития гражданской обороны // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2012. – Т. 2. – № 1. – С. 811–818. VLADIMIROV, V. A. *Grazhdanskaya zashchita kak dal'neishii etap razvitiya grazhdanskoi oborony* [Civil defense as a further stage in the development of civil defense. In Russ.]. IN: *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya* [Civil Protection Strategy: Problems and Research], 2012, vol. 2, no. 1, pp. 811–818; *Жирнов, Ю. Н.* Мобилизационная подготовка органов внутренних дел в системе мобилизационной готовности Российской Федерации: правовые аспекты // Академическая мысль. – 2018. – № 4 (5). – С. 99–103. ZHIRNOV, Yu. N. *Mobilizatsionnaya podgotovka organov vnutrennikh del v sisteme mobilizatsionnoi gotovnosti Rossiiskoi Federatsii: pravovye aspekty* [Mobilization training of internal affairs bodies in the system of mobilization readiness of the Russian Federation: Legal aspects. In Russ.]. IN: *Akademicheskaya mysl',* 2018, no. 4 (5), pp. 99–103; *Корзун, Л.* Работа в гражданской обороне была интересной // Гражданская защита. – 2012. – № 4 (440). – С. 18–21. KORZUN, L. *Rabota v grazhdanskoi oborone byla interesnoi* [My work in the civil defense was interesting. In Russ.]. IN: *Grazhdanskaya zashchita*, 2012, no. 4 (440), pp. 18–21; *Пахомов, В. В.* Историко-правовые аспекты становления мобилизации и мобилизационной подготовки в России // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. – 2018. – № 4 (4). – С. 135–142. PAKHOMOV, V. V. *Istoriko-pravovye aspekty stanovleniya mobilizatsii i mobilizatsionnoi podgotovki v Rossii* [Historical and Legal Aspects of the Formation of Mobilization and Mobilization Training in Russia. In Russ.]. IN: *Teoriya i praktika nauchnykh issledovanii: psikhologiya, pedagogika, ehkonomika i upravlenie,* 2018, no. 4 (4), pp. 135–142; *Ясинский, В. В.* Отечественный опыт мобилизационной подготовки экономики: уроки мировых войн // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 10. – С. 21–27. YASINSKII, V. V. *Otechestvennyi opyt mobilizatsionnoi podgotovki ehkonomiki: uroki mirovykh voin* [Domestic Experience in Mobilization Preparation of the Economy: Lessons from World Wars. In Russ.]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal,* 2011, no. 10. pp. 21–27.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1369. Л. 159–162. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] (GARF), fond P-9415, series 3, file 1369, pp. 159–162.

[3] Архив Управления МВД России по Приморскому краю (АУМВД России по ПК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 348. Л. 36. *Arkhiv Upravlenia Ministerstva vnutrennikh del Rossii po Primorskomu krayu* [Archive of the Directorate of the Ministry of the Interior of Russia for the Primorsky krai] (AUMVD Rossii po PK), fond 12, series 1, file 348, p. 36.

[4] Архив Управления МВД России по Сахалинской области (АУМВД России по СО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 2. *Arkhiv Upravlenia Ministerstva vnutrennikh del Rossii po Sakhalinskoi oblasti* [Archive of the Directorate of the

Ministry of the Interior for the Sakhalin Region] (AUMVD Rossii po SO), fond 1, series 1, file 224, p. 2.

[5] Архив Управления МВД России по Хабаровскому краю (АУМВД России по ХК). Ф. 80. Оп. 9. Д. 3. Л. 66. *Arkhiv Upravlenia MVD Rossii po Khabarovskomu krayu* [Archive of the Directorate of the Ministry of the Interior of Russia for the Khabarovsk krai] (AUMVD Rossii po KK), fond 80, series 9, file 3, p. 66.

[6] АУМВД России по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 31. Л. 174. AUMVD Rossii po PK, fond 12, series 1, file 31, p. 174.

[7] АУМВД России по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 249. AUMVD Rossii po SO, fond 1, series 1, file 225, p. 249.

[8] Там же. Д. 243. Л. 54–108. Ibid., file 243, pp. 54–108.

[9] АУМВД России по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 407. Л. 75–76. AUMVD Rossii po KK, fond 40, series 1, file 407, pp. 75–76.

[10] АУМВД России по ПК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 340. Л. 53–64. AUMVD Rossii po PK, fond 2, series 1, file 340, p. 53.

[11] Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 339. Л. 52. Ibid., fond 12, series 1, file 340, p. 52.

[12] АУМВД России по ХК. Ф. 35. Оп. 20. Д. 7. Л. 112. AUMVD Rossii po KK, fond 35, series 20, file 7, p. 112.

[13] Там же. Л. 118. Ibid., p.118.

[14] Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 434. Л. 217. Ibid., fond 39, series 1, file 434, p. 217.

[15] Там же. Д. 428. Л. 1. Ibid., file 428, p. 1.

[16] АУМВД России по ПК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 14. Л. 65–68. AUMVD Rossii po PK, fond 12, series 2, file 14, pp. 65–68.

[17] Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 3 Д. 641. Л. 40. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraya* [State Archive of Primorsky Krai] (GAPK), fond П-68, series 3, file 641, p. 40.

[18] Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. 53. Оп. 7. Д. 280. Л. 43. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sakhalinskoi oblasti* [State Historical Archive of the Sakhalin Region] (GIASO), fond 53, series 7, file 280, p. 43.

[19] АУМВД России по ХК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 437. Л. 137. AUMVD Rossii po KK, fond 39, series 1, file 437, p. 137.

[20] Там же. Д. 456. Л. 161–162. Ibid., file 456, pp. 161–162.

[21] АУМВД России по ПК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 91. Л. 174. AUMVD Rossii po PK, fond 12, series 2, file 91, p. 174.

[22] АУМВД России по ХК. Ф. 35. Оп. 33. Д. 1. Л. 278. AUMVD Rossii po KK, fond 35, series 33, file 1, p. 278.

[23] Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 461. Л. 10–11. Ibid., fond 39, series 1, file 461, pp. 10–11.

[24] Там же. Д. 468. Л. 84. Ibid., file 468, p. 84.

[25] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 3. Д. 10. Л. 118. GAPK, fond П-68, series 3, file 10, p. 118.

[26] АУМВД России по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 301. Л. 261. AUMVD Rossii po SO, fond 1, series 1, file 301, p. 261.

[27] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 35. Оп. 96. Д. 167. Л. 225. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of the Khabarovsk Krai] (GAKhK), fond 35, series 96, file 167, p. 225.

[28] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 50. Д. 88. Л. 1–56. GAPK, fond П-68, series 50, file 88, pp. 1–56.

[29] ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 167. Л. 230–232. GAKhK, fond P-35, series 96, file 167, pp. 230–232.

[30] ГААО. Ф. П-1. Оп. 32. Д. 97. Л. 4. *Gosudarstvennyi arkhiv Amurskoi oblasti* [State Archive of Amur Region] (GAAO), fond P-1, series 32, file 97, p. 4.

[31] АУМВД России по ХК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 461. Л. 185. AUMVD Rossii po KK, fond 39, series 1, file 461, p. 185.

[32] АУМВД России по ПК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 104. Л. 261. AUMVD Rossii po PK, fond 12, series 2, file 104, p. 261.

[33] ГААО. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 684. Л. 48. GAAO, fond П-1, series 27, file 684, p. 48.

[34] ГИАСО. Ф. 53. Оп. 7. Д. 298. Л. 132–133. GIASO, fond 53, series 7, file 298, pp. 132–133.

[35] АУМВД России по ХК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 477. Л. 131–133. AUMVD Rossii po KK, fond 39, series 1, file 477, pp. 131–133.

[36] АУМВД России по ПК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 140. Л. 129. AUMVD Rossii po PK, fond 12, series 2, file 140, p. 129.

[37] АУМВД России по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 90. AUMVD Rossii po SO, fond 1, series 1, file 314, p. 90.

Список литературы

Багдасарян, А. О. Перспективные направления исторических исследований по Гражданской обороне // Вестник МГУ. Серия: Общественные науки. – 2018. – Вып. 1 (794). – С. 120–130.

Владимиров, В. А. Гражданская защита как дальнейший этап развития гражданской обороны // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2012. – Т. 2. – № 1. – С. 811–818.

Жирнов, Ю. Н. Мобилизационная подготовка органов внутренних дел в системе мобилизационной готовности Российской Федерации: правовые аспекты // Академическая мысль. – 2018. – № 4 (5). – С. 99–103.

Корзун, Л. Работа в гражданской обороне была интересной // Гражданская защита. – 2012. – № 4 (440). – С. 18–21.

Пахомов, В. В. Историко-правовые аспекты становления мобилизации и мобилизационной подготовки в России // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. – 2018. – № 4 (4). – С. 135–142.

Ясинский, В. В. Отечественный опыт мобилизационной подготовки экономики: уроки мировых войн // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 10. – С. 21–27.

References

BAGDASARYAN, A. O. *Perspektivnye napravleniya istoricheskikh issledovanii po Grazhdanskoi oborone* [Promising areas of historical research in civil defense. In Russ.]. IN: *Vestnik MGU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State University. Social sciences], issue 1 (794), 2018, pp. 120–130.

VLADIMIROV, V. A. *Grazhdanskaya zashchita kak dal'neishii etap razvitiya grazhdanskoi oborony* [Civil defense as a further stage in the development of civil defense. In Russ.]. IN: *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya* [Civil Protection Strategy: Problems and Research], 2012, vol. 2, no. 1, pp. 811–818.

ZHIRNOV, Yu. N. *Mobilizatsionnaya podgotovka organov vnutrennikh del v sisteme mobilizatsionnoi gotovnosti Rossiiskoi Federatsii: pravovye aspekty* [Mobilization training of internal affairs bodies in the system of mobilization readiness of the Russian Federation: Legal aspects. In Russ.]. IN: *Akademicheskaya mysl',* 2018, no. 4 (5), pp. 99–103.

KORZUN, L. *Rabota v grazhdanskoi oborone byla interesnoi* [My work in the civil defense was interesting. In Russ.]. IN: *Grazhdanskaya zashchita*, 2012, no. 4 (440), pp. 18–21.

PAKHOMOV, V. V. *Istoriko-pravovye aspekty stanovleniya mobilizatsii i mobilizatsionnoi podgotovki v Rossii* [Historical and Legal Aspects of the Formation of Mobilization and Mobilization Training in Russia. In Russ.]. IN: *Teoriya i praktika nauchnykh issledovanii: psikhologiya, pedagogika, ehkonomika i upravlenie,* 2018, no. 4 (4), pp. 135–142.

YASINSKII, V. V. *Otechestvennyi opyt mobilizatsionnoi podgotovki ehkonomiki: uroki mirovykh voin* [Domestic Experience in Mobilization Preparation of the Economy: Lessons from World Wars. In Russ.]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal,* 2011, no. 10. pp. 21–27.

Сведения об авторах

Дорохов Вячеслав Жоржович, кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный юридический институт МВД России, кафедра социально-гуманитарных и экономических дисциплин, заместитель начальника кафедры, г. Хабаровск, Российская Федерация, 8-924-207-64-38, dorohova_elen@mail.ru

Синиченко Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, Академия управления МВД, отдел стратегических проблем управления, главный научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-9647334929, v.v.sinichenko@bk.ru

About the authors

Dorohov Vyacheslav Zhorzhovich, PhD in History, associate professor, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, department of social and economic studies and humanities, deputy head of the department, Khabarovsk, Russian Federation, +7-924-207-64-38, dorohova_elen@mail.ru

Sinichenko Vladimir Viktorovich, PhD in History, professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, department of strategic problems management, chief researcher, Moscow, Russian Federation, +7-964-733-49-29, v.v.sinichenko@bk.ru

В редакцию статья поступила 21.12.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Дорохов, В. Ж., Синиченко, В. В. Военно-мобилизационная работа в органах внутренних дел Дальнего Востока. 1962–1970-е гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 848–861. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-848-861

Submitted 21.12.2019, published (for citation):

DOROKHOV, V. Zh., SINICHENKO, V. V. *Voenno-mobilizatsionnaya rabota v organakh vnutrennikh del Dal'nego Vostoka. 1962–1970 gg.* [Military Mobilization Work in Far East Internal Affairs Agencies: 1962–70s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 848–861. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-848-861

УДК 94 (47) 084.9
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-862-874

Ю. С. Никифоров
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль, Российская Федерация

Соперники Тольятти: борьба волжских городов за новый автозавод как частный случай регионального лоббизма эпохи позднего социализма

Yu. S. Nikiforov
K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Tolyatti's Rivals: The Volga Cities Competing for the New Automobile Plant as an Instance of Regional Lobbying in the Late Socialism Era

Аннотация
В статье автор анализирует тему взаимодействия регионов и центра в новейшей отечественной истории. Публикация служебного документа, впервые вводимого в научный оборот, помогает осветить тему строительства крупного промышленного объекта. Уделено внимание проблеме регионального лоббизма в СССР в середине 1960-х гг., предпринята попытка проанализировать систему аргументированного лоббирования региональных интересов в сфере автомобилестроения. В центре внимания находятся рассекреченные архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центра документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Анализируются служебные записки, впервые вводимые в научный оборот, об организации нового завода легковых автомобилей. Выявлено, что делопроизводственные документы 1965 г., адресованные в Бюро ЦК КПСС по РСФСР из нескольких регионов, представляют собой мотивированные ходатайства. Авторы служебных записок – советские региональные лидеры 1960-х гг. А. А. Скочилов и В.П. Васильев (Ульяновский обком

КПСС и облисполком), С. Л. Князев (Татарский обком КПСС), Ф. И. Лощенков (Ярославский обком КПСС). В ходе анализа документов дается ответ на ряд вопросов. Во-первых, какие были общие тенденции лоббирования региональных интересов в системе аргументов местной партийной элиты? Во-вторых, какие скрытые потенциальные проблемы регионального развития РСФСР середины 1960-х гг. прослеживаются в ходатайствах советских региональных лидеров? В-третьих, в чем были особенности деловой переписки местной элиты в лоббировании региональных интересов? Мотивированные ходатайства региональных лидеров поздней советской эпохи об организации нового промышленного объекта являются оригинальными и малоизученными историческими источниками. Проанализированный тип архивных документов несет в себе высокий источниковедческий потенциал, представляя большую ценность с точки зрения исследования регионального лоббизма в эпоху раннего управления СССР Л. И. Брежневым. Изучение подобных документов позволяет пролить свет на скрытые от широкой общественности кризисные процессы экономической жизни позднего СССР.

Abstract

The article addresses the topic of interactions of center and periphery in the recent national history. The publication of the office memorandums that are being thus introduced into scientific use throws light on the construction of the industrial plant. The article examines the problem of regional lobbying in the USSR in the mid-1960s, at the dawn of the Brezhnev era. It focuses on the declassified archival documents from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) and the Center for Documentation on the Contemporary History of the Yaroslavl Region (TsDNIYaO). The article analyzes office memorandums on the organization of a new car plant. The record keeping documents of 1965, sent to the Bureau of the Central Committee of the CPSU for the RSFSR from several regions, are well reasoned petitions. The authors of the memos are Soviet regional leaders of the 1960s: A. A. Skochilov and V. P. Vasiliev (the Ulyanovsk Obkom of the CPSU and the Regional Executive Committee), S. L. Knyazev (Tatar Obkom of the CPSU), F. I. Loschenkov (Yaroslavl Obkom of the CPSU). The analysis of the documents provides answers to a number of questions. Firstly, what were the general trends of lobbying for regional interests in the system of arguments of the local elite? Secondly, what hidden potential problems of regional development of the RSFSR in the mid-1960s can be traced in the petitions of Soviet regional leaders? Thirdly, what were the peculiarities of the local elite language in

lobbying for regional interests? Well-reasoned petitions of regional leaders of the late Soviet era on the organization of a new industrial facility are original and little-studied historical sources. The analyzed type of archival documents carries high source study potential, it is of great value for studying regional lobbyism in the early Brezhnev era. The study of such documents can shed light on the invisible processes of the economic life of the late USSR.

Ключевые слова
Архивные документы, автомобилестроение СССР, Л. И. Брежнев, поздний социализм, лоббизм, региональная элита, коммуникативные практики, АвтоВАЗ.

Keywords
Archival sources, car industry in the USSR, L. I. Brezhnev, late socialism, lobbying, regional elite, communication practices, AvtoVAZ.

Проблема создания доступного для советских граждан автомобиля и история знаменитого АвтоВАЗа в Тольятти получили широкое освещение в историографии[1]. Однако город Тольятти не был единственным претендентом на роль нового советского автогиганта, у него были конкуренты. По данным Л. Сигельбаума, «первоначально было 112 вариантов, затем их количество быстро сократилось до 39, а потом до 6»[2]. В статье предпринята попытка проанализировать систему аргументированного лоббирования региональных интересов в сфере автомобилестроения СССР середины 1960-х гг. Понятие «лоббизм» в современной науке имеет сложное и широкое наполнение[3].

В Центре документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО) выявлена служебная записка 1965 г. первого секретаря Ярославского обкома КПСС Ф. И. Лощенкова «Об организации нового завода легковых автомобилей»[4], адресованная в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В ходе архивных изысканий в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) еще один экземпляр упомянутого документа был найден в составе кластера из трех делопроизводственных материалов других регионов РСФСР[5]. Исследованное в РГАСПИ архивное дело, датируемое 1965–

1966 гг., содержит 67 листов. Оно озаглавлено достаточно стандартно – «Записки, письма местных партийных и советских органов власти»[6]. Обнаруженные источники показывают соперничество трех волжских регионов – Татарской АССР, Ульяновской области, Ярославской области – в сфере промышленного строительства. Сравнительно-сопоставительный анализ содержания и датировки документов позволил сделать вывод об общей цели региональных ходатайств – о желательности строительства нового завода легковых автомобилей в каждом из указанных регионов. Этот вывод подтвердила итоговая резолюция зав. отделом машиностроения ЦК КПСС по РСФСР И. Козлова от 31 декабря 1965 г.: «Ульяновский обком (т. Скочилов) и облисполком (т. Васильев), Ярославский обком (т. Лощенков), Татарский обком (т. Князев) внесли предложение о строительстве завода легковых автомобилей»[7].

Хронологически первым датируется письмо из Ульяновска от 30 января 1965 г. № 42. Первый секретарь Ульяновского обкома А. А. Скочилов и председатель Ульяновского облисполкома В. П. Васильев показали глубокую осведомленность о ситуации в советском машиностроении, констатируя точные параметры будущего промышленного объекта: «Предусматривается строительство завода малолитражных автомобилей с выпуском 300 тыс. штук в год и завода силовых агрегатов... с выпуском 550 тыс. штук в год». А. А. Скочилов и В. П. Васильев считали «целесообразным запроектировать завод в г. Ульяновске»[8]. Их система аргументации включала ряд ключевых позиций. Во-первых, они давали характеристику инфраструктурных и логистических преимуществ Ульяновска: «имеются неограниченные площади в северной части города вблизи р. Волги... высоковольтная линия электропередач, закольцованная от Куйбышевской ГЭС, ж/д линия Волгоград-Казань, удобные связи с крупным Волжским речным портом». Во-вторых, руководители Ульяновска указывали на экологическую безопасность будущего промышленного объекта для жителей города: «...предполагаемая промышленная площадка отделена от города и жилого массива зеленой зоной»[9]. В-третьих, ульяновские региональные лидеры подчеркивали преемственность будущего объекта

с существующей индустриальной базой: «Можно решить вопросы производственной кооперации по литью и поковкам с действ[ующим] Ульяновским автозаводом, на котором в 1964 г. пущена в эксплуатацию первая очередь литейных цехов ковкого чугуна проектной мощностью 25 тыс. тонн в год и имеется возможность расширения кузнечного производства».

В ходатайстве, в-четвертых, указывалось на высокий кадровый потенциал региона: «Имеются квалифицированные кадры автомобилестроителей и возможности расширения подготовки специалистов через Ульяновский политехнический институт и автомеханический техникум, в которых обучается более 5 тыс. чел.»[10]. Действительно, кадровый аргумент с рациональной точки зрения должен быть наиболее весомым. Однако в советском государстве решающим мог оказаться идеологический фактор. Козырем в борьбе за новый автозавод для ульяновской региональной элиты мог стать юбилей В. И. Ленина, чьей малой родиной был Ульяновск. Этот коммеморативный факт не преминули упомянуть ульяновские руководители: «В связи с подготовкой к столетию со дня рождения В. И. Ленина... просим ЦК КПСС рассмотреть вопрос о строительстве малолитражных автомобилей в Ульяновске».

Касаясь внешней критики источника, следует сказать, что ходатайство содержит карандашные пометки принимавших решение органов власти. В частности, подчеркнуто синим карандашом: «тт. Строкину Н. И., Герасимову К. М., Афанасьеву С. А.»; в деле имеется короткая резолюция влиятельного партийного функционера А. П. Кириленко от 13 февраля 1965 г.: «Прошу рассмотреть т. Козлову И. И.»[11].

Ходатайство Татарского обкома КПСС от 5 марта 1965 г. № 96/22, подготовленное С. Л. Князевым, носило более лаконичный характер. Аргументация Татарского обкома КПСС перекликалась с предыдущим ходатайством. Однако первый аргумент по направленности носил несколько иной характер. Партийный функционер из Татарстана доказывал необходимость строительства автозавода методом от противного. Он акцентировал внимание на потенциальных проблемах региона, которые могут усилиться в случае, если ходатайство не

будет поддержано. В частности, С. Л. Князев подчеркивал демографический фактор, указывая на возможность возникновения безработицы, которой в СССР быть не должно: «Татарская АССР располагает значительными трудовыми ресурсами. По статистическим данным около 40 тыс. чел. нуждаются в трудоустройстве...». Далее он резюмировал: «Задача правильного использования трудовых ресурсов может быть решена при создании в республике новых промышленных предприятий»[12].

Следующий аргумент С. Л. Князева связан с апелляцией к авторитету науки: «Исследования, проведенные учеными, показывают экономическую целесообразность строительства в Татарии автозавода». Третий аргумент традиционен – это выгодная инфраструктура и логистическая доступность: «Хорошие транспортные связи по р. Волга и Кама, железнодорожные и автомагистрали позволят организовать снабжение завода сырьем и материалами, отгрузку готовой продукции в любые пункты страны и за ее пределами. Мощные электростанции... будут служить надежными источниками энергоснабжения завода»[13].

В записке Татарского обкома идет артикуляция еще двух традиционных аргументов – существование материально-технической базы и акцент на высокий кадровый потенциал региона, обусловленный наличием образовательных и научно-технических центров: «Крупная база авиационного и общего машиностроения, широкая сеть вузов, НИИ и проектно-конструкторских организаций в Казани и Зеленодольске дают возможность укомплектовать завод опытными кадрами инженерно-технических работников и оказать ему техническую помощь в налаживании производства»[14]. В заключение С. Л. Князев указывал на скорость выполнения строительными организациями Татарской АССР («при выделении необходимых средств в состоянии построить завод в короткие сроки») и просил «поручить планирующим органам рассмотреть... строительство в Татарии автозавода»[15].

Автор записки Ярославского обкома КПСС от 26 июля 1965 г. Ф. И. Лощенков увязывал ходатайство с общесоюзными процессами в экономике: «В связи с развитием авто-

мобильной промышленности, в предстоящем пятилетии... просим рассмотреть вопрос о строительстве в Ярославле завода легковых автомобилей»[16]. В записке Ф. И. Лощенкова бросается в глаза высокий уровень детализации аргументов, когда каждый тезис подробно разбирался и иллюстрировался фактами, которые должны были усилить весомость ходатайства.

Во-первых, Ф. И. Лощенков акцентировал внимание на низком уровне экономических издержек будущего объекта и факторе кооперации «по всем видам материалов и комплектующих изделий». Далее ярославский партийный лидер уточнял этот тезис через систему логических поддержек: «...в том числе: а) получение автолиста и проката из стали с Череповецкого металлургического завода в 200 км от Ярославля; б) изготовление шин, лакокрасочных материалов, резиновых и асбестотехнических изделий на заводах: шинном... “Победа рабочих”, “Свободный труд”; в) получение автопучков, проводов и пластмассовых изделий, расположенных в г. Рыбинске Ярославской области; г) получение электрооборудования, автооборудования, фар с заводов АТО (автотракторного оборудования), “Автоприбор”, “Красный Октябрь” им. Дзержинского из соседней Владимирской области»[17]. В ходатайстве обращает на себя внимание детальное прописывание названий предприятий и продукции.

Во-вторых, Ф.И. Лощенков, отмечал наличие в г. Ярославле мощной строительной базы, которая «создает благоприятные условия для быстрого освоения выделяемых капиталовложений на строительство завода». Третий аргумент Ярославского обкома КПСС выглядел достаточно стандартно: географическое расположение Ярославля в центре страны и наличие высокоразвитой логистической и инфраструктурной базы («главных железнодорожных, водных и автомобильных магистралей»), которые должны были обеспечить «хорошую, надежную и экономически выгодную связь с поставщиками и потребителями». В-четвертых, Ф. И. Лощенков подчеркивал существование в Ярославле эффективного научно-конструкторского учреждения (филиала Всесоюзного института «Гипроавтопром»), которое создает «возможности для быстрого

и оперативного решения вопросов проектирования и строительства»[18].

Пятый аргумент Ярославского обкома перекликался с предыдущими ходатайствами и касался кадрового потенциала региона: «Использование квалифицированных кадров автомобилестроителей... позволит относительно в короткие сроки освоить производство и развить мощности»[19]. Наконец, в служебной записке подчеркивалось технологическое и демографическое преимущество Ярославского региона: «...реконструкция предприятий области на базе современной техники, а также естественный прирост населения создают резерв рабочей силы, избыток которой мог быть использован на автомобильном производстве». В конце ходатайства Ф. И. Лощенков резюмировал: «В Ярославле имеются экономически выгодные площадки для строительства нового завода... представляется целесообразным строительство нового завода... в Ярославле». К делу приложен листок-резолюция А. П. Кириленко от 3 августа 1965 г. № 28841: «Тт. Ломако П. Ф., Строкину Н. И., Герасимову К. М. Прошу рассмотреть т. Козлову И. И.»[20].

Отметим, что кластер из трех ходатайств завершался туманным с географической точки зрения заключением зав. отделом машиностроения ЦК КПСС по РСФСР И. Козлова от 31 декабря 1965 г.: «Госплан СССР и Министерство автомобильной промышленности... рассмотрели и намечают в РСФСР строительство одного из заводов по производству легковых автомобилей. По предварительным соображениям, имеется ввиду разместить его в районе Поволжья»[21].

Следует сказать, что вопросы строительства нового автозавода поднимались и другими регионами. Так, секретарь Курганского обкома КПСС Г. Сизов в записке от 17 февраля 1965 г. просил «о размещении на Курганском автобусном заводе сначала производства некоторых узлов и деталей, а затем и всего автомобиля “Москвич-408”»[22]. В ходатайстве были изложены инфраструктурные, логистические и технологические аргументы в пользу нового объекта: «Курганский автобусный завод расположен на территории, обеспеченной электроэнергией, горячим и холодным водоснабжением...

имеет подъездные дороги. В области имеются заводы, которые смогут изготовлять для Москвича ряд агрегатов и узлов». Однако председатель Госплана РСФСР К. Герасимов в записке от 16 июня 1965 г. дал отрицательный ответ: «Учитывая большую потребность в автобусах, Госплан РСФСР считает специализацию завода правильной и переключение его на выпуск автомобилей “Москвич-408” нецелесообразным»[23]. Такой же ответ в резолюции от 25 июня 1965 г. дал и Госкомитет автотракторного и сельскохозяйственного машиностроения при Госплане СССР[24].

Таким образом, проведенный анализ архивных документов позволил выделить ряд важных аспектов регионального лоббизма эпохи позднего социализма в СССР. Во-первых, отметим систему аргументов местной элиты, которая отражала общие тенденции в отстаивании региональных интересов советской номенклатурой: артикуляция инфраструктурных, логистических, технологических и демографических преимуществ региона. Развитая инфраструктура и логистическая доступность, удобное географическое расположение и материально-техническая основа будущей индустрии, высокий кадровый потенциал региона и наличие профильных образовательных и научно-технических центров, способность региона к кооперации и низкий уровень экономических издержек, мощная строительная база, способная к быстрому рывку в выбранном направлении, – вот основные аргументы, которыми оперировали местные элиты для лоббирования интересов своего региона. В роли специфического аргумента выступал идеологический фактор, связанный с советскими коммеморативными практиками.

Представляется, что формальные критерии успеха в лоббировании возведения нового объекта в СССР точно определил Л. Сигельбаум: «Правительство руководствовалось 3 основными критериями: близость к источникам поставок строительных материалов, наличие машиностроительных заводов и развитая транспортная инфраструктура, наличие подходящих строительных организаций и возможность быстро привлечь на объект рабочих, не занятых в производстве социально важной продукции»[25]. Из цитаты видно, что эти

три позиции во многом совпадают с аргументами, выявленными в ходе анализа архивных документов.

Во-вторых, проанализированные источники позволили выделить скрытые потенциальные проблемы РСФСР к середине 1960-х гг., осознанно или неосознанно конструировавшиеся в дискурсе региональных лидеров: латентная угроза безработицы для молодежи, экологическая безопасность промышленных объектов, необходимость диверсификации производства региона.

Выделим, в-третьих, особенности языка местной элиты в лоббировании региональных интересов. Подчеркнем жесткую структурированность текстов ходатайств и лаконичность формулировок: в коротком документе было необходимо максимально убедительно изложить преимущества региона. Для создания нужного психологического эффекта региональные лидеры использовали эпитеты, которые можно обозначить как язык лоббизма: «опытные квалифицированные кадры», «широкая сеть», «значительные ресурсы», «надежные источники», «неограниченные площади», «надежные, экономически выгодные связи», «мощная строительная база», «короткие сроки», «быстрое освоение капиталовложений», «экономичная кооперация», «оперативное решение», «современная техника», «экономическая целесообразность», «возможность расширения». В конструировании самих текстов можно выделить такие приемы, как метод доказательства от противного, высокий уровень детализации аргументов, уточнение тезиса через систему логических поддержек, подробная иллюстрация их конкретными фактами и подкрепление статистикой.

Примечания

[1] *Сигельбаум, Л.* Машины для товарищей. Биография советского автомобиля. – М.: РОССПЭН, 2011. – 430 с. SIGEL'BAUM, L. *Mashiny dlya tovarishchei. Biografiya sovetskogo avtomobilya* [Automobiles for the comrades: Biography of the Soviet car. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2011, 430 p.; *Соколов, А. К.* Контракт века: международное сотрудничество в строительстве автомобильного завода в Тольятти (1966–1974) // Вестник российского университета дружбы народов. – 2007. – № 3. – С. 55–67. SOKOLOV, A. K.

“Kontrakt veka”: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v stroitel’stve avtomobil’nogo zavoda v Tol’yatti (1966–1974) [“The Contract of the Century”: International cooperation in the construction of a car factory in Tolyatti (1966–74). In Russ.]. IN: *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the People’s Friendship University], 2007, no. 3, pp. 55–67; *Шугуров, Л. М.* Автомобили России и СССР. – М.: ИЛБИ; Прострэкс, 1993. – 253 с. SHUGUROV, L. M. *Avtomobili Rossii i SSSR* [The Cars of Russia and the USSR. In Russ.]. Moscow, ILBI; Prostreks publ., 1993, 253 p.

[2] *Сигельбаум Л.* Указ. соч. С. 165–166. SIGEL’BAUM, L., 2011, p.165.

[3] Наиболее емким является определение лоббизма, представленное Н. Н. Меньшениной и М. В. Пантелеевой: «Система и практика реализации интересов различных групп граждан путем организованного воздействия на законодательную и административную деятельность государственных органов». См.: *Меньшенина, Н. Н., Пантелеева, М. В.* Лоббизм. – Екатеринбург, 2016. – С. 50. MEN’SHENINA, N. N., PANTELEEVA, M. V. *Lobbizm* [The Lobbying. In Russ.]. Ekaterinburg, 2016, p. 50.

[4] Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО). Ф. 272. Оп. 229. Д. 49. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Yaroslavskoi oblasti* [The Center of Documentation on the Contemporary History of the Yaroslavl Region] (TsDNI YaO), fond 272, series 229, file 49.

[5] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 18. Д. 292. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial’no-politicheskoi istorii* [The Russian State Archive of the Socio-Political History] (RGASPI), fond 556, series 18, file 292.

[6] Там же. Л. 16–28. Ibid., pp. 16–28.

[7] Там же. Л. 22. Ibid., p. 22.

[8] Там же. Л. 16. Ibid., p. 16.

[9] Там же. Ibid.

[10] Там же. Ibid.

[11] Там же. Л. 17. Ibid., p. 17.

[12] Там же. Л. 18. Ibid., p. 18.

[13] Там же. Ibid.

[14] Там же. Ibid.

[15] Там же. Л. 18–19. Ibid., p.18–19.

[16] Там же. Л. 20. Ibid., p. 20.

[17] Там же. Ibid.

[18] Там же. Ibid.

[19] Там же. Ibid.

[20] Там же. Л. 21. Ibid., p. 21.

[21] Там же. Л. 22. Ibid., p. 22.

[22] Там же. Л. 24. Ibid., p. 25.

[23] Там же. Ibid.

[24] Там же. Л. 26. Ibid., p. 26.

[25] *Сигельбаум, Л.* Указ. соч. – С. 165–166. SIGEL’BAUM, L., 2011, p. 166.

Список литературы

Меньшенина, Н. Н., Пантелеева, М. В. Лоббизм. – Екатеринбург, 2016. – 136 с.

Сигельбаум, Л. Машины для товарищей. Биография советского автомобиля. – М.: РОССПЭН, 2011. – 430 с.

Соколов, А. К. «Контракт века»: международное сотрудничество в строительстве автомобильного завода в Тольятти (1966–1974) // Вестник российского университета дружбы народов. – 2007. – № 3. – С. 55–67.

Шугуров, Л. М. Автомобили России и СССР. – М.: ИЛБИ; Прострэкс, 1993. – 253 с.

References

MEN'SHENINA, N. N., PANTELEEVA, M. V. *Lobbizm* [The Lobbying. In Russ.]. Ekaterinburg, 2016, 136 p.

SIGEL'BAUM, L. *Mashiny dlya tovarishchei. Biografiya sovetskogo avtomobilya* [Automobiles for the comrades: Biography of the Soviet car. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2011, 430 p.

SOKOLOV, A. K. *"Kontrakt veka": mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v stroitel'stve avtomobil'nogo zavoda v Tol'yatti (1966–1974)* ["The Contract of the Century": International cooperation in the construction of a car factory in Tolyatti (1966–1974). In Russ.]. IN: *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the People's Friendship University], 2007, no. 3, pp. 55–67.

SHUGUROV, L. M. *Avtomobili Rossii i SSSR* [The Cars of Russia and the USSR. In Russ.]. Moscow, ILBI; Prostreks publ., 1993, 253 p.

Сведения об авторах

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра отечественной истории, доцент, г. Ярославль, Российская Федерация, 8-920-115-99-15, Nikifor2108@ yandex.ru

About the authors

Nikiforov Yury Sergeevich, PhD in History, associate professor, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, national history department, assistant professor, Yaroslavl, Russian Federation, +7-920-115-99-15, Nikifor2108@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти»).

Grant information

This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (research project no. 18-39-00068 "The Soviet regional elites and their interaction with the center in the 1950–1980s: In archival documents and in historical memory").

В редакцию статья поступила 30.07.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Никифоров, Ю. С. Соперники Тольятти: борьба волжских городов за новый автозавод как частный случай регионального лоббизма эпохи позднего социализма // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 862–874. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-862-874

Submitted 30.07.2019, published (for citation):

NIKIFOROV, Yu. S. *Soperniki Tol'yatti: bor'ba volzhskikh gorodov za novyi avtozavod kak chastnyi sluchai regional'nogo lobbizma epokhi pozdnego sotsializma* [Tolyatti's Rivals: The Volga Cities Competing for the New Automobile Plant as an Instance of Regional Lobbying in the Late Socialism Era. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 862–874. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-862-874

УДК 947(28-8Вят)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-875-887

А. С. Корепанов
Центральный государственный архив Кировской области,
г. Киров, Российская Федерация

Социально-экономическое развитие юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в документах Центрального государственного архива Кировской области

Alexander S. Korepanov
Central State Archive of the Kirov Region,
Kirov, Russian Federation

Socio-Economic Development of the South-Western Uezds of the Vyatka Gubernia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in Documents from the Central State Archive of the Kirov Region

Аннотация
В статье проанализированы основные комплексы архивных документов Центрального государственного архива Кировской области, отражающие экономическую и социальную сферу жизни юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Пореформенные годы являлись временем наиболее активного экономического развития Вятской губернии и относительной социальной стабильности, которые закончились с началом Первой мировой войны. За этот период был накоплен значительный архивный массив,

позволяющий изучать самые разные стороны жизни как губернии в целом, так и отдельных ее уездов в частности. В результате исследования установлено, что основные документы по рассматриваемой проблематике сосредоточены в архивных фондах Вятского губернского статистического комитета, учреждений губернского и уездного земского и городского самоуправления. Изучены основные виды документов архивных фондов. Среди них статистические материалы, позволяющие выявлять тенденции и динамику различных экономических и социальных показателей, место юго-западных уездов в масштабе всей Вятской губернии. Отчетная документация дает представление о результатах деятельности различных губернских и уездных организаций. Сметная документация характеризует финансово-экономическую деятельность различных учреждений, в том числе органов земского и городского самоуправления. Документы по личному составу позволяют изучать историю жизни различных деятелей земского и городского самоуправления, составить более полное представление о них, об особенностях их становления, жизненного пути. Протокольная документация органов земского и городского самоуправления содержит разнообразную информацию о жизни губернии и ее уездов, а также о работе земских и городских учреждений. Анализ документов Центрального государственного архива Кировской области позволяет получить довольно широкое представление о различных сторонах хозяйственной и социальной жизни юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Abstract

The article analyzes main collections of archival documents from the Central State Archive of the Kirov Region that reflect the economic and social sphere of life of the South-Western uezds of the Vyatka gubernia in the second half of the 19th – early 20th century. The post-reform years were the period of most active economic development of the Vyatka gubernia and also a time of relative social stability, which ended with the outbreak of the First World War. During this period, a significant archival complex was accumulated, which allows us to study the most diverse aspects of life, both in the gubernia and in its uezds. As a result of the study, it has been established that most documents on the issue are concentrated in the archival fonds of the Vyatka Gubernia Statistical Committee, institutions of the gubernia and uezd zemstvo and city self-government. Among them are statistical materials, which permit to identify trends and dynamics of various economic and social indicators and to establish the place

of the South-Western uezds in the gubernia. Reporting documentation is illustrative of the activities of various gubernia and uezd organizations and their results. Estimate documentation characterizes financial and economic activities of various institutions, including bodies of zemstvo and city self-government. Documents on personnel make it possible to study the life of various figures of zemstvo and city self-government, to form a more complete picture of them, peculiarities of their formations life path. The protocol documentation of zemstvo and city self-government bodies contains information on the life of the gubernia and its uezds, on the work of zemstvo and city institutions. The analysis of the documents from the Central State Archive of the Kirov Region provides a fairly broad picture of the various aspects of economic and social life of the South-Western uezds of the Vyatka gubernia in the second half of the 19th and early 20th century.

Ключевые слова
Центральный государственный архив Кировской области, социально-экономическое развитие, статистика, отчеты, протоколы, сметы, личный состав.

Keywords
Central State Archive of the Kirov Region, socio-economic development, statistics, reports, protocols, estimates, personnel.

До настоящего времени экономическая и социальная сферы жизни юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. не являлись предметом специального изучения. Архивные документы, связанные с историей этих уездов, привлекались либо для изучения некоторых аспектов истории отдельно взятых уездов, либо для рассмотрения общегубернских тенденций[1]. Тем не менее юго-западные уезды Вятской губернии являются довольно важными для изучения ввиду своих особенностей: географического положения и природно-климатических условий, способствовавших развитию сельского хозяйства и торговли, а также полиэтнического и поликонфессионального состава населения. Кроме того, пореформенные годы были временем наиболее активного экономического развития Вятской губернии, относительной социальной стабильности и периодом накопления значительного архивного материала.

Наиболее важные и ценные документы для изучения социально-экономического развития юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. сосредоточены в следующих архивных фондах Центрального государственного архива Кировской области: Вятского губернского статистического комитета (Ф. 574); земских учреждений – Вятской губернской земской управы (Ф. 616), Малмыжской (Ф. 957), Уржумской (Ф. 860), Яранской (Ф. 618) уездных земских управ; органов городского самоуправления – Малмыжской (Ф. 631), Уржумской (Ф. 861) и Яранской (Ф. 632) городских управ, Яранской городской думы (Ф. 1190)[2].

Среди документов этих фондов большое значение для исследования имеют статистические материалы, в которых содержится количественная информация об определенных аспектах жизни общества: статистические сведения, ведомости, статистические отчеты губернского статистического комитета и т. д. Они позволяют изучать показатели социально-экономической жизни губернии, отслеживать их динамику, выявлять тенденции. Ввиду того, что юго-западные уезды, как и губерния в целом, были аграрными, интерес представляют ведомости о посеве и урожае хлебов по Вятской губернии. Так, ведомости о посеве и урожае хлебов по Вятской губернии за 1898 г. позволяют определить, сколько было посеяно и собрано урожая сельскохозяйственных культур по юго-западным уездам, выделить их долю в общегубернском посеве и сборе: озимой ржи посеяно – 5 005 251 пудов (36% общегубернского посева), собрано – 14 552 246 пудов (36% общегубернского сбора); яровой пшеницы посеяно – 1 22 786 пудов (33%), собрано – 308 291 пудов (34%); овса посеяно – 4 834 778 пудов (35%), собрано – 7 837 142 пудов (30%); ячменя посеяно – 477 283 пудов (23%), собрано – 930 452 пудов (17%)[3]. Эти данные позволяют отслеживать тенденции в развитии сельского хозяйства по каждому из юго-западных уездов. При сравнении сведений данного документа и ведомости о посеве и урожае хлебов, картофеля, льна и конопли в Уржумском уезде за 1910 г. выявляется следующее: сбор озимой ржи в уезде с 1898 до 1910 г. умень-

шился и составлял только 86% уровня 1898 г., сбор ячменя вырос в 3,18 раза, сбор овса в 1,8 раза[4].

В ведомостях содержится информация и о развитии торговли в юго-западных уездах Вятской губернии. В ведомостях (сведениях) уездных исправников о движении торговли на ярмарках, указаны места их проведения, период функционирования, количественный состав участников, товарооборот и пр.[5] Рассмотреть структуру экспорта позволяют ведомости о количестве вывезенных товаров из уездов губернии. Согласно ведомостям о количестве вывезенных из Малмыжского, Уржумского и Яранского уездов хлеба, льна и других товаров за пределы Вятской губернии в 1910 г., в экспорте преобладали зерновые культуры, продукция льноводства, древесина, уголь, кустарные изделия[6].

Статистические материалы позволяют проанализировать также промышленное развитие юго-западных уездов Вятской губернии, которое хотя и не играло первостепенной роли в их жизни, но в рассматриваемый период имело определенную динамику. Ведомости о фабриках и заводах в Вятской губернии содержат сведения о количестве предприятий в уездах и их производительности[7]. Обширную информацию о промышленности содержат списки фабрик и заводов в уездах Вятской губернии: местонахождение имуществ, звания, имена, отчества и фамилии их владельцев, ценность, сумма доходности по раскладкам[8].

Интересны архивные статистические материалы, отражающие демографию, социальную жизнь юго-западных уездов губернии. Ведомости о состоянии народонаселения Вятской губернии содержат сведения о численности населения юго-западных уездов Вятской губернии. Согласно «Ведомости о состоянии народонаселения в Вятской губернии за 1861 г.», в Яранском уезде было 239 443 человека, в Уржумском – 196 693, в Малмыжском – 186 072. На эти уезды приходилось 28% от общего числа жителей губернии[9]. Ведомости о числе жителей по вероисповеданиям и племенам, по городам и уездам губернии позволяют судить о конфессиональном, этническом и сословном составе населения юго-западных уездов Вятской губернии[10]. Богатый материал содержат отчеты

губернского статистического комитета о состоянии губернии: о числе жителей по сословиям и вероисповеданиям, о числе родившихся, браков, умерших, числе зданий в городах, церквей и других богослужебных заведений, скотоводстве, числе заводов и фабрик, ремесленников, числе выданных торговых свидетельств[11]. Подробная информация о сфере народного образования юго-западных уездов губернии содержится в ведомостях об училищах уездов: название учреждений, число учащихся, количество учителей и учительниц, их помощников, получаемое ими жалованье, расходы на книги, учебные пособия[12].

Значительный интерес представляет отчетная документация. В отчетах вятского губернатора о состоянии губернии, обзорах Вятской губернии рассматриваются самые разные стороны жизни губернии и ее уездов: территория, население, торговля, промышленность, судоходство, сельское хозяйство, народное продовольствие, общественное благоустройство, народное здравоохранение, народное образование, общественное призрение, промыслы. Данные документы делились на две части: аналитическую и приложения. В аналитической части давалась общая характеристика дел в разных сферах жизни губернии, приложения включали в себя разнообразные статистические материалы. Интересен фрагмент аналитической части отчета вятского губернатора за 1861 г., касающийся сельского хозяйства: «Вятская губерния принадлежит к числу земледельческих, поэтому главная оной отрасль хозяйства – земледелие; повсеместно в губернии сеют хлеб, овес, ячмень, пшеницу, коноплю, лен, горох, а в южных уездах, гречу и полбу... Плодороднейшие в губернии считаются уезды: Елабужский, Малмыжский, Уржумский, Яранский и Сарапульский...»[13].

Среди отчетной документации следует отметить доклады Вятской губернской земской управы, в которых отражена ее деятельность по самым разным направлениям. Интерес к данному виду документов обусловлен тем, что в них систематизируются и обобщаются данные по всем уездам, отражена общая картина устройства и состояния дел в губернии. Например, в докладе Вятской губернской земской управы губернскому земскому собранию 5-й очередной сессии «О народном

образовании» от 1871 г. отражены некоторые из тенденций в сфере народного образования на начальном этапе деятельности земских учреждений: «...сличая по прежним уездным земским сметам статьи расходов по народному образованию, мы видим, что каждый год каждое уездное земство на потребности народного образования вносит денег все более и более... И теперь отчеты некоторых уездных училищных советов ясно доказывают, что со времени назначения земством приличного содержания учителям, состояние училищ улучшается как в нравственном, так и в учебном отношении...»[14].

Значительный интерес представляют доклады уездных земских управ, в которых отражены их деятельность, проблемы и тенденции местной жизни. «Доклад проекта по медицинской части в Уржумском уезде на 1868 год» Уржумской уездной земской управы от 1867 г. позволяет нам судить о ситуации в сфере здравоохранения в Уржумском уезде в самом начале работы местного земства: «...врачей в уезде не было, кроме случайно-вольно-практикующих, фельдшера были почти без средств...»[15].

Доклады уездных земских учреждений иногда отражали не только отдельные аспекты их деятельности в какой-либо сфере жизни уезда, но и более широкую, всестороннюю информацию. Например, в докладе Малмыжской уездной земской управы по народной медицине уездному земскому собранию от 1913 г. содержится информация по следующим сторонам сферы здравоохранения уезда: врачебные, фельдшерские, акушерские пункты, медицинский персонал, оспопрививание, сеть врачебных участков, организация медицинской помощи, земская аптека, выписка медикаментов и инструментов, другие вопросы, касающиеся медицины[16].

Отчеты уездных земских управ содержат сведения обо всех аспектах их деятельности: земские сборы, арестные помещения, дорожная, квартирная, подводная повинность, содержание местных по крестьянским делам учреждений, пересылка корреспонденции, народное здравие, ветеринарная медицина, общественное призрение, народное образование, земская почта, земские здания, сопровождение и продовольствие партий новобранцев и нижних чинов, народное продовольствие,

пожары и другие народные бедствия, сельское хозяйство и скотоводство, этапные помещения, прочие предметы земского хозяйства[17]. Отчеты о состоянии народных училищ уездов губернии содержат сведения: о числе учебных заведений, учителей, прочих должностных лиц, учащихся, состоянии учебных учреждений, деятельности училищного совета[18]. Сведения о народных училищах уездных земских управ содержат более подробную и детальную информацию о каждом из училищ уездов за учебный год: местонахождение и год основания учреждения, в чьем здании размещается, число отделений, классных комнат, учащихся, список учителей с информацией о них[19].

Среди архивных документов важное место занимает сметная документация, представляющая собой план поступления и расходования денежных средств различных организаций – земских, городских учреждений. Следует упомянуть сметы расходов уездных земств. Например, в «Смете расходов на удовлетворение уездных земских потребностей по Уржумскому земству на 1891 год» даны обширные сведения по направлениям расходов уездного земства с указанием конкретных статей на общую сумму 128 960 рублей 8 копеек[20].

Сведения финансового характера органов городского самоуправления по разным аспектам их деятельности содержат сметы доходов и расходов. Согласно смете доходов г. Яранска на 1903 г., источниками ее формирования были следующие поступления: сбор с недвижимых имуществ (оценочный сбор), торговли и промыслов, городских имуществ и оброчных статей (с земель, городских зданий, рыбной ловли, запасного капитала), предприятий, пошлины разных наименований, пособия городу в возврате расходов (от казны, из прибыли местного городского банка), разные поступления (штрафы, пени, от продажи имуществ)[21]. В соответствии со сметой расходов г. Яранска на 1903 г. денежные средства шли на следующие цели: содержание правительственных сооружений (участие в расходах), городского общественного управления, сиротского суда, полиции, пожарной команды, предприятий, медицинской, ветеринарной и санитарной части, принадлежащих городу недвижимых имуществ, воинская квартирная повинность, благоустройство города, народное образование,

уплата налогов, долгов, отчисление на образование капиталов, другие расходы[22]. Данные документы позволяют проанализировать финансово-экономическую деятельность органов городского самоуправления, выделить главные и второстепенные источники доходов, приоритетные направления расходов, проследить изменения и выявить существовавшие в рассматриваемый период тенденции.

Важное значение при изучении рассматриваемой темы имеют документы по личному составу, позволяющие изучать историю жизни видных местных деятелей и использовать данные материалы для составления представления о них, понимания особенностей становления, формирования в целом жизненного пути. В архивном фонде Яранской уездной земской управы содержатся списки гласных земского собрания, личный состав земской управы. Последний из упомянутых документов содержит подробные сведения о каждом из членов управы: сословие, чин, образование, возраст, имущество, срок проживания в губернии и уезде, денежное содержание, сведения о других должностях, которые занимал или в данное время занимает член управы, примечания[23].

Необходимо упомянуть протокольную документацию, в которой фиксировался ход обсуждения и принятия решений на заседаниях местных органов земского и городского самоуправления. Например, в журналах земских собраний рассматривались ходатайства учреждений и лиц, сметные земские доклады, доклады управ по разным вопросам, проблемы сельского хозяйства, здравоохранения, народного образования, противопожарной охраны, общественного призрения, участие губернии в общеземской организации, доклады ревизионной комиссии о проверке различных учреждений[24]. Ценность журналов обусловлена также наличием приложений в виде докладов, отчетов, смет. Журналы земских собраний и городских дум интересны также тем, что отражают позиции земских и городских деятелей по различным вопросам жизни уездов и губернии, содержат тексты их выступлений (в пересказе или дословные). В качестве примера можно привести фрагмент выступления гласного Яранского земства, члена Государственной думы Н. П. Стародумова с докладом

о необходимости учреждения районных приютов для призрения сирот, стариков и убогих из «Журнала Яранского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 9-го февраля 1914 года»: «Мы горожане видим, как дети, выброшенные судьбой на улицу, падают физически и нравственно, из них редко выходят хорошие граждане. Проезжая по деревне, мы видим, как нищие просят под каждым окном, постукивая палкой. В семье умирает кормилец, куда пойдет мать, оставшаяся с детьми. Я прошу только принципиального согласия на учреждение приютов. ...Нельзя отталкиваться от того, что земство обязано сделать»[25].

Таким образом, документы Центрального государственного архива Кировской области отражают проблемы и тенденции развития различных сторон экономической и социальной жизни юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: сельского хозяйства, промышленности, торговли, социально-демографической, финансовой сферы, медицины, образования. В документах также отражены функционирование и деятельность органов земского и городского самоуправления, их вклад в развитие местной социальной инфраструктуры, улучшение качества жизни населения, раскрываются страницы жизни выдающихся местных деятелей, и в целом они позволяют получить довольно широкое представление о жизни уездов и губернии.

Примечания

[1] *Халтурина, Н. И.* Крестьянство Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2011. – 266 с. KHALTURINA, N. I. *Krest'yanstvo Yaranskogo uezda Vyatskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: dis... kand. ist. nauk* [The peasantry of the Yaran uezd of the Vyatka gubernia in the late 18th – the first half of the 19th century: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Yoshkar-Ola, 2000, 266 p.; *Соловьев, А. А.* Крестьянское хозяйство Сернурской волости Уржумского уезда в конце XIX – начале XX века: региональный аспект // Марийский археографический вестник. – 2014. – № 24. – С. 26–33. SOLOV'EV, A. A. *Krest'yanskoe khozyaistvo Sernurskoi volosti Urzhumskogo uezda v kontse XIX – nachale XX veka: regional'nyi aspect* [Peasant farming in the Sernur volost of

the Urzhum uezd in at the turn of the 20th century: A regional aspect. In Russ.]. IN: *Mariiskii arkheograficheskii vestnik*, 2014, no. 24, pp. 26–33; *Соловьев, А. А.* Крестьянское хозяйство Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2000. – 262 с. SOLOV'EV, A. A. *Krest'yanskoe khozyaistvo Vyatskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Peasant farming of the Vyatka gubernia at the turn of the 20th century: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Yoshkar-Ola, 2000, 262 p.

[2] Документы архивных фондов городских дум представлены недостаточно полно. Так, архивного фонда Уржумской городской думы на хранении в архиве нет, в архивном фонде Малмыжской городской думы (Ф. 1188) содержится только 1 ед. хр., которая находится вне хронологических рамок настоящего исследования.

[3] Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 574. Оп. 2. Д. 278. Л. 117. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti* [Central State Archive of the Kirov Region] (TsGAKO), fond 574, series 2, file 278, p. 117.

[4] Там же. Д. 853. Л. 121. Ibid., file 853, p. 121.

[5] Там же. Оп. 1. Д. 192. Л. 12-13. Ibid., series 1, file 192, pp. 12–13.

[6] Там же. Оп. 2. Д. 853. Л. 61, 123, 168. Ibid., series 2, file 853, pp. 61, 123, 168.

[7] Там же. Д. 278. Л. 118–126. Ibid., file 278, pp. 118–126.

[8] Там же. Ф. 860. Оп. 1. Д. 194. Л. 1 об. Ibid., fond 860, series 1, file 194, p. 1 verso.

[9] Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 100. Л. 121. Ibid., fond 574, series 1, file 100, p. 121.

[10] Там же. Оп. 2. Д. 853. Л. 60, 60 об., 120, 120 об., 150, 151, 152. Ibid., series 2, file 853, pp. 60, 60 verso, 120, 120 verso, 150, 151, 152.

[11] Там же. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–53. Ibid., series 1, file 101, pp. 1–53.

[12] Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 322. Л. 29–34, 44, 51–52 об. Ibid., fond 616, series 1, file 322, pp. 29–34, 44, 51–52 verso.

[13] Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 100. Л. 6, 6 об. Ibid., fond 574, series 1, file 100, pp. 6, 6 verso.

[14] Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 583. Л. 285 об., 286. Ibid., fond 616, series 1, file 583, pp. 285 verso, 286.

[15] Там же. Д. 329. Л. 86, 86 об. Ibid., file 329, pp. 86, 86 verso.

[16] Там же. Ф. 957. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–16. Ibid., fond 957, series 1, file 30, pp. 1–16.

[17] Там же. Ф. 618. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–24 об.; Д. 165. Л. 1–23. Ibid., fond 618, series 1, file 171, pp. 1–24 verso.

[18] Там же. Д. 7. Л. 119–126. Ibid., file 7, pp. 119–126.

[19] Там же. Ф. 860. Оп. 1. Д. 136. Л. 3–4. Ibid., fond 860, series 1, file 136, pp. 3–4.

[20] Там же. Д. 32. Л. 1 об., 2 об., 25 об. Ibid., file 32, pp, 1 verso, 2 verso, 25 verso.

[21] Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–16. Ibid., fond 632, series 1, file 161, pp. 3–16.

[22] Там же. Л. 17–42. Ibid., pp. 17–42.

[23] Там же. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1321. Л. 36-37. Ibid., fond 618, series 1, file 1321, pp. 36-37.

[24] Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 194. Л. 2–3; Д. 198. Л. 56–57, 115–117 об. Ibid., fond 616, series 1, file 194, pp. 2–3; file 198, pp. 56–57, 115–117 verso.

[25] Там же. Ф. 587. Оп. 19. Д. 76. Л. 868 об.–869. Ibid., fond 587, series 19, file 76, pp. 868 verso–869.

Список литературы

Соловьев, А. А. Крестьянское хозяйство Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2000. – 262 с.

Соловьев, А. А. Крестьянское хозяйство Сернурской волости Уржумского уезда в конце XIX – начале XX века: региональный аспект // Марийский археографический вестник. – 2014. – № 24. – С. 26–33.

Халтурина, Н. И. Крестьянство Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2011. – 266 с.

References

SOLOV'EV, A. A. *Krest'yanskoe khozyaistvo Vyatskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Peasant farming of the Vyatka gubernia at the turn of the 20th century: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Yoshkar-Ola, 2000, 262 p.

SOLOV'EV, A. A. *Krest'yanskoe khozyaistvo Sernurskoi volosti Urzhumskogo uezda v kontse XIX – nachale XX veka: regional'nyi aspect* [Peasant farming in the Sernur volost of the Urzhum uezd in at the turn of the 20th century: A regional aspect. In Russ.]. IN: *Mariiskii arkheograficheskii vestnik*, 2014, no. 24, pp. 26-33.

KHALTURINA, N. I. *Krest'yanstvo Yaranskogo uezda Vyatskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The peasantry of the Yaran uezd of the Vyatka gubernia in the late 18th – the first half of the 19th century: Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Yoshkar-Ola, 2000, 266 p.

Сведения об авторах

Корепанов Александр Сергеевич, Центральный государственный архив Кировской области, отдел использования архивных документов государственных органов, ведущий архивист, Вятский государственный университет, кафедра истории и политических наук, аспирант, г. Киров, Российская Федерация, 8-963-885-12-59, alexktx9@gmail.com

About the authors

Korepanov Alexander Sergeevich, Central State Archive of the Kirov Region, department of use of government archival documents, leading archivist, Vyatka State University, department of history and political sciences, graduate student, Kirov, Russian Federation, +7-963-885-12-59, alexktx9@gmail.com

В редакцию статья поступила 28.01.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Корепанов, А. С. Социально-экономическое развитие юго-западных уездов Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. в документах Центрального государственного архива Кировской области // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 875–887. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-875-887

Submitted 28.01.2019, published (for citation):

KOREPANOV, A. S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie yugo-zapadnykh uezdov Vyatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. v dokumentakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kirovskoi oblasti* [Socio-Economic Development of the South-Western Uezds of the Vyatka Gubernia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century in Documents from the Central State Archive of the Kirov Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 875–887. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-875-887

УКД 94(470) «1920»
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-888-904

Т. И. Трошина
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

«Бескровная революция» 1920 г. в Архангельске

Tatyana I. Troshina
M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk, Russian Federation

"The Bloodless Revolution" of 1920 in Arkhangelsk

Аннотация
Статья основана на источниках преимущественно личного происхождения (на воспоминаниях участников и очевидцев событий 1920 г. в Архангельске, хранящихся в «фондах воспоминаний»: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Архангельской области, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга; Вологодского областного архива новейшей политической истории, научного архива Карельского научного центра РАН, в научных архивах краеведческих музеев Архангельской области. Архивные документы позволяют расширить представление о событиях, происходивших в феврале 1920 г. в Архангельске и дополнить информацию, которая отложилась в других, синхронных источниках, и касается интересного факта периода Гражданской войны: попытки мирной передачи власти от администрации Северной области (квази-государственного образования с центром в Архангельске) командованию наступающей Красной армии через «правительство переходного периода», сформированного из активистов местных профсоюзных организаций. Специфика Гражданской войны, заключавшаяся в идеологической дезориентации основной массы населения, в этих обстоятельствах проявилась в желании отдельных групп (белоармейцы из числа пере-

бежчиков из Красной армии, рабочие, приветствовавшие в 1918 г. смену власти) реабилитироваться в глазах советских органов, стремясь еще до прихода красноармейских частей навести «революционный порядок». Автор приходит к выводу, что подготовленный сценарий оказался сорван и город на несколько суток погрузился в анархию безвластия. Статья представляет собой попытку реконструкции событий нескольких февральских дней 1920 г. в Архангельске, дающих представление о том влиянии на события исторического значения, которые могут оказать отдельные люди, движимые собственными мотивами, интересами и целеполаганиями.

Abstract

The article is based predominantly on sources of personal provenance (memoirs of participants and eyewitnesses of the events of 1920 in Arkhangelsk, stored in the "fonds of memoirs" in the State Archive of the Russian Federation, State Archive of the Arkhangelsk Region, Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, Russian State Archive of Socio-Political History, Vologda Regional Archive of Contemporary Political History, Scientific Archive of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences and scientific archives of the local history museums in the Arkhangelsk region). These documents allow us to expand our understanding of the events that took place in Arkhangelsk in February 1920 and to supplement the information of other, synchronous, sources on this interesting fact of the Civil War: attempt to peacefully transfer power from the administration of the Northern Region (a quasi-state entity with its center in Arkhangelsk) to the command of the advancing Red Army through a "transitional government" formed from activists of local trade union organizations. The nature of the Civil War associated with ideological disorientation of the population manifested itself in the desire of certain groups (i.e., White soldiers who defected from the Red Army, workers who welcomed the change of power in 1918) to rehabilitate themselves in the eyes of the Soviet authorities. It was reflected in their insistence on establishment of the "revolutionary order" in the city even before the arrival of the Red Army. When the prepared script was disrupted, the city plunged into anarchy for several days. This article is an attempt to reconstruct the events of February 1918 in Arkhangelsk in order to demonstrate the impact made by individuals driven by their own motivations, interests, and goals on the events of historical significance.

Ключевые слова
Архивные документы, исторические источники, источники личного происхождения, Гражданская война, Архангельск, Северная область, белая эвакуация, гражданская власть, безвластие.

Keywords
Archival documents, historical sources, sources of personal provenance, Civil War, Arkhangelsk, Northern Oblast, White evacuation, civil power, anarchy.

События февральских дней 1920 г. в Архангельске (уход Белой армии, организация власти переходного периода, вступление в город красноармейских частей) достаточно задокументированы и описаны – как в мемуарной литературе, так и в основанных на архивных источниках исследованиях[1]. Однако в воспоминаниях участников и свидетелей сохранились малоизвестные подробности тех дней, которые конкретизируют события произошедшей здесь «бескровной революции»[2].

Сбором таких воспоминаний в первую очередь были озабочены архивные «комиссии по изучению истории коммунистической партии, революции и гражданской войны», ставившие задачей реконструкцию всех значимых событий той короткой и бурной истории, от которой по понятным причинам военного времени не осталось достаточного количества более «строгих» архивных источников. Учитывая недостатки человеческой памяти, проводилась тщательная перепроверка всех фактов. К примеру, устраивались собрания участников, которые коллективно, поправляя и дополняя друг друга, тщательно восстанавливали всю канву событий[3]. История «белой» эвакуации и восстановление советской власти такой тщательной реконструкции не подверглись, возможно, потому, что они не укладывались в общую концепцию, согласно которой после длительных и ожесточенных боев части VI Красной армии выбили белогвардейцев из Архангельска и вошли в него – «на посрамление мировой буржуазии, на тризну радостей мировому пролетариату»[4].

В действительности «сдача» Архангельска стала редкой попыткой бескровного и «цивилизованного» окончания Гражданской войны – путем заключения «гражданского мира». В этой статье сделана попытка реконструкции тех событий с опорой на сохранившиеся воспоминания и архивные документы. Летом 1919 г. Архангельск покинули войска интервентов; одновременно было принято решение эвакуировать вооруженные силы Северной области на Юг России, где сопротивление продолжалось. Там было больше людских ресурсов, находились значительные запасы продовольствия, которое в сложившихся исторических обстоятельствах было чуть ли не основным мотиватором участия населения в боевых действиях. Собственно, большинство белых генералов сходились на необходимости основной удар наносить по направлению именно хлебородных губерний, однако «союзники» доверяли только своей помощи и нацеливали Сибирские вооруженные силы на стыковку с северными армиями[5] и через Архангельский и Мурманский порты обеспечивать белые силы вооружением. Однако часть армии Северной области поддержала генерала Е. К. Миллера (получившего в октябре 1919 г. от Колчака «диктаторские полномочия»), который считал необходимым продолжить защиту Архангельска и Мурманска от Красной армии хотя бы до лета 1920 г.

Первые результаты самостоятельного ведения Северной армией боевых действий были успешными. Части VI Красной армии отступали, причиной чему была в том числе переброска красноармейских сил для борьбы с А. В. Колчаком. Когда операции на Восточном фронте в основном закончились, пришла очередь Архангельска. Наступление на Архангельском участке имело смысл с началом навигации. Но зимой 1919–1920 гг. резко изменилось положение на фронте. В частях Белой армии начались восстания солдат, желавших «братания» с красными. Немаловажное значение сыграло и то обстоятельство, что зима 1920 г. была суровой. В малозаселенной местности сложно обеспечить жильем большое количество солдат, и красноармейцы вынуждены были ночевать в лесу, у костров. По воспоминаниям, на привалах «товарищи засыпали на 30-градусном морозе» и командирам приходилось хлестать их

плеткой, не позволяя заснуть, чтобы не замерзли[6]. Белые считали, что в таких условиях «голые и босые» красные долго не продержатся и отступят. Однако тяжелые условия наступления возымели иное действие и призыв «Даешь Архангельск! Пить чай на балконе!» вызывал огромный энтузиазм и желание безостановочно двигаться вперед.

Несколько суток в лесу, у костров придали красноармейцам в обгоревших, закопченных полушубках, с покрытыми копотью лицами, на которых сверкали только глаза и зубы[7], достаточно устрашающий вид. «Снегом и водой [нас] было не отмыть, – вспоминает красный командир. – Этим обстоятельством пользовались враги, которые распространяли о нас ужасные слухи... Когда в Архангельске выгружались из вагонов в таком виде – то жители города стояли молча, с суровыми, мрачными от страха лицами»[8]. В Архангельске прорыв фронта не сразу был воспринят как повод для срочной эвакуации. Сложность провести ее зимой сохранял надежду на то, что Северная армия продолжит сдерживать наступление красных отрядов до открытия навигации.

По первоначальному плану предполагалось вывезти из Архангельска раненых на госпитальном судне «Ярославна» при поддержке ледокола «Козьма Минин». Боеспособные части должны были защищать город, а затем отступать к Онеге и Мурманску. Однако ситуация на фронте менялась в неблагоприятную сторону, и 15 февраля 1920 г. был объявлен приказ об эвакуации. Начались лихорадочные приготовления. Среди опасавшихся мести большевиков началась паника. Одни уезжали «пересидеть смутные времена» в деревне. Другие искали возможности получить места на судах, переписывая свое недвижимое имущество на остающихся в городе родственников и знакомых. Ценности и дорогие сердцу вещи (фотографии, письма), которые не могли взять с собой, прятали по знакомым. Основная же часть населения, считая, что они перед красными ничем не провинились, скупали по спекулятивным ценам советские денежные знаки и готовились встречать новую власть: «...деревенские женки со своими полагушками, рыночные торговки и прочая горластая публика, проклинавшая в 1918 году советскую

власть и большевиков, теперь открыто ругала на площадях и базарах белогвардейцев»[9].

В этих обстоятельствах генерал Е. К. Миллер обсуждал с общественными организациями Архангельска процедуру мирной «передачи» города Красной армии таким образом, чтобы не доставить населению «дополнительных страданий»[10]. Ни одна из «демократических организаций» не откликнулась на предложение генерала Миллера и не решалась взять на себя полномочия переходного правительства. Наконец, обеспечение безопасности города до момента передачи органам советской власти решили возложить на «временный комитет»[11], сформированный профессиональными союзами. Продолжавшие действовать в Архангельске профсоюзы боролись за права рабочих, многие активисты были арестованы уходящей властью по политическим статьям, и считалось, что советская власть к такому «правительству» отнесется лояльно. В распоряжение «комитета» были выделены вооруженные солдаты для охраны складов продовольствия, а также средства связи «для сношений с большевиками». Исполняющим обязанности командующего военным округом был назначен с его согласия (как «разочаровавшийся в целях гражданской войны») полковник Л. В. Констанди[12], задачей которого была передача Красной армии оставляемого военного имущества.

Несколько дней до прихода красных отрядов на фоне пассивного ожидания основной массы населения в городе параллельно происходили следующие события. Армия готовилась к эвакуации. «Временный комитет», как промежуточная власть, пытался поддерживать какой-то порядок и готовил передачу полномочий изгнанному губисполкому[13]. Оживились и другие силы – белоармейцы, состоявшие в основном из бывших красноармейцев портовые и заводские рабочие, обитатели лагерей военнопленных, расположенных в пригородах Архангельска.

«Временный комитет», стремясь получить поддержку населения, приступил к распределению части оставшихся продовольственных запасов и фуража. Остальное находилось под вооруженной охраной для обеспечения красноармейских частей, которых ждали в городе со дня на день,

готовя им торжественную встречу. Члены «комитета» находились на постоянной телеграфной и телефонной связи с командованием Красной армии, направили делегацию для решения конкретных вопросов по передаче города. Одновременно пытались работать с массами. На судостроительный завод «приехал и выступал от профсоюзов [председатель комитета] Петров». Он сообщил, что фронт открыт, призывал к спокойствию, не устраивать кровопролития; «говорил о перемирии», но рабочие все его слова воспринимали «неодобрительно»[14]. Тем временем 18 февраля 1920 г. началась погрузка на суда. Как нередко бывает во время эвакуации, возникла паника, и, казалось бы, продуманный план стал разваливаться. Посадка приобрела неорганизованные формы, оказывая деморализующее влияние на фронтовых офицеров, многие из которых, забыв о долге, стремились любыми способами попасть на борт.

Воспоминания очевидцев дают общую картину происходившего[15]. Пристань, заваленная багажом, который привозили на санях и автомобилях, была окружена проволочным заграждением. Вход был по пропускам, которые оказались у людей, первоначально не подлежавших эвакуации, – у вполне боеспособных офицеров и гражданских лиц. Места для них появились, потому что многие раненые отказывались покидать Россию.

Из конца в конец длинной причальной линии носился на мотоцикле офицер-порученец, безуспешно пытаясь наладить порядок при посадке. Тем временем около пристани стали собираться зеваки и группы полуорганизованных солдат, которые, перестав слушаться своих командиров, пытались пресечь процесс эвакуации. Возбужденную толпу колючая проволока вряд ли бы сдержала, и можно было ожидать любых эксцессов. Чтобы предотвратить беспорядки, на все время погрузки несколько «чисто одетых офицеров» направили на толпу пулеметы, демонстрируя готовность открыть огонь. Это охладило толпу, которая молча продолжала наблюдать за происходившим. После окончания погрузки офицеры, подхватив пулеметы, «степенно, приподняв фуражки, прошли» мимо толпы, и суда начали уходить в море.

Но и после отхода судов к пристани продолжали стягиваться офицеры; они «кричали, махали платками и папахами». Выехали два танка, развернули орудия в сторону отходивших судов, призывая тем самым вернуться за ними, а пулеметы направили на толпу. «Ярославна», вернувшись, забрала танкистов, которые предусмотрительно демонтировали танковое вооружение. Опоздавшие офицеры надеялись догнать медленно идущие суда. Но суда не приставали – они были переполнены; к тому же опасались нападения уже сорганизовавшихся вооруженных отрядов. Некоторые смельчаки пытались подойти к борту по льду, перебросив через образовавшиеся полыньи доски.

Для находившихся на борту путешествие также оказалось небезопасным. На «Ярославне» вскоре произошла поломка, и около тысячи ее пассажиров, в основном раненых офицеров, пришлось переводить на ледокол. Все это делалось в условиях постоянной опасности нападения преследователей, двигавшихся вдоль городской набережной на автомобилях и санях. Приблизиться по льду к застрявшей «Ярославне» вооруженные преследователи не рискнули, опасаясь артиллерийского обстрела. Эта заминка позволила ледоколу закончить перегрузку пассажиров и уйти в море.

Агрессивность остающихся в городе вооруженных людей убждала в том, что «цивилизованной сдачи» города осуществить не удастся. С «Минина» была разослана радиограмма с приказом командующего морскими силами всем стоявшим в порту судам покинуть порт и следовать за ним. Это требование было проигнорировано, возможно, потому, что капитаны не понимали, кому в сложившейся ситуации должны подчиняться. Командование наступающей Красной армии (которому их фактически передали) направляло свои распоряжения, в частности задержать «Минин». Под различными предлогами (недостаток топлива, невозможность собрать команду и проч.) эти распоряжения тоже игнорировались. Не удалось «Минину» увести за собой и работавшие в море ледоколы. С берега им радировали приказ ни в коем случае не уходить «с Миллером» и «признать советскую власть». Ледоколы не стали реагировать на требование белого командования,

а в Архангельск сообщали, что «переход на сторону советской власти не решается ввиду сопротивления находящихся на судах белых».

Служащие маяков выполнили распоряжение «временного комитета» потушить огни и выключить сирены, что усложнило бы «Минину» выход из Белого моря[16] и задержало бы его до подхода ледокола «Канада», который под давлением распоряжений командования красных и требований откуда-то появившихся «повстанцев» стали в спешке готовить для преследования уходящих на судах белогвардейцев. Долго не могли найти командира «Канады» (якобы был арестован и куда-то уведен); ледокол оказался неисправен; возникли сложности с установкой орудий... Наконец, ледокол с несколькими десятками военморов на борту все же направился за «Мининым», нагнав его в горле Белого моря. Получив требование следовать в Архангельск, «Минин» открыл артиллерийскую стрельбу, ответить на которую из наспех установленных орудий «Канада» не смогла. К тому же члены команды были необстрелянными, «многие попрятались и даже требовали у механика идти назад»[17]. Под нажимом перепуганной команды преследование было прекращено, и «Канада» вернулась в порт.

Таким образом, планы красного командования по предотвращению эвакуации белого правительства из Архангельска оказались реализованы лишь частично: ледокол «Козьма Минин» смог добраться до Кольского полуострова. Тем временем покинутый защитниками Архангельск производил мрачное впечатление. Наблюдать за порядком в городе должны были воинские части, оставленные на своих местах по согласованию между белым и красным командованием для охраны воинских складов. Но сразу после окончания эвакуации командования военнослужащие, как и полицейские чины, покинули свои посты и разбежались.

После отхода судов «в городе началась суматоха. Люди бегали взад и вперед, прибирая “к рукам” все, что оставалось бесхозным. Ребятишки “лазали в танку”, выносили оттуда ленты с патронами, гранаты. На улице “запоказывались пьяные матросы”. По крышам стреляли из пулемета. С автомо-

биля выбрасывали листовки; впрочем, трамваи продолжали ходить и “безобразий больших не было”»[18]. Постепенно город погружался в анархию. «Людей никого не видно... Лавки открылись – и сразу же закрылись. Хозяева стали снимать вывески... Солдаты ломают автомобиль, рвут и топчут погоны и кокарды»[19].

Рабочие, занимавшие до этого выжидательную позицию, «норовили» влиться в боевые отряды, просили выдать им оружие. Когда мимо Соломбалы проходили суда, рабочие военного порта «захватили оружейные склады и начали стрелять по ледоколу», а служащие судоремонтного завода «бросили работу и выбежали из мастерских в страшной обиде, что ничего не могут сделать»[20]. В воинских частях появлялись агитаторы и даже откровенные провокаторы; выдвигались различные «полевые командиры», пытавшиеся до прихода красных «взять в свои руки власть». Об этих событиях остались воспоминания нескольких человек, приписывавших себе их организацию[21]. Поскольку их никто не опроверг, можно предположить, что «восстания» спонтанно вспыхивали везде, где находился хоть какой-нибудь организатор.

Так, матросы крейсера «Чесма» арестовали офицеров, а сами с винтовками бросились в город «грабить буржуев». Рабочие спешно делали импровизированные флаги (в ход пошла даже красная женская юбка, которую «ребята разорвали и надели на штыки») и нестройными рядами направлялись из заводских поселков в центр города, срывая погоны с попадавшихся по пути офицеров... Целью была тюрьма, в которой, впрочем, охранников уже не было: они разошлись, открыв двери арестантских камер.

Солдаты и матросы пытались решить две задачи: остановить эвакуацию белых и еще до прихода красных организовать в городе «революционный порядок». Стремясь сделать свои действия «легитимными», они любыми способами привлекали на свою сторону более дисциплинированных солдат. Деморализованные офицеры не всегда могли противостоять этому давлению. Так, прислуга артиллерийской батареи «во главе с командиром дала честное слово принять участие в задержании Миллера». Разоружив наскоком идущего со

своей командой офицера, повстанцы воспользовались замешательством солдат, среди которых сначала «поднялся ропот, но вскоре некоторые стали кричать: «...мы согласны, ведите нас, братва!" Прапорщик тоже изъявил желание идти с нами, называя нас товарищами... но оружия мы ему не дали». Случалось и по-другому: солдаты одной из частей на агитацию не поддались, пришлось даже спасаться бегством от разъяренных солдат, готовых отомстить за своего командира, с которым «повстанцы» «расправились, как полагается». Зато удалось вооружить и привлечь на свою сторону заключенных тюрьмы, с которыми «все перецеловались, но целоваться долго не могли, так как в городе было много белых и офицерства». Не сумев догнать уходящие с эвакуированными суда, солдаты и матросы «с красным флагом» приступили к захвату зданий почт и телеграфов, выставляя там свои караулы. Командиру отряда моряков едва удавалось сдержать «свою братву», которая, врываясь «с винтовками со штыками наперевес» в учреждения, пыталась «растерзать» находившихся там чиновников. Несколько позднее свой вклад в восстание внесли и обитатели расположенных на окраинах города лагерей военнопленных. О происходившем там в эти смутные дни известно также по собранным «истпартами» воспоминаниям[22]. Почувствовали «что-то неладное» они уже 17 февраля 1920 г. Их перестали выводить на работы; офицеры охраны стали куда-то исчезать, другие явились к ним «с красными бантами на груди» и устроились ночевать на нарах; военнопленные «их даже за командиров считали».

Самый большой лагерь, около 300 пленных, размещался на Кег-острове, напротив города. 60 человек комсостава были отделены от красноармейцев на «кошке» (песчаном острове). Телефонная связь с городом была прервана, и пленные вместе с охраной оказались в полной изоляции. Начальник лагеря направил в город «на разведку» переодетых в гражданское военнопленных в сопровождении двух конвоиров, которые «вернулись с винтовками и красными бантами на груди». Узнав, что Е. К. Миллер покинул город, а среди офицеров полное смятение, начальник лагеря освободил заключенных краскомов, которые без всякого сопротивления со стороны

охраны освободили пленных красноармейцев и сформировали из них и примкнувших к отряду конвоиров полноценный батальон, вооруженный винтовками, пулеметами и автоматами. Батальон направился в город, на подходах к которому бывшие военнопленные услышали выстрелы, что немного поубавило их боевой пыл: «сели покурить», но увидев, как стоящие на Двине «корабли один за другим стали поднимать красные флаги, воодушевились и с криком “Даешь Архангельск!”, бросились вперед»[23].

Потеряв контроль над городом, «временный комитет» продолжал вести переговоры с командирами красных частей, продвигавшихся к городу. Сопротивления почти не встречали, поэтому не склонны были идти на какие-либо уступки. 20–21 февраля 2020 г. в Архангельск стали входить красные отряды.

Встречу «дорогих братьев» часть жителей постаралась организовать как можно торжественнее. Из-за снежных заносов первые эшелоны пришли с большим опозданием, но встречающие (делегации от воинских частей, профсоюзов, рабочих и военнопленных красноармейцев) дождались «своих избавителей от тяжкого ига капитала»[24]. Член ВРК телеграфировал: «В час ночи советские войска вступили в Архангельск, встречены несмотря на поздний час большими толпами населения, хлеб-солью, музыкой. В Архангельске все склады благодаря содействию полковника Костанди в целости»[25]. Красные части «заходили стройными рядами», их «встречало столько публики, что трудно было пройти полку»[26]. Комиссар Кузьмин выступил с крыши вагона с речью, после чего красноармейцев на автомобилях доставили в приготовленные для них казармы. Первые несколько дней политработники вошедшей в город Красной армии беспрерывно выступали на многочисленных митингах, где их «чуть не на руках носили»[27]. «Медовые дни» мирного окончания Гражданской войны продолжались еще несколько дней, создавая благоприятный фон для прекращения вооруженной борьбы остававшихся в пределах губернии белых частей.

Примечания

[1] *Корнатовский, Н. А.* Северная контрреволюция. – М.: Молодая гвардия, 1930. – 172 с. KORNATOVSKII, N. A. *Severnaya kontrrevolyutsiya* [Northern Counter-Revolution. In Russ.]. Moscow, 1930, 172 p.; *Минц, И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. – М.; Л., 1931. – 254 с. MINTS, I. I. *Angliiskaya interventsiya i severnaya kontrrevolyutsiya* [English Intervention and Northern Counter-Revolution. In Russ.], Moscow, Lenigrad, 1931, 254 p.; *Овсянкин, Е. И.* На изломе истории: события на Севере в 1917–1920 гг.: мифы и реальность. – Архангельск, 2007. – 186 с. OVSYANKIN, E. I. *Na izlome istorii: sobytiya na Severe v 1917–1920 gg.: mify i real'nost'* [Rupture of history: Events in the North in 1917–20: Myths and reality. In Russ.]. Arkhangelsk, 2007, 186 p.; *Новикова, Л. Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.; NOVIKOVA, L. G. *Provintsial'naya "kontrrevolyutsiya": Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voina na russkom Severe, 1917–1920* [The provincial "counter-revolution": The White movement and the Civil war in the Russian North, 1917–1920. In Russ.], Moscow, 2011, 384 p.

[2] Известия Временного комитета профессиональных союзов. – 1920. – 27 февр. *Izvestiya Vremennogo komiteta professional'nykh soyuzov,* February 27, 1920.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 36. Л. 1а–6. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), fond 70, series 2, file 36, pp. 1a–6; *Трошина, Т. И.* Документы комиссий по истории революции и партии как исторический источник. На материалах истпартов Архангельской и Вологодской губерний // Вестник архивиста. – 2011. – № 4. – С. 96–108. TROSHINA, T. I. *Dokumenty komissii po istorii revolyutsii i partii kak istoricheskii istochnik. Na materialakh istpartov Arkhangel'skoi i Vologodskoi gubernii.* [Documents of commissions on the history of the Revolution and the Communist party as a historical source: Materials of the Istparts of the Arkhangelsk and Vologda gubernias. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2011, no. 4, pp. 96–108; *Дубровская, Е. Ю.* «Военное лихолетье» в воспоминаниях участников и очевидцев: Первая мировая и гражданская войны глазами жителей Российской Карелии // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 5. – Самара, 2017. – С. 313–326. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=14 (дата обращения 10.01.2020). DUBROVSKAYA, E. Yu. *"Voennoe likholet'e" v vospominaniyakh uchastnikov i ochevidtsev: Pervaya mirovaya i grazhdanskaya voiny glazami zhitelei Rossiiskoi Karelii* ["Wartime hardships" in the

memoirs of participants and eyewitnesses: The First World War and the Civil War through the eyes of residents of Russian Karelia. In Russ.]. IN: *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii: elektron. sbornik* [The 20th century and Russia: Society, reforms, revolutions: Digital collection]. Issue 5. Samara, 2017, pp. 313–326 [on-line]. Available at: URL: http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=14 (accessed 10.01.2020).

[4] Ленин и Север: Сборник документов и материалов. – Архангельск, 1969. – С. 239–240. *Lenin i Sever: Sbornik dokumentov i materialov* [Lenin and the North: Collected documents and materials. In Russ.], Arkhangelsk, 1969, pp. 239–240.

[5] *Будберг, А.* Дневник // Гражданская война в Сибири и Северной области. – М.; Л., 1927. – С. 124. BUDBERG, A. *Dnevnik* [Diary]. IN: *Grazhdanskaya voina v Sibiri i Severnoi oblasti* [Civil War in Siberia and the Northern Region. In Russ.], Moscow, Lenigrad, 1927, p. 124.

[6] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 403. Л. 4. *Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti* [State Archive of the Arkhangelsk Region] (GAAO), fond 8660, series 3, file 403, p. 4.

[7] Там же. Ibid.

[8] Там же. Д. 159. Л. 9. Ibid., file 159, p. 9.

[9] Там же. Д. 596. Л. 2. Ibid., file 596, p. 2.

[10] *Корнатовский, Н.* Северная контрреволюция. – М., 1930. – С. 138. KORNATOVSKII, N. A., 1930, p. 138; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5867. Оп. 1 Д. 52. Л. 52, 53. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond R-5867, series 1, file 52, p. 52, 53.

[11] Возрождение Севера. – 1920. – 18 февраля. *Vozrozhdenie Severa*, February 18, 1920.

[12] После восстановления советской власти был арестован и в 1921 г. расстрелян.

[13] Известия временного комитета профсоюзов. – 1920. – 21 февраля. *Izvestiya vremennogo komiteta profsoyuzov*, Februrary 21, 1920.

[14] ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 596. Л. 2. GAAO, fond 8660, series 3, file 596, p. 2.

[15] Там же. Д. 53, 252, 260, 406, 420, 494, 720. Ibid., files 53, 252, 260, 406, 420, 494, 720.

[16] Известия временного комитета профсоюзов. – 1920. – 21 февраля. *Izvestiya vremennogo komiteta profsoyuzov*, February 21, 1920.

[17] ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 720. Л. 27. GAAO, fond 8660, series 3, file 720, p. 27.

[18] Там же. Д. 252. Л. 8–10. Ibid., file 252, pp. 8–10.

[19] Там же. Л. 9–10. Ibid., pp. 9–10.

[20] Там же. Д. 596. Л. 4. Ibid., file 596, p. 4.

[21] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3053. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (TsGAIPD SPb), fond 4000, series 5, file 3053; ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 53. GAAO, fond 8660, series 3, file 53.

[22] ГААО. Ф. 8660 Оп. 3 Д. 252. Л. 8–10; Д. 464. GAAO, fond 8660, series 3, file 252, pp. 8–10; file 464; Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 36. Д. 54. *Nauchnyi arkhiv Karel'skogo Nauchnogo Tsentra RAN* [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], fond 1, series 36, file 54.

[23] ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 464. GAAO, fond 8660, series 3, file 464.

[24] День радости // Известия временного комитета профсоюзов. 1920. 21 февраля. *Den' radosti* [The day of joy. In Russ.]. IN: *Izvestiya vremennogo komiteta profsoyuzov. Izvestiya vremennogo komiteta profsoyuzov*, February 21, 1920.

[25] ГААО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 28-а. Л. 1. GAAO, fond 571, series 1, file 428-a, p. 1.

[26] Там же. Ф. 8660. Оп. 3 Д. 403. Л. 5. Ibid., fond 8660, series 3, file 403, p. 5.

[27] Там же. Д. 596. Л. 4. Ibid., file 596, p.4.

Список литературы

Дубровская, Е. Ю. «Военное лихолетье» в воспоминаниях участников и очевидцев: Первая мировая и Гражданская войны глазами жителей Российской Карелии // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 5. – Самара, 2017. – С. 313–326. Электронный ресурс. Режим доступа: http://sbornik.libsmr.ru/content/files/catalog1/sb20rus_05_0.pdf (дата обращения 10.01.2020).

Корнатовский, Н. А. Северная контрреволюция. – М.: Молодая гвардия, 1930. – 172 с.

Минц, И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. – М.; Л., 1931. – 254 с.

Новикова, Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и гражданская война на русском Севере, 1917–1920. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 377 с.

Овсянкин, Е. И. На изломе истории: события на Севере в 1917–1920 гг.: мифы и реальность. – Архангельск, 2007. – 186 с.

Трошина, Т. И. Документы комиссий по истории революции и партии как исторический источник. На материалах истпартов Архангельской и Вологодской губерний // Вестник архивиста. – 2011. – № 4. – С. 96–108.

References

DUBROVSKAYA, E. Yu. *"Voennoe likholet'e" v vospominaniyakh uchastnikov i ochevidtsev: Pervaya mirovaya i grazhdanskaya voiny glazami zhitelei Rossiiskoi Karelii* ["Wartime hardships" in the memoirs of participants and eyewitnesses: The First World War and the Civil War through the eyes of residents of Russian Karelia. In Russ.]. IN: *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii: elektron. sbornik* [The 20th century and Russia: Society, reforms, revolutions: Digital collection]. Issue 5. Samara, 2017, pp. 313–326 [on-line]. Available at: URL: http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=14 (accessed 10.01.2020).

KORNATOVSKII, N. A. *Severnaya kontrrevolyutsiya* [Northern Counter-Revolution. In Russ.]. Moscow, 1930, 172 p.

MINTS, I. I. *Angliiskaya interventsiya i severnaya kontrrevolyutsiya* [English Intervention and Northern Counter-Revolution. In Russ.], Moscow, Lenigrad, 1931, 254 p.

NOVIKOVA, L. G. *Provintsial'naya "kontrrevolyutsiya": Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voina na russkom Severe, 1917–1920* [The provincial "counter-revolution": The White movement and the Civil war in the Russian North, 1917–20. In Russ.], Moscow, 2011, 384 p.

OVSYANKIN, E. I. *Na izlome istorii: sobytiya na Severe v 1917–1920 gg.: mify i real'nost'* [Rupture of history: Events in the North in 1917–20: Myths and reality. In Russ.]. Arkhangelsk, 2007, 186 p.

TROSHINA, T. I. *Dokumenty komissii po istorii revolyutsii i partii kak istoricheskii istochnik. Na materialakh istpartov Arkhangel'skoi i Vologodskoi gubernii.* [Documents of commissions on the history of the Revolution and the Communist party as a historical source: Materials of the Istparts of the Arkhangelsk and Vologda gubernias. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2011, no. 4, pp. 96–108.

Сведения об авторах

Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, кафедра социальной работы и социальной безопасности, профессор, г. Архангельск, Российская Федерация, Северный государственный медицинский университет, кафедра гуманитарных дисциплин, профессор, Архангельск, Российская Федерация, 8-911-571-04-66, tatr-arh@mail.ru

About the authors

Troshina Tatyana Igorevna, PhD in History, associate professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; department of social work and social security, professor, Northern State Medical University, department of humanities, professor, Arkhangelsk, Russian Federation, +7-911-571-04-66, tatr-arh@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ, научный проект № 18-09-00237.

Grant information

This article has been prepared as part of a study supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-09-00237).

В редакцию статья поступила 21.01.2020 г.,
опубликована (для цитирования):

Трошина, Т. И. «Бескровная революция» 1920 г. в Архангельске // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 888–904. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-888-904

Submitted 21.01.2020, published (for citation):

TROSHINA, T. I. *"Beskrovnaya revolyutsiya" 1920 g. v Arkhangel'ske* ["The Bloodless Revolution" of 1920 in Arkhangelsk. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 888-904. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-888-904

УДК 90 (470)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-905-916

А. С. Гулин
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

К вопросу об источниках книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга»

Aleksey S. Gulin
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

On the Question of Sources of the S. V. Maksimov's Book "Siberia and Katorga"

Аннотация
В статье рассматриваются выявленные автором архивные источники, использовавшиеся писателем С. В. Максимовым в главе III третьей части его книги «Сибирь и каторга»: «Времена Александра II». Содержательное совпадение найденных архивных документов с текстом указанной главы книги позволило предположить, что они и есть те документы, которыми писатель пользовался при работе над главой. Писатель не давал конкретных указаний и ссылок на документальные источники, использованные им в книге, поэтому вопрос об источниках его труда во многом остается открытым. Так как автор книги излагает уникальный исторический материал, в том числе и в указанной главе, вопрос об источниках «Сибири и каторги» далеко не праздный. Исследуя творчество писателя, выявляя источники книги «Сибирь и каторга» методом текстологического анализа, российский филолог М. И. Щербакова не смогла обнаружить архивных источников упомянутой главы. Автор настоящей публикации делает делает вывод о том, что документы, выявленные в фондах Государственного

архива Российской Федерации (ГАРФ), в делах III отделения, включая докладную записку тобольского губернатора А. И. Деспота-Зеновича к генерал-губернатору Западной Сибири О. А. Дюгамелю, являются основой содержательной части главы «Времена Александра II». Результаты сравнительного анализа текста главы и текста докладной записки, при сопоставлении которых была выявлена полная или частичная идентичность обоих текстов, позволили автору статьи сделать заключение, что С. В. Максимов, творчески переработав доклад тобольского губернатора, выстроил значительную часть текста главы «Времена Александра II» в своей книге «Сибирь и каторга» на основе конспективного изложения указанного доклада. В статье доказывается, что автором книги использованы архивные материалы высших правительственных учреждений, что является очередным шагом на пути выявления источников, привлеченных писателем С. В. Максимов при работе над книгой, намечает векторы для дальнейших исследований в этом направлении.

Abstract

The article examines archival sources which, as the author has identified, were used by the writer S. V. Maximov in chapter 3 (“The Times of Alexander II”) of part 3 of his book “Siberia and katorga.” The identified archival documents match the text of the said chapter of the Maximov’s book, which has allowed the author to assume that they were used by the writer, when working on this chapter. Maximov did not provide notes and references to the documentary sources used in the book, and the question of the sources of his work remains open. As he related unique historical material (in the said chapter as well), the question of sources of “Siberia and katorga” is of some significance. Having analyzed the Maximov’s text, Russian philologist M. I. Shcherbakova identified many sources, but could not find archival sources for chapter 3. Comparative analysis confirms the author’s conclusions that documents from the Russian State Archive of the Russian Federation (files of the Third Section, i.e., memo of the Tobolsk governor A. I. Despot-Zenovich to the Governor-General of Western Siberia O. A. Dugamel) provided basis of the chapter “The Times of Alexander II.” Comparative text analysis of the chapter and the memo has revealed their complete or partial equivalence, which allows the author to conclude that S. V. Maximov rewrote the report of the Tobolsk governor and structured the chapter “The Times of Alexander II” of his book “Siberia and katorga” on the basis of the memo synopsis. Thus, the article proves that Maximov, when working on chapter 3 of his book, used archival materials of the higher government institutions;

this is a new step in identifying the sources of his work and it maps out further research in this direction.

Ключевые слова
Архив, С. В. Максимов, А. И. Деспот-Зенович, архивный документ, источник, «Сибирь и каторга», политические ссыльные, участники польского восстания 1863–1864 гг., III отделение.

Keywords
Archive, S. V. Maksimov, A. I. Despot-Zenovich, archival document, source, "Siberia and katorga," political exiles, participants of the Polish revolt of 1863–64, Third Section.

Почти полтора столетия прошло с выхода в свет в 1871 г. в России книги этнографа-беллетриста Сергея Васильевича Максимова (1831–1901) о сибирской ссылке «Сибирь и каторга», треть содержания которой была посвящена политической ссылке. К тому времени автор уже был известен читателям по книгам «Год на Севере» (1859 г.), «Ссыльные и тюрьмы» (1862 г.), «На Востоке: Поездка на Амур (в 1860–1861 г.)» (1864 г.) и по другим этнографическим очеркам. «Сибирь и каторга» состояла из трех частей, каждая часть была издана отдельным томом, в третий том и была помещена часть «Государственные и политические преступники», посвященная истории ссылки от времен декабристов до современного ее состояния. Третья часть книги включала в себя три главы: глава I – «Политические преступники», глава II – «Государственные преступники», глава III – «История каторги». Во втором издании в 1891 г. книга была несколько переработана и дополнена автором и включала четыре части: часть I – «Несчастные», часть II – «Виноватые и обвиненные», часть III – «Политические и государственные преступники», часть IV – «История каторги».

Третья часть книги 1891 г. издания, претерпев небольшие структурные перемены, не особо изменилась содержательно, состояла из семи глав. Отдельной главой «Времена Александра II» автор выделил политическую ссылку современной ему эпохи, где, не касаясь участи государственных преступников народнического толка, уделил внимание исключи-

тельно польским политическим ссыльным после поражения восстания 1863–1864 гг. Автор снабдил главу развернутой статистикой о численном, сословном и региональном составе ссыльных инсургентов, в том числе отдельно выделив данные о численности повстанцев из иностранцев. Именно эта глава, «Времена Александра II», наполненная и по сей день ценными статистическими данными, подверглась и подвергается наиболее острой критике со стороны исследователей-историков по поводу отсутствия ссылок автора на источники, на заниженные и неточные, по их мнению, численные данные о ссыльных, к тому же содержащие арифметические ошибки, что ставит под сомнение точность статистических данных[1]. Нарратив же главы не только никогда не подвергался критике, но и активно использовался в качестве иллюстративного материала[2], в особенности, где автор ссылается на некое описание положения ссыльных поляков одним из сибирских чиновников и на деятельность тобольской администрации по обустройству их быта. Почти за сто пятьдесят лет со дня выхода первого издания труда С. В. Максимова никто так и не раскрыл ни имени упомянутого чиновника, который со знанием дела дал столь яркую картину польской ссылки, кого автор буквально страницами конспективно цитирует в своем труде, ни источников статистических данных.

М. И. Щербакова в монографии «С. В. Максимов: (Очерк творчества)», изданной в 1996 г., а впоследствии в докторской диссертации 1997 г. «Проза С. В. Максимова. Текстология и вопросы поэтики»[3] сумела установить некоторые мемуарные и эпистолярные источники относительно декабристской ссылки и польской ссылки 1830–1850 гг. Она же обнаружила и выявила некоторые польские мемуарные источники: воспоминания Руфина Пётровского «Дневники о пребывании в Сибири», Агатона Гиллера «Описание Забайкальского края в Сибири». Интересующую же нас главу «Времена Александра II» исследовательница обошла стороной. В этой связи в статье поставлена задача выявить документальные источники, послужившие С. В. Максимову для написания главы. Содержательная часть главы III «Времена Александра II» условно делится на две части: статистику и собственно

характеристику польских ссыльных 1860–1870-х гг. в Тобольской губернии.

При анализе архивных материалов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), хранящихся в фонде 109 (1-й экспедиции III отделения С. Е. И. В. канцелярии), относительно правил об устройстве быта политических преступников, легко обнаружить почти текстуальное совпадение с повествованием С. В. Максимова. Таким документом является доклад тобольского губернатора А. И. Деспота-Зеновича генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю с предложениями относительно устройства быта политических преступников[4]. Сам доклад, представленный копией, точной датировки не имеет, но, исходя из приложенного к нему отчета о выдаче пособий ссыльным полякам по 1 августа 1865 г. и даты письма на французском языке от 27 октября 1865 г. Дюгамеля, сопровождавшего этот доклад, к министру внутренних дел П. А. Валуеву, можно примерно датировать его августом–октябрем 1865 г. Доклад был отослан генерал-губернатором министру не официальным, а частным порядком, т. е. министру предстояло решить – давать ли докладу тобольского губернатора официальный ход. С. В. Максимов конспективно, местами в прямом смысле дословно, цитирует упомянутый документ, творчески его перерабатывая. Отдельные сюжеты обширного доклада явно просматриваются в авторском тексте (см. таблицу).

Таблица

Сопоставление фрагментов книги С. В. Максимова и доклада А. И. Деспота-Зеновича

Книга С. В. Максимова	Доклад А. И. Деспота-Зеновича
<...> между ними оказались сосланными даже такие, которые в Тобольске с увлечением пускали бумажного змея, играли мячиком <...>[5]	<...> я лично видел таких высланных сюда детей, которым при малейшем досуге и внешней свободы, со всем детским увлечением занимались соответственными их возрасту играми, как наприм[ер] пусканием бумажного змейка, мячиком и проч[ие] <...>[6]

Книга С. В. Максимова	Доклад А. И. Деспота-Зеновича
В Тобольске с 1864 по 67 г. сделаны были опыты учреждения мастерских. Несмотря на недоброжелательство и прииски рутины или невежества, устроены были прачечная, столярная, сапожная, слесарная, котельное производство, кузнецы, швейная, открыт пивоваренный завод, заведены мелочные лавки <...>[7]	Вследствии этого в Тобольске учреждены политическими ссыльными мастерские, прачечные, столярная, слесарная, котельное производство, кузницы, швейная, булочная, открыт пивоваренный завод и мелочная лавка. Во всех этих заведениях, занято большинство находящихся в Тобольске политических ссыльных; заведения эти вполне соответствуют местным потребностям, и потому городское население приветливо встретило их открытие[8].
Политический ссыльный приносит убеждение, что весь итог жизни утрачен безвозвратно, и потому или кажется совершенно равнодушным ко всему окружающему, или являются раздражительными, беспокойно-нервными. Если он еще лелеет надежду возврата, то, тем не менее, эта надежда, оживляя его, мешает труду, прочной оседлости: Сибирь – почтовая станция, минутная остановка жизни, не стоит и браться не за что серьезное.<...> В силу таких соображений, главною задачею правительства должна быть забота о том, чтобы дать ссыльным занятия, облегчить возможность труда и приспособления способностей[9].	Все политические ссыльные, какого бы умственного уровня не были, сохраняя отдельный письменный свой тип <...> разрывая родственные, семейные и общественные узы, лежащие в основе всякой живой среды – они приносят одно убеждение, что весь итог прожитой жизни затрачен безвозвратно.Поэтому они вступают в новую для них страну с глубокой затаенною печалью, которая заменяется, или, во что-то раздражительное, беспокойно-нервное, или совершенное равнодушие ко всему окружающему. Надежда на возвращение прошедшего одна только дает ему перенести крутой поворот судьбы и встретиться с ужасающею нищетой, сопутствующею с первых шагов их новой жизни. Чувство это, оживляя и спасая человека от отчаяния, вместе с тем мешает оседлой жизни, продолжительному труду и всем тем стремлениям, которые требуют времени и усилий, чтобы принести материальные выгоды. <...>

Книга С. В. Максимова	Доклад А. И. Деспота-Зеновича
	Сибирь для них – почтовая станция, какой-то временный переезд, одна из минутных остановок их жизни. Стоит ли взяться за что-нибудь серьезное, стоит ли израсходовать умственные и физические силы на какое-либо предприятие, требующее усидчивости и времени? <...> Разрушить это искусственное положение, отрезвить людей житейскими интересами, содействовать, соответственно условиям ссылки и умственного развития каждого, приискание труда и занятий, и тем разрешить возможность соприкосновения их с действительностью – есть задача Правительства[10].

Последняя часть сопоставленного текста, так называемая цитата из характеристики ссыльных «одного из местных администраторов», представляет собой на самом деле не цитату, а конспективное изложение вышеупомянутой докладной записки тобольского губернатора к генерал-губернатору Западной Сибири. Доклад А. И. Деспот-Зеновича, направленный Дюгамелем министру внутренних дел, был в конечном счете представлен на рассмотрение членам Комитета министров[11]. Таким образом, следует заключить, что книга С. В. Максимова в части, рассмотренной в данной статье, опирается на очень важные документальные источники, авторство которых не подлежит сомнению. Как писатель воспользовался ими и как представил их читателю – это уже другой вопрос.

Рассмотрев и выявив источники к главе III третьей части книги С. В. Максимова, касающиеся характеристики польской политической ссылки 1860–1870-х гг., надеемся, что изложенные аргументы и установленное авторство представленного источника рассеют определенные сомнения исследователей-историков, занимающихся проблематикой ссылки и каторги участников польского восстания 1863–1864 гг.,

в достоверности источников, использованных автором при работе над главой; послужат дополнительным материалом для филологов, изучающих творчество писателя, а также придадут импульс выявлению и других архивных источников труда С. В. Максимова «Сибирь и каторга», оказавшего немалое влияние на русскую общественную мысль.

Примечания

[1] См.: *Гулин, А. С.* К исследовательской проблеме о численности сосланных в Восточную Сибирь в каторжные работы участников польского восстания 1863–1864 гг. // Сибирская ссылка. Вып. 9 (21). – Иркутск: Оттиск, 2019. – С. 218–272. GULIN, A. S. *K issledovatel'skoi probleme ochislenno stisoslannykh vVostochnuyu Sibir' v katorzhnye raboty uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg.* [On estimating the number of the January Insurrection participants exiled to Eastern Siberia for hardlabor. In Russ.]. IN: *Sibirskayassylka* [Siberian exile]. Issue 9 (21). Irkutsk,Ottiskpubl., 2019, pp. 218–235; *Коваль, С. Ф.* За правду и волю. К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – С. 43–46. KOVAL', S. F. *Zapravdu i volyu. K stoletiyuvosstaniyapolitic heskikhssyl'nykh v Sibiri v 1866 g.* [For truth and freedom:The centenary of the uprising of political exiles in Siberia in 1866. In Russ.]. Irkutsk, Vost.-Sib. izd-vo publ., 1966, pp. 43–46; *Митина, Н. П.* Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. – М.: Наука, 1966. – С. 10–14; MITINA, N. P. *Vo glubine sibirskikh rud. K stoletiyu vosstaniya pol'skikh ssyl'nykh na Krugobaikal'skom trakte* [In the depths of Siberian ores: The centenary of the Polish exiles revolt on the Round Baikal Highway. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1966, pp. 10–14; *Рощевская, Л. П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – С. 40; ROSHCHEVSKAYA, L. P. *Revolyutsionery-raznochintsy v zapadnosibirskomizgnanii* [Raznochintsyrevolutionaries in the East-Siberian exile. In Russ.]. Izd-vo Leningr. un-ta publ., 1983, p. 40; *Сливовская, В.* Побеги из Сибири / Пер. с польского. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 20; SLIVOVSKAYA, V. *Pobegi iz Sibiri* [Runaways from Siberia. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteiya publ., 2014, p. 20; *Стшижевская, С.* Ссыльные участники Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа / Под ред. А. Кучинского, С. П. Романова; Пер. с польского. – М.: Ладомир, 2002. – С. 124–134. STSHIZHEVSKAYA, S. *Ssyl'nye uchastniki Yanvarskogo vosstaniya* [The exiled participants of the January Uprising. In Russ.]. IN: *Sibir' v istorii i kul'turepol'skogonaroda* [KUCHINSKII, A., ROMANOV,S. P. (eds.). Siberia in the history and culture of the Polish people. In Russ.]. Moscow, Ladomir publ., 2002, pp. 124–134; *Шостакович, Б. С.* Численность ссыль-

ных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). – Иркутск: Оттиск, 2006. – С. 254–272. SHOSTAKOVICH, B. S. *Chislennost' ssyl'nykh v Sibir' uchastnikov Yanvarskogo pol'skogo vosstaniya kak issledovatel'skaya problema* [The number of exiled to Siberia participants in the January Uprising as a research problem. In Russ.]. IN: *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Issue 3 (15). Irkutsk, Ottisk publ., 2006, pp. 254–272; SKOK, H. Polacy nad Bajkałem 1863–1883. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – S. 101–110. SKOK, G. *Polacy nad Bajkalem 1863–1883* [Poles over Baikal 1863–83. In Pol.]. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe publ., 1974, pp. 101–110.

[2] См.: *Мулина, С. А.* Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 73. MULINA, S. A. *Migranty ponevole: adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri.* [Reluctant emigrants: Adaptation of the exiled participants of the Polish Uprising of 1863 in Western Siberia. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteiya publ., 2012, p. 73.

[3] *Щербакова, М. И.* С. В. Максимов: (Очерк творчества). – М.: Прометей, 1996. – 200 с. SHCHERBAKOVA, M. I. *S. V. Maksimov: (Ocherk tvorchestva)* [S. V. Maximov: (Essay on his works). In Russ.]. Moscow, Prometey publ., 1996, 200 p.; *Щербакова, М. И.* Проза С. В. Максимова. Текстология и вопросы поэтики: Дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МГПУ им. В. И. Ленина, 1997. – 418 с. SHCHERBAKOVA, M. I. *Proza S. V. Maksimova. Tekstologiya i voprosy poetiki: Dis. ... d-ra filol. nauk* [Prose S. V. Maximov. Textual and poetical questions: D-r phil. sci. diss. In Russ.]. Moscow, MGPUim. V. I. Lenina publ., 1997, 418 p.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J. Л. 23–82 об. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 109, 1863, series 38, file 23, part 416, c. J, p. 23–82 verso.

[5] *Максимов, С. В.* Сибирь и каторга // Максимов С. В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. Сибирь и каторга. Ч. II–IV. – М.: Книговек, 2010. – С. 179. MAKSIMOV, S. V. *Sibir' ikatorga.* [Siberia and katorga. In Russ.]. IN: MAKSIMOV, S. V. *Sobr. soch.* [Collected works. In Russ.]. In 7 vols. Vol. 2. Vol. 2. Parts II–IV. Moscow, Knigovek publ.; 2010, p. 179.

[6] ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J. Л. 49. GARF, fond 109, 1863, series 38, file 23, part 416, litera J, p. 49.

[7] *Максимов, С. В.* Указ. соч. – С. 187. MAKSIMOV, S. V., 2010, p. 187.

[8] ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J. Л. 65 об. GARF, fond 109, 1863, series 38, file 23, part 416, litera J, p. 65 verso.

[9] *Максимов, С. В.* Указ. соч. – С. 186–187. MAKSIMOV, S. V., 2010, pp. 186–187.

[10] ГАРФ. Ф. 109. 1863. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J. Л. 30–34. GARF, fond 109, 1863, series 38, file 23, part 416, litera J, pp. 30–34.

[11] Там же. Л. 87. Ibid., p. 87.

Список литературы

Гулин, А. С. К исследовательской проблеме о численности сосланных в Восточную Сибирь в каторжные работы участников польского восстания 1863–1864 гг. // Сибирская ссылка. Вып. 9 (21). – Иркутск: Оттиск, 2019. – С. 218–235.

Коваль, С. Ф. За правду и волю. К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 191 с.

Максимов, С. В. Сибирь и каторга // Максимов, С.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. Сибирь и каторга. Ч. II–IV. – М.: Книговек, 2010. – 638 с.

Митина, Н. П. Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. – М.: Наука, 1966. – 144 с.

Мулина, С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. – СПбю: Алатейя, 2012. – 200 с.

Рощевская, Л. П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 176 с.

Сливовская, В. Побеги из Сибири: Пер. с польского. – СПб.: Алетейя, 2014. – 536 с.

Стшижевская, С. Ссыльные участники Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа / Под ред. А. Кучинского, С. П. Романова; Пер. с польского.– М.: Ладомир, 2002. – С. 124–134.

Шостакович, Б. С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка. Вып. 3 (15). – Иркутск: Оттиск, 2006. – С. 254–272.

Щербакова, М. И. С. В. Максимов: (Очерк творчества). – М.: Прометей, 1996. – 200 с.

Щербакова, М. И. Проза С. В. Максимова. Текстология и вопросы поэтики: Дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МГПУ им. В. И. Ленина, 1997. – 418 с.

SKOK, H. Polacy nad Bajkałem 1863–1883. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – 335 s.

References

GULIN, A. S. *K issledovatel'skoi problem o chislennosti soslannykh v Vostochnuyu Sibir' v katorzhnye raboty uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg.* [On estimating the number of the January Insurrection participants exiled to Eastern Siberia for hard labor. In Russ.]. IN: *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Issue 9 (21). Irkutsk, Ottisk publ., 2019, pp. 218–235.

KOVAL', S. F. *Za pravdu i volyu. K stoletiyu vosstaniya politicheskikh ssyl'nykh v Sibiri v 1866 g.* [For truth and freedom: The centenary of the uprising of political exiles in Siberia in 1866. In Russ.]. Irkutsk, Vost.-Sib. izd-vo publ., 1966, 191 p.

MAKSIMOV, S. V. *Sibir' i katorga* [Siberia and katorga. In Russ.]. IN: MAKSIMOV S. V. *Sobr. soch.* [Collected works. In Russ.]. In 7 vols. Vol. 2. Parts II–IV. Moscow, Knigovek publ.; 2010, 638 p.

MITINA, N. P. *Vo glubine sibirskikh rud. K stoletiyu vosstaniya pol'skikh ssyl'nykh na Krugobaikal'skom trakte* [In the depths of Siberian ores: The centenary of the Polish exiles revolt on the Round Baikal Highway. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1966, 144 p.

MULINA, S. A. *Migranty ponevole: adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri.* [Reluctant emigrants: Adaptation of the exiled participants of the Polish Uprising of 1863 in Western Siberia. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteiya publ., 2012, 200 p.

ROSHCHEVSKAYA, L. P. *Revolyutsionery-raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii* [Raznochintsy revolutionaries in the East-Siberian exile. In Russ.]. Izd-vo Leningr. un-ta publ., 1983, 176 p.

SLIVOVSKAYA, V. *Pobegi iz Sibiri* [Runaways from Siberia. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteiya publ., 2014, 536 p.

STSHIZHEVSKAYA, S. *Ssyl'nye uchastniki Yanvarskogo vosstaniya* [The exiled participants of the January Uprising.In Russ.]. IN: *Sibir' v istori i i kul'ture pol'skogo naroda* [KUCHINSKII, A., ROMANOV, S. P. (eds.). Siberia in the history and culture of the Polish people. In Russ.]. Moscow, Ladomir publ., 2002, pp. 124–134.

SHCHERBAKOVA, M. I. *S. V. Maksimov: (Ocherk tvorchestva)* [S. V. Maximov: (Essay on his works). In Russ.]. Moscow, Prometey publ., 1996, 200 p.

SHCHERBAKOVA, M. I. *Proza S. V. Maksimova. Tekstologiya I voprosy poetiki*: *Dis. ... d-ra filol. nauk* [Prose S. V. Maximov. Textual and poetical questions: D-r phil. sci. diss. In Russ]. Moscow, MGPUim. V. I. Leninapubl., 1997, 418 p.

SHOSTAKOVICH, B. S. *Chislennost' ssyl'nykh v Sibir' uchastnikov Yanvarskogo pol'skogo vosstaniya kak issledovatel'skaya problema* [The number of exiled to Siberia participants in the January Uprising as a research problem. In Russ.]. IN: *Sibirskayassylka* [Siberian exile]. Issue 3 (15). Irkutsk, Ottisk publ., 2006, pp. 254–272.

SKOK, G. *Polacy nad Bajkalem 1863–1883* [Poles over Baikal 1863–83. In Pol.]. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe publ., 1974, 335 p.

Сведения об авторах

Гулин Алексей Степанович, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, кафедра истории России средневековья и нового времени, соискатель степени кандидата исторических наук, г. Москва, Российская Федерация, 8-918-106-91-09, asgulin@mail.ru

About the authors

Gulin Aleksey Stepanovich, Russian State University for the Humanities, Institute of History and Archives, Department of Russian History of the Middle Ages and the New Age, fhD student, Moscow, Russian Federation, +7-918-106-91-09, asgulin@mail.ru

В редакцию статья поступила 21.10.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Гулин, А. С. К вопросу об источниках книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга» // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 905–916. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-905–916

Submitted 21.10.2019, published (for citation):

GULIN, A. S. *K voprosu ob istochnikakh knigi S. V. Maksimova "Sibir' ikatorga"* [On the Question of Sources of the S. V. Maksimov's Book "Siberia and Katorga." In Russ.]. IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2020, no. 3, pp. 905–916. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-905-916

УДК 94(47)+94(571.12)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-917-928

С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация

Молодой ученый Б. Ф. Поршнев о рабовладельческой формации: по сохранившемуся тексту в Государственном архиве Ставропольского края

Sergey V. Kondratiev, Tamara N. Kondratieva
Tyumen, Tyumen State University, Russian Federation

Young Scholar B. F. Porshnev on the Slave Formation: According to the Text Preserved in the State Archive of the Stavropol Region

Аннотация
Статья посвящена ранее неизвестному эпизоду в биографии знаменитого советского историка Б. Ф. Поршнева (1905–1972). В 1930–1932 гг. он работал в высших учебных и научных заведениях Ростова-на-Дону, в том числе в Северо-Кавказском краевом Горском научно-исследовательском институте краеведения, где историк преимущественно читал лекции и вел занятия с аспирантами по истории общественно-экономических формаций. Б. Ф. Поршнев, который в дальнейшем позиционировал себя как франковед, в Ростове-на-Дону проявил себя как марксистский обществовед. В 1930–1932 гг. в отечественной исторической науке прошла дискуссия об общественно-экономических формациях, в ходе которой была легитимирована древность, получившая название «рабовладельческая формация». Содержание этой дискуссии в центре получило достаточное освещение в литературе, чего нельзя сказать о регионах. В Государственном архиве Ставропольского края сохранились документы и доклад Б. Ф. Поршнева о рабовладельческой формации, который был прочитан им во время обсуждения в Северо-Кавказском краевом Горском научно-исследовательском институте краеведения, который

свидетельствует о том, что обсуждение общественно-экономических формаций проходило и в Ростове-на-Дону. Доклад Б. Ф. Поршнева был типичным марксистским произведением, в котором доминировали схематизм, обществоведение, абстрактность и полностью отсутствовал конкретный исторический материал. Для Б. Ф. Поршнева рабовладельческая формация была закономерным этапом в развитии человечества, которую, однако, прошли не все народы. Полностью развернуть рабовладельческую формацию могли оседлые народы, непрерывно раздвигающие свои границы и покоряющие сначала близлежащие, а потом все более отдаленные народы и превращающие их в источник рабства. Так возникали империи древности – Древний Рим, другие государства античности, Ханьский Китай. Рабы для рабовладельческой формации являлись главной производительной силой, а насилие, война и захват – основным источником их пополнения. Погибла рабовладельческая формация в результате классовой борьбы эксплуататоров (рабовладельцев) и эксплуатируемых (рабов), но при объективных внешних условиях – варварских вторжениях.

Abstract

The article is devoted to an unknown episode in the biography of the eminent Soviet historian B. F. Porshnev (1905–1972), who worked in the higher educational and scientific institutions of Rostov-on-Don in 1930–32, and among others, in the North Caucasus Regional Highlander Research Institute of Local History, where he primarily lectured and taught history of socio-economic formations to post-graduate students. In Rostov, B. F. Porshnev, who later declared himself a scholar in the French history, showed himself as a Marxist social scientist. 1930–32 saw a discussion on socio-economic formations in the Soviet historical science, during which the antiquity was legitimized and received the name of “slave formation.” The literature does not follows the content of this discussion in the regions quite as well as in the center. The State Archive of the Stavropol Krai stores B. F. Porshnev’s documents and his report on the slave formation, which he gave in a dispute in the North Caucasus Regional Highlander Research Institute of Local History; this indicates that the discussion of socio-economic formations took place in Rostov as well. The report of B. F. Porshnev a typical Marxist work, in which sketchiness, social science, and abstractness dominate, while real historical material was absent. In B. F. Porshnev’s mind the slave formation is a logical stage in the development of mankind, however, not all peoples underwent it. Only sedentary peoples could expand slave system. They constantly pushed their borders and conquered first nearby, then distant

peoples, turning them into slaves. Thus the empires of antiquity arose: Ancient Rome, other states of antiquity, Han China. Slaves were the main productive force within the slave formation, and violence, war, and capture were the main source of its replenishment. The slave formation collapsed as a result of class struggle between the exploiters (slave owners) and the exploited (slaves); however, this happened under objective external conditions, i.e., during barbarian invasions.

Ключевые слова
Исторический источник, древние цивилизации, рабовладельческая формация, Ростов-на-Дону, дискуссия, марксизм, историк.

Keywords
Historical source, antiquity civilization, slave formation, Rostov-on-Don, discussion, Marxism, historian.

Известный и влиятельный историк-марксист А. И. Гуковский в конце 1920-х – начале 1930-х гг., подводя промежуточные итоги дискуссии об общественно-экономических формациях (1928–1930), писал: «Эта дискуссия <...> вовлекла в той или иной степени, пожалуй, все исторические учреждения и институты Москвы, Ленинграда, Харькова, Тифлиса и многих провинциальных городов»[1]. Среди не упомянутых автором городов, вероятно, был и Ростов-на-Дону. Во всяком случае, на том тексте Б. Ф. Поршнева, которому посвящается настоящая статья, есть характерная и не оставляющая сомнений приписка: «Заключительное слово по общест[венно]-эк[ономическим] формациям»[2].

Текст Бориса Федоровича Поршнева был посвящен рабовладельческой формации, которая утвердилась в марксистском обществоведении не сразу. Господствующая в марксистской литературе 1920-х гг. концепция «торгового капитала» М. Н. Покровского либо исключала интерес к истории Древнего мира (античности), либо отводила древности периферийное значение. В отличие от античности. Средние века (феодализм) исключить было нельзя, поскольку требовалось хотя бы социологически (обществоведчески) обосновать вырастание их него капитализма и последующих революций. На факультете общественных наук Московского государ-

ственного университета (МГУ), где в 1921–1925 гг. обучался Б. Ф. Поршнев, и в Институте истории РАНИОН[3], где он был аспирантом по секции Новой русской истории (1926–1929), его знакомство с западноевропейской древностью и Средневековьем было минимальным[4]. Окончательное утверждение древности (рабовладельческой формации) произошло, вероятно, к 1932 г. и связано, о чем пишет авторитетный синолог М. Ю. Ульянов, с египтологом и в недалеком будущем академиком В. В. Струве, который в 1929 г. «был сторонником «феодализма», в 1931 г. – азиатского способа производства, а в 1932 г., наконец, заявил, что в Древнем Востоке «преобладающей формой классового угнетения было рабство»[5].

Б. Ф. Поршнев, который заканчивал аспирантуру в Институте истории Коммунистической академии (1929)[6], безусловно, должен был знать о всех перипетиях дискуссии о формациях и о спорах об азиатском способе производства. С января 1930 по июль 1932 г. историк работал в Ростове-на-Дону, где среди прочего преподавал и вел семинары в Северо-Кавказском краевом Горском научно-исследовательского (НИИ) краеведения[7]. Вероятно, в городе на Дону будущий исследователь Фронды занимался в основном марксистском институте обществоведением. В 1932 г. он писал, что в Ростове-на-Дону вел занятия и имеет хорошую подготовку в области «истории докапиталистических формаций»[8]. В пользу этой версии свидетельствуют документы фонда Северо-Кавказского краевого Горского НИИ краеведения, хранящиеся в Ставрополе.

8 мая 1930 г. историк пишет заявление с просьбой принять на работу в Северо-Кавказский краевой Горский НИИ краеведения, где выражает желание «принять участие в работах Института по вопросам истории и этнографии Северного Кавказа и горских народностей». Его, уже доцента коммунистического вуза и университета, зачисляют сверх штата. Он начал работать с 10 мая 1930 г. сначала в качестве внештатного сотрудника, потом, с 1 ноября 1930 г., «преподавателя по истории экономических формаций <...> на 80 преподавательских часов», а с 15 февраля 1931 г. – руководителя семинара по общественно-экономическим формациям[9]. 15 декабря 1931 г. его вновь принимают на эту же работу в Горский

НИИ краеведения[10]. Если сопоставить с другими архивными свидетельствами, из которых можно узнать, что в 1930 г. его планировали привлечь к деятельности археографической комиссии[11], в 1932 г. поручали сделать доклады «О новых задачах и методах изучения истории материальной культуры в нац[иональных] обществах Сев[еро] Кавк[азского] края» (1930), «Маркс–Энгельс о Кавказе» (1932), собрать материал к теме «Классовый враг на фронте этнографии Северного Кавказа» (1932)[12], то упоминания об «общественно-экономических формациях» явно преобладают[13]. Вероятно, чтение лекций по данной теме и руководство одноименным семинаром были в Горском НИИ краеведения его основным видом деятельности. Сохранилось свидетельство о том, как 20 мая 1932 г. он проводил консультацию у аспирантов на тему «Капитализм как общественно-экономическая формация»[14]. Очевидно, в своих лекциях, докладах и на семинаре историк касался начавшей занимать место в марксистском обществоведении и периодизации истории рабовладельческой формации. В плане по Горскому НИИ на 1932–1933 гг. за Б. Ф. Поршневым значится написание статьи «Рабство у горских народов»[15].

В Государственном архиве Ставропольского края выявлен сравнительно большой, на 31 лист машинописного текста, документ под заголовком «Доклад тов. Поршнева». Указана дата его прочтения – 20 апреля[16], но, к сожалению, не указан год. Вероятно, доклад относится к 1931 или 1932 г., т. е. Б. Ф. Поршнев произнес его до того времени, когда сформировались нормативные представления о рабовладении. Машинопись доклада сохранилась в двух экземплярах[17]. Оба экземпляра абсолютно идентичны и являются двумя закладками, отпечатанными под копирку. Автограф Б. Ф. Поршнева отсутствует. Но нет основания сомневаться в его авторстве, поскольку других преподавателей с такой фамилией в Северо-Кавказском краевом Горском НИИ краеведения не было.

Доклад посвящен рабовладельческой формации. Его содержание показывает, что Б. Ф. Поршнев ориентировался на установки, отчетливо обозначенные в самом начале 1930-х гг. Историк хотя и признает, что «рабовладельческая

формация является всеобщей формой развития человеческого общества», но оговаривает, что это было характерно не для всех народов: «ряд народов через эту формацию не проходил, а ... большинство, если и прошли ее, то не в полном объеме». Рабовладельческая формация рисуется Б. Ф. Поршневым хоть и закономерным этапом, но в редуцированном пространстве. До того, как в советском марксистском обществознании древность (рабовладение) станет, замечает современный исследователь, «единым этапом развития почти всего человечества, без разделения на Запад и Восток»[18], должно будет пройти еще несколько лет.

Опираясь на основы марксистского обществоведения, Б. Ф. Поршнев пишет о том, что рабовладельческая формация «делается возможной», если экономика и производительные силы достигают необходимого уровня[19]. Рабовладение, отмечает он, было связанной системой и даже «космополитической», в которую было вовлечено много народов, включая тех, которые рабовладения не знали[20]. Всемирность рабовладения обусловлена источником пополнения рабов, главным из которых был захват, насилие, или война. Но насилие в становлении и существовании рабовладельческой формации носит не главную, а «вторичную», вспомогательную роль. Развитие производительных сил делает рабовладение возможным, насилие и война – действительным[21]. Во всемирной рабовладельческой системе одни народы посредством насилия захватывают рабов, другие являются их источником[22]. Поскольку рабы являются средством производства в рабовладельческой формации, то добыча их с помощью войны, по его мнению, может считаться производством средств производства[23]. Не все народы и общества смогли «развернуть» у себя рабовладельческую формацию, а только те, которые обладали для этого необходимой военной мощью. Поэтому везде, отмечает историк, формирование рабовладельческого государства на «высшем этапе варварства» приводило к власти военную знать[24].

Выделив в рабовладельческом обществе слой военной знати, занятой захватом рабов, и самих рабов (средство производства рабовладельческой формации), Б. Ф. Поршнев обращается к свободному крестьянству. Для начала рабовла-

дельческого государства достаточно «сравнительно небольшой группы населения», военной знати, занятой захватом рабов. Но в ставшем большим рабовладельческом государстве «кучка профессиональных воинов» уже не может одна «осуществлять... непрерывные внешние захваты». Государству требуется «опираться на более обширную базу», которой становятся «свободные крестьяне», т. е. «слой, лежащий между... благородными и рабами... который обеспечивает мощь и численность рабовладельческой армии». Свободное крестьянство, таким образом, отмечает он, внутри страны удерживает рабов в повиновении и активно участвует в их захватах[25]. Поэтому чем больше рабов в обществе, тем должно быть больше в нем крестьян. Но крестьянский труд не может конкурировать с рабским, крестьяне разоряются, и рабовладельческая формация, как было в Древнем Риме, достигает предела своего развития[26].

«Ограничением» рабовладения, по Б. Ф. Поршневу, является невозможность захвата рабов в одном месте. Он фиксирует три «способа» преодолеть эту «трудность» у народов, вставших на рабовладельческий путь развития: первый – ограничить численность рабов, вести оседлый образ жизни и, следовательно, ограничить захваты, что неминуемо не дало бы развиться рабовладению; второй – вести кочевое хозяйство, двигаясь от захвата рабов и разорения одного племени к другому, но количественное использование рабов в таком экстенсивном хозяйстве опять-таки ограниченно, следовательно, отсутствуют возможности развития рабовладельческой формации; третий – «оставаясь на своей территории, ведя оседлый образ жизни, непрерывно раздвигать свои границы», т. е., покорив соседние народы и превратив их в источник рабства, переходить ко все более дальним, одновременно создавая обширные производящие рабовладельческие хозяйства и международную торговлю. Именно так, на его взгляд, развивались Древняя Греция, Древний Рим и Древний Китай[27]. Однако парадоксально, полагает историк, что рабовладельческое хозяйство, будучи товарным, продолжало оставаться натуральным. Латифундист, на землях которого трудилось много рабов, стремился и продать свою продукцию, и одновременно изготовить все

самое необходимое у себя в поместье. Возникшее противоречие между товарностью рабовладения и натуральным способом потребления открывало путь к становлению крепостничества, к прикреплению бывших рабов к земле, «эксплуатации через колонат» и в конечном счете, к феодализму[28].

Основным «внутренним источником развития рабовладельческого общества» и основной причиной его гибели, подчеркивает Б. Ф. Поршнев, являлась «борьба классов в античном мире»[29]. Сущность рабовладельческой формации, продолжает он, «заключается в процессе возникновения классов... распадении общества на два взаимно противоположных класса»[30]. Тот факт, что история оставила мало свидетельств о восстаниях рабов, он объясняет «подходом буржуазных историографов, которые целый ряд рабских движений просто замалчивали Одновременно историк не может не признать, что при рабовладении «никакой возможности для победы эксплуатируемых классов... не было... Рабские восстания кончались поражением и... не могли победить». При падении рабовладельческой формации (Древнего Рима), подчеркивает он, «есть основания предполагать, что такое падение должно было происходить в форме жестоких классовых битв и прежде всего битв между рабами и рабовладельцами»[31]. Древний Рим, убеждает он, закончил свою историю из-за вторжения варваров и «внутреннего распада Римской империи». Без восстания рабов Древний Рим не пал бы под ударами варваров. Алариху при взятии Рима ворота открыли рабы, которым для этого «потребовалось то, что мы, – читаем у Б. Ф. Поршнева, – назвали бы вооруженным восстанием... Очевидно... катастрофическая смена одной формации другой происходила в самой ожесточенной классовой борьбе эксплуатируемых рабов против эксплуататоров-рабовладельцев»[32].

Материалы Государственного архива Ставропольского края свидетельствуют, что в 1930–1932 гг. начинающий историк Б. Ф. Поршнев, работая в Северо-Кавказском краевом Горском НИИ краеведения, принимал участие в обсуждении темы рабовладельческой формации, что являлось продолжением московских дискуссий 1928–1932 гг. Доклад Б. Ф. Поршнева был типичным марксистским произведением, где

доминируют схематизм, обществоведение, абстрактность и полностью отсутствует конкретный исторический материал. Для Б. Ф. Поршнева рабовладельческая формация была закономерным этапом в развитии человечества, которую, однако, прошли не все народы. Рабы для такой формации являлись главной производительной силой, а насилие, война и захват – основным источником ее пополнения. Гибнет рабовладельческая формация в результате классовой борьбы эксплуататоров (рабовладельцев) и эксплуатируемых (рабов), но при объективных внешних условиях – варварских вторжениях. Доклад Б. Ф. Поршнева важен не только своими стереотипными построениями, но и тем, что проливает свет на становление и генезис начинающего историка в условиях неопределенного и меняющегося для начала 1930-х гг. академического ландшафта, неустоявшихся и неоднозначных марксистских подходов в изучении исторического процесса.

Примечания

[1] *Гуковский, А. И.* Феодализм в Западной Европе. – М.: Журнально-газетное объединение, 1932. – С. 6. GUKOVSKII, A. I. *Feodalizm v Zapadnoi Evrope* [Feudalism in Western Europe. In Russ.], Moscow, Zhurnalno-gazetnoe obedinenie publ., 1932, p. 6.

[2] Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1260. Оп 1. Д. 33. Л. 21, 125. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archive of the Stavropol Krai] (GASK), file R-1260, series 1, file 33, pp. 21, 125.

[3] Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) – объединение научно-исследовательских институтов РСФСР. Ассоциация существовала в разной форме с 1924 по 1930 г.

[4] Подробнее о том, что изучал и мог изучать Б. Ф. Поршнев в МГУ и в Институте истории РАНИОН, см.: *Кондратьева, Т. Н.* Обучение студентов на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук МГУ (1921–1925) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 6 (32). – С. 89–94. KONDRATIEVA, T. N. *Obuchenie studentov na obshchestvenno-pedagogicheskom otdelenii fakulteta obshchestvennykh nauk MGU (1921–1925)* [Education of Students at the Socio-Pedagogical Department of the Social Science Faculty of the Moscow State University (1921–25). In Russ.]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2014, no. 6 (32), pp. 89–94; *Кондратьева, Т. Н.* Борис Федорович Поршнев: начало большого пути //

Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 1 (История). – С. 163–165. KONDRATIEVA, T. N. *Boris Fedorovich Porshnev: nachalo bol'shogo puti* [Boris Fedorovich Porshnev: The beginning of his great journey In Russ]. In: *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk state University. Series: History and Philology], 2016, vol. 15, issue 1: History, pp. 163–165.

[5] *Ульянов, М. Ю.* Древний Китай в работах советских китаеведов 20–30 гг. XX в. (краткий обзор) // Общество и государство в Китае. – 2018. – Т. 48. – № 2. – С. 173. ULYANOV, M. Yu. *Drevnii Kitai v rabotakh sovetskikh kitaevedov 20–30 gg. XX v. (kratkii obzor)* [Ancient China in the works of Soviet sinologists of the 1920s–1930s: A brief survey. In Russ.]. IN: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China], 2018, vol. 48, no. 2, pp. 173.

[6] *Кондратьева, Т. Н.* Борис Федорович Поршнев: начало большого пути. – С. 168. KONDRATIEVA, T. N., 2016, p. 168.

[7] Полный перечень мест, где Б. Ф. Поршнев работал в Ростове-на-Дону, см.: *Кондратьева, Т.* Борис Федорович Поршнев: между русистикой и франковедением, или О роли случайности в судьбе историка // Quaestio Rossica. – 2017. – Vol. 5. – № 3. P. 855. KONDRATIEVA, T. *Boris Fedorovich Porshnev: mezhdu rusistikoi i frankovedeniem, ili O roli sluchainosti v sudibe istorika* [Boris F. Porshnev: Between Russian and French History, or On the Role of Chance in a Historian's Life. In Russ.]. IN: *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 3, p. 855.

[8] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 2. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] (SPbF ARAN), fond 222, series 002, file 290, p. 2.

[9] ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 9. Л. 12, 18 об., 37; Д. 278. Л. 203. GASK, fond R-1260, series 1, file 9, p. 12, 18 verso, file 278, p. 203.

[10] Там же. Д. 283. Л. 43. Ibid., file 283, p. 43.

[11] О привлечении Б. Ф. Поршнева к деятельности археографической комиссии данных не выявлено.

[12] ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 16. Л. 122, 174; Д. 46. Л. 21, 24. GASK, fond R-1260, series 1, file 16, p. 122, 174; file 46, pp. 21, 24.

[13] Там же. Д. 26. Л. 180; Д. 32. Л. 156 (об).; Д. 45. Л. 5. Ibid., file 26, p. 180; file 32, p. 156 verso; file 45, p. 5.

[14] Там же. Д. 45. Л. 5, 6, 6 об. Ibid., file 45, pp. 5, 6, 6 verso.

[15] Там же. Д. 46. Л. 21, 34. Ibid., file 46, pp. 21, 34.

[16] Там же. Д. 33. Л. 21. Ibid., file 33, p. 21.

[17] Там же. Л. 21–45, 125–141. Ibid., pp. 21–45, 125–141.

[18] *Крих, С. Б.* Образ древности в советской историографии. – М.: КРАСАНД, 2013. – С. 137–138. KRIKH, S. B. *Obraz drevnosti v sovetskoi istoriografii* [The image of antiquity in the Soviet historiography. In Russ.]. Moscow, KRASAND publ., 2013, pp. 137–138.

[19] ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 33. Л. 23. GASK, fond R-1260, series 1, file 33, p. 23.

[20] Там же. Л. 23. Ibid., p. 23.

[21] Там же. Л. 23, 31. Ibid., pp. 23, 31.
[22] Там же. Л. 24, 27–29. Ibid., pp. 24, 27–29.
[23] Там же. Л. 25. Ibid., p. 25.
[24] Там же. Л. 25–26. Ibid., pp. 25–26.
[25] Там же. Л. 34–35. Ibid., pp. 34–35.
[26] Там же. Л. 35. Ibid., p. 35.
[27] Там же. Л. 36–38. Ibid., pp. 36–38.
[28] Там же. Л. 39. Ibid., p. 39.
[29] Там же. Л. 41 об. Ibid., p. 41 verso.
[30] Там же. Л. 42. Ibid., p. 42.
[31] Там же. Л. 43–43 об. Ibid., pp. 43–43 verso.
[32] Там же. Л. 44. Ibid., p. 44.

Список литературы

Гуковский, А. И. Феодализм в Западной Европе. – М.: Журнально-газетное объединение, 1932. – 88 с.

Кондратьева, Т. Н. Обучение студентов на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук МГУ (1921–1925) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 6 (32). – С. 89–94.

Кондратьева, Т. Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 1 (История). – С. 156–171.

Кондратьева, Т. Н. Борис Федорович Поршнев: между русистикой и франковедением, или О роли случайности в судьбе историка // Quaestio Rossica. – 2017. – Vol. 5. – № 3. – P. 853–866.

Крих, С. Б. Образ древности в советской историографии. – М.: КРАСАНД, 2013. – 320 с.

Ульянов, М. Ю. Древний Китай в работах советских китаеведов 20–30 гг. XX в. (краткий обзор) // Общество и государство в Китае. – 2018. –Т. 48. – № 2. – С. 154–194.

References

GUKOVSKII, A. I. *Feodalizm v Zapadnoi Evrope* [Feudalism in Western Europe. In Russ.], Moscow, Zhurnalno-gazetnoe obedinenie publ., 1932, 88 p.

KONDRATIEVA, T. N. *Obuchenie studentov na obshchestvenno-pedagogicheskom otdelenii fakulteta obshchestvennykh nauk MGU (1921–1925)* [Education of Students at the Socio-Pedagogical Department of the Social Science Faculty of the Moscow State University (1921–25). In Russ.]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2014, no. 6 (32), pp. 89–94.

KONDRATIEVA, T. N. *Boris Fedorovich Porshnev: nachalo bol'shogo puti* [Boris Fedorovich Porshnev: The beginning of his great journey In Russ.]. IN: *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novo-

sibirsk State University. Series: History and Philology], 2016, vol. 15, issue 1: History, pp. 163–165.

KONDRATIEVA, T. *Boris Fedorovich Porshnev: mezhdu rusistikoi i frankovedeniem, ili O roli sluchainosti v sudibe istorika* [Boris F. Porshnev: Between Russian and French History, or On the Role of Chance in a Historian's Life. In Russ.]. IN: *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 853–866.

KRIKH, S. B. *Obraz drevnosti v sovetskoi istoriografii* [The image of antiquity in the Soviet historiography. In Russ.]. Moscow, KRASAND publ., 2013, 320 p.

ULYANOV, M. Yu. *Drevnii Kitai v rabotakh sovetskikh kitaevedov 20–30 gg. XX v. (kratkii obzor)* [Ancient China in the works of Soviet sinologists of the 1920s-1930s: A brief survey. In Russ.]. IN: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China], 2018, vol. 48, no. 2, pp. 154–194.

Сведения об авторах

Кондратьев Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет, кафедра новой истории и мировой политики, профессор, г. Тюмень, Российская Федерация, 8-912-990-77-02, skondratiev@utmn.ru

Кондратьева Тамара Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, кафедра документоведения и документационного обеспечения управления, доцент, г. Тюмень, Российская Федерация, 8-912-922-80-04, ktamara1960@yandex.ru

About the authors

Kondratiev Sergey Vitalievich, PhD in History, professor, Tyumen State University, department of modern history and world policy, professor, Tyumen, Russian Federation, +7-912-990-77-02, skondratiev@utmn.ru

Kondratieva Tamara Nikolaevna, PhD in History, associate professor, Tyumen State University, department of documentation and records management, associate professor, Tyumen, Russian Federation, +7-912-922-80-04, ktamara1960@yandex.ru

В редакцию статья поступила 13.11.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Кондратьев, С. В., Кондратьева, Т. Н. Молодой ученый Б. Ф. Поршнев о рабовладельческой формации: по сохранившемуся тексту в Государственном архиве Ставропольского края // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 917–928. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-917-928

Submitted 13.11.2019, published (for citation):

KONDRATIEV, S. V., KONDRATIEVA, T. N. *Molodoi uchenyi B. F. Porshnev o rabovladel'cheskoi formatsii: po sokhranivshemusya tekstu v Gosudarstvennom arkhive Stavropol'skogo kraya* [Young Scholar B. F. Porshnev on the Slave Formation: According to the Text Preserved in the State Archive of the Stavropol Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 917–928. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-917-928

УДК 069:281.93
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-929-939

А. А. Припадчев
Воронежский государственный аграрный университет
им. императора Петра I, г. Воронеж, Российская Федерация

Музей Воронежского церковного историко-археологического комитета. 1900–1917 гг.

Andrey A. Pripadchev
Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University,
Voronezh, Russian Federation

Museum of the Voronezh Church History and Archeology Committee: 1900–17

Аннотация
В статье рассматривается процесс формирования музея Воронежского церковного историко-археологического комитета, который был учрежден в 1900 г. Актуальность публикации обусловлена интересом научного сообщества к музейным коллекциям, их комплектованию. Новизна исследования заключается в разработке ранее не исследованного направления деятельности церковных обществ в сохранении историко-культурного наследия Русской православной церкви. Основной целью исследования является изучение коллекций музея. Автором сформулированы научные задачи: определить состав музейного фонда комитета; охарактеризовать его основные экспонаты; изучить характер комплектования; выявить дарителей музея. Хронологические рамки исследования – период деятельности Воронежского церковного историко-археологического комитета – 1900–1917 гг. Методология исследования основывается на

применении специально-исторических методов: личностно-ориентированного подхода, историко-генетического, синхронистического, историко-системного, а также принципа историзма, что позволило проанализировать эволюцию музейной коллекции Воронежского церковного историко-археологического комитета. Ее комплектование формировалось преимущественно за счет пожертвований частных лиц. Одним из первых дарителей стал священник И. В. Суринов, передавший в музей материалы случайных раскопок вблизи своего прихода. На основе его находок оформилась коллекция первобытных древностей музея. Экспонаты коллекции были представлены на XII Всероссийском археологическом съезде в Харькове. Члены комитета и другие дарители передавали в музей палеонтологические находки, монеты, церковную утварь, древние рукописи. В 1906 г. «нецерковные древности» были обменены на «церковные». Музей стал ориентироваться исключительно на церковные древности. Формировалась коллекция до ликвидации комитета в конце 1917 г. Официально музей так и не был открыт. Судьба экспонатов неизвестна. Вероятно, они погибли или при ликвидации духовной семинарии в 1918 г., или в годы Великой Отечественной войны, при оккупации города в 1942 г.

Abstract

The article discusses the formation the Museum of the Voronezh Church History and Archeology Committee established in 1900. Its relevance is connected with scholars' interest in the Museum's collections and their acquisition. The research novelty springs from researching the previously unexplored church societies activities in preservation of historical and cultural heritage of the Russian Orthodox Church. The main purpose of the research is to study the Museum's collections. To achieve this goal, the following tasks are formulated: to determine the composition of the Committee Museum fonds; to characterize its main exhibits; to study the nature of acquisition; to identify the donors of the Museum. The framework covers the period of the Voronezh Voronezh Church History and Archeology Committee functioning in 1900–17. The research methodology is based on the application of special historical methods: personality-oriented approach, historical-genetic, synchronistic, historical-system, method of historicism, which has allowed the author to consider and analyze the evolution of the Museum collection. It was formed mainly by private donations. One of the first donors was priest I. V. Surinov, who transferred materials of random excavations near his parish to the Museum. On the basis of this findings, the Museum's collection of primitive antiquities was formed. The exhibits of the collection were presented

at the XII Russian Archaeological Congress in Kharkiv. Members of the Committee and other donors gave to the Museum paleontological finds, coins, church plate, ancient manuscripts. In 1906, the "ancient secular objects" were exchanged for "church" ones. The Museum began to focus exclusively on the Church antiquities. The collection was in formation until Committee's liquidation in late 1917. The Museum was never officially opened. The fate of the exhibits is unknown. They probably perished either during the Seminary liquidation in 1918 or in 1942, when the city was occupied during the Great Patriotic War.

Ключевые слова
Воронежский церковный историко-археологический комитет, музейные коллекции, дарители, духовенство, историческое краеведение, церковное краеведение, краеведы, Воронежская губерния.

Keywords
Voronezh Church History and Archeology Committee, Museum collections, donors, clergy, local history studies, church local history studies, local historians, Voronezh gubernia.

В настоящее время в исторической науке наблюдается устойчивый интерес к деятельности общественных организаций. Особое внимание обращается на многочисленные краеведческие объединения, возникавшие в России со второй половины XIX в. В Воронеже с начала XX в. функционировало три общества историко-краеведческой направленности – Губернский статистический комитет (с 1835 г.), Ученая архивная комиссия (с 1900 г.) и Воронежский церковный историко-археологический комитет (ВЦИАК, с 1900 г.). Внимание исследователей привлекают различные аспекты деятельности ВЦИАК. Среди региональных ученых следует отметить историков А. Н. Акиньшина[1], Е. Ю. Захарову[2], Н. А. Поташкину[3], О. В. Скобелкина[4]. Краевед А. М. Аббасов написал публицистическую книгу о деятелях ВЦИАК[5]. Несмотря на множество публикаций о краеведческих организациях, деятельность церковного комитета не получила полного освещения. О музее ВЦИАК авторы только упоминают в общем контексте.

13 ноября 1900 г. император Николай II высочайше утвердил Устав ВЦИАК. Для хранения собираемых комитетом памятников древности и церковного искусства при ВЦИАК организовывались церковно-археологический музей, архив старинных актов и дел (древнехранилище) и библиотека историко-археологических сочинений. Под музей были отведены три комнаты в духовной консистории. В течение первого года средствами комитета они были приспособлены под размещение коллекций[6]. В течение года в дар музею поступили 722 предмета, в том числе 339 печатных изданий, 136 рукописей, 93 нумизматических, фалеристических, археологических артефакта, 87 предметов церковно-богословского значения, 9 фотографий, 8 портретов и 50 других предметов[7].

Основу археологической коллекции составил дар священника с. Гороховка И. В. Суринова в количестве 44 артефактов. Единичные предметы пожертвовали: священник Пятницкой церкви г. Воронежа В. А. Соболев – старинную серьгу-подвеску; протоиерей, настоятель Задонского Успенского собора Н. И. Холодович – кинжал; архимандрит Геронтий (Кургановский) – зуб мамонта и другие палеонтологические находки; священник с. Ксизово Задонского уезда Н. А. Долгополов – железное кресало[8].

В 1902 г. коллекцию вещественных артефактов разделили, выделив из нее собственно археологическую коллекцию в количестве 37 предметов, «имеющих значение не для церковной собственно, но для общей археологии истории края»[9]. Монеты, медали и жетоны в первый год пожертвовали 11 человек. Дары включали от 2 до 18 предметов. Среди дарителей можно назвать Н. И. Поликарпова (9 экспонатов), настоятеля Задонского Успенского собора Н. И. Холодовича (14), священников Н. В. Цветова (15), Н. А. Долгополова (18), И. В. Павлова (18)[10]. Первые 93 экспоната стали основой самостоятельной нумизматической коллекции.

Из поступивших в музей пожертвований наиболее ценными были признаны: рукописи и книги от Воронежской духовной семинарии и редакции «Воронежского епархиального вестника», Санкт-Петербургского Археологического института; от священника с. Подгорного Воронежского уезда Н. А. Ампелонского.

Из предметов церковного богослужения особо ценными были признаны: древний змеевик-образок (амулет) и кресты (даритель – священник Н. А. Долгополов); крест (священник с. Старая Хворостань Коротоякского уезда М. М. Путинцев); кресты и складни (священник с. Аношкино Коротоякского уезда И. Проскуряков); холщовый антиминс периода правления царя Алексея Михайловича (священник Н. В. Цветов); домотканый стихарь (священник с. Красный Лог Воронежского уезда И. Кузьмин); массивная, из 10 больших звеньев, с пробоем и ошейником на концах, цепь, на которой смиряли в старину духовенство (Воронежская Духовная консистория). Художественную коллекцию образовали пожертвования портретов воронежских иерархов, фотографий, икон. Ценными признаны были портреты епископов и картина «Снятие с креста», поступившие из Воронежского Митрофанова монастыря (дар Н. И. Холодовича)[11].

На январь 1903 г. в музее насчитывалось 433 экземпляра печатных изданий, 21 рукопись, 173 экспоната, «не имеющих отношение к церковной истории и археологии епархии», 81 предмет «нецерковного характера». Коллекция нецерковных древностей пополнилась новыми предметами от священников Д. И. Попова (с. Буйлово) и И. В. Суринова (с. Гороховка), найденными вблизи их сел: каменные ножи, молотки, глиняные сосуды (целые и разбитые), черепа, каменные, бронзовые и железные наконечники стрел, женские украшения (бусы), костяные бляхи с орнаментами и изображениями оленя, татарские монеты, часть кольчуги, обломки сабель, принадлежности конской сбруи и прочие археологические находки[12].

В отчете комитета сказано, что часть предметов была представлена в составе экспонатов Воронежского губернского музея на выставке в августе 1902 г., организованной XII Археологическим съездом. Каталог выставки опубликован. Коллекция древностей Воронежского музея представлена 23 экспонатами, но упоминаний о церковно-археологическом комитете нет. Из числа экспонатов не указана локализация только четырех находок[13]. Можно предположить, что именно эти экспонаты и являлись частью коллекции И. В. Суринова.

Подтверждением служат и данные отчета за 1904 г., в котором его коллекция описана более подробно: «В состав этой коллекции входят прекрасно сохранившийся кремневый нож, металлическое восточное зеркальце и несколько металлических предметов, составлявших части конской сбруи и вооружения»[14]. Описание коллекции позволяет нам точно указать, что предмет выставки № 23 является частью археологической коллекции И. В. Суринова.

В 1904 г. комитет создал особую музейную комиссию в составе хранителя библиотеки и музея священника С. И. Ширкевича, епархиального миссионера М. В. Грацианского, преподавателя Воронежской духовной семинарии В. С. Преображенского. Они разработали основные принципы музейной коллекции. Предметы нецерковной археологии решили не выставлять в общей экспозиции музея, во-первых, из-за небольшого их количества; во-вторых, в губернском музее уже была накоплена богатая археологическая коллекция. Музей комитета предположили сделать исключительно церковно-археологическим и историческим. Планировали в центре музейной экспозиции расположить витрины с предметами общего церковно-археологического значения (кресты, складни, иконы, статуи, облачения). На стенах предполагалось разместить стенды, отражавшие историю епархии, а также создать тематико-хронологические шкафы и расположить в них портреты, автографы, сочинения, жизнеописания епархиальных деятелей, снимки достопримечательных церквей, монастырей, местночтимых икон и т. д.[15]

11 октября 1906 г. собрание комитета рассматривало обращение С. Е. Зверева, который предложил передать в Воронежский губернский музей предметы общего археологического значения в обмен на предметы церковно-археологического значения. Совет ВЦИАК в принципе не возражал по данному вопросу, только не знал, как решить его практически[16]. 3 мая 1907 г. совет комитета рассмотрел вопрос о взаимообмене коллекций. Все предметы коллекции были разделены на три группы: а) «не подлежащие передаче» – в ней были указаны только два предмета: значок в память 900-летия Крещения Руси и железная цепь, на которой «смиряли» непокорных

членов причта; б) «могли быть оставлены» – это монеты, которые стали бы частью самостоятельной нумизматической коллекции; в) «предметы первобытной древности» – полностью передавались в губернский музей[17]. Председатель комиссии по устройству С. Е. Зверев представил список предметов, которые предназначались к обмену на археологические экспонаты: изображение св. Митрофана, первого епископа Воронежского (1830-х гг.); модель Задонского Богородицкого монастыря (архитектор Е. Н. Замятнин); 30 предметов церковной утвари.

В ходе дискуссии члены комитета отказались от идеи создания нумизматической коллекции и решили ее обменять вместе с предметами третьей группы. С этого времени археологическая коллекция первобытной древности церковного комитета прекратила существование. Комитет стал акцентировать внимание только на сборе предметов церковной старины. Член комитета епархиальный миссионер М. В. Грацианский выступил инициатором сбора расколо-старообрядческой коллекции[18].

В 1912 г. церковно-археологическая коллекция состояла из 467 экспонатов[19]. В 1914–1915 гг. в музей поступили всего несколько экспонатов: член комитета В. И. Нечаев подарил 4 гравюры с изображениями св. Митрофана, св. Тихона, архиепископа Московского Августина, епископа Псковского Гедеона[20]; Е. Н. Есипова – Псалтырь 1826 г., наперсный крест «В память войны 1853–1856», жалованный духовным лицам[21]; протоиерей Н. Холодович – восьмиконечный медный с эмалью крест[22].

Наряду с приемом пожертвований комитет приобретал экспонаты и за счет собственных средств[23]. К 1917 г. музей церковного комитета так и не был открыт. В 1918 г. Воронежская духовная семинария, где хранились коллекции, была закрыта, а библиотека сожжена. Судьба церковно-археологической коллекция не ясна. Археологическая коллекция Церковного комитета, переданная в губернский музей, вероятно, погибла в 1942 г.

Примечания

[1] *Акиньшин, А. Н.* Воронежское краеведение в первые два десятилетия XX века // Восьмые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В. Ф. Козлов; Сост. А. Г. Смирнова. – М.: Краеведение, 2016. – С. 61–70. AKIN'SHIN, A. N. *Voronezhskoe kraevedenie v pervye dva desyatiletiya XX veka* [Voronezh regional studies in the first two decades of the 20th century. In Russ.]. IN: *Vos'mye vserossiiskie kraevedcheskie chteniya* [KOZLOV, V. F. (ed.); SMIRNOVA, A. G. (comp.). The 8th All-Russian Local History Readings]. Moscow, Kraevedenie publ., 2016, pp. 61–70.

[2] *Захарова, Е. Ю.* Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2006. – № 1. – С. 71–75; ZAKHAROVA, E. Yu. *Arkheologiya v deyatel'nosti Voronezhskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Archaeology in the activities of the Voronezh gubernia statistical committee. In Russ.]. IN: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2006, no. 1, pp. 71–75.

[3] *Поташкина, Н. А.* Программа археологических исследований Воронежской ученой архивной комиссии // Археологические памятники бассейна Дона: межвузов. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 233–236. POTASHKINA, N. A. *Programma arkheologicheskikh issledovanii Voronezhskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [The archaeological research program of the Voronezh scientific archival commission. In Russ.]. IN: *Arkheologicheskie pamyatniki basseina Dona: mezhvuzov. sb. nauch. tr.* [Archaeological monuments of the Don basin: Inter-Institute articles collection]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. ped. un-ta publ., 2004, pp. 233–236.

[4] *Скобелкин, О. В.* Воронежский церковный историко-археологический комитет и его издание «Воронежская старина» // Из истории города Воронежа. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – С. 115–124. SKOBELKIN, O. V. *Voronezhskii tserkovnyi istoriko-arkheologicheskii komitet i ego izdanie "Voronezhskaya starina"* [Voronezh Church History and Archeology Committee and its publication "Voronezh antiquities." In Russ.]. IN: *Iz istorii goroda Voronezha* [From the history of Voronezh. In Russ.]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta publ., 1984, pp. 115–124.

[5] *Аббасов, А. М.* Воронежская старина и ее исследователи. – Воронеж: Б. и., 2001. – 119 с. ABBASOV, A. M. *Voronezhskaya starina i ee issledovateli* [Voronezh antiquity and its researchers. In Russ.]. Voronezh, 2001, 119 p.

[6] Отчет о состоянии Воронежского церковного историко-археологического комитета за 1901 год // Воронежская старина. – 1902. – Вып. 1. – С. 17. *Otchet o sostoyanii Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arheologicheskogo komiteta za 1901 god* [Status report of the Voronezh Church History and Archaeology Committee for 1901. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1902, issue 1, p. 17.

[7] Там же. – С. 18. Ibid., p. 18.

[8] Там же. – С. 20–21. Ibid., pp. 20–21.

[9] Отчет о состоянии Воронежского церковного историко-археологического комитета за 1902 год (31 января 1902 г. – 31 января 1903 г.) // Воронежская старина. – 1903. – Вып. 2. – С. 20. *Otchet o sostoyanii Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta za 1902 god (31 yanvarya 1902 g. – 31 yanvarya 1903 g.)* [Status report of the Voronezh Church History and Archeology Committee for 1902 (January 31, 1902 – January 31, 1903). In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1903, issue 2, p. 20.

[10] Отчет о состоянии Воронежского церковного историко-археологического комитета за 1901 год. – С. 20. *Otchet o sostoyanii Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta za 1901 god* [Status report of the Voronezh Church History and Archeology Committee for 1901. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1902, issue 1, p. 20.

[11] Там же. – С. 21. Ibid., p. 21.

[12] Там же. – С. 22. Ibid., p. 22.

[13] Коллекции древностей Воронежского губернского музея // Каталог Выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. – Харьков: Тип. Зильберберг и С-вья, 1902. – С. 10–11. *Kollektsii drevnostei Voronezhskogo gubernskogo muzeya* [Collections of antiquities of the Voronezh Gubernia Museum. In Russ.]. IN: *Katalog Vystavki XII Arkheologicheskogo s"ezda v g. Khar'kove* [Exhibition catalog of the XII Archaeological Congress in Kharkiv]. Kharkiv, Tip. Zil'berberg i S-v'ya publ., 1902, pp. 10–11.

[14] Отчет Воронежского церковного историко-археологического комитета за 1903 год // Воронежская старина. – 1904. – Вып. 4. – С. 17. *Otchet Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta za 1903 god* [Status report of the Voronezh Church History and Archeology Committee for 1903. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1904, issue 4, p. 17.

[15] Отчет Воронежского церковного историко-археологического комитета за 1904 год // Воронежская старина. – 1905. – Вып. 5. – С. 458. *Otchet Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta za 1904 god* [Status report of the Voronezh Church History and Archeology Committee for 1904. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1905, issue 5, p. 458.

[16] Журналы заседаний Воронежского церковного историко-археологического комитета // Воронежская старина. – 1908. – Вып. 7. – С. 294. *Zhurnaly zasedanii Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta* [Minute books of the Voronezh Church History and Archaeology Committee. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1908, issue 7, p. 294.

[17] Там же. – С. 298. Ibid., p. 298.

[18] Журналы собраний Воронежского церковного историко-археологического комитета за 1909 и 1910 годы // Воронежская старина. – 1910. – Вып. 9. – С. 309. *Zhurnaly sobranii Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta za 1909 i 1910 gody* [Minute books of the Voronezh

Church History and Archaeology Committee for 1909 and 1910. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1910, issue 9, p. 309.

[19] Отчет Воронежского церковно-археологического комитета за 1911 год // Воронежская старина. – 1910. – Вып. 11. – С. 9. *Otchet Voronezhskogo tserkovno-arkheologicheskogo komiteta za 1911 god* [Status report of the Voronezh Church History and Archeology Committee for 1911. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1910, issue 11, p. 9.

[20] Воронежского церковного историко-археологического комитета за 1914 и 1915 гг. // Воронежская старина. – 1915–1916. – Вып. 14. – С. 44. *Zhurnaly zasedanij Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta za 1914 i 1915 gg.* [Minute books of the Voronezh Church History and Archaeology Committee for 1914 and 1915. In Russ.]. IN: *Voronezhskaya starina,* 1915–1916, issue 14, p. 44.

[21] Там же. – С. 45. Ibid., p. 45.

[22] Там же. – С. 53. Ibid., p. 53.

[23] Там же. – С. 54. Ibid., p. 54.

Список литературы

Аббасов, А. М. Воронежская старина и ее исследователи. – Воронеж: Б. и., 2001. – 119 с.

Акиньшин, А. Н. Воронежское краеведение в первые два десятилетия XX века // Восьмые всероссийские краеведческие чтения / Отв. ред. В. Ф. Козлов. Сост. А. Г. Смирнова. – М.: Краеведение, 2016. – С. 61–70.

Захарова, Е. Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2006. – № 1. – С. 71–75.

Поташкина, Н. А. Программа археологических исследований Воронежской ученой архивной комиссии // Археологические памятники бассейна Дона: межвузов., сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. пед. ун-та, 2004. – С. 233–236.

Скобелкин, О. В. Воронежский церковный историко-археологический комитет и его издание «Воронежская старина» // Из истории города Воронежа. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – С. 115–124.

References

ABBASOV, A. M. *Voronezhskaya starina i ee issledovateli* [Voronezh antiquity and its researchers. In Russ.]. Voronezh, 2001, 119 p.

AKIN'SHIN, A. N. *Voronezhskoe kraevedenie v pervye dva desyatiletiya XX veka* [Voronezh regional studies in the first two decades of the 20th century. In Russ.]. IN: *Vos'mye vserossiiskie kraevedcheskie chteniya* [KOZLOV, V. F. (ed.); SMIRNOVA, A. G. (comp.). The 8th All-Russian Local History Readings]. Moscow, Kraevedenie publ., 2016, pp. 61–70.

ZAKHAROVA, E. Yu. *Arkheologiya v deyatel'nosti Voronezhskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Archaeology in the activities of the Voronezh gubernia statistical committee. In Russ.]. IN: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2006, no. 1, pp. 71–75.

POTASHKINA, N. A. *Programma arkheologicheskikh issledovanii Voronezhskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [The archaeological research program of the Voronezh scientific archival commission. In Russ.]. IN: *Arkheologicheskie pamyatniki basseina Dona: mezhvuzov. sb. nauch. tr.* [Archaeological monuments of the Don basin: Inter-Institute articles collection]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. ped. un-ta publ., 2004, pp. 233–236.

SKOBELKIN, O. V. *Voronezhskii tserkovnyi istoriko-arkheologicheskii komitet i ego izdanie "Voronezhskaya starina"* [Voronezh Church History and Archeology Committee and its publication "Voronezh antiquities." In Russ.]. IN: *Iz istorii goroda Voronezha* [From the history of Voronezh. In Russ.]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta publ., 1984, pp. 115–124.

Сведения об авторах

Припадчев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, г. Воронеж, Российская Федерация, 8-920-441-21-16, senior.pripadcheff@yandex.ru

About the authors

Pripadchev Andrey Alexandrovich, PhD in History, associate professor, Voronezh, Russian Federation, +7-920-441-21-16, senior.pripadcheff@yandex.ru

В редакцию статья поступила 28.08.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Припадчев, А. А. Музей Воронежского церковного историко-археологического комитета. 1900–1917 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 929–939. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-929-939

Submitted 28.08.2019, published (for citation):

PRIPADCHEV, A. A. *Muzei Voronezhskogo tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo komiteta. 1900–1917 gg.* [Museum of the Voronezh Church History and Archeology Committee: 1900–17. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 929–939. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-929-939

УДК
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-940-949

И. А. Новокрещенных
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация

В. В. Новокрещенных
Архив города Перми, г. Пермь, Российская Федерация

Личные дела и личные фонды филологов-зарубежников в архивах Пермского края: преемственность и новаторство

Irina A. Novokreshchennykh
Perm State University, Perm, Russian Federation

Victor V. Novokreshchennykh
Municipal Archive of Perm, Perm, Russian Federation

Personal Files and Personal Provenance Fonds of Philologists Studying Foreign Literature in the Archives of the Perm Krai: Continuity and Innovation

Аннотация
Актуальность исследования обусловлена интересом гуманитарной науки к изучению процессов становления и развития зарубежной филологии как области научной и образовательной деятельности в Пермском университете, существующей со времени его открытия в 1916 г. С помощью источниковедческих и архивоведческих методов, методов филологического анализа исследуются хранящиеся в архивах Пермского края личные дела и личные фонды ученых-зарубежников, аффилированных с Пермским государственным национальным исследовательским университетом (ПГНИУ), чьей сферой научных и педагогических интересов является зарубежная литература, а также другие архивные документы. В личных делах пермских ученых

первой трети прошлого столетия А. А. Смирнова, Б. А. Кржевского, Б. Л. Богаевского, Н. П. Обнорского, А. Ф. Шамрая, Е. О. Преображенской, бывших универсалами своего дела, преподававших язык и литературу, и даже историю и язык (В. В. Вейдле, Н. П. Оттокар, В. Э. Крусман), отложились не только документы, связанные с профессиональной педагогической деятельностью, но и документы об их научных интересах, бытовых подробностях, семейной жизни и местах проживания, отражающих реалии времени и особенности эпохи в Перми. Личные дела сотрудников кафедры зарубежной литературы (с 1999 г. – кафедры мировой литературы и культуры) А. А. Бельского, Р. Ф. Яшенькиной, Н. С. Лейтес, Е. П. Ханжиной, А. Ф. Любимовой, Г. С. Руцкой, работавших в 1950–2010-е гг., еще не прошли экспертизу ценности и находятся на ведомственном хранении. Личные фонды ученых-филологов Б. М. Проскурнина и Н. С. Бочкаревой, содержащие большой объем рукописных и машинописных документов, могут рассматриваться не только как архивные источники, но и в рамках филологического дискурса как постмодернистский текст, созданный как игра разных текстов, отсылающих к разным культурным пластам, языкам, реалиям. Документы личного фонда, отражающие методы работы ученого с научной литературой, играют педагогическую роль в формировании компетенций выпускника вуза. Сегодня архивам нужно создавать личные фонды и коллекции ученых-филологов, работавших в 1950-е гг. и позже, выстраивая взаимодействие с самими учеными или их родственниками.

Abstract

The relevance of the study is due to the interest of the humanities in the study of the processes of formation and development of foreign philology as a field of scientific and educational activities in the Perm University, since its foundation in 1916. In the Perm archives we have studied personal files and personal provenance fonds of philologists and historians affiliated with the Perm State National Research University (PGNIU), whose field of interests was foreign literature and language, as well as other archival documents. Research methods are source study and archival methods, methods of philological analysis. Personal files of the Perm philologists of the first third of the last century A. A. Smirnov, B. A. Krzhevsky, B. L. Bogaevsky, N. P. Obnorsky, A. F. Shamray, E. O. Preobrazhenskaya, who taught language and literature or even history and language (V. V. Weidle, N. P. Ottokar, V. E. Krusman) contain documents related not only to their professional pedagogical activity, but also documents on their scientific interests, everyday and family life, places of residence, reflecting the realities of time and representing the era in Perm. Personal

files of the staff of the Department of Foreign Literature (since 1999 – the Department of World Literature and Culture) A. A. Belsky, R. F. Yashenkina, N. S. Leites, E. P. Khanzhina, A. F. Lyubimova, G. S. Rutskoi, who worked there in the 1950s–2010s, have not yet undergone evaluation and remain in the departmental storage. The personal provenance fonds of philologists B. M. Proskurnin and N. S. Bochkareva, containing a large amount of hand- and typewritten documents, can be considered not only as archival sources, but also within the framework of philological discourse as a post-modern text created as a game of different texts that refer to different cultural layers, languages, realities. Documents of the personal fond, reflecting the methods of scientist's work with literature, play a pedagogical role in the formation of the competencies of a university graduate. Today, archives need to create personal provenance fonds and collections of philologists who worked in the 1950s and later, via interaction with the scientists themselves or their relatives.

Ключевые слова
Архивный документ, источники личного происхождения, личные дела, личные фонды, Пермский университет, зарубежная литература, филолог.

Keywords
Archival documents, sources of personal provenance, personal files, personal provenance fonds, Perm University, foreign literature, philologist.

Исследование развития гуманитарных дисциплин в вузах России и мира отражено в ряде трудов[1]. С помощью источниковедческих и архивоведческих методов, методов филологического анализа изучаются формы сохранения культурной памяти о филологах-зарубежниках (то есть ученых, чьей сферой научных и педагогических интересов является зарубежная литература) Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ) в архивах Пермского края – Государственного архива Пермского края (ГАПК), Архива города Перми, архива Пермского государственного национального исследовательского университета, архива Пермского краеведческого музея. Зарубежная филология как область научной и образовательной деятельности существовала в Пермском университете со времени его открытия в 1916 г. как Пермского Отделения Императорского Петроградского университета.

Была выстроена хронология фигур ученых-зарубежников с 1916 г. до 1964/65 уч. г., когда в Пермском университете была образована кафедра зарубежной литературы: А. А. Смирнов, Б. А. Кржевский, Б. Л. Богаевский, Н. П. Обнорский, А. Ф. Шамрай, Е. О. Преображенская[2]. Их личные дела переданы в ГАПК на постоянное хранение и могут быть исследованы с точки зрения реалий, которые открывают входящие в дело документы. Первые преподаватели были универсалами, читая одновременно курсы по истории, языку и литературе. Поэтому для анализа привлекаются личные дела историков В. В. Вейдле, Н. П. Оттокара, В. Э. Крусмана. В личных делах пермских ученых отложились не только документы? связанные с профессиональной деятельностью, но и документы об их научных интересах, быте, семейной жизни.

В первые годы существования университета среди языков, представленных в современных учебных планах (латинский, английский, немецкий, французский), преподавались готский[3] и итальянский[4] языки. Отдельно читалась польская литература[5]. Хранящиеся в личных делах списки книг, возвращаемых сотрудником в библиотеку и приобретаемых в командировках, определяют тезаурус вузовского преподавателя как ученого, педагога и читателя[6]. В список книг А. А. Смирнова входят издания на немецком, французском, английском языках по истории литературы эпохи Средних веков и Возрождения, XIX в., книги по грамматике иностранных языков. Из 55 наименований только 4 издания на русском языке, что говорит о фундаментальной филологической подготовке приват-доцента.

В первые годы существования университета вопрос о прибытии к месту работы вставал остро «в виду отсутствия в городе трамвая между Заимкой и городом». Поэтому начальство железной дороги вводит «два удобных поезда»[7]. Преподавателям для получения месячного проездного билета выдавали удостоверения о том, что им «необходимо ежедневно ездить из города на Заимку в Университет по делам службы»[8]. В зимний период был оборудован так называемый автобус того времени – это сани, «ходившие первые годы Пермского Университета с Заимки “в город” и обратно»[9]. Данный факт

подчеркивает, на наш взгляд, уважительное отношение пермской общественности к преподавателям и студентам первого уральского вуза.

Заявления личного и бытового характера, сохранившиеся в составе личных дел, отражают связь личной жизни и научно-педагогической работы ученых. А. А. Смирнов просит освободить его от занимаемой должности «в виду того, что личные обстоятельства главным же образом... научные работы, делают... необходимым пребывание в Петрограде»[10]. В деле Н. П. Оттокара хранится записка о том, что у него болит горло, лекции отменяются, но он будет находиться в библиотечной комнате[11]. Ему же выдано удостоверение о том, что «он действительно курящий»[12]. В удостоверении от 13 мая 1920 г. сказано, что Н. П. Оттокар страдал «переутомлением нервной системы и слабостью сердечной деятельности... и поэтому нуждается хотя бы в месячном отдыхе от своих занятий, соединенным с пребыванием в деревне». В августе этого же года он снимает избу в д. Мысы Пермского уезда у крестьянина Обросима Ивановича Неприна[13]. В личном деле Е. И. Преображенской хранится удостоверение 1942 г. о том, что «она едет к своему мужу Пик Якову Михайловичу, призванному в ряды РККА в Нытву для передачи ему теплых вещей»[14].

Личные дела документируют прибывание ученых в Пермь с семьями. К Н. П. Оттокару в августе 1919 г. приехали его сестра Жанетта Петровна Эберт, воспитательница детей Елизавета Генриховна Гильхен, дети Иван (6 лет) и Елена (4 года). Об этом выдан соответствующий документ «на предмет исходатайствования у местных властей разрешения означенным лицам права на въезд в Пермь»[15]. Документ представляет интерес потому, что в 1919 г. власть в Перми переходила от белых к красным, что сказывалось на особенностях передвижения людей по стране.

В личных делах нашли отражение и другие особенности эпохи, в частности голод 1921–1922 гг. в Прикамье. Жене В. Э. Крусмана, профессора кафедры всеобщей истории, преподававшего немецкий язык в 1917 г., Розе Карловне было выдано удостоверение от 31 мая 1921 г. о том, что она «нуждается в поездке до пристани Усть-Пожва за продовольствием

для семьи, так как сам профессор Крусман по условиям службы отпущен быть не может»[16].

В личных делах сохранились документы с адресами проживания ученых в г. Перми в домах, которых сейчас нет. А. А. Смирнов жил на углу улиц Екатерининской и Красноуфимской, 36[17], В. В. Вейдле – на ул. Оханской, 26[18], Н. П. Оттокар – на Заимке, в доме Мешкова, кв. 6[19], Б. А. Кржевский – на ул. Монастырской, 14[20], С. П. Обнорский – на ул. Вознесенской, 63, потом на ул. Пермской, 79, потом на ул. Советской, 101–6[21], А. Ф. Шамрай – на ул. Большевистской, 40, на ул. Ленина, дом 191[22]. Адреса сотрудников составляют «ученую» карту города, границы которой приходятся на ключевые в начале и первой трети XX в. улицы.

Личные дела сотрудников, работавших с 1960-х гг. на кафедре зарубежной литературы (с 1999 г. – кафедра мировой литературы и культуры) – А. А. Бельского, Р. Ф. Яшенькиной, Н. С. Лейтес, Е. П. Ханжиной, А. Ф. Любимовой, Г. С. Руцкой – еще не прошли экспертизу ценности и находятся на ведомственном хранении в архиве университета. Эти документы, безусловно, еще ждут своего исследователя. В Архиве города Перми были созданы два личных фонда ученых-филологов, учеников создателей и первых работников отдельной кафедры – Б. М. Проскурнина и Н. С. Бочкаревой[23].

Фонды представлены большим объемом рукописных и печатных документов, в том числе с заметками ученых[24], а также печатными документами черновиков научных статей с правками автора. Документы отражают методику работы над статьей: рукопись (может отсутствовать), набор текста на печатной машинке, его редактирование (вставки, вклейки)[25]. Часто рукописи и выписки сделаны на оборотах листов из работ студентов и самого ученого[26]. Обороты содержат машинопечатные сведения о реалиях времени: «Политико-воспитательная работа велась кафедрой...»[27], «В первичную партийную организацию филологического факультета»[28]. Лист еженедельника от 27 сентября 1984 г., ставший основой конспекта, содержит не только информацию о времени партийного собрания, но и стихотворные строчки: «Достойны будем / мы Весны Победы: / Она и в песнях наших / и в делах!»[29]

Выписки с подчеркиваниями и комментариями ученого из русскоязычных и англоязычных критических трудов, входящих в учебный план филолога, демонстрируют работу с научной литературой[30], играют педагогическую роль в формировании компетенций студента. Эти документы рассматриваются как архивные источники и воспринимаются в рамках филологического дискурса как постмодернистский текст, созданный игрой разных текстов, отсылающих к разным культурам, языкам, реалиям.

Личные дела ученых-филологов демонстрируют переплетение жизни и науки, педагогической деятельности и личных обстоятельств. Затруднительно создать личные фонды «гигантов», стоявших у основания зарубежной филологии в Перми: найти родственников часто не представляется возможным. В личном деле хранятся документы, связанные с работой, а они не всегда содержательны, чтобы оценить научный вклад сотрудника. Личный фонд является более приемлемой формой сохранения документов, так как он отражает личностные особенности человека, его профессиональные и творческие особенности. Архивам следует обратить внимание на создание личных фондов и коллекций университетских ученых-филологов, работавших в 1950-е гг. и позже.

Примечания

[1] *Espagne, M., Werner, M., Lagier, F.* Le maître de langue. Les premiers enseignants d'allemand (1830–1850). Paris: Maison des Sciences de l'homme, 1991. 238 p.; *Espagne, M.* De l'archive au texte. Recherches d'histoire génétique. Paris: PUF, 1998. 230 p.; Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009). – Казань: Казанский ун-т, 2011. – 229 с. *Russkoe literaturovedenie v Kazanskom universitete (1806–2009)* [Russian Literary Studies at the University of Kazan (1806–2009). In Russ.]. Kazan, Kazanskii un-t publ., 2011, 229 p.; Русские литературоведы XX века. Т. I: А–Л. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 532 с. *Russkie literaturovedy XX veka* [Russian literary scholars of the 20th century. In Russ.]. Vol. 1: A–L. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2017, 632 p.; Литературоведы Саратовского университета. 1917–2017. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. – 337 с. *Literaturovedy Saratovskogo universiteta. 1917–2017.* [Literary scholars of the Saratov University: 1917–2017. In Russ.]. Saratov, Saratovskii universitet publ., 2018, 337 p.

[2] *Пустовалов, А. В.* Стоя на плечах гигантов: зарубежная филология в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – Вып. 3 (35). – С. 134–139. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-134-139. PUSTOVALOV, A. V. *Stoya na plechakh gigantov: zarubezhnaya filologiya v Permskom universitete* [Standing on the shoulders of giants: Foreign philology at the Perm university. In Russ.]. IN: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2016, no. 3(35), pp. 134–139. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-134-139.

[3] Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-180. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 145; Ед. хр. 258. Л. 55. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraya* [State Archive of the Perm Krai] (GAPK), fond R-180, series 2, item 41, p. 145; item 258, p. 55.

[4] Там же. Ед. хр. 149. Л. 49. Ibid., item 149, p. 49.

[5] Там же. Л. 15. Ibid., p. 15.

[6] Там же. Ед. хр. 346. Л. 2–8; Ед. хр. 149. Л. 26, 34, 47. Ibid., item 346, pp. 2–8; item 149, pp. 26, 34, 47.

[7] Отчет об открытии Пермского Отделения Петроградского Университета и деятельности его в 1916–1917 уч. году (по 1 июля 1917 г.). – Пермь: Электро-Типография Губернского Земства, 1918. – С. 69. *Otchet ob otkrytii Permskogo Otdeleniya Petrogradskogo Universiteta i deyatel'nosti ego v 1916–1917 uch. godu (po 1 iyulya 1917 g.)* [Report on the opening of the Perm Branch of Petrograd University and its activities in the 1916/17 academic year (until July 1, 1917). In Russ.], Perm, Elektro-Tipografiya Gubernskogo Zemstva publ., 1918, p. 69.

[8] ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Ед. хр. 149. Л. 30, 30 об.; Ед. хр. 147. Л. 51. GAPK, fond R-180, series 2, item 149, p. 30, 30 verso; file 147, p. 51.

[9] ГАПК. Ф. Р-1443. Оп. 1. Д. 741. GAPK, fond R-1443, series 1, file 741.

[10] Там же. Ф. Р-180. Оп. 2. Ед. хр. 346. Л. 1. Ibid., fond R-180, series 2, item 346, p. 1.

[11] Там же. Ед. хр. 257. Л. 8. Ibid., item 257, p. 8.

[12] Там же. Л. 68. Ibid., pp. 68.

[13] Там же. Л. 59, 67. Ibid., p. 59, 67.

[14] Там же. Ед. хр. 623. Л. 14. Ibid., item 623, p. 14.

[15] Там же. Ед. хр. 257. Л.54. Ibid., item 257, p. 54.

[16] Там же. Ед. хр. 147. Л. 53. Ibid., item 147, p. 53.

[17] Пермский краеведческий музей (ПКМ). НВ 1580/18. Permskii kraevedcheskii muzei [Perm Local History Museum] (PKM). HB 1580/18.

[18] ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Ед. хр. 65. Л. 15. GAPK, fond R-180, series 2, item 65, p. 15.

[19] Личный состав ПГУ на 1917–1918 уч. год. – Пермь: 2-я Гос. Типография, 1918. – С. 3. *Lichnyi sostav PGU na 1917–1918 uch. god.* [The personnel of the PGU for the 1917/18 academic year. In Russ.]. Perm, 2-ya Gos. Tipografiya publ., 1918, p. 3.

[20] Там же. С. 3, 4. Ibid., pp. 3, 4.

[21] ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Ед. хр. 602. Л. 149. GAPK, fond R-180, series 2, item 602, p. 149.

[22] Там же. Ед. хр. 696. Л. 7, 23. Ibid., file 696, pp. 7, 23.

[23] Архив города Перми (АГП). Ф. 1419, 1411. *Arkhiv goroda Permi* [Municipal Archive of Perm] (AGP), fonds 1419, 1411.

[24] АГП. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 102, 109, 110, 112–116, 119–123, 125, 127–130, 132. AGP, fond 1411, series 1, file 102, 109, 110, 112–116, 119–123, 125, 127–130, 132.

[25] АГП. Ф. 1419. Оп. 1. Д. 2. Л. 14, 17, 18 об., 39. AGP, fond 1419, series 1, file 2, pp. 14, 17, 18 verso, 39.

[26] Там же. Л. 18 об., 21 об. –23 об., 37 об.–40 об., 93 об., 98 об.; Д. 36. Л. 1, 3, 4, 10–21, 23, 24. Ibid., pp. 18 verso, 21 verso – 23 verso, 37 verso – 40 verso, 93 verso, 98 verso; file 36, pp. 1, 3, 4, 10–21, 23, 24.

[27] Там же. Л. 11 об. Ibid., p. 11 verso.

[28] Там же. Л. 44. Ibid., p. 44.

[29] Там же. Л. 44 об. Ibid., p. 44 verso.

[30] Там же. Д. 47, 65. Ibid., file 47, 65.

Список литературы

Пустовалов, А. В. Стоя на плечах гигантов: зарубежная филология в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – Вып. 3 (35). – С. 134–139. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-134-139.

Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009). – Казань: Казанский ун-т, 2011. – 229 с.

Русские литературоведы XX века. Т. I: А–Л. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 532 с.

Espagne, M., Werner, M., Lagier, F. Le maître de langue. Les premiers enseignants d'allemand (1830–1850). Paris: Maison des Sciences de l'homme, 1991. 238 p.

Espagne, M. De l'archive au texte. Recherches d'histoire génétique. Paris: PUF, 1998. VI, 230 p.

References

PUSTOVALOV, A. V. *Stoya na plechakh gigantov: zarubezhnaya filologiya v Permskom universitete* [Standing on the shoulders of giants: Foreign philology at the Perm university. In Russ.]. IN: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2016, no. 3 (35), pp. 134–139. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-134-139.

Russkoe literaturovedenie v Kazanskom universitete (1806–2009) [Russian Literary Studies at the University of Kazan (1806–2009). In Russ.]. Kazan, Kazanskii un-t publ., 2011, 229 p.

Russkie literaturovedy XX veka [Russian literary scholars of the 20th century. In Russ.]. Vol. 1: A-L. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2017, 632 p.

ESPAGNE, M., WERNER, M., LAGIER, F. Le maître de langue. Les premiers enseignants d'allemand (1830–1850). Paris: Maison des Sciences de l'homme, 1991. 238 p.

ESPAGNE, M. De l'archive au texte. Recherches d'histoire génétique. Paris: PUF, 1998. VI, 230 p.

Сведения об авторах

Новокрещенных Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра мировой литературы и культуры, доцент, г. Пермь, Российская Федерация, 8-902-797-86-02, ira-tabunkina@mail.ru

Новокрещенных Виктор Владимирович, Архив города Перми, директор, 8-982-433-01-22, vv_nov_16@mail.ru

About the authors

Novokreshchennykh Irina Alexandrovna, PhD in Philology, associate professor, Perm State University, department of world literature and culture, assistant professor, Perm, Russian Federation, +7-902-797-86-02, ira-tabunkina@mail.ru

Novokreshchennykh Victor Vladimirovich, Municipal Archive of Perm, director, Perm, Russian Federation, +7-982-433-01-22, vv_nov_16@mail.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-412-590005р_а «Пермские филологи-зарубежники: биографии, труды, ученики».

Grant information

This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research and from the Perm Krai (project no. 18-412-590005р_а "Perm philologist studying foreign literature: Their biographies, works, students").

В редакцию статья поступила 29.07.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Новокрещенных, И. А., Новокрещенных, В. В. Личные дела и личные фонды филологов-зарубежников в архивах Пермского края: преемственность и новаторство // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 940–949. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-940–949

Submitted 29.07.2019, published (for citation):

NOVOKRESHCHENNYKH, I. A., NOVOKRESHCHENNYKH, V. V. *Lichnye dela i lichnye fondy filologov-zarubezhnikov v arkhivakh Permskogo kraya: preemstvennost' i novatorstvo* [Personal Files and Personal Provenance Fonds of Philologists Studying Foreign Literature in the Archives of the Perm Krai: Continuity and Innovation. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 940–949. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-940–949

УДК 34(09)(571.54)
DOI 10.28995/2073-0101-2020-3-950-951

В. Н. Казарин
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Издана история Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. 1839–1904 гг.

Victor N. Kazarin
Irkutsk State University, Irkutsk, the Russian Federation

The History of the Aginsk Steppe Duma in the Documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904) Has Been Published

Аннотация
В рецензии на сборники документов по истории Агинской Степной думы, подготовленными академиком Б. В. Базаровым, докторами исторических наук Б. Ц. Жалсановой, Л. В. Курасом отмечено, что опубликованы сотни новых архивных документов, составляющих целостное представление о правительственной политике в отношении одного из крупных коренных народов восточной России. Составители сборника выявили и представили документы, отражающие различные аспекты местного самоуправления Агинской думы, созданной на основе положений Устава об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского. Рецензия содержит краткую характеристику корпуса архивных документов, систематизированных по томам, раскрывает их информационную ценность. В документах представлены основные данные о должностных лицах думы, показана динамика ее кадрового состава от основания до прекращения деятельности этого органа местного самоуправления. Издание содержит совокупность документов о налоговой политике в отношении коренного населения, общественные приговоры, переписку по разрешению

административных и земельных споров в конце XIX – начале XX в. Авторы-составители опубликовали посемейные списки родов агинских бурят. В рецензии указано на информационную ценность развернутых комментариев, которые содержатся во всех томах издания, именных указателей, насчитывающих сотни фамилий. Особо отмечена иллюстративная составляющая трехтомника: сохранившиеся редкие фотографии должностных лиц Агинского ведомства, встречи цесаревича Николая Александровича в Забайкалье в 1892 г., депутата Государственной думы, потомков родов Забайкальской степи в советский период. Рецензия подчеркивает важность такого издания для исторических исследований по изучению правительственной политики в отношении коренных народов, соотношению государственной власти и местного самоуправления, социально-экономическому и культурному развитию восточных регионов в имперский период. Материалы трехтомника открывают для исследователя целые пласты оригинальных не опубликованных ранее документов. В рецензии отмечена ценность издания для историков, краеведов, архивистов, сотрудников музеев, а также для тех, кто занимается генеалогией своей родословной.

Abstract

The review of an anthology on the history of the Aginsk Steppe Duma published by academician B.V. Bazarov and drs. B.T. Zhalsanova, L.V. Kuras notes that hundreds of new archival documents offer a holistic view on the governmental politics concerning one of large ingenious peoples of East Russia. The composers have identified and presented documents reflecting various aspects of local self-government of the Aginsk Duma created on the basis of M.M. Speransky's Statute on the Inorodtsy of 1822. The review contains a brief characteristic of the archival documents corpus systematized in volumes and argues their information value. The documents contain data on the officials of the Duma, personnel structure in dynamics from its foundation to its termination. The edition offers an array of documents on tax policy pertaining to indigenous population, public censures, correspondence on administrative and land disputes at the turn of the 20th century. Authors-composers have published family lists of the Aginsk buryats. The review underscores the information value of the commentary included in all volumes of the edition, the nominal indexes numbering hundreds of surnames. The illustrative component of this three-volume edition is also emphasized: there are rare photos of officials of the Aginsk department, meetings of tsesarevitch Nikolai Aleksandrovich in Transbaikalia in 1892, deputy of the State Duma, descendants of families from the Transbaikal steppes in the Soviet period. The review emphasizes the importance of such edition for studying governmen-

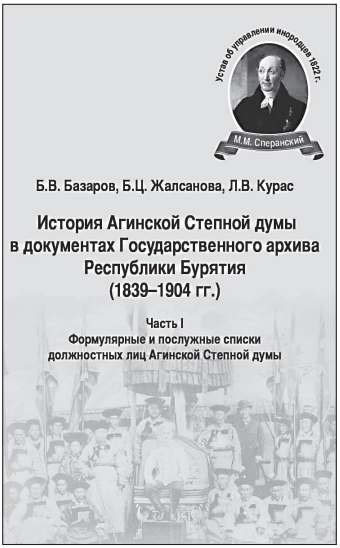
tal policies concerning ingenious peoples, balance of government and local self-government, social and economic and cultural development of East regions in the Imperial period. Materials of the three-volume edition open numerous unpublished documents to researchers. The review notes its value for historians, local historians, archivists, museums employees, and those researching their family tree.

Ключевые слова
Российская империя, Государственный архив Республики Бурятия, Агинская Степная дума, местное самоуправление, Забайкальская степь, имперский период, Устав об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Keywords
Russian Empire, State Archive of the Republic of Buryatia, Aginsk Steppe Duma, local self-government, Transbaikal steppes, Imperial period, M. M. Speransky's Statute on the Inorodtsy of 1822, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Рецензируемое трехтомное издание[1] можно отнести к уникальным по нескольким причинам. Во-первых, оно продолжило серию архивных сборников, в которые включены ранее не публиковавшиеся документы по истории Степных дум, созданные согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г., что само по себе не имеет аналогов в новейшем отечественном архивоведении и источниковедении. Во-вторых, самой Агинской думе принадлежит особое место в ряду 12 дум, созданных на территории компактного проживания бурят, одного из крупных коренных народов Азиатской России. В-третьих, среди изданных сборников этот наиболее объемный и детально проработанный.

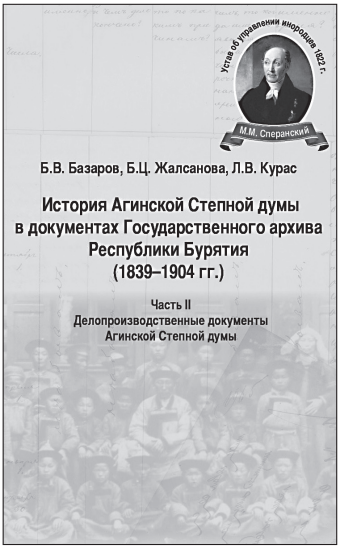
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН совместно с Государственным архивом Республики Бурятия (ГАРБ) издает сборники документов по истории Степных дум[2], получившие положительные отклики в профессиональном сообществе. Все собранные документы уместились в один том. Почему же документы по истории Агинской Степной думы составили внушительный



История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. I. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы: [сб. документов, перечень документов] / Авт.-сост. Б. В. Базаров, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; Науч. ред. Н. Н. Крадин. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 676 с.
Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.) [BAZAROV, B. V., ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), KRADIN, N. N. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904). In Russ.]. Part 1: *Formulyarnye i posluzhnye spiski dolzhnostnykh lits Aginskoi Stepnoi dumy: sb. dokumentov, perechen' dokumentov* [Records of service and histories of military service of the officials of the Aginsk Steppe Duma. In Russ.]. Irkutsk, Izd-vo "Ottisk" publ., 2017, 676 p.

трехтомник? Отмечу следующие обстоятельства. Агинская земля стала малой родиной видных отечественных общественных, государственных деятелей, видных ученых-востоковедов: П. Бадмаева, Г. Цыбикова, Ц. Жамцарано, Б. Барадина и других. Забайкальская область, в том числе Агинская степь, имела важное значение в двусторонних отношениях Российской и Цинской империй во второй половине XIX – начала XX в. Следует отметить также то, что благодаря хорошо поставленной работе по хранению и учету текущего делопроизводства в Агинской думе сохранилось огромное количество архивных единиц, кратно большее, чем в других думах.

Во вступлении к изданию заместителя председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Б. Б. Жамсуева высказана мысль о том, что «российское законодательство бережно относилось к самоуправлению сибирских инородцев, сохранив все лучшее, что было заложено в этническом управлении...» (Т. I, с. 4). Это положение находит подтверждение всеми материалами трехтомника. Авторы-соста-

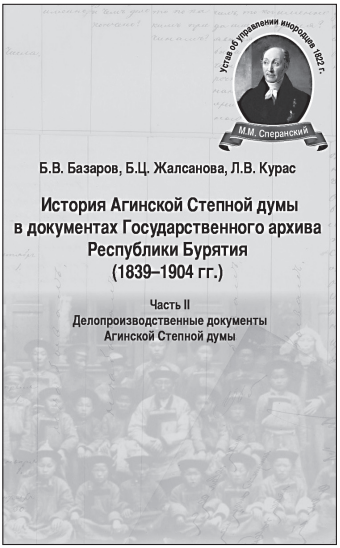


История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. II. Делопроизводственные документы Агинской Степной думы. – Иркутск: Оттиск, 2019. – 368 с.
Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.) [BAZAROV, B. V., ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), KRADIN, N. N. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904). In Russ.]. Part 2: *Deloproizvodstvennye dokumenty Aginskoi Stepnoi dumy* [Documents of management and record keeping of the Aginsk Steppe Duma. In Russ.]. Irkutsk, Izd-vo “Ottisk” publ., 368 p.

вители дали краткую, но весьма информативную справку по истории Агинской Степной думы, показав сам процесс реализации положений устава 1822 г. о создании дум с учетом мнения бурятских родов и мест их расселения.

Основное содержание первого тома составляют 178 впервые публикуемых архивных документов – послужных списков должностных лиц Степной думы с 1839 по 1904 г. Данные документы, расположенные строго в хронологическом порядке, извлечены из фонда № 129 «Агинская Степная дума» ГАРБ, в котором по описям хранится 5 233 дела за 1839–1916 гг. Все документы рукописные; третья часть из них написана на старомонгольском языке с переводами на русский язык, осуществленными писарями-переводчиками думы. В архивных материалах начала XX в. представлены краткие послужные списки, когда форма была значительно упрощена. Особый интерес представляют данные о тайшах думы[3].

Авторы-составители снабдили архивные документы подробными комментариями, содержащими развернутую информацию о персоналиях с учетом историографического изучения



История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. III. Ревизские сказки, посемейные списки агинских бурят Галзотского и Саганского родов. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 516 с.
Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.) [BAZAROV, B. V., ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), KRADIN, N. N. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904). In Russ.]. Part 3: Revizskie skazki, posemeinye spiski aginskikh buryat Galzotskogo i Saganskogo rodov [Poll taxes, family lists of the Aginsk buryat Galzotsk and Sagansk families. In Russ.]. Irkutsk, “Ottisk” publ., 2018, 516 p.

их биографий. Комментарии создают целостное представление через освещение личного участия ключевых фигур Агинского ведомства об истории Восточного Забайкалья в переломные периоды кризиса Российской империи начала XX в. Ощутимой помощью для исследователей является помещенный в томе тематический перечень документов думы начиная с 1728 г. (формально-юридически дума учреждена в 1839 г. и упразднена в 1904 г.) и заканчивая 1916 г. Всего насчитывается 2 548 документов. Авторами составлен именной указатель, насчитывающий более 400 имен, в той или иной степени упоминаемых в книге.

Во втором томе представлены делопроизводственные документы Агинской Степной думы. Это 154 документа, из них 138 опубликованы впервые. Они представляют несомненный интерес для исследователей и фокусируют внимание на вопросах межевания и оформления в собственность земель хоринских и агинских бурят, о буддийском духовенстве, о воинской повинности и о реформе управления – переходе от Степной думы к волостному правлению. Документы

содержат ценную информацию о налоговой политике в отношении коренного населения, общественные приговоры, сведения о получении образования видными деятелями бурятского народа. Информационную ценность придает публикация секретной переписки доверенных от Агинской думы в Санкт-Петербурге со своими тайшами по решению возникавших проблемных вопросов. Из 154 документов 44 откомментированы авторами.

В третьем томе, объемом более 500 страниц, публикуются ревизские сказки и посемейные списки агинских бурят Галзотского и Саганского родов. Почему именно их? В традиционно сложившейся иерархии агинских (хоринских) бурят Галзот считается старшим. Это позволило восстановить генеалогию своих родов, которую, согласно источникам, подавляющее большинство бурят до советского периода знали до седьмого колена.

Составленные авторами комментарии значительно расширяют информационную ценность опубликованного архивного материала, поскольку прослеживают и уточняют родословные видных представителей агинских бурят. Материалы тома ценны введением в научный оборот архивных документов по генеалогии агинских бурят, что является несомненным вкладом в социокультурную идентификацию многочисленного народа России. Информационную ценность изданию в целом придает подробная географическая карта Агинской Степной думы на конец XIX в., составленная Б. З. Нанзатовым. Авторами тщательно подобраны фотографии из фондов ГАРБ и Национального музея Республики Бурятия.

Перед нами не только коллекция опубликованных, в подавляющем большинстве впервые уникальных архивных документов, но и развернутые комментарии исследователей, редкие фотографии, карта, перечень имен. Вполне ожидаемо, что исследователями, использующими материалы трехтомника, будут открыты новые страницы истории Азиатской России.

Примечания

[1] История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. I. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы: [сб. документов, перечень документов] / Авт.-сост. Б. В. Базаров, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; Науч. ред. Н. Н. Крадин. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 676 с. *Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.)* [BAZAROV, B. V., ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), KRADIN, N. N. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904). In Russ.]. Part 1: *Formulyarnye i posluzhnye spiski dolzhnostnykh lits Aginskoi Stepnoi dumy: sb. dokumentov, perechen' dokumentov* [Records of service and histories of military service of the officials of the Aginsk Steppe Duma. In Russ.]. Irkutsk, Izd-vo "Ottisk" publ., 2017, 676 p.; История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. II. Делопроизводственные документы Агинской Степной думы. – Иркутск: Оттиск, 2019. – 368 с.; . *Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.)* [BAZAROV, B. V., ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), KRADIN, N. N. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904). In Russ.]. Part 2: *Deloproizvodstvennye dokumenty Aginskoi Stepnoi dumy* [Documents of management and record keeping of the Aginsk Steppe Duma. In Russ.]. Irkutsk, Izd-vo "Ottisk" publ., 368 p.; История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. III. Ревизские сказки, посемейные списки агинских бурят Галзотского и Саганского родов. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 516 с. *Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1839–1904 gg.)* [BAZAROV, B. V., ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), KRADIN, N. N. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904). In Russ.]. Part 3: *Revizskie skazki, posemeinye spiski aginskikh buryat Galzotskogo i Saganskogo rodov* [Poll taxes, family lists of the Aginsk buryat Galzotsk and Sagansk families. In Russ.]. Irkutsk, "Ottisk" publ., 2018, 516 p.

[2] История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; Науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 352 с.; *Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1824–1889 gg.): sb. dokumentov, perechen' dokumentov* [ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), BAZAROV, B. V. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from

the State Archive of the Republic of Buryatiya (1824–1889): Anthology, list of documents. In Russ.]. Irkutsk, "Ottisk" publ., 2015, 352 p.; История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов] / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; Науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 592 с.; *Istoriya Khorinskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1825–1904 gg.): sb. dokumentov* [ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), BAZAROV, B. V. (ed.). History of the Khorin Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1825–1904): Anthology. In Russ.]. Irkutsk, Izd-vo "Ottisk" publ., 2016, 592 p.

[3] Тайша – высшее звание в старобурятской иерархии думы.

Список литературы

История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; Науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 352 с.

История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов] / Авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; Науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 592 с.

References

Istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1824–1889 gg.): sb. dokumentov, perechen' dokumentov [ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), KRADIN, N. N. (ed.). History of the Aginsk Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1824–1889): Anthology, list of documents. In Russ.]. Irkutsk, "Ottisk" publ., 2015, 352 p.

Istoriya Khorinskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1825–1904 gg.): sb. dokumentov [ZHALSANOVA, B. C., KURAS, L. V. (comps.), BAZAROV, B. V. (ed.). History of the Khorin Steppe Duma in documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1825–1904): Anthology. In Russ.]. Irkutsk, Izd-vo "Ottisk" publ., 2016, 592 p.

Сведения об авторах

Казарин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет, Юридический институт, кафедра конституционного права и теории права, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация, 8-395-252-11-82, kazarinvik@yandex.ru

About the authors

Kazarin, Victor Nikolaevich, PhD in History, professor, Irkutsk State University, Law Institute, department of constitutional law and theory of law, professor, Irkutsk, Russian Federation, +7-395-252-11-82, kazarinvik@yandex.ru

В редакцию статья поступила 15.09.2019 г.,
опубликована (для цитирования):

Казарин, В. Н. Издана история Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. 1839–1904 гг. // Вестник архивиста. – 2020. – № 3. – С. 950–959. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-950-959

Submitted 15.09.2019, published (for citation):

KAZARIN, V. N. *Izdana istoriya Aginskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya. 1839–1904 gg.* [The History of the Aginsk Steppe Duma in the Documents from the State Archive of the Republic of Buryatiya (1839–1904) Has Been Published. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist,* 2020, no. 3, pp. 950–959. doi 10.28995/2073-0101-2020-3-950-959

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
This publication is funded by the Federal Agency for Print and Mass Media

РЕДАКЦИЯ медиагруппы: «Вестник архивиста» (печатная версия); сетевые журналы «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.herald-of-an-archivist.com) – на английском языке; «Вестник архивиста.TV» (www.vestarchive.tv) – видеожурнал:

И. А. Анфертьев – доктор исторических наук, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); В. В. Борисов – редактор и системный администратор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); М. Е. Заболотникова – дизайн и верстка (г. Москва, Российская Федерация); З. П. Иноземцева – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); М. С. Исакова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан); С. В. Кулинок – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь); К. И. Ляшенко – магистр истории, редактор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); Е. Ю. Нуйкина – магистр истории, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); Д. И. Петин, кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Сибирском федеральном округе (г. Омск, Российская Федерация); С. В. Потапенко – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Украине (г. Киев, Украина); В. Б. Прозорова – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе (г. Париж, Франция); Д. В. Савин – ведущий научный редактор (г. Москва, Российская Федерация); М. А. Скляр – редактор-переводчик печатной версии журнала и сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); О. Н. Солдатова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of the magazines group: 'Herald of an Archivist', 'Herald of an Archivist.ru', 'Herald of an Archivist.com' and 'Herald of an Archivist.TV':

I. A. Anfertiev – PhD in History, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); V. V. Borisov – editor and system administrator of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); M. E. Zabolotnikova – design and lead out (Moscow, Russian Federation); Z. P. Inozemtseva – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); M. S. Isakova – PhD in History, director of the magazine branch in Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); S. V. Kulinok – PhD in History, director of the magazine branch in Belarus (Minsk, Belarus); K. I. Lyashenko – Master of History, editor of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); E. Yu. Nuykina – Master of History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); D. I. Petin, PhD in History, director of the magazine branch in the Siberian Federal District (Omsk, Russian Federation); S. V. Potapenko – PhD in History, director of the magazine branch in Ukraine (Kiev, Ukraine); V. B. Prozorova – PhD in History, director of the magazine branch in Europe (Paris, France); D. V. Savin – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); M. A. Sklyar – editor-translator of print magazine and online magazine (Moscow, Russian Federation); O. N. Soldatova – PhD in History, director of the magazine branch in the Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Допечатная подготовка выполнена в Издательском центре
Российского государственного гуманитарного университета (ИЦ РГГУ).
Подписано в печать 0☹.0☹.2020 г. Печать офсетная. Формат 60×84 1/16.
Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № 938
Отпечатано: ИЦ РГГУ, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская площадь, д. 6. Тел.: 8-499-973-42-05; 8-499-973-42-00
Prepress by the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities.
Signed to print 15.11.2018. Offset print. Format 60 x 84 1/16. Volume of 20 printed sheets.
Printrun of 1000 copies.
Printed in the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities,
Miusskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125993. Tel.: 8-499-973-42-05; 8-499-973-42-00